

ДМИТРИЙ ЕФРЕМОВ

ПОЛЕТ
ЯПОНСКОГО
ЖУРАВЛЯ

Р
О
М
А
Н

16+

Дмитрий Глебович Ефремов

Полёт японского журавля. Я русский

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43623195

SelfPub; 2019

Аннотация

1945 год. Волны судьбы забрасывают японского юношу в СССР, где его ждёт ГУЛАГ, настоящая дружба, трагическая любовь, чужое имя и роль разведчика. Годы пролетят как сон, и в нём он увидит золотоносные рудники, где жизнь бьёт через край, войну в Корее с её смертью и подвигами, китайского «Бумажного тигра» и долгожданное возвращение домой, от которого придётся отказаться. Идзима Сунтаро... Невыдуманная история человека, пронёсшего через всю жизнь любовь к Родине и России.

Для обложки книги использована композиция с печатного издания «Полёт японского журавля». «Белые Альвы» Москва 2018. Собственность автора.

Книга вторая: Я русский.

Лагерь.

Перед Синтаро сидел светловолосый офицер в красивой военной форме с красными погонами, курил папиросу, и внимательно смотрел прямо в глаза Синтаро. Во время допроса он прекрасно говорил по-японски, неотрывно слушал, и всё время делал пометки в тетради. Поодаль сидел ещё один офицер, тоже светловолосый, но более плотный, с отстранённым взглядом, словно ему было скучно. Синтаро понимал, что от сказанного им будет зависеть его судьба, и поэтому долго думал перед тем, как что-то сказать.

– Пожалуйста, повторите ещё раз, как вы перешли границу, сколько вас было человек, как их звали... – Снова предложил офицер.

Синтаро уже не помнил, сколько раз повторял свою историю плавания и ночного бегства, он уже хотел наругать русскому, но деликатный и спокойный тон военного, сбивал его с агрессивной волны, и Синтаро вновь начинал свой рассказ.

– Вы не волнуйтесь, соберитесь с мыслями. Поймите меня правильно, Идзима, мне необходимо знать буквально все

подробности, это для вашей же пользы. Итак, ваше имя, имя вашего товарища, откуда вы, как попали в Корею... Сколько дней вас везли до Кореи, сколько человек, хотя бы примерно, ехало с вами. Всё подробно, не спеша, уверяю вас, торопиться вам некуда, времени много, рассказывайте.

Когда Синтаро в очередной раз закончил свой рассказ, офицер подвинулся ближе и показал тетрадь с записями и рисунками, сделанными Синтаро, указывая на обведенное карандашом место. – Вот здесь мне кое-что не понятно. Ваш товарищ до этого говорил, что вокруг полей, где вы работали, болотистая местность, и что он не видел военной техники, когда вас везли в кузове машины. А вы сказали, что с кузова видели как тренируются солдаты. Кстати, какой марки машина, вы можете сказать?

Синтаро покачал головой и опустил глаза. Он понял, что офицер раскусил их с Изаму договоренность не сообщать на допросе о той военной технике, которую они видели, когда двигались на север. Скорее всего, Изаму сказал лишнего, или его поймали на лжи, и теперь Синтаро надо было решить, как вести себя дальше. Он понимал, что в них видят шпионов, и могут просто пустить в расход.

– Вы не волнуйтесь Идзима, я прекрасно понимаю ваше положение, вы молодой, растерялись. Не трудно догадаться, что вы не солдат, это заметно. Но идёт война, Япония на стороне гитлеровской Германии ведёт военные действия против наших союзников, поэтому мне нужно, чтобы вы рассказали

всё, что знаете об этой стороне дела. Всё, что знаете. Придумывать ничего не надо, только то, что вы лично видели или слышали. Расскажите о распорядке, чем вас занимали, когда вы стали солдатом. Мне интересна анкета, которую вы заполняли, кто был вашим командиром отделения, кто командовал ротой. Вспомните фамилию того офицера, который агитировал вас вступить в армию. Если вы будете говорить неправду, как ваш товарищ, то какой смысл нам тратить на вас время?

Эти слова поставили всё на свои места. Синтаро осознал, что они особенно и не нужны вместе с их сведениями, а дело лишь в том, говорят они правду или нет. Русские самолёты бомбили японские укрепления, а русские солдаты уже шли в атаку. Всё, что он мог рассказать, русским было уже известно, и не было никакого смысла молчать. То, о чем они договорились с Изаму, пока их везли в машине, уже ничего не стоило, а лишь запутывало их самих. Он не знал, о чём мог сказать Изаму, поэтому решил говорить начистоту.

– Мы боялись стать предателями, поэтому решили не говорить о военной технике, – приглушённо начал Синтаро. – Офицер утвердительно кивнул, улыбнулся и придвинул к нему карандаш и листок бумаги. – Нарисуйте всё, что видели и потом будете свободны, разумеется, условно.

Синтаро снова стал наносить на бумагу всё, что помнил. Сначала у него не получалось, поскольку листа всё время не хватало, тогда офицер подкладывал ещё листок.

– Ну вот, теперь и мне становится понятно, – довольный результатом сказал следователь, переведя взгляд на другого офицера. Они несколько минут разговаривали и о чем-то спорили, сравнивали рисунок с картой, временами поглядывая на Синтаро, отчего тот догадался, что именно сейчас решается его судьба, по крайней мере, на ближайшее время.

– А вы молодец, Идзима. У вас неплохая память и хорошие графические способности. Можно подумать, что вас специально обучали этому.

Синтаро смутился, но ничего не ответил. Он не мог рассказывать про то, как когда-то ему тренировал память китаец Ли Вей, как учил запоминать всё, что видел на улице Синтаро в своих путешествиях по городу, а затем на земле рисовать по памяти. Вспомнив об этом, Синтаро задал себе вопрос: а для чего собственно, Ли Вей обучал его этому искусству. Не для того ли, чтобы именно сейчас передать врагу то, что является государственной тайной. Он вспомнил странную и таинственную смерть китайца, и испытал непонятное чувство растерянности, будто в нём что-то цельное и определённое, разрушилось, и образовалась пустота, куда его неудержимо втягивает. Ему стало страшно.

... – Я правильно произнёс вашу фамилию?

Синтаро вернулся в настоящее и растерянно кивнул. Произношение офицера действительно было хорошим. Будь перед ним азиат с узкими глазами, он и не подумал бы, что это не японец. – Вы говорите так же, как мой отец, – без смущения

ния сказал Синтаро.

– Ну, об отце вашем мы поговорим после, а пока о деле. В одном месте вы упомянули о каком-то китайце, он плыл с вами, а потом пропал. Не так ли? Мне непонятно, как он мог оказаться в Японии. Вам что-нибудь известно об этом? Как он попал в число осуждённых? Вы сказали, что он пропал. Быть может, его столкнули с баржи? Или всё-таки шторм виноват?

Синтаро задумался, высвечивая в памяти все подробности, связанные с Ли Веем. Ему показалось странным, что русский офицер задаёт вопросы о нём. Было непонятно, зачем русским знать о каком-то старике.

...– И вот ещё странность. Это ведь ваш? – Офицер выложил на стол крестик. Синтаро смутился, до этого он думал, что потерял крестик, он даже не мог вспомнить, когда его могли снять. – Откуда он у вас? Поверьте, за свою долгую службу я ни разу не встретил крещёного японца. Синтаро покраснел и вынужден был рассказать, как крестик стал его собственностью. Во время его рассказа о Ли Вее офицер несколько раз поворачивался к своему товарищу и что-то ему коротко говорил.

... – Ну что ж, рассказ ваш интересен. Крестик пока останется у нас, волноваться не стоит, вам его вернут, если... Мы немного ушли от главной темы. Вы можете на карте показать, в каком месте вышли на озеро? Если верить вашему рассказу, то после бегства, вы смогли преодолеть около сотни ки-

лометров. – Офицер придвинул к Синтаро большую серую карту, на которой должно было находиться озеро. Синтаро оглядел её со всех сторон и замотал головой. Офицер улыбнулся и ткнул пальцем в карту. – Конечно, откуда вам знать. Вот это место, если ваше описание не выдумка. Мне непонятно вот что. Вы говорили, что в этом месте происходило что-то странное, но вы не могли этого видеть, поскольку разведывать берег ходил ваш товарищ. Не стану вас путать, и тем более заставлять фантазировать. Выясним у вашего товарища. Это всё проверят на месте, а пока отдыхайте. Рисунки ваши мы ещё будем сверять с картой, но, похоже, что вы не обманываете. Вас накормят и дадут новую одежду, вашему другу тоже.

Их поместили в светлую, с зарешёченным окном комнату, с двумя железными койками без матрацев, напротив окна стоял стол и два стула. На столе лежала стопка бумаги и карандаши. До этого их накормили кашей, вкус которой был незнаком. Есть её пришлось деревянными ложками. Прощаясь, офицер предложил подробно написать о своём прошлом, и Синтаро, как только они остались одни, сел записывать.

– Ты что спешишь, как глупая корюшка в сачок. Мало тебя муржили русские? С самого утра как прибитые к стулу, у меня в спине болит. – Изаму завалился на кровать и накрыл голову краем серой куртки, – ты как хочешь, а я буду спать. Пусть русские меня расстреливают, а я, всё равно, спать хо-

чу. Лучше не буди меня, побыю.

– Но скоро стемнеет, и ты не сможешь писать в темноте. А завтра...

– Завтра будет только завтра, пробурчал Изаму. – Мне наплевать на то, что будет завтра. Я буду спать. – Изаму некоторое время ворочался на голой сетке, а затем засопел. Синтаро был удивлён поведением друга, и стал размышлять над его словами. Он не знал, что будет завтра, но Изаму, это как раз совсем не волновало. Он жил тем, что имел. Именно об этом когда-то рассказывал Ли Вей. Им надо было жить по законам происходящего, и не фантазировать о будущем, тем более, омрачать его тяжёлыми мыслями. Синтаро тоже улёгся на койку и закрыл глаза, но спать совсем не хотелось. Дверь открылась, солдат принёс лампу, и показал, как делать свет ярким. Синтаро удивило, что в поведении военного не было никакой агрессии и недовольства. Наоборот, глаза его, взгляд, говорили о добром расположении, словно они не были вражескими японскими солдатами. Он вспомнил, как в Корее мимо лагеря, где они работали, провели человека, это был не азиат. Его вели на верёвке, словно животное, и всё время толкали в спину прикладами. Никто не знал, кем был этот человек, одни говорили, что русский диверсант, прыгнувший с парашютом, другие, что беглый, которого хотели расстрелять большевики. Но, в любом случае, обращались с пленным не так, как сейчас с ними. Их ни разу не ударили, и хоть долго допрашивали, но относились как к людям, на-

кормили, и одели в сухую одежду. Эта разница вынуждала Синтаро думать, что о русских говорили много неправды, и причин высокомерно задирать голову или замыкаться у него нет. Он снова вспомнил слова Ли Вея, что русских лучше не обманывать, а за правду голову не рубят. Мысли не давали Синтаро расслабиться, он сел к столу и стал записывать всё, что помнил о своём детстве, о последних годах своей жизни, об отце и матери. Неожиданно из глаз полились слёзы, он увидел перед собой, словно в объёме, свой дом и брата, помогающего отцу сажать дерево у крыльца дома. Как давно это было, и увидит ли снова Синтаро свой дом и родных? Этого он не знал. Он писал почти до утра, пока в лампе не закончился керосин. Фитиль погас, а вместе с ним и все мысли, что окружали Синтаро тесным кольцом. Он так и остался сидеть на стуле с упавшей на руки головой до того момента, пока не услышал сквозь сон шум за окном. За плотной стеной зелени он не мог видеть, что шумело, но догадался, что военная техника, может быть, танки. Когда он открыл глаза, напротив сидел всё тот же офицер, и, улыбаясь, читал записки Синтаро.

– У вас была счастливая жизнь Идзима-сан. В отличие от вашего товарища, хотя, что я говорю. Не моё это дело сравнивать. Мне, признаться, вас искренне жаль, но служба есть служба, я должен делать своё, как прописано в нашем законе.

Изаму уже не спал, сидел на краю кровати и недовольно комкал в ладонях листок бумаги, наспех заполненный неров-

ными строчками иероглифов. Офицер почти не обращал на него внимания.

– Хочу, наконец, представиться, – заявил офицер. Моя фамилия Вязов, как вы поняли, наверное, я из органов госбезопасности. Так и обращайтесь ко мне, «товарищ Вязов». Надеюсь, мы поладим в будущем, а пока скажу, что вас переведут, временно, конечно, в лагерь предварительного содержания. Это до окончания следствия. А там посмотрим. И, как обещал, возвращаю вам ваш крестик. Храните его.

О том, что пограничники задержали двух странных японцев, Илья Ильич Вязов узнал на следующий день и уже через несколько часов выехал на место. По опыту прошлых задержаний он знал, что в таких случаях время терять нельзя, а когда фронт двигался со скоростью сто километров в сутки, любые сведения о тыле японцев были на вес золота. За годы оккупации Маньчжурии японцы успели создать плотную линию оборонительных сооружений, о боеспособности которых могли узнать лишь в последний момент, когда уже было поздно; терять личный состав в конце войны было вдвойне обидно. Поэтому Вязов и был очень заинтересован в сведениях японцев. Но его ожидания не оправдались, оба японца были растерянными, явно не имели отношения к регулярной армии, и ничего полезного на допросе не поведали. Ладейников отчасти был прав, возня с ними в планы внешней разведки уже не входила, и было естественно избавиться от них. Но количество пленных с каждым днём росло в

геометрической прогрессии, и потому было нелепо именно этих юнцов пускать в расход как диверсантов. В этом не было смысла, ни военного, ни человеческого. Единственное, чего опасался майор, это то, что в его решении начальство могло усмотреть излишнее самоуправство. Поэтому на допрос он пригласил Ладейникова. Два разных мнения могли вывести на правильную линию. Японцы представляли интерес, но какой, об этом Вязов ещё не знал, лишь интуитивно видя очень далёкую перспективу. А пока перебежчикам была прямая дорога в лагерь для военнопленных.

– Знаешь, Андрей Петрович, – обратился Вязов к молчавшему всё время допроса майору, – в этих японцах что-то есть.

Ладейников приподнял одну бровь, не отрывая взгляда от стула, на котором только что сидел второй беглый японец. Длительный допрос утомил и его, и ему уже хотелось поскорее закончить. – А по мне пустить их в расход, как шпионов, и одной проблемой меньше.

– В расход пустить, это проще всего, а мы с тобой работать должны. И потом, жалко мне их, совсем пацаны, особенно этот. Война вот-вот закончится, может, ещё пригодятся.

– Что нам, лес валить некому? – усмехнулся Ладейников. – Этого добра хоть отбавляй, а этих ещё одеть-обуть надо, языка они не знают. А, может, их в Находку отправить? Там они среди своих будут, если ты так о их жизни печёшься. Но я бы не стал обременять себя, хотя... Что-то в них,

действительно, есть. Особенно в молодом. Как он быстро сообразил, что его дружок наболтал лишнего. Даже глазом не повёл. За полгода корейский язык успел освоить, китайский знает. Готовый материал, можно сказать. Его рассказ о крещёном китайце тоже заслуживает внимания. Пожалуй, это место надо будет проработать более тщательно.

– Да, с китайцем действительно странно. Голова у парня работает, и заметь, как нарисовал, подробно и понятно. Мы годы тратим на подготовку кадров, а тут такой материал. Для меня это настолько очевидно...

– Давай не торопиться, Илья. Пусть посидят с месячишко у Потапова, да нет, недельки две, пожалуй, хватит, пусть за ними посмотрят его люди. Как они с нашим братом будут общаться, может немного пощипают их там, проверят на вшивость, так сказать. Чтоб знать, как они себя в лагере поведут. А я пока рапорт подготовлю, пусть там решают. В любом случае, транзитки им не избежать. Здесь мы с тобой бессильны что либо изменить.

– Да, транзитка здесь кстати, хотя, сколько эта транзитка проглотила народа... Это что жернова. Не потеряем мы их там? Думаю, что их сразу надо отгородить от своих. Пусть бы в русском котле поварились, попробовали, так сказать, наших щей. Глядишь, и что-то получилось бы.

– Да, получилось. Это ж надо договариваться, место подобрать. Их же там могут в порошок стереть. – Ладейников задумался на минуту, глядя в окно. – А знаешь, может оно к

лучшему. Если выживут, то материал выйдет хоть куда, будет из чего лепить. А нет...

– А на нет и суда нет, – пошутил Вязов.

– Тебя не поймёшь, Илья Ильич. То ты трясёшься за них, то шутишь. Ладно, пока к Потапову для временно задержанных, а там жизнь покажет. Транзитка, так Транзитка.

В камере, куда посадили Синтаро и его друга, находились человек десять. Там были и военные, и гражданские. Новеньким указали на верхний настил из досок, где кто-то спал.

– Симоненко, слезай на выход, – скомандовал охранник, и слегка ткнул рукой человека наверху.

– Вещи можешь не брать, – пошутил кто-то. В камере дружно рассмеялись.

– Надолго будет помнить самоволочку, – добавил другой голос. Уже с первого взгляда было видно, что камера была поделена на две группы. Несколько военных особняком держались рядом с небольшим, почти под потолок, зарешёчным окном, в другом тёмном углу, отдельно, сидели на нарах гражданские.

– Да к нам пополнение! – воскликнул один из гражданских – невысокий мужчина, с большими пушистыми усами. Играя колодой карт, он подошёл почти вплотную к Изаму и толкнул его плечом. – Сыграем, на твой пиджачок? На кон ставлю дырку от бублика.

Народ оживился. Симоненко уже успели увести.

Изаму глупо улыбнулся и тоже слегка толкнул незнакомца в плечо. Усатый сделал удивлённое лицо, кончики его усов слегка приподнялись, потом он расхохотался и протянул свою ладонь. – Семён Будённый или просто Сёма. Вон тот, что слева, это Вася. Василий. Это Пётр, тот, что носки штопает, это Степаныч. Ну а я, Будённый. Значит, Вася, Пётр и Степаныч. А этих можно одним именем называть, товарищ старший лейтенант. Тебя как звать? Не иначе Херохито.

– Кончай людям мозги засирать, товарищ старший лейтенант. Не Херохито, а Хирохито, – поправил военный.

Народ дружно рассмеялся. Хохот был настолько заразительным, что Синтаро тоже стал смеяться, тыча пальцем в друга и повторяя понятую шутку русского.

– Какой такой херо? – продолжали заводиться заключённые. Вместе с ними смеялся и Синтаро.

– Прекрати смеяться, Синтаро, мне совсем не смешно, – возмутился Изаму. – Тебя бы назвали именем императора, чтобы ты чувствовал?

– Брось Изаму, не обижайся. Они шутят. У них язык такой, мне Ли Вей рассказывал. Им скучно здесь, а тут мы пришли, новенькие, вот они и развлекаются.

– Да они, братцы, и вправду, японцы! Ну, япона мать! – продолжал валять дурака Будённый, и нарочито хитро сузил глаза. Он попытался повторить произнесённую новеньким японцем фразу, но запутался в звуках и снова расхохотался.

ся, потом вытянул из колоды карту, всунул её в середину и предложил Изаму сдвинуть колоду. Изаму, не размышляя, сдвинул.

– Семён, не пугай парня, а то ещё подумает, что ты волшебник.

– А я и так волшебник, – подмигнул Будённый, раскладывая карты на краю деревянных нар.

– Был бы волшебником, здесь бы не сидел, – произнёс один из военных.

– А мне и здесь неплохо, товарищ старший лейтенант. Тепло, кормят своевременно. Пару бабёнок бы ещё, помяснее, эх, было бы весело.

– Погоди, ещё поведут по глухому-то коридору, не до бабёнок будет.

– Да, слепой как сказал, посмотрим... – не унывал Будённый.

Время от времени, к новеньким подсаживались все, кто находился в камере, и с помощью жестов пытались завязать разговор, а заодно узнать кто они такие.

– Слышь, братва. Малой гутарит, что они ниппон. Это что, японцы букву «я» не могут выговаривать? – спросил Семён, не расставаясь с колодой карт.

– Я последняя буква в алфавите.

– Всё они могут, только стесняются, – бухтя себе под нос сказал тот, кого Будённый назвал Степанычем.

– Как думаешь, Степаныч, они успели пострелять в на-

ших?

– Эти нет. Не похоже на вояк. Охрана сказала что перебежчики. Молокососы по виду.

– А может, и диверсанты, – добавил рассудительно Вася.

– В расход, значит, – безучастно произнёс Степаныч.

– Ты какой шустрый Степаныч. В расход... Пусть поработают на стройках пятилетки сперва, а потом и в расход можно, – предложил Вася.

– На диверсантов они не похожи, заморены быстро. Эти больше на каторжан смахивают, – вступил в разговор ещё один из военных. – Я слышал, у них строго.

– А ну, японка мама, кончай горевать, давай к нам в компанию, в картейки партейку. Что время зря терять? – предложил Семён. – Сегодня оно есть, а завтра может и не быть. «Будённый», это моя кличка. Усёк? За усы мои. Бабы, знаешь, как усы любят. Эх, пощекотать бы кого между...

– Помолчи уж, фантазёр, – усмехнулся Степаныч, не отрываясь от своего занятия.

Один из сокамерников подсел к Семёну, подмигивая новеньким. Изаму переглянулся с другом, показывая взглядом, что он непротив поиграть. Синтаро отказался.

Играли в дурака. Изаму быстро освоил правила, и вскоре, после нескольких партий, решили играть на интерес. Изаму был в приподнятом настроении и нечего не понял. Следующую партию он проиграл, и усатый бесцеремонно показал жестом, что проигравший должен платить. Пока игра-

ли, Синтаро внимательно наблюдал со стороны. Игра казалась простой, но завлекательной. Он уже хотел подсесть, чтобы поддержать друга, как неожиданно заметил, что усатому один из приятелей подсовывает лишнюю карту. Синтаро без промедления подскочил, и ухватил его за рукав, но карты уже не было. Будённый словно ждал этого мгновения, схватил Синтаро за шиворот и стал душить. – Ты это брось, шпионская морда. Простачка из себя строили, а подготовочку-то видно. Ишь, какой шустрячёк, узрел фокус, даром что узкоглазый. Сейчас мы из вас спесь-то выбьем, япона мать! Говори, с какой целью перешёл границу.

Изаму не медлил, и бросился выручать друга, но запутавшись в чужих ногах, рухнул на пол. На него тут же навалились двое сокамерников.

– Ну что, доигрались, вражьи дети? – заорал Будённый. Синтаро готов был стоять до последнего, но крепкие руки усатого не отпускали. Единственное, что мог позволить Синтаро, это гневно смотреть на всех, кто был вокруг, его скулы налились свинцом, а в груди всё горело от злобы и страха. Он не ожидал, что первое знакомство с русскими будет таким бурным. Все рассказы Ли Вея о доброте русского человека не вязались с тем, что он видел сейчас. Он с трудом всё же высвободил руку, и сам не зная почему, вытащил из кармана крестик, и полоснул им по лицу обидчика. На щеке Буденного сразу же проявилась багровая полоса.

– Нихрена себе! Япона мать. Вот это реакция, – изумился

Семён, отпуская Синтаро.

– Оставь его, – приказал один из военных, до этого только наблюдавший за происходящим. – Чего парня до белого каления доводишь?

– Ах ты, япона мать! – изумился Будённый, проводя ладонью по щеке. – Ещё немного, и без глаза оставил бы. Чуть харакири мне на лице не сделал, – пожаловался Семён, словно ища поддержки у друзей.

– Ну да, хотел пукнуть, а вышло какнуть, – пошутил кто-то из дружков. В камере дружно рассмеялись, и Семён громче всех остальных.

– А ты чем это меня? Ну-ка, дай гляну. Крестиком что ли? Ты что, крещёный, что ли?

Синтаро кивнул, догадавшись, что речь именно о его крестике.

– Братва, да он православный, кажись. Ну, тады живи, – немного расстроившись, что драка не удалась, согласился Будённый, подойдя к военным. Среди них был немолодой старшина с сединой на висках, с такими же пушистыми, как у Семёна, усами. Поперёк его правой брови тянулся багровый рубец, из-за чего один глаз казался больше другого. – Да ты не волнуйся старшина, сейчас помиримся.

– Оставь его, балаболка, говорю тебе.

Семён подмигнул военному и что шепнул на ухо. Тот приподнял одну бровь, и улыбнувшись, кивнул. Подойдя к японцам в углу, готовым стоять до последнего, солдат ласково по-

глядел на них и сипловато рассмеялся. Потом похлопал Синтаро по плечу, указывая на крестик:

– Ты паря, с этим не балуй. Это не оружие. Меня вон, всю войну оберегал. – Он аккуратно вынул из-под тельняшки медный крестик, снял его с шеи, и показал японцам. Вот, всю войну не снимаю. Один раз тока не уберёг, от строптывого командира, за что вот и сижу тут. А ну, дай глянуть. Точно крестик?

Синтаро, видя, что намерения солдата мирные, медленно вытянул руку.

– Не бойсь, не отыму. Ну, так и есть, православный. Крестик-то, кажись, серебряный. Откуда у тебя он? Я говорю, кто дал?

– Нашёл, что спросить. Он же по-русски ни хрена не соображает, – рассмеялся Семён.

– Ну, мало ли, может, поймет.

– А ты его поучи языку, – предложил старшина. – Всё лучше, чем в карты резаться.

– Во-во, начни с того, что такое японская мать, – предложил лейтенант. Его шутка вызвала оглушительный смех, потом Семён взялся учить новеньких языку, и разумеется, начал с колоды карт.

Один раз в день их выводили в тесный дворик, окружённый красными кирпичными стенами, заключённых было много, и на двух азиатов уже никто не обращал внимания. Лишь однажды к ним подошёл молодой китаец, и стал что-то

восторженно рассказывать, но потом, сообразив, что ошибся, расстроился и отошёл.

Дни в камере проходили однообразно, кто-то пел песню, другие тихо подпевали. Синтаро нравилось мелодичное звучание песен, содержание которых было непонятно, но заставляло проникаться этой мелодией. Он пробовал подпевать, чем вызвал симпатию Степаныча. Однажды подсев к Синтаро тот молча показал ему несколько фотографий. На них были люди со светлыми лицами, и Синтаро удивило, что все дети, а их у Степаныча было много, были с белыми волосами. Это произвело на него такое впечатление, что Синтаро долго не мог оторвать взгляда от снимков. Синтаро понял, что перед ним не военный, а просто человек, который вынужден был оставить семью и дом, и пойти воевать.

Во время общения Синтаро часто использовал приёмы, которым его обучал Ли Вей во время занятий. Это было забавным, вспоминать эти хитроумные и вместе с тем эффективные упражнения по развитию памяти. Теперь они помогали Синтаро быстро осваивать русский язык. Для этого Синтаро брал первую попавшую на глаза вещь, и требовал, чтобы её называли. Народ усмехался, но игру принимали как должное. Через неделю Синтаро знал на память всё, что находилось в камере, включая даже тараканов. Потом он усложнил игру, прибавляя к предметам свойства.

– Да ты паря философ, – удивлялся Семён. – Далек пойдёшь. А ну если так: – На горе трава, на траве дрова.

Синтаро стал повторять, но запнулся. Народ стал смеяться. К нему подключились и другие, и вскоре вся камера только и делала, что тарактела. Потом были «Ехал Грека через реку», «Ловили налима да не выловили». Было много скороговорок, не зная содержания которых Синтаро просто зубрил их наизусть, тренируя себя в незнакомом произношении. Потом он показывал это Изаму, тот упрямылся, но в положении замкнутого в четырёх стенах, ему ничего не оставалось, как тоже тренироваться в языке.

Они пробыли в камере две недели, их сносно кормили, в порядке очерёдности они убрали камеру, привыкая к незнакомым порядкам.

– Однажды Синтаро позвали на выход. Он уже понимал кое-что из русской речи, а фразу «япона мать» запомнил одну из первых. Услышав своё имя, он удивлённо переглянул с другом, и шепнул:

– На всякий случай, прощай, Изаму. Не забывай меня. Наверное, сюда мне уже не вернуться.

– Я один не останусь, – возмутился Изаму, наивно полагая, что его слова примут во внимание. В ответ на его движение охранник спокойно, но твёрдо остановил его рукой, давая понять, что волноваться не стоит.

– Не горячись, Изаму, ещё ничего неизвестно, – успокоил Синтаро.

– Ты с охраной не спорь, усёк? Ей что прикажут, то она и сделает, – объяснил Будённый, подходя прощаться. – Ну,

япона мать, – не забывай нас, – не держи обиды, если что, – сказал Семён, всё так же играя с картами. Усы его как всегда шевелились при разговоре, и производили впечатление, что их обладатель весёлый и добрый человек. – Не поминай лихом.

Его вывели во двор, от яркого света тут же ослепило глаза, Синтаро долго жмурился, а когда стал видеть, обнаружил перед собой знакомого светловолосого офицера. Он не запомнил его фамилии, но успел определить для себя, что он был добрым, если сравнивать с другим офицером, допрашивавшим его после задержания. Часовой удалился, и офицер предложил прогуляться по двору. Мимо них всё время проходили военные, и каждый первым отдавал непременно честь. Из этой детали Синтаро смог понять, что офицер имеет важный чин. Наконец, он заговорил:

– Мы проверили часть ваших показаний, Идзима. Похоже, что вы не обманывали нас. Могу с уверенностью сказать, что вас не расстреляют как шпионов.

– Не всё ли равно, в качестве кого нас расстреляют, – недовольно пробурчал Синтаро. Вязов рассмеялся.

– Или у вас нет чувства юмора, или оно слишком хорошо развито. Но если вы так хотите знать, то нет, у нас не всё равно. Но не будем об этом. В конце концов, расстреливать вас пока никто не собирался.

Вязов остановился и сделал паузу, внимательно глядясь в глаза Синтаро.

– Спасибо, – коротко ответил Синтаро по-русски, немного склонив голову.

– Не стоит. Впрочем, пожалуйста, – немного удивившись, по-русски ответил Вязов. – Признаюсь, что было непросто отстоять вас, и убедить следователя в том, что вы не шпион.

– Но мы и вправду не шпионы!

– Не волнуйтесь, Идзима, и давайте к этому больше не возвращаться.

– Что вы от меня хотите, господин офицер?

– Не буду ходить вокруг да около, Идзима, я хочу предложить вам работать.

Синтаро замер от удивления, и наконец-то осмотрелся. Это был закрытый просторный двор, несколько военных в отдалении, разделившись на пары, отрабатывали приёмы рукопашного боя, рядом два солдата, раздевшись до пояса, пилили большой двуручной пилой дрова; никто не обращал на него внимания. Осознав смысл слов, Синтаро почувствовал, как в груди его всё похолодело.

– Вы хотите, чтобы я пилил брёвна? – спросил Синтаро, на что Вязов открыто рассмеялся.

– Вы в который раз удивляете меня, Синтаро. Не думайте о брёвнах, я предлагаю работу иного характера. Из вас может выйти хороший разведчик. Учтите, что мы не всякому перебежчику делаем такое предложение, скорее наоборот, это редкое исключение.

– Вы предлагаете мне стать шпионом?

– В общем, да. Ваша внешность, способность мыслить, возраст... Вы нам подходите, Идзима, поэтому я предлагаю вам хорошо подумать над предложением.

– А Изаму?

– Китамура нам не подходит, если честно. Он слишком прямолинейный. У нас таких называют простаками. А вы подходите. Пока можете не отвечать, я понимаю, что для вас это неожиданно, поэтому всё обдумайте. Ломать вас никто не собирается. И сразу скажу, что поскольку вы японец, то и против родины своей вы работать не будете. Нам нужен разведчик, но не предатель. Ладно, оставим это, – Вязов похлопал по плечу Синтаро и подвёл к солдатам, которые пилили дрова. – Предлагаю вам размяться, думаю, это пойдёт вам на пользу, после двух недель безделья.

– Но я не умею, я никогда не делал этого.

– Здесь нет ничего сложного, не бойтесь, Идзима, в конце концов, когда-то надо обрабатывать свой хлеб.

Когда Синтаро увели, Изаму впервые за минувший год ощутил, как неудобно ему быть одному, как привык он к Синтаро, при этом чувствуя не только привязанность к нему, но и зависимость, словно он был старше. Его никто не трогал и не отвлекал от мыслей, пока не пришёл охранник. Когда Изаму уходил, все вдруг стали подходить к нему и прощаться. Один из солдат, тот, что заступился за них в первый день, отдал ему вещмешок, без слов показал, как завязывать его

на узел, и как крепить к нему скатанную шинель или телогрейку. Покидать камеру было волнительно и даже страшно-вато, он не знал, что его ждёт за её пределами, и надеялся лишь на то, что снова увидит своего друга, с которым свела его судьба.

Когда его вывели из тюрьмы, то первое, что удивило Изаму, это яркое солнце, оно ослепило его настолько, что несколько минут он стоял на одном месте. Охранник словно знал, почему задержанный не двигается, и терпеливо ждал. Когда глаза привыкли к свету, то ещё больше его удивило то, что в дальнем углу двора его друг пилил дрова. На пару с военным, по другую сторону длинного бревна, он тянул на себя большую двуручную пилу. Изаму растерялся. В этот момент к нему подошёл офицер, который их допрашивал. С улыбкой поглядывая на то, как Синтаро и русский солдат работают, он достал папиросу и закурил.

– Вы не курите? – спросил он на японском. Изаму растерялся и втянул голову в плечи. И предложение, и чистота речи офицера, и его лёгкая улыбка, смутили Изаму. Рядом никого не было, и офицер спросил: – Пока ваш друг учится пилить, хочу задать вам вопрос не для протокола. – Каким вы видите своё будущее? Не торопитесь отвечать, Китамура. Подумайте. Имейте в виду, что вы отвечаете перед нашим законом по всей строгости военного времени. Не пугайтесь, о высшей мере пока речи не идёт, поскольку у нас нет оснований обвинять вас в шпионаже. У нас нет сомнений, что

границу вы перешли случайно, но вернуть вас обратно мы не можем, да и вы, полагаю, не очень хотите этого. Ведь так?

Изаму насторожился, он не мог понять, к чему эти слова.

– Нас будут судить? – спросил Изаму, искоса поглядывая на своего друга. Синтаро продолжал тянуть ручку пилы, и было видно, что он устал, хотя напарник его работал легко, и даже что-то говорил Синтаро и улыбался. Это была странная картина. Синтаро до этого никогда не пилил, но у него как-то получалось. Чурки отваливались одна за другой, и когда бревно распилили полностью, они пошли за новым.

– Хочу открыть вам секрет, Китамура, вас и вашего друга осудят за переход границы, и поскольку никакого другого противозаконного действия вы не совершили, то вам, самое большое, грозит пять лет исправительных лагерных работ.

– Зачем же вы меня спрашиваете, если всё знаете на пять лет вперёд? – приглушённо спросил Изаму. – Что мы плохого сделали, чтобы сидеть в вашем лагере? За что нас исправлять? Мы всего лишь беглецы.

– А про войну вы ничего не слышали? Вас, между прочим, могли и на месте расстрелять, – рассмеявшись, ответил Вязов. – А потом – за ваше вранье на допросе. Но давайте забудем об этом. Вас ждёт, по меньшей мере, пять лет за колючей проволокой, кстати, ваш друг уже немного познакомился с основным видом деятельности в лагере. Обычно у нас пилят лес.

– Что вы от нас хотите? – спросил Изаму, наконец, сооб-

разив, что их не просто так оставили в живых.

– А вы, Китамура, не такой глупый, каким показались мне на допросе. Я хочу предложить вам сотрудничество. Не волнуйтесь, от вас многого не потребуется.

– Я простой рыбак, что с меня взять. Мы даже стрелять не умеем.

– Ну, винтовку вы, всё-таки, подержать успели.

Изаму ушёл в себя, вспоминая, как их учили колоть штыком соломенное чучело, очень похожее своими приклеенными белыми усами на того солдата, который пилил бревно с Синтаро. – У нас не было выбора, господин офицер.

– Товарищ майор. Так у нас принято, а господ у нас давно уже нет. Конечно, вы можете подумать, что отбудете наказание и вернётесь домой в Японию. Но дело в том, что вы со своим другом для японских властей не просто солдаты, попавшие в плен, а дезертиры, вы бросили своих товарищей. В их глазах вы оба предатели, и за это вас по головке не поглядят на родине. Неужели вы думаете, что ваше бегство, по сути, с поля боя, сойдёт вам с рук? Раньше, таким как вы, рубили головы, мы же можем предложить вам работу. Конечно, пилить дрова у нас есть кому, для начала мы внедрим вас в группу ваших солдат, и вы будете сообщать нам о том, что думают военнопленные, что говорят, может, среди них есть те, кто совершал преступления против мирного населения. Нам нужны осведомители, и вы очень для этого подходите. Ну а потом жизнь покажет. Ну, так как? Согласны?

– Если вы хотите, чтобы я стал вынюхивать чужие мысли, то зря теряете время. Я не буду подслушивать разговоры военнопленных, даже если мне и досталось от них. Но я хочу поговорить с моим другом, я не могу один принять решение.

Офицер сухо кивнул и подозвал охранника.

– Пусть меня лучше расстреляют, я не стану доносить на своих, – сказал Синтаро, когда они с Изаму укладывали наколотые поленья в длинную высокую стену.

– Русский офицер сказал, что нам грозит пять лет трудовых работ в лагере. Пять лет, Синтаро, пять лет. Мне раньше говорили, что русские зимы очень суровые, мы здесь замерзнем, Синтаро.

– Ничего неизвестно, Изаму, ты не можешь знать наперёд. Мы должны держаться. Ты же видишь, что нас оставили в живых. Посмотри, нас совсем не охраняют, даже работу доверили. Значит, мы им нужны.

– Это ненадолго. С предателями всегда так, Синтаро. Сначала их запугивают, потом обещают сытую жизнь, а после, когда они сломаются, с ними вежливы. А когда дело сделано, то их в расход пускают. Я знаю, что говорю. Если мы согласимся на сотрудничество, то когда-нибудь мы станем неинтересны им. И тогда нас пустят в расход. Надеюсь, что в этот раз ты не станешь делать шаг вперёд Синтаро. Ведь так?

– Так, Изаму. Я, как и ты. Всё равно, это лучше, чем плыть на барже, где воняет гниющими телами. Я сегодня пилил дерево, это совсем не трудно, Изаму. Пусть мы пять лет будем

пилить деревья, но зато мы будем знать, что через пять лет нас освободят. У русских есть законы, нас не могут просто так, как собак застрелить.

– Что ты знаешь? Мы ничего ещё не видели, Синтаро. Ты забыл как нас встретили в камере? Нам придётся пять лет жить с заключёнными. Ладно, будь что будет. Куда ты, туда и я.

Утром их снова допросили, офицер был сух и немногословен. В присутствии ещё трёх военных и одного гражданского, держа в руках лист бумаги, он объявил им о наказании, которое они обязаны понести за то, что перешли границу. Им, как солдатам, положено быть среди других японских военнопленных в отдельном лагере, но поскольку они являются дезертирами, и в Японии их ждёт суровое наказание, их направляют в лагерь, где трудятся советские граждане. Услышав приговор, Изаму не выдержал и заплакал. Потом их постригли на лысо, сфотографировали и сняли отпечатки пальцев. После этого выдали сухой паёк в дорогу, куда входила булка хлеба, две банки рыбных консервов, и несколько кусочков сахара. В тот же день их погрузили в крытую машину, где находилось ещё несколько человек, в том числе и женщина, и в сопровождении двух солдат повезли в неизвестность. Вокруг сидели люди, непонятные и непохожие на них, но никто не плакал, и ни у кого не было страха на лицах.

– Мы выдержим, Изаму, мы обязательно выживем, – всё время твердил Синтаро, всматриваясь в убегающую даль. Их

долго везли в машине, в глухой будке с маленьким зарешёченным оконцем было душно и очень укачивало. Людей, набитых в неё, словно рыбу в мешок, часто тошнило, в дороге их лишь однажды выпустили на воздух справить нужду, а потом дали несколько минут чтобы поесть.

Когда они прибыли на место, небосвод уже был окрашен тяжёлыми розовыми тонами. Озираясь по сторонам, они вышли из машины, вокруг стояли солдаты с автоматами и собаками, ворота, через которые их завезли в лагерь, закрылись. Их построили и пересчитали, потом стали делить на группы, и уводить в глубину необъятной территории, где ровными рядами тянулись невысокие бараки. Люди растеряно оглядывались, словно прощались. Синтаро подумал, что даже такой короткий путь делает совершенно незнакомых людей близкими. Он понимал, что сближало горе и неизвестность.

Их поместили в большой барак, в нём было холодно, с моря дул порывистый ветер, который, казалось, продувал его насквозь. Стёкла в небольших зарешёченных окнах под самой крышей, тряслись от порывов ветра, и от того, что изнутри и снаружи они были покрыты слоем грязи и пыли, окна почти не пропускали солнечного света. Барак состоял из двух половин – мужской и женской, разделённых дощатой перегородкой. Всем осуждённым категорически запрещалось заходить в чужую половину. Оба эти помещения, узкие и длинные, выходили в большой холодный тамбур, к которому примыкали складские помещения, кочегарка, умы-

вальник, а так же уборные. Ещё одна уборная, которой можно было пользоваться только в ночное время, находилась в спальном помещении, а само оно на ночь запиралось. В тамбуре, несмотря на холод, почему-то, всегда толпился народ. Из барака никуда не выпускали, заключённые всё время прибывали, других увозили. Таким был пересыльный пункт, как выражались сами заключённые, «транзитка». Кормили два раза в день, у каждого из заключённых была своя посуда. Изаму и Синтаро выдали на двоих одну железную миску, кружку и две ложки. Кроме баланды, раз в день в барак прикатывали деревянную бочку с селёдкой, и вместе с хлебом, выдавали каждому по одной; после солёной рыбы всегда хотелось пить, селёдка не всегда была свежей, отчего у многих случались отравления. Однако Изаму поедал ее с удовольствием, но страдал от того, что не мог после еды нормально помыть руки. Для питья в центре тамбура стояла деревянная бочка, воду из которой надо было черпать ковшом. Спали по очереди на деревянных настилах – нарах, которые тянулись в три яруса вдоль всего барака. Когда одни спали, другие стояли рядом и караулили, чтобы сразу занять освободившееся место.

Все вещи, которыми им удалось разжиться, хранились в вещмешке, там была посуда, мыло, полотенце, иголка с нитками, рукавицы. Без этого мешка пришлось бы туго. Из-за холода, ходить в бараке приходилось в телогрейках, шапки снимали только когда умывались. Каждое утро и вечер их

выстраивали вдоль узкого прохода и проверяли, сверяя всех по списку. В числе проверяющих был и медработник, который по своему усмотрению слушал лёгкие в особый прибор, заставляя того или иного заключённого задирать куртку и глубоко дышать, заглядывал в зрачки, смотрел у кого есть вши или чесотка. Тех, у кого была чесотка, сразу изолировали в специальный корпус.

В бараке они быстро привыкли к языку, особенно Синтаро, через месяц он уже мог сносно объясняться с другими заключёнными. Когда кого-то увозили, Синтаро думал: ну вот, сегодня и их увезут, это точно. Но проходил день, потом другой, и так тянулись дни, которым они потеряли счёт. Это было хуже всего – чего-то ждать. Иногда их забирали на работы в порт разгружать баржи. Там их кормили из полевой кухни горячей кашей. В порту было холодно, но свежий колючий ветер и работа снимали тоску и заставляли бороться за жизнь. Большинство тех, кто находился рядом, оказавшись вне барака, преобразались: люди забывали о положении, в котором оказались: о несправедливости и безысходности, они помогали друг другу, жили и радовались каждому мгновению. Когда друзья возвращались в барак обессиленными и голодными, то, к своему удивлению, видели, как знакомые радушно встречали их, хлопали по плечам и что-то рассказывали, никто не трогал их вещей, и не занимал места. Незаметно друзья стали привыкать к новой обстановке, Изаму всё время был в компаниях, находя себе каждый день

новых друзей, он с удовольствием играл в домино, карты, хотя, эта игра была почему-то запрещена. Синтаро больше наблюдал со стороны, ему очень нравилось, когда кто-то играл на музыкальных инструментах, оказалось, что среди заключённых было много музыкантов. Синтаро даже удивился тому, что русский народ так любит музыку. Когда звучала гармонь или балалайка, то вокруг сразу собирался народ, люди оживали, глаза их наполнялись светом, они подпевали, а иногда даже плясали. Однажды и Синтаро завлекли в танец. Его втянула в круг немолодая женщина с приятным и открытым лицом. Они захватывали колечками рук друг друга и кружили, всё время меняя направление вращения. Люди вокруг смеялись и хлопали в ладоши, кто-то весело подсвистывал. Танец показался Синтаро смешным и нелепым, но после него было тепло и весело на душе. Хозяин гармони, его звали Сашка, молодой симпатичный парень, показал, как надо играть, и к вечеру Синтаро уже тянул меха старинной русской гармошки, освоив простую мелодию.

Сашка рассказал Синтаро, что на самом деле представляла «транзитка». Сюда приходили железнодорожные эшелоны со всей страны, собирая в каждом городе осуждённых. Здесь их сортировали и отправляли дальше на север, но уже морем, в далёкий Магадан, и даже дальше, на край света, на Чукотку. Синтаро и представить не мог, что Россия такая огромная, и что где-то на севере можно жить. Но в данном случае людям приходилось не просто жить, а выживать

в неволе, терпя и голод, и холод, и что самое страшное – унижение. Синтаро было жалко тех людей, которых забирали, поскольку он уже успевал привыкнуть к ним, многие отвечали взаимностью и тоже, расставаясь, переживали, а иногда и плакали. Он никак не мог поверить в то, что все они преступники. Это были обычные люди, и лишь немногие, кого окружающие называли уголовниками или «урками», выделялись из этой массы татуировками на руках и развязной речью. Но и с ними можно было о чём-то разговаривать. Люди рассказывали о своей прошлой жизни, о том, за что они попали в это злосчастное место. Для Синтаро было открытием, когда он узнал, что за кражу с поля обычных огурцов, которые ничего не стоили, человека наказывали иногда десятью годами исправительных работ в лагере, и в то же время за убийство человека могли осудить всего на четыре года. Когда он поделился этим открытием с другом, Изаму лишь усмехнулся: – Меня уже давно ничего не удивляет.

– Но разве это правильно?

– Брось, Синтаро. Нас ведь тоже ни за что посадили в этот барак, а мы по-прежнему как-то терпим. Я даже стал привыкать к холоду. А вначале даже спать не мог. Здесь главное это не замёрзнуть, а для этого надо двигаться. Скорее бы убраться из этого места. Хоть в Магадан, хоть куда. Я не боюсь Магадана, чтобы мне не рассказывали про него. Люди помогут, будь уверен. Мне нравятся русские.

Синтаро внутренне разделял мнение друга, хотя произ-

носить это вслух стеснялся, но ему было страшно оказаться среди снегов и лютого холода. В то же время, он тоже хотел поскорей вырваться на открытое пространство, к новой жизни. Он не знал, какой будет эта жизнь среди снега и бескрайних лесов, но твёрдо был уверен, что трудности не сломают его, он уже знал, что люди помогут ему, и когда-нибудь он вернётся в Японию.

Настал тот день, когда они покинули Транзитку, это было в последних числах ноября. Они долго стояли у ворот в ожидании, от порывов ветра некуда было спрятаться, лица людей били красными, люди жались друг другу, и в волнении смотрели за проволоку. Наконец-то подъехала машина, конвоиры выстроили их в одну длинную шеренгу, и, выкрикивая громко фамилию каждого из пересыльных, по одному погрузили в крытый брезентом фургон. Потом под охраной двух солдат повезли неизвестно куда. Синтаро уже без труда улавливал смысл многих русских слов, и из разговора охранников смог понять, что их везут в бухту Врангель. Машина долго петляла среди крутых сопок, где-то внизу, сквозь голые деревья, проглядывала свинцовая поверхность бухты с отвесными берегами и одинокими кораблями на далёком рейде. Всё это вызывало жгучую тоску и страх. Вглядываясь вдаль, Синтаро понимал, что всё, что им удалось пережить, ничто в сравнении с той неизвестностью, что ждала их в скором будущем. Когда они приехали на место, их провели

длинным узким строем через небольшие ворота, где каждого арестанта опять сверяли по списку, осматривали одежду и затем, уже на самой территории лагеря рассортировывали по группам. Сырой пронзающий ветер задувал в телогрейку, Синтаро вжимал голову в короткий воротник и в волнении поглядывал на друга. Изаму не выглядел растерянным, лицо его, заросшее густой бородой, было красным от ветра, и отличить его от других заключённых уже было невозможно. Пёстрая многоликая толпа осуждённых исторгала клубы пара, слышались крики конвоиров, распределявших народ по группам; среди заключённых были и женщины.

Когда они стояли на ветру в ожидании своей участи, в какой-то момент Синтаро поймал на себе взгляд, на него смотрела молодая женщина с тонким, почти прозрачным бледным лицом с большими глазами, обрамлёнными темными кругами. Её возраст определить было сложно, держалась она свободно, не обращала внимания на военных, и, проходя мимо толпы вновь прибывших, казалось, выискивала кого-то глазами. Синтаро почувствовал, что её взгляд, остановившийся на нём, особенный, в нём не было ни страха или волнения, но была какая-то особенная грусть и сострадание. Этот взгляд зацепил его, словно проник внутрь. От этого вся суета перестала пугать его, люди вокруг: заключённые, солдаты в белых шубах, собаки на поводках, колючий снег, проникающий через одежду – всё это сделалось какой-то декорацией доселе неизвестного ему спектакля. Все играли свои

второстепенные роли, кроме него и этой женщины. Он понял, что надо просто наблюдать, забыв о холоде, страхе, и о самом себе. Синтаро вспомнил, как плыл на барже в Корею, и как грустно пел на корме один из охранников. Эта песня тогда вызвала такой прилив отчаяния, что Синтаро хотелось броситься за борт. Остановил его Ли Вей, словно угадавший намерение. Он сказал тихо и спокойно, что всё когда-нибудь начинается и проходит, вовлекая людей в бесконечные движущиеся картинки жизни. Если ветер, то человек прячется, если жара, то он тоже прячется. А надо жить и наполнять себя и ветром, и жарой, поскольку они даны человеку как испытание, чтобы он проявил волю, сделал её частью своего движения. Неизвестно, что подействовало на Синтаро, может, воспоминания или взгляд незнакомой русской женщины, а, быть может, нестерпимый холод и ожидание чего-то неизвестного, но мир вдруг остановился, картина стала, словно, застывшей, и Синтаро осознал, что всё происходит благодаря его мыслям и настроению. Неожиданно для себя он улыбнулся женщине и снял свою ушанку. – Меня звать Мишка япона мать, – коряво по-русски произнёс Синтаро. Девушка удивленно подняла брови и рассмеялась. Между ними было несколько метров, но она его услышала и улыбнулась. Она оглянулась по сторонам, словно боялась, что её увидят, и прошла через ворота, кивнув охраннику.

Их окликнули.

Синтаро повернулся. Перед ним стоял человек невысоко-

го роста, плотный, с высохшим жилистым лицом, одет он был в серую вытертую шинель, сапоги, меховую серую шапку, и сам, казалось, холода не замечал. Он подошёл к охраннику, и что-то спросил. Тот кивком показал на Синтаро и его друга.

– Ты чтоль будешь японский шпион? Вас, кажись, двое должно быть? Этот тоже? Фамилия? Или ты не понимаешь по-русски? Как зовут-то? Сообразил? – человек пристально посмотрел на друзей в ожидании ответа на свой вопрос.

– Идзима, – назвался Синтаро, – Синтаро Идзима.

– В наш отряд направлены оба. Я командир шестого отряда Зверьков. Оба следуйте за мной. Пошли, пошли. Или до ночи стоять собрались, сопли морозить? Шагом марш!

Лагерь, куда привезли их, был одним из последних в веренице лагерей, что расположились вдоль бухты Врангель. Вся территория бухты была усеяна лагерями. На территории одних находились цеха по производству кирпича, другие специализировались на дорожных работах. В одной из небольших соседних бухточек за перевалом стояли скотобойни, там тоже работали заключённые. Всюду, куда уходил взгляд Синтаро, пока они ехали из Находки, маячили вышки с часовыми и колючая проволока. Их лагерь занимался заготовкой леса, а так же производством деревянных изделий. Барак, куда их привели, снаружи казался низким, с едва выделяющейся покатой крышей. Внутри он был тёмным и длинным, в двух местах его на опорных столбах, поддер-

живающих крышу, висели светильники; небольшие зарешёченные окна почти под самым потолком были покрыты белой изморозью, в полуметре от стен тянулись длинные ряды двухуровневых нар, между ними проход, выстеленный грубо обработанными досками, вышарканными добела. Над входом, прямо над головой, висели на стене два больших мужских портрета. В глубине барака толпились люди, закрывая собой железную бочку, от которой в крышу тянулась красная от жара железная труба. Это была печка, которой отапливался барак. Ещё одну железную печку они увидели в кабинете у Зверькова, где тот сидя за обшарпанным столом, заполнял какие-то бумаги, и после дал им в них расписаться. Синтаро долго не мог понять, что от него хотят, но потом поставил в нужном месте иероглифы своей фамилии, чем немало удивил Зверькова. Переминаясь с ноги на ногу, и поглядывая на своего друга, Синтаро в то же время изучал кабинет командира отряда. Его внимание привлёк стол, вернее шахматная доска с расставленными фигурами, рядом с доской алюминиевая кружка и пепельница в виде человеческого черепа. Над столом висела электрическая лампочка, тускло освещающая комнату, в углу одностворчатый шкаф. Рядом со шкафом невысокий железный сейф и кровать вблизи той самой печки, труба от которой тянулась не в потолок, а в форточку окна, где вместо стекла была вставлена жестяная перегородка. На печке шипел чёрный от копоти чайник. Стены комнаты были серыми, увешанными пожелтевшими плакатами.

Единственным ярким пятном кабинета был портрет человека с красивыми усами. Поймав заинтересованный взгляд новеньких, Зверьков важно произнёс, делая жест указательным пальцем в сторону портрета: – Это товарищ Сталин. – Закончив с формальностями, Зверьков крикнул в полуоткрытую дверь: – Дежурный, старосту отряда ко мне, живо. – Потом он налил в кружку из чайника, и, не спрашивая, сунул в руки Синтаро. – Согрейтесь, пей, не отравишься. Не обожгись тока, смотри кипяток. Но тебе в самый раз согреться.

Содержимое действительно оказалось горячим и очень терпким на вкус. – Ничё, ничё, – привыкайте к горькой жизни. Другой не будет ещё долго, – усмехнулся Зверьков, поглядывая на японцев.

Вошёл невысокий человек, с живыми колючими глазами, бородатый, как и большинство заключённых. Он некоторое время молча смотрел на Зверькова, потом словно нехотя снял шапку и доложил: – староста отряда заключённый Прахов по приказанию явился.

– Так-то лучше. Вот тебе на попечение новенькие, будут в твоей бригаде, вместо Новосельцева. Покажешь им всё, объясни, что да как. Объясни про распорядок, они же ни хрена не знают. Языка они пока нашего не освоили, так что прояви смётку, да что тебя учить. Отведёшь их в баню, а то смотрю, чухаются оба, что поросята. На пересылке где бы им. Вот пропуск на хозтерриторию. Гляди, чтобы до ужина успели.

Прахов недовольно взял бумажку и осмотрел Синтаро, за-

стывшего с кружкой, кинул взгляд на Изаму, не спеша напяливая на седую коротко стриженую голову вытертую ушанку: – Узкоглазых не хватало.

– Поговори ещё, «узкоглазых». Такие же люди, как и все. Скиньте с них телогрейки, пусть у буржуйки сперва погреются. Один-то околел так, что зубы, слышно, как стучат. Не привыкший, видать. И гляди, что бы их там не оставили без одежды, в бане-то. Там же вечно чесняги ошиваются, в гробу им место.

– Разберёмся. А другой ничего, красный от мороза. На китайца–то не больно, – усмехнулся староста, складывая пропуск, и пряча его во внутренний карман телогрейки.

– Японцы это, – сказал Зверьков.

– Пленные что ли? А чего к нам? Отправили бы к своим, не всё ли равно, где подыхать.

– Не твоего ума дело. Видать, не всё равно, раз в наш лагерь определили. Перебежчики это. В общем, обогрей их, накорми из пайка бригады, с дороги поди оголодали. У вас же на одного меньше уже. Не забудь занести их в именной список. А потом в баню. До вечера дотянут как-нибудь. Покажи им место, где спать, только не у входа, так надо.

– Ну да, к «иносранцам» у нас особое отношение. Кого прикажете подвинуть?

– Себя подвинь. Печёнкин лично придёт проверить.

– Ему больше всех надо, проверять...

– Жало прикуси.

– Будет сделано, товарищ бывший зэк.

Зверьков долго смотрел на старосту, желваки его скул несколько раз напряглись, он прошёл к двери и плотно закрыл её. – Может, сядешь на моё место?

– То-то, что сядешь. Своё готов отдать за так.

– Иди, Юрьян, без тебя тошно на душе. И Байрака скажи, чтобы отыскали, им же постелить надо чего-нибудь. Не на голых же досках. Пусть поищет. И пусть не жмотится, они хоть и зэки, но всё ж японцы, не привычные ещё к нашим условиям.

– Ага, и бабу из женской половины прислать, для обогрева, – предложил Прахов и весело рассмеялся. – Нанайку, – добавил Зверьков. – Лысую – вставил староста, заражая своим смехом новеньких.

– Ох и язык у тебя Юрьян, что балаболка. – Всё, свободен.

Когда они наконец-то согрелись у железной печки, давая всем, кто находился рядом, как следует себя рассмотреть, их завели в каптёрку, и там выдали нательное бельё, чёрную грубую одежду, робу, с номером отряда на спине и рукавах, большие валенки, портянки и грубые рукавицы. Кладовщик, мордатый украинец по фамилии Байрак, всё время удивлялся, уверяя старосту, что на его веку такое впервые, чтобы новоприбывших так по-королевски встречали. Потом он залез под самую крышу, где пряталась маленькая дверца на чердак, и скинул оттуда два пыльных тюфяка, набитых соломой, две подушки и простыни. Были ещё и одеяла, тоже

очень пыльные и тонкие от времени. – Ну, вы хлопщи, як у герцога английського в гостях. Ось вам и матрац и подушки пид голови... Як панов одягли. Клопив тильки не дали, дак они сами приповзуть.

Потом была баня, холодная и пустая, с деревянными лавками, ледяным полом, выстланным серой стёртой до бетона плиткой, и чёрным влажным потолком, с которого всё время падали холодные капли. Банщик, долго упрямылся, не желая открывать горячую воду и пар, но под давлением Прахова, всё же, согласился. Освободившись от грязи, и пропотев в парной, где от пара ничего не было видно, а затем переодевшись в чистое бельё, Синтаро почувствовал такую лёгкость, какой не было в его теле с того времени, когда он жил в Японии. На обратном пути в отряд Синтаро спросил: – Ка то такаи чесаняга? Эта уголовики?

Немного поразмыслив над словами, Прахов с удивлением посмотрел на японца; он даже остановился и усмехнулся. – Далеко пойдёшь, узкоглазый.

Услышав хорошо знакомое слово, Синтаро, как и его друг, заулыбался: – Япона мать, узыкоглазя, – уже привычно произнёс он кивая головой. Прахов весело расхохотался и хлопнул Синтаро по плечу, да так сильно, что тот едва удержался на ногах:

– Да ты неплохо соображаешь. Чувствую, мы поладим. Одно советую, держись подальше от этой своры, понял? Суки, чесняги... Мразь это, в гробу им место. Усёк?

Синтаро переглянулся с другом и кивнул головой. Слово усёк он уже успел усвоить ещё в следственном изоляторе, но как разобраться с тем, от кого всё таки надо держаться, это был ещё вопрос будущего.

Таким был их первый день в лагере.

Утро всегда начиналось с умывания, потом одевались, заправляли постели, и строем шли в столовую на завтрак, после чего весь отряд выстраивался вдоль нар посреди барака, и происходила поверка и развод на работы. По лагерю можно было ходить только в сопровождении бригадира, или под конвоем. У каждого отряда были свои конвоиры.

Рабочий день длился десять часов, куда входил перерыв на обед и короткий отдых. Все бригады в отряде имели два режима работы, половину месяца работая в лесу, на валке деревьев, другие две недели на пилораме. Таких пилорам было три, все они примыкали к большому расчищенному участку, куда из тайги свозили свежеспиленные брёвна. Их сволакивали в отдельные кучи по категориям, породам и длине, и уже из таких куч вытягивали по одному, закатывая на эстакаду. Работа отнимала много сил и требовала большой ловкости и быстроты, от чего все, кто работал, забывали о холоде: от людей валил пар, непрерывно слышались маты и весёлые шутки.

Цех, где распиливались брёвна, напоминал длинный и низкий сарай, сколоченный из грубых необработанных досок. В него с улицы подавались брёвна. Две небольшие те-

лежки по рельсам выкатывались за ворота, а затем на них грузилось бревно, толстым концом вперёд, ворота тут же закрывались, и бревно с помощью зубчатых валов медленно начинало затягивать в пилораму. Большие вертикальные пилы распускали бревно на доски и квадратные брусья или шпальник, как выражались сами зэки. Приводил в движение пилу дизельный генератор, который находился в торцевой стене, в отдельной пристройке. Распиленные доски грузились на другую тележку, снова открывались ворота, доски увозили для складирования, одновременно затягивалось следующее бревно. Распиленные доски укладывали рядом с цехом в штабеля для продува, а затем, после двух недель вылёживания их грузили на машину и увозили на сушку. Это была тяжёлая монотонная работа, с раннего утра и до ночи. Из тайги брёвна притаскивали трактором по несколько штук, собирая из них большие скирды. Зимой, когда дороги хорошо накатывались, пользовались ЗИСами и Студебекерами, приспособленными возить лес. Скирды иногда разваливались и бревна раскатывались в разные стороны. Одно такое бревно в первый же день едва не задавило Изаму, его спасло то, что рядом находился Прахов, он закричал «берегись!», и только это спасло Изаму от верной гибели. Прахов почему-то сразу же взялся опекать японцев, много с ними говорил, объяснял как надо вести себя на объекте, что делать. Юрьян объяснил, как работает пилорама, как выставляются пилы, откуда берётся ток для работы пилы. Он по несколь-

ко раз повторял слова и заставлял повторять своих подопечных. Юрьян рассказал, что в лагере с недавнего времени появился свой магазин, где за безналичные деньги можно было приобрести различный товар – зубные щётки, махорку, мыло, бинты, спички, пуговицы, шнурки и прочую бытовую мелочь, даже чемодан. Был и продуктовый отдел, где для эков продавались сыр, колбаса, солёная рыба, масло... Но чтобы купить всё это, нужны были трудодни и выполненная норма, должно было пройти какое-то время, чтобы на счету появились деньги. Был ещё клуб, где раз в месяц показывали кино, и где силами самих заключённых по праздникам устраивались концерты. Все эти новшества появились благодаря появлению нового начальника лагеря Печёнкина. Юрьян как смог объяснил, что благодаря Печёнкину удалось приструнить уголовников, и навести порядок в лагере. То, что было до него, Юрьян даже не хотел вспоминать. Синтаро с трудом осознавал смысл этого явления, но хорошо понял, что жизнь в лагере совсем не похожа на то, что он видел в «транзитке». Здесь было трудно, каждый вечер, придя с работы, они с другом обессиленные валялись с ног, но при этом не было страха. Когда они оказывались в бараке, Юрьян учил друзей подшивать валенки, сушить мокрое от пота бельё, показал, как надо чинить порванную рабочую одежду, где хранить иголку с ниткой. В промежутках между работой он делал вар из древесной смолы, и заставлял его жевать. От клопов он дал сухую траву с едким запахом, назвав её полынью. Поначалу

запах не давал уснуть, но это было лучше, чем ужасные невидимые насекомые, сосущие кровь. Полыни у Юрьяна было много, целый мешок, и он заставлял её не только подкладывать в одежду, но и жевать, объяснив, что в животе от плохой еды могут завестись черви, а полынь их изгоняет. Когда их возили в лес, Юрьян показал, как собирать смолу. Оказывается, её можно было есть, правда понемногу. – Это, паря, живица, – не спеша говорил Юрьян, – не будешь жевать её, останешься без зубов. Полынь жуй почаще, тогда глистов не будет, а хвоя для желудка полезна. Сначала просто поддержи во рту, чтоб размокла, а потом жуй, медленно. Жуёшь, и жрать не так хочется.

Отработав две недели на пилораме, бригада перемещалась на полмесяца в лес. Под надзором двух конвоиров в четыре часа утра заключенные усаживались в большие сани, сделанные из брёвен с дощатым настилом поверху, и долго ехали по заснеженной лесной дороге. Езда отнимала много тепла и времени, но зэки были рады, такому путешествию. Некоторое время люди ещё спали, плотно прижавшись друг к другу, но с первыми лучами зимнего солнца народ начинал шутить, кто-то мог запеть весёлую песню, травили анекдоты, не обращая внимания на охрану. Прибыв на место, звеньями разбредались по деляне в поисках отмеченных деревьев, и до самой темноты пилили вручную, лишь один раз делая перерыв, чтобы поесть. Это была тяжёлая и опасная работа, когда дерево могло придавить толстыми сухими сучьями, или уда-

ритель отыгравшим, словно пружина, комлем. Падая на землю, ствол изгибался дугой, и куда могла быть направлена сила этой пружины, угадать было трудно. В таких случаях люди просто бросали пилу и отбегали на несколько метров. Падающие кедры вызывали у Синтаро и восторг и страх одновременно. На воздухе среди деревьев, даже в сильные морозы, Синтаро чувствовал себя свободным, порой забывая, что он заключённый. Работа так захватывала его, что когда ударяли по железной трубе, служившей сигналом конца смены, он с большой неохотой бросал работать, и был всегда в числе последних, кто подтягивался к месту сбора.

На пилораме Синтаро работал без особого энтузиазма, и всегда с нетерпением ждал, когда их повезут в лес. В одну из таких смен с Изаму случилось несчастье. Тогда он только осваивал работу с инструментом, главным из которых был обычной топор. Ещё не успев как следует разогреться после саней, на первой сваленной ели он промазал по сучку, топор отыграл, и со всего маху угодил острым лезвием прямо по ступне, разрубив старый исхудавший валенок, а вместе с ним и большой палец ноги. На его крик сбежалась почти вся бригада. Никто не знал что делать, в том числе и охранники, поскольку смена только что началась, а гнать трактор по тайге обратно в лагерь из-за одного раненного зека они просто боялись; трактор был нужен на деляне. Когда с ноги стащили валенок, вся портянка на ноге Изаму была красной от крови. Кого-то затошнило, в том числе и Синтаро. Его охватил

страх и отчаяние. Все, кроме пострадавшего молчали, кто-то даже снял с головы шапку, словно соболезнуя преждевременной смерти новенького.

– Ну чего столпились как бараны, – заорал неожиданно Прахов, пробираясь сквозь толпу. Он был бригадиром, и естественно, головой отвечал за выполнение плана. – Поминать бабку будете на пенсии, если доживёте. Взяли инструмент, и по местам. За простой по голове не поглядят! В штрафники захотели?

Через минуту рядом оставался лишь Синтаро, сам Юрьян и один из охранников. Синтаро растерянно смотрел то на корчившегося друга, то на бригадира, выискивая в памяти нужные слова. – Кровь, кровь! Он от крови умрёт! Что будет? Юрьян, надо делать!

– Не ори, – грубо перебил его Юрьян. – Бегом к саням, там в сундуке соль. Неси всё, что есть, и посудину какую-нибудь захвати, котора побольше. Миску, тарелку. Понял? Давай быстрее, ну чего уставился как баран! Бегом, бегом!

Синтаро ещё не успел скрыться, как Юрьян скинул с себя телогрейку, а затем и исподнюю рубашку, некоторое время оставаясь по пояс голым на двадцатиградусном морозе. Он ловко оторвал от низа рубахи несколько длинных полосок, даже не обращая внимания на холод. Пока он готовил бинты, охранник накинул ему на плечи телогрейку. – Браток, у тебя нитка есть? – обратился к нему Юрьян, не скрывая волнения, и косясь в сторону убежавшего Синтаро. – Нитка,

обычная нитка. У вас же в шапке по уставу положено иметь нитку с иглой. У меня как на грех нет, вчера дал, да не вернули. Выручай братишка, жаль ведь парня, без ноги может остаться.

Когда вернулся Синтаро с солью и алюминиевой миской, Юрьян успел расчистить стопу от свернувшейся крови. Из раны сочилась кровь, но поскольку тело Изаму было холодным от долгой поездки, кровотечение было не сильным. – Разожги пока костёр, не путайся под ногами, – командовал Юрьян, обращаясь к Синтаро. – Шевелись, иначе твой друг окоченеет. А потом собери живицы, вон с той пихты, только живо, живо! Возьми банку консервную, снегом почисти, и прокипяти. Много не сыпь, на доньшко, чтобы пропарило, а то до вечера не нагреешь. Наскреби смолы и нагрей. Крышку банки на палку накрути, чтобы не обжечься.

Костёр уже пылал, когда Юрьян ниткой не туго перемотал рассечённый ровно по вдоль палец, соединив две половинки, а затем поместил ступню в миску, пересыпал рассечённый палец солью, и там держал его, пока кровь полностью не остановилась. Всё это время Синтаро не находил себе места от трясушки, но при этом тщательно исполняя все команды бригадира. Часовой всё это время с любопытством наблюдал за всеми, и курил, грея руки от пламени костра.

Когда смола нагрелась, превратившись в густой кисель, Юрьян вылил всё содержимое на палец, подложив под него кусок бересты, и тут же перемотал бинтами. После этого ногу

поместили в валенок, предварительно разрезав его повдоль. Всё это время Изаму лишь стонал от боли, лицо его было бледным и мокрым от холодного пота. Если бы не костёр, то он мог быстро замёрзнуть, и для Синтаро было удивительно осознавать, как Юрьян мог всё это предвидеть, и так быстро принять нужные решения. После проведённой операции, он в телогрейке, с разорванной рубахой, проработал до конца смены, и когда все грузились в сани, был разгорячённым и почему-то довольным. Изаму до погрузки просидел у костра, самостоятельно поддерживая его сухими ветками, которых натаскали зеки: так распорядился Юрьян. А вечером в отряде он был под пристальным вниманием товарищей, кто-то даже шутил, предлагая сделать костыли. Его хлопали по плечу, всё ещё бледного от пережитого шока, говоря, что это боевое крещение, и если палец не срастётся, то у него будет не пять, а шесть пальцев. Синтаро показалось, что после этого случая к ним, стали относиться по-другому, больше замечали, шутили, давали советы, если это касалось работы, особенно Юрьян. Через две недели, на удивление всего лагеря, палец сросся, и Изаму вышел на работу, всё это время проводя в бараке на должности дневального.

К концу зимы Синтаро уже сносно говорил по-русски и почти всё понимал, особенно когда кто-то ругался. Брань возбуждала его и вселяла надежду на то, что всё окружающее его великая мистификация, а народ вокруг притворяется. Но однажды ему пришлось осознать, что мир вокруг настоящий

и может его раздавить, как мелкое насекомое. В конце смены, когда он остался один в цехе, к нему подошли трое. Это были недавно прибывшие в отряд уголовники, имевшие статус «сук». Синтаро уже хорошо усвоил, что в лагере есть два вида уголовников: так называемые «чесняги», те кто ни при каких обстоятельствах не работал, паразитируя на безвольных заключённых. Другие относились к «сукам», которые не чурались работы, но делали её из рук вон плохо, выполняя дневную норму за счёт других, и получая за это трудодни. И у тех, и у других на счету были деньги, на которые они отоваривались в лагерном магазине и жили припеваючи. Однако, между ними существовала неприкрытая вражда, доходившая порой до поножовщины, которая прекратилась лишь с приходом нового начальника лагеря. В отряде «суки» держались особняком, работу не любили, используя любой повод, чтобы остаться в бараке, и выискивая среди окружения отщепенца, чтобы притянуть к себе, а затем незаметно сесть ему на шею, а если можно, опустить. Если таковой отыскивался, то они незаметно превращали его в раба. У уголовников водились немалые деньги, за которые охранники через проволоку проносили им курево и спиртное.

– А ты чего, парниша, так усираешься? От работы конидохнут. Ты же не лошадь, а? – с ходу начал подошедший со спины Холод.

– Он не лошадь, он ишак, – пошутил один из дружков по кличке Стул. Компания рассмеялась. В отряде Холода никто

не любил, но многие заглядывали ему в рот, и ловили каждое его слово. Не было такой компании, в которой он не смог бы втереться в доверие. Однако, вскоре эта компания разваливалась. Когда он улыбался, то никто не мог понять, что на самом деле в голове у этого человека, добрая мысль или подлость. Обнажив ряд золотых зубов, и поглядывая то на Синтаро, то на работающую пилораму, он чинно потягивал папиросу, потом смачно сплюнул.

– Как жизнь, япона мама? Не грустно, вдали от родины? Так грустно, что перекурить некогда. План выполняешь, поди, на все сто.

– Нормально, – буркнул Синтаро, стараясь не смотреть на ухмыляющихся гостей. Дружки переглядывались и чего-то ждали от своего командира.

– Ты, япона мать, кого из себя строишь? Матёрого из себя возомнил. Первым не здороваешься, а на работу бежишь впереди всех. Перед начальством, что ли, выпендриваешься?

– Он, наверное, на родину с медалью решил вернуться, – снова нашёлся Стул.

– Ну да, с орденом Сутулова, – ехидно ухмыляясь добавил Холод. – Знаешь, кому такой орден дают? – спросил он, поворачиваясь к дружку. – Стул, покажи, что такое Сутулов, это по твоей части.

Стул согнулся в три погибели, изображая инвалида, вызвав новый прилив нездорового смеха.

– Вчера два плана выдал? Позавчера... Теперь нам в пример тебя ставят, что мол косоглазые всех обогнали. Мы брёвна не успеваем трелевать, а на кой хер, спрашивается. Смейкай, япона мать, что к чему.

Пила продолжала работать, и один из дружков бросил в неё старую телогрейку, на которой обычно сидели рабочие во время перекура. Телогрейку тут же зажевало в раму и разбросало клочками в разные стороны. – Гляди, не заработайся, а то ноги подкосятся от усталости, и в пилу вот так зажуёт. Придётся твоему дружку отскребать от досок тебя, чтобы на родину везти.

В этот момент появились Юрьян и Изаму, закатывая в цех бочку с солярой, для дизеля. В расстёгнутой телогрейке, с открытой шеей, Юрьян неторопливо обошёл пилораму, оглядывая разбросанную вату. – Кто пилу засрал? Телогрейку испортили, сукины дети! Нахрена? – грубо начал Юрьян, схватывая каждого своим колючим взглядом. – Холодрыга, тебе чего тут надо? У тебя работы, что ли, нет? Вон трактор... Иди и ковыряй его, и нехер тут своими золотыми фиксами светиться. Не хочешь работать, тогда иди к чесням. И не путай людей. Убирать тут за всеми рук не хватит. Ты их, Мишка, не бойся, они только понт нагоняют, я этого брата знаю.

Холод сплюнул бычок и усмехнулся. – И где же ты моего брата узнать успел? Сидел, что ли? Может, ты в законе?

– Топаи отсюда, в законе... Пока самого в пилу не заже-

вало, вместе с дружками.

Мужики уже собрались наседать, но Холод остановил их. Он почти вплотную подошёл к Юрьяну, демонстрируя всем своё превосходство в росте, при этом избегая прямого взгляда Юрьяна, словно глаза того обладали свойством обжигать. Возможно, так оно и было, поскольку когда Юрьян смотрел в упор, никто не выдерживал его взгляда дольше одной секунды.

– Моё дело предупредить, Юрьяша, а там поглядим ещё, кого первого затынет, – ухмыльнулся Холод, в то же время обращая свой взгляд не к нему, а к своим дружкам. – Срок-то длинный, а тайга большая, неизвестно, где наши тропочки пересекутся. Смотри под трактор не поскользнись.

Всю троицу недавно перевели из другого отряда, из-за того, что на участке не хватало трактористов, и теперь они собирали вокруг себя всех, кто любил весёлую жизнь, подкупая сначала куревом, а затем и выпивкой. Даже Изаму незаметно для себя попал под обаяние разбитного Холода, научился курить, и частенько оказывался с ним в одной компании, играя в карты, правда, теперь, стоя за спиной Юрьяна, он выглядел растерянным.

Придя в барак вечером, Синтаро, увидел, что на его нарах лежит Холод. Тот, казалось, спал, и не слышал, что над ним собралось несколько человек. Потихоньку народ стал посмеиваться. Лежать обутым на нарах запрещалось, но Холода, как видно, этот запрет не волновал.

– А ты, Мишаня, приляг рядышком, – посоветовал один из дружков Холода по кличке Мазута. – Вдвоём-то теплее будет.

Неожиданно толпу раздвинул Юрьян. Оглядев, можно сказать, в упор пристально каждого, он словно выстроил защитную стену между собой и уголовниками. – Значит, решили поломать парня?

– Не встревай, Юрьян, не твоё дело, – возник из толпы Стулов. – Тебе какое дело до этого узкоглазого? С какого хрена он тут место занимает? Чтобы такое тёплое место получить, нужно вес иметь. То ли дело дружок его, Изама, парень свой. А этот, перед начальством выслуживается что ли? Ударник комтруда.

– Кому нести чего куда, – вставил Мазута, провоцируя народ на непринуждённый смех.

– А потом в медпункт к полячке бежит по пустыкам, ах заноза у него в жопе застряла. Вон, пусть крайнюю шконку занимает у входа.

Народ расхохотался, в то время как Юрьяну было не до смеха, как и самому Мишке.

– Ну что, япона мать, скажешь? Два плана нагора каждый может давать, только кому из нас это нужно? Ты спросил у людей? – не унимался Стул.

– Ты кто тут такой? Что бы обвинять, – перебил Юрьян. – Твоё дело, Стул, чужие зады нюхать. Может, твою фотографию ещё среди тех портретов повесить? Посерёдке. Закрой

пасть, и жди когда скажут говорить. А с него есть, кому спросить, – стоял на своём Юрьян, не отступая ни на шаг, и незаметно отодвигая всех от нары, где лежал Холод. – Серёжа, не буди лиха, – вкрадчиво продолжал Юрьян. В ответ на это Холодрыга приподнялся на локте, и глубоко зевнул, чинно устраивая свой зад на новом месте, давая всем понять, что теперь это место его, при этом оставляя на лежанке грязь от своих сапог.

– Вот именно Юра, не буди лиха, пока оно тихо. Ты мужик неглупый, тебя многие уважают в отряде, ты староста, и я с этим считаюсь. Но и ты меня уважь. Норму я выполняю, в лагере все это знают. Я человек с авторитетом, жизнь повидал. И страх наводить не надо. Мы пуганы. Ты отдыхай Юрок, твоя смена закончилась. А с япошкой я как-нибудь сам разберусь.

– Про медичку пусть расскажет, – воскликнул кто-то из толпы.

– Вот-вот. Пусть он нам всем про медичку расскажет. Говорят, у полячки рука лёгкая, уколы не больно делает. Хороша бабёнка, а, япона мать?

Со слов Холода ситуация складывалась не в пользу Мишки. Народ одобрительно посмеивался, все попеременно поглядывали то на Холода, то на Япона-мать, то на Юрьяна, ожидая развития событий, и предвкушая развязку. Синтаро уже сжал кулаки и готов был кинуться на Холода, но Юрьян остановил его.

– Погоди, паря, не спеши, – придержал его Юрьян. – Смотри лучше, и мотай на ус. Мы сами разберёмся. Не так ли, Серёня? Ведь ты сделал мне вызов, если я правильно понял тебя. Я ведь староста, и должен следить за порядком в отряде. Мне за него ответ держать перед десятником. И вот я вижу, что некто наплевал на правило, и залез своими грязными копытами на постель. Этак если все начнут? Свиначник получится. Говоришь, жизнь повидал. А видел ты, Серёня, когда-нибудь в местной тайге тигра? – медленно продолжал Юрьян, мягко раздвигая толпу. – Знаю, что не видел, ты и в лес-то боишься ходить, больше на тракторе раскатываешь. В этой тайге полно тигров. Я убил одного нынче летом, народ не даст соврать. Повадился на деляну котяра рыжий, здоровый такой, одного дружка моего утащил. Людоед. С такими шутки плохи. Зверь он ведь как... Если один раз человечинки попробовал, то уже не отвадить. Пришлось его убить. Но это что... На фронте я на железного тигра ходил в одиночку, и как видишь, живой. И такие, как ты, для меня вроде мышей кажутся, я их не то, что не боюсь, даже в упор не замечаю. Сами из-под сапог разбегаются, только треск стоит, когда наступишь. Я когда во вражеском окопе оказывался во время атаки с одним ножичком... Там винтовка уже только мешает. Так немцы при виде меня как мыши разбегались, только писк стоял. Я их штабелями клал. От меня даже командиры шарахались после боя, потому как весь в крови был. Ходишь, закурить просишь, а с тебя кровь

капают ещё, и никто понять не может, чья это кровь. То ли моя, то ли фрицев. Пока ты на рынке у людей карманы потрошил, квартиры грабил, я фрицев на тот свет отправлял пачками, нашу землю освобождал от нечисти. И тут ты, авторитетный, весь блестящий от сала и солярки, своими наколками на понт молодых пацанов взять хочешь. Меня страшашь. И где вас таких откармливают?

В полумраке холодного барака голос Юрьяна казался до странности тягучим и завораживающим. Никто и не думал перебивать, или встречать, а от последних слов народ и вовсе притих, и сам Холод уже не улыбался и не высвечивал золотыми коронками, и тоже растерянно смотрел на Юрьяна, уже не зная, как себя вести дальше. Рассказ Юрьяна привлёк всё внимание окружающих, а сам он тем временем продолжал говорить, словно гипнотизируя, как удав свою жертву, в то же время без лишней суеты вытаскивая из-под нар грубо обработанный нож. – Вот этим тесаком я его убил, тигра того, точнее добил, когда он в петлю попался. Больной, видать, был, раз на человечину потянуло. Сидел в ней неделю и кидался на всех, кто мимо проходил, вот как ты сейчас. А что толку, зубы скалить, тросик-то не порвать, как не старайся. Ты, видать, тоже больной, если тебя так тянет на людей. Без крови людской не можешь. Принеси-ка Миша со столба лампу, света что-то маловато. – Юрьян принял из рук Синтаро керосинку, сделал огонь ярче и стал на глазах у всех нагревать кончик тесака через верхнее отверстие стек-

ла. – Это, Серёжа, чтобы микробов не было, для дезинфекции, хотя для твоей откормленной жопы это не обязательно, – пояснял Юрьян, возвращая Мишке лампу.

– Ты что удумал, Прах? Ты это, кончай, за такое и срок можно... – Холод не договорил и словно ужаленный слетел с нар, порываясь спрятаться среди своих дружков, но Юрьян молниеносно оказался рядом с его спиной, быстро обхватил его одной рукой за шею, а другой всадил кончик зажатого в кулаке лезвия в зад. Удавка его руки была такая сильная, что Холод даже не мог кричать, он лишь хрипел.

– Только дёрнись, сука подзаборная. Вмиг распорю твою сраку, что никакой хирург не сошьёт. Артерия-то рядом, дёрнешься, и считай труп. Ты не думай, мне не страшно за такого гада, как ты, срок тянуть, годом больше, годом меньше. А за тебя так и вовсе, могут скостить срок. – Он приподнял Холода, и под общий вздох бросил на пол. Во всех его движениях действительно угадывалось что-то от оскалившегося тигра. Ладонь его кровоточила, но это нисколько не заботило Юрьяна, казалось, ещё секунда и он добьёт Холода.

– Ну ты пожалеешь, ну ты долго будешь жалеть. Ты мне за это ответишь, – сквозь зубы грозил Холод, с трудом поднимаясь с пола, и держась рукой за раненный зад. Толпа некоторое время безмолвствовала, а затем взорвалась смехом. Кто-то похлопал Юрьяна по плечу, его обступили товарищи, ограждая от возможного нападения других уголовников.

– Скажи только где? Но чтобы без свидетелей. Чтобы ни-

кто не узнал, где я тебя закопаю, – спокойно ответил на угрозу Юрьян, протирая своё оружие. – Одной мразью станет меньше.

После этого случая Изаму уже не путался среди друзей Холода, и сам Холод становился в присутствии Юрьяна тихим и незаметным. Случай с тигриным зубом показал всему народу, населявшему барак, что сила уголовников в страхе и разобщённости людей. Влияние и авторитет Юрьяна были неоспоримы, и все, кто раньше держался его стороной, прикнули к нему и поддерживали, если того требовала обстановка. Конечно, в отряде понимали, что Холодрыга просто так не забывает обиды. Поговаривали, что он ищет удобного случая, чтобы отомстить Юрьяну. Правда, этого ему так и не удалось сделать, – во время ремонта сцепки, с помощью которой крепилось бревно, его трактор сорвался с тормоза и наехал на Холодрыгу всей своей массой. В самый последний момент Холод успел выскочить из-под гусеницы, но одна нога всё же осталась под ней; крик его был слышен по всей территории лагеря. Ему ампутировали ногу по самое колено и, как непригодного к работе, освободили от оставшегося срока. В последний день пребывания в лагере Холод попросил, чтобы друзья на носилках принесли его в отряд. Там бледный, с тяжёлыми каплями пота на лбу, он с трудом поднялся, опираясь на новые костыли, снял шапку, и как мог, низко поклонился перед зэками, прося у всех прощения. Все сочувственно молчали, кто-то даже заплакал. Таким было про-

щение с самым жестоким и коварным человеком в отряде. Глядя на его горе, зла уже никто не помнил.

Печёнкину позвонили, когда он собирался делать плановый обход лагеря. После недолгой паузы, он снял трубку, и коротко ответил: «Печёнкин, слушаю».

Звонили из Владивостока. Это был уже второй звонок офицера разведки майора Вязова. Дело, о котором говорил Вязов, было странным. Необходимо было наблюдать за двумя заключёнными и, смотря по ситуации, следить за тем, чтобы с ними ничего не случилось, пока они находятся в заключении. Сложность состояла в том, что об этом никто не должен был знать, ни эти двое японцев, о ком пёкся Вязов, ни тем более остальные зэки. Конечно, Печёнкин понимал, как тяжело приходилось заключённым в неволе: терпеть зимы, голод, условия быта, и всё же, такого, как в тридцатые годы уже не было. Он потратил немало времени и сил на ревизию личного состава охраны лагеря, отчего уже почти не наблюдались издевательства. Насколько было возможным, очистил лагерь от уголовников. Может, поэтому за последний год не было зафиксировано ни одного побега. Условия работы были тяжёлыми, но как стало понятно, не этого люди боялись больше всего. Как и в любом сообществе, основная масса заключённых выживала за счёт объединения в группы, деля поровну все невзгоды и радости. Но были и такие, кто предпочитал жить за счёт слабых, и не способных посто-

ять за себя. Выжить в таких условиях мог тот, кто вовремя находил себе единомышленников, близких по духу, крови, и по силе. Как могли в таких условиях проявить себя японцы, Печёнкину пока было неясно. Судя по рассказам, тех же охранников, или докладам командира отряда, беззащитными назвать их было нельзя, хотя, в помощи они, конечно же нуждались. Именно это, – простую поддержку со стороны близкого окружения и надо было организовать. Всё остальное зависело уже только от самих японцев.

– Значит, япона мать.

– Совершенно верно, Илья Ильич. Так их и называют в отряде, да и во всём лагере. Они вроде любимчиков у нас в лагере, даже щёки отъели, – не скрывая удовольствия докладывал Печёнкин.

– Ну, вы там их особо не балуйте, чтобы служба мёдом не казалась, – говорил Вязов. – Хотя, признаюсь, мне приятно слышать такие новости, и, Михал Семёныч, – голос в трубке ненадолго умолк. Печёнкин взял карандаш, и в ожидании стал чиркать по листку бумаги разные фигуры. Потом, глядя на них, он без труда вспоминал содержание любых разговоров, в том числе и телефонных. – Возьмите под собственный контроль работу по их идеологическому воспитанию. Песни, кинофильмы, самодеятельность... Я понимаю, что исправительно-трудовой лагерь не самое лучшее место для идеологической пропаганды, но эти двое нам очень интересны. Я знаю, что в вашем лагере неплохая самодеятельность. Через

некоторое время необходимо, чтобы они были готовы к тому, что мы предложим. Если мне не изменяет память, у них по пять лет? Так долго мы, конечно, ждать не можем, время требует ускоренных действий, но и бежать впереди лошади нам тоже не стоит, и от вас многое зависит. Вовлекайте их в общественные дела, больше свободы, инициативы. Поставьте рядом верного человека, желательно из своих, заключённых, пусть приглядывает.

– Это мы уже сделали после первого вашего звонка, товарищ майор.

– Вот и замечательно, Михаил Семёнович. Да, и фотографии вы получили, надеюсь? Вот и славно. Тогда успехов, полагаюсь на вашу ответственность и сообразительность. Кстати, вопрос о вашем переводе уже прозвучал, но пока вы нам нужны именно там, у себя, так что, потерпите немножко. Послужите на благо отечества. Честь имею.

В трубке послышались гудки. Эти «честь имею», «благо отечества», было отличительной чертой майора Вязова. Не всякий военный мог позволить себе выражения в духе бывшего белого офицера, и нечасто офицеры ГРУ звонили в лагерь и интересовались простыми зэками. За три года работы в лагере Печёнкин перевидал разных людей, он давно понял, что все они, как и он сам, выживают, не больше и не меньше, с той лишь разницей, что на одних была надета форма, а на других роба. Его жизненный опыт подсказывал, что не смотря на положение, и где бы человек не находился, за про-

волокой, или вне её, одни действовали за страх, а другие за совесть. Вязов относился ко второй категории людей.

Печёнкин положил трубку и вызвал дежурного. – Позови-ка милейший. – Он осёкся, поймав на себе влияние только что прошедшего разговора. – Старшина, найди мне из шестого отряда Идзиму.

– Слушаюсь. Это того, что японка мать? А второго?

Печёнкин ненадолго задумался: – Второго не надо. Выполний.

Когда дежурный ушёл, Печёнкин достал из ящика стола пачку фотографий и стал перебирать их. Это были качественные чёрно-белые снимки, пришедшие на его почтовый ящик от Вязова. Фотографий было около двадцати, в основном виды разрушенных российских городов. Но были снимки, сделанные в Японии. Эти несколько изображений не давали покоя Печёнкину всё время, пока лежали в столе. Он ещё никому их не показывал, понимая, что любой неподготовленный мозг может вскипеть от одной мысли, что это возможно. Это были Хиросима и Нагасаки.

В бараке никого не было, все ушли на работы. Лишь один дежурный бродил по проходу с грубым веником. Синтаро сидел на нарах и смотрел в одну точку. Разговор в кабинете начальника лагеря потряс его. У Синтаро подкашивались ноги, пока он возвращался в отряд. Как такое могло случиться, думал Синтаро. Прошло столько времени, почти два года,

а он только сейчас узнал о том, что случилось в Японии. О том, что больше нет Йошико. Нет целого города, в котором она жила, нет её близких. Их больше нет, – повторял, словно заезженная патефонная пластинка Синтаро. Два года он жил надеждой вернуться домой и увидеть родных. Всё это время он жил надеждой на возвращение, на встречу с девушкой, которая жила в его сердце столько лет. Но в один момент всё исчезло. Перед его глазами всё время менялись картинки, это были лица его близких, море с рыбацкими лодками, сады, утопающие в розовых цветах... И среди всего этого перед глазами стояли развалины Хиросимы, города, где жила Йошико. Были и другие снимки, что показывал Печёнкин, на них тоже было человеческое горе, много горя. Он понял, что все его переживания и жалость к себе ничто в сравнении с тем, что могли пережить люди Хиросимы и Нагасаки, или любого русского города, где прошла война. Он посмотрел на свои мозолистые огрубевшие от работы руки и, обхватив ими голову, завыл. Потом, когда слёзы высохли, он подумал, что, может быть, именно это путешествие в Россию спасло ему жизнь, и что уже обратной дороги в прошлое для него не будет. А значит, прав был тот офицер, надо выбирать. Неожиданно его толкнули в спину. Он обернулся и очень удивился. Пока он сидел в полузабытьи, к нему вплотную подошли два рослых китайца, точнее, это были маньчжуры, которых в лагере называли не иначе как хунхузами. У них было нечто вроде артели на территории лагеря. Дер-

жались они замкнуто и сплочённо, поскольку и до лагеря были в одной шайке. Этим пользовалась охрана лагеря, держа одну их часть на территории, вроде заложников, другая половина в это время работала на деляне, одновременно промышляя зверем и снабжая солдат охраны мясом. Всем было выгодно: китайцы были относительно свободны и замкнуты в свою группу, а лагерники не беспокоились о том, что те могут сбежать. Хунхузы целыми неделями могли пропадать в лесу, и никто об этом особо не беспокоился, пока те сами не приходили, словно прирученные волки. Все они были осуждены за контрабанду и браконьерство, несколько лет промышляя в тайге пушниной, струёй кабарги, пантами оленей, женьшенем... Поговаривали, что они и женщин воровали. Вся добыча уходила в Китай. Их поймали на границе, окружив целый отряд, в котором было около полусотни вооружённых до зубов хунхузов. Теперь они работали, как и сам Синтаро, на СССР, валили лес. Сильные и выносливые, не знавшие, что такое холод и зной, они работали сучкорубами. В это время они должны были быть на участке, кромсая стволы привезённых из тайги хлыстов, и что они могли делать в рабочее время в бараке, Синтаро было непонятно. С ними он старался не общаться, поскольку японского языка они не знали, а по-русски едва говорили. К нему они всегда относились с презрением, и если бы не Юрьян, то неизвестно, дотянул бы Синтаро до окончания своего срока, или нет.

– Кы тебя базала есыта. Моя говоли, тивоя сымотри. Ты

япона ма не ходя медисыка Ядывига, – певуче произнёс один из китайцев, лукаво улыбаясь и щуря без того узкие глаза. Было непонятно, угроза это была или простой совет. Подавленное состояние вмиг улетучилось, Синтаро сразу понял, о чём идёт речь, и чувствуя тревогу, стал выискивать взглядом дежурного, но в отряде больше никого не было. Синтаро понимал, что китайцы здесь не случайно. Некоторое время он решал, на каком языке говорить с ними. Китайский язык он понимал, поскольку в лагере было немало китайцев, но говорил неважно.

– Не ваше дело, – грубо ответил по-японски Синтаро, вставая с лежанки. Фраза словно резанула по ушам китайцев, Синтаро прекрасно знал, как ненавидят они японскую речь. –Ещё я буду какого-то хунхуза слушать, – добавил он уже по-русски. В этот момент один из китайцев что-то горланно произнёс другому, очевидно переводя слова, глаза у обоих загорелись яростью, он резко схватил Синтаро за руки, хватка была железной. Другой в это время натянул ему на голову его же телогрейку. Синтаро пробовал кричать, и уже было вырвался, как в затылке что-то треснуло. Во рту сделалось сладко, и он понял, что его ударили чем-то тяжёлым. Несколько секунд мозг ещё работал, и перед глазами Синтаро поплыли окна барака, перегородки нар, потом пошли разные образы, он увидел тот день, когда они с братом Ючи пришли к Ли Вею за сахаром, светило яркое весеннее небо, а потом всё повторилось, и полёт в бесконечное небо,

и возвращение в брненное тело.

– Ну, давай, очухаешься ты, наконец, или нет? Япона твоя мать, пора бы уж прийти в себя.

Это было первое, что он услышал. Он ещё не открыл глаза, и был ещё там, в другом мире, но услышанная фраза словно втянула его в реальность, Синтаро открыл глаза. Ему стало обидно, что прервали его полёт. Он снова летал в прозрачном пространстве, и там, над искрящейся поверхностью земли ему ничего не надо было, он был счастлив и свободен. Вернувшись в обычный мир, он сжал зубы и застонал от обиды и боли.

– Ну, слава богу, в сознание пришёл.

Над ним склонялась Ядвига в привычном белом платке, с марлевым тампоном в руках. Позади стоял Юрьян.

– Может, нашатыря ему?

– Хватит, – заверила медсестра. Синтаро попробовал приподняться на локтях, но тут же в затылке резануло острой болью. – Лежи, бедовая твоя голова, – скомандовала Ядвига, придерживая его рукой.

– Что с моей головой? – морщась от боли спросил Синтаро, трогая руками забинтованную голову, одновременно осматриваясь в комнате.

– Молчи, не говори ничего. Цела твоя голова, жить будешь. Чудом не треснула. Чем тебя ударили? Ты что-нибудь помнишь?

– Не знаю, что-то из железа.

– Топором его, скорее всего долбанули. Обухом. Это ещё хорошо, что телогрейка смягчила удар. Могли и так треснуть. Считай, что повезло. Могли бы и на тот свет отправить, – размышлял Юрьян за спиной медсестры.

Синтаро вспомнил, как видел, что один из китайцев держал за спиной какой-то предмет, пока другой говорил с ним.

– Вот до чего доводит... – Юрьян не договорил, покосившись на Ядвигу. – Ну, ладно, пойду я, смотри за ним, дочка. Мне на смену, бригада ждать не будет. Будь здоров, Миха, выздоравливай поскорей, без тебя норму не выполнить.

Ядвига заперла за ним дверь, подошла к кровати и присела на край постели. – Больно? Потерпи, Мишенька. Видишь, чего стоит наша дружба, – заговорила она. Синтаро взял в руки её ладонь. – Не надо плакать. Слезы горе не легче, не лучше.

– Не помогут, – поправила Ядвига и негромко рассмеялась. Ты так забавно говоришь по-русски. У тебя красивый голос, бархатный. Но думаю, что ты этого не знаешь.

– Почему? – удивился Синтаро, поглаживая ладонь Ядвиги.

– Глупый мальчишка. Да потому что человек не слышит своего голоса.

– А что же он слышит?

– А слышит он голос... – Ядвига задумалась. – Ерунда всё это. Пока никого нет, давай поговорим серьёзно. Ты можешь слушать?

Синтаро кивнул, и снова почувствовал острую боль в затылке. – Я могу.

– Нам не надо больше встречаться, Миша. Не ходи сюда больше, иначе он тебя точно убьёт. У него столько своих людей в лагере, ты не знаешь. Я его боюсь Миша. И за тебя тоже боюсь.

– Бояться... – Синтаро задумался, вспоминая слова Ли Вея, что у жизни нет задачи расправиться с человеком, и все люди лишь её слуги, выполняющие роли. – Жизнь всего лишь испытание, – произнёс он слова Ли Вея. – Я всё понял. Бояться не надо Ядвига. Скоро мой срок окончится, и я тебя увезу домой в Японию. Вот увидишь.

Эти слова неожиданно вызвали в Ядвиге взрыв эмоций. Она вскочила и закрыла лицо платком.

– Господи, какая Япония? Тебя никогда не выпустят из этой страны, как и меня. Ты думаешь, почему я здесь, в этой тюрьме? Мне некуда идти, все дороги закрыты. Навсегда, понимаешь. Навсегда.

– Тогда мы будем жить здесь, в этой стране, в этой тайге. Где угодно. Везде есть, – Синтаро задумался, выискивая нужное слово, – везде есть... Везде есть хорошие люди. Солнца хватит нам.

– Да причём тут солнце? Причём тут люди?

В этот момент хлопнула входная дверь, кто-то зашёл в медпункт, послышались неспешные шаги. Девушка молниеносно повернула ключ в двери и прошла к шкафу, где хра-

нились медицинские принадлежности. Когда дверь открылась, она смачивала тампон раствором. В палату вошёл высокий сухощавый офицер в длинном белом полушубке, тщательно выбритый, от него исходил запах выделанной овчины. Сквозь этот запах несложно было услышать лёгкий шлейф спиртного духа.

– Я слышал, наш японский товарищ повздорил с земляками, – словно удивляясь собственным словам, произнёс офицер. Это был начальник продовольствия Векшанский. Он ухаживал за Ядвигой с того дня, как она оказалась в лагере. Ядвига приехала вслед за своим мужем, которого в числе нескольких офицеров генштаба обвинили в заговоре. Если бы это было в начале войны, то его сразу бы расстреляли, но в сорок четвёртом всем было ясно, что Германия уже сломлена, и кому-то просто мешал один преуспевающий штабной подполковник. Андрея Полянского привезли в лагерь в самом конце апреля, когда у всех людей с лиц не сходила улыбка, и светились в ожидании долгожданной победы глаза. Полянский ничего этого не видел. Оказавшись за проволокой, он понимал, что обратной дороги к той карьере, что светила ему в столице, уже не будет. Молодая жена, приехавшая вслед за ним, устроилась санитаркой в лагере, и пока муж был жив, она могла его видеть каждый день. Он приходил к ней в любое свободное время. Несмотря на то, что он был в числе осуждённых, отношение к нему со стороны начальника лагеря было благосклонным. Даже здесь, среди

бесконечного леса и нестерпимого гнуса и холода они были счастливы. Но счастье длилось недолго. В один из дней Полянского завалило кипой брёвен. Трактор, растаскивающий привезённый лес, сделал резкий разворот и задел скребком одно из брёвен, скирда поехала вниз, придавив Полянского. Он ещё жил несколько дней, но положение его было безнадежным, и все, кто выхаживал его, говорили, что человеку этому уже не жить, что если бы перевезти в город, то тогда, быть может, врачи и смогли что-нибудь сделать. Но здесь...

Она похоронила его на местном кладбище, среди неухоженных могил. Их было много, с камнями вместо памятников, с нарисованными на них звёздами и крестами, самых разных. На могилке Андрея был небольшой деревянный крест, его сделал из кедровой плахи местный житель дед Тимофей. Когда Ядвига осталась одна, Тимофей приютил её в своём доме. На краю посёлка у него была срублена небольшая изба с пристроенным амбаром, где он хранил свой скарб и таёжные трофеи. Так, в одной половине жила она, а в другой за русской печкой, Тимофей. Он редко бывал в посёлке, пропадая в тайге, а когда приходил, то всё время ходил по людям, помогая всем, кто его просил, избавиться от хвори. Он бы и мужа её выходил, так он говорил, но на тот момент его не оказалось на месте – был на охоте.

Когда она осталась одна, то вскоре к ней домой пришёл офицер, и предложил место заведующей медсанчастью. Он объяснил, что на большой земле нормальной работы ей не

найти, что её фамилия только будет вредить ей, и хорошо бы её сменить, и что лучше пока оставаться здесь. А когда всё утрясётся, он первый об этом скажет. Это был Векшанский. А ещё через месяц он пришёл к ней в медпункт с бутылкой шампанского и шоколадом и предложил переехать к нему на квартиру. Жил Векшанский на территории лагеря, в отдельном доме для офицерского состава. Его квартира, как и у начальника лагеря Печёнкина, имела отдельный боковой вход. Все знали, что начпрод второй человек в лагере после Печёнкина, но многие понимали, что это не так, что в лагере главный он. Понимала это и Ядвига. Не смотря на то, что начпрод был подчёркнуто вежливым и обходительным, она отказала ему, и с тех пор Векшанский не давал ей прохода, его визиты в медсанчасть были ежедневными, он подолгу мог сидеть в приёмной, и наблюдать за её работой. В этот раз всё повторялось как обычно.

– Вашему любимчику повезло, – спокойно произнёс начпрод, собираясь уходить. – Кстати, мы нашли виновных. К сожалению, простая бытовая разборка на фоне национальной вражды. Китайцы ненавидят японцев, а те, в свою очередь, китайцев. Замкнутый круг. Надеюсь, для вас это не новость. Полагаю, травма несерьёзная, и завтра снова в строй. Стране нужен план, а зэки должны работать, таков порядок. Мы все работаем на благо нашей великой страны, не так ли, милая Ядвига. Кстати, я по-прежнему, жду от вас ответа на моё предложение. Вы понимаете, о чем я? Или мне повто-

ряться?

Её никогда не волновала осведомлённость Векшанского в том, что между ней и Идзима Синтаро существовала симпатия, а с этого дня она ощущала нечто большее. Её не влекло к молодому японцу, нет, но когда он появлялся в санчасти, у неё менялось настроение, тяжёлые мысли исчезали, и она ловила себя на том, что общение с этим необычным заключённым снимает с души тяжесть, она забывала, что вокруг людские беды и несчастья. Вместо боли и страдания от юноши всегда исходило тепло и доброта. Когда он приходил за помощью, и держал на весу травмированные руки, стойко снося жгучую боль от йода, и когда пробежал мимо с другими заключёнными, одаривая её своей неповторимой детской улыбкой, она всегда испытывала радость. В нём таилась безграничная щедрость, и в то же время деликатность, чувствовалось уважение к ней, которое ощущала она когда-то лишь со стороны мужа. Среди множества людей, окружавших её в лагере, Синтаро с первого дня показался ей непохожим ни на кого другого. Была память, конечно, об Андрее, был и дядя Тимофей, немногословный и таинственный лесной человек, любивший её как родную дочь. Были люди в лагере, которым она была всегда рада и готова помочь, и если бы не они, то жизнь за проволокой была бы для неё невыносимой. Но этот юноша притягивал чем-то иным. В нём чувствовалось особое отношение к ней как к женщине. Было что-то по-детски ласковое, и в то же время постоянное, что впиты-

вається с молоком матери и не меняется ни при каких обстоятельствах. Он не был героем, но в его глазах она никогда не видела страха. Она незаметно привыкла к Синтаро, как и все называя его Мишей.

– Конечно, – согласилась она, оторвавшись от мыслей, и понимая, что пауза затянулась.

– Не понял, – растерялся Векшанский, стоя всё это время в проёме двери. – Что конечно?

– Мы все должны работать, не покладая рук, на благо нашей великой страны.

– Ах вот вы о чём. Не говорите чепухи, милочка. Вы ведь не русская, вы полька, судя по имени. А поляки всегда ненавидели всё, что связано с Россией.

Последняя фраза больно резанула Ядвигу. Она родилась в России, как и её родители, когда Польша была частью этой огромной империи, и прожила всю сознательную жизнь в Советском Союзе. Понимая русских людей, она была такой же, как они. Она любила Россию, но была и её родина, в её сердце, в памяти, где остались мать и отец.

... – Ну, так, я жду, дорогая моя Ядвига, и терпеливо надеюсь, – сказал на прощание Векшанский, закрывая за собой дверь.

Когда она вернулась к Синтаро, тот, приподнявшись на локти, смотрел в окно, наблюдая, как уходит начпрод.

– Это он, я знаю, – произнёс Синтаро. – Я знаю.

– Ты это о чём? Ты ложись, тебе нельзя напрягаться, Ми-

ша. Иначе в голову кровь пойдёт. Погоди, сейчас перевязку сделаю, вон снова кровь выступила.

– Это он.

– Что ты говоришь, Миша? Молчи! Молчи и никогда об этом не говори никому.

– Хорошо, буду молчать. Я всё понимаю. Но лучше, если бы они убили меня.

– Что ты такое говоришь! Миша! – Ядвига откровенно растерялась, уставившись на юношу своими огромными голубыми глазами. Ты в бреду, наверное. Тебя дома ждут, разве ты забыл? Мать, отец, твоя Йошико. Ты же сам мне рассказывал о ней. Я знаю, она дожждётся тебя, а ты выдержишь, если не будешь делать глупых поступков.

– Теперь уже не дожждётся, – отрешённо сказал Синтаро, и тут же спросил. – Это правда?

– Что правда? Я не понимаю тебя.

– Хиросима... Это правда, что её бомбили страшной бомбой?

– Откуда ты об этом узнал? – Ядвига растерянно села рядом с Синтаро и взяла его руку, сильно сжимая. – К сожалению это правда Миша. Это правда, – повторила Ядвига медленно отнимая руку.

На следующий день, когда Синтаро должен был снова идти в отряд, хотя повязка на голове всё ещё кровоточила, Ядвига снова осмотрела его. – Тебе нужно идти, но я буду просить, чтобы тебя оставили ещё на пару дней.

– Не надо, я здоров. Я хочу сказать тебе. Послушай. – Синтаро огляделся, и прислушиваясь к звукам за окном. Я ночью не спал. Думал о тебе, обо мне. О Йошико. Её давно нет, с тех пор как меня увезли на каторгу. Но я верил что вернусь. Это меня спасало от дурного поступка. Теперь я знаю, что судьба так спасала меня.

– Миша не надо, лучше не надо, – не скрывая волнения произнесла Ядвига.

– Так случилось, – тихо сказал Синтаро. – Он снова взял её кисть, тонкую, с холодными пальцами. – Что у вас говорят, когда нравится человек? Когда страшно говорить, но хочется открыть, то что внутри, в сердце.

– Что открыть? – Ядвига отдернула руку, а затем схватила его ладонь, почувствовав, как в теле поднимается жар. – Кохам. Люблю. В России говорят...

– Люблю, – перебил Синтаро, переплетая свои огрубелые пальцы с длинными и тонкими пальцами Ядвиги. – Мы похожи, мы с тобой одно. От разных деревьев листья, упавшие рядом.

– Ты так красиво сказал. Мне странно слышать такое от человека, который ещё год назад едва говорил по-русски. Как листья... Которые разметает ветер в разные стороны.

– Не говори так. У нас судьба одна. Ты как тёплое солнце. Недавно было не так, всё было не так. Я хотел бежать, хотел вернуться домой. Сейчас без тебя нет ничего.

Она прижалась к нему и стала целовать его лоб, щёки.

Слёзы покатались, обжигая его лицо. – Мишенька, родимый мой. Что ты говоришь? Мне страшно. Посмотри вокруг, мы словно в аду. Погляди на меня, ведь я тебя старше, мне уже больше тридцати, а ты же совсем мальчик ещё. Ведь не будет нам счастья здесь. Не будет. Неужели ты не понимаешь?

– Счастье? Что это? Я не знаю что это.

– Молчи, не говори, не спрашивай, никто не знает, что это. Ты моё счастье, ты. Горе моё луковое.

– Что такое горе луковое?

– Глупый. От лука плачут, и я от тебя плачу.

Неожиданно дверь открылась, на пороге стоял Векшанский. – Я кажется не вовремя, – растерянно произнёс он, медленно входя в приёмную. – Может мне подождать за дверью, пока вы окончательно попрощаетесь.

Ядвига, покраснев от волнения прижалась к стене, отвернув взгляд. – Прощай Миша, – намеренно громко произнесла она едва ли не выталкивая его из прихожей. Синтаро молча кивнул и ушёл, унося в душе надежду, и в то же время тревогу.

Миновала ещё одна зима. Он по-прежнему работал в бригаде на пилораме. Голова быстро зажила, хотя последствия удара давали знать, особенно когда приходилось ворочать брёвна. Юрьян следил за тем, чтобы Синтаро не переусердствовал.

– Не ломи, паря. Чего ты пуп свой рвёшь задарма. Вый-

дешь на свободу, вот тогда рви на здоровье. А здесь надо бечься. Наше дело сохранить себя. Ждут нас, понимаешь? Дома ждут. А раз так, то брось это бревно, если не в жилу оно тебе.

– Ты, как всегда, шутишь, Юрьян? – спорил Синтаро, улыбаясь. Он знал, что его товарищ прошёл всю войну, и не боялся трудностей. – Ты же сам говорил, что воин не должен бояться трудностей и прятаться за спинами товарищей.

– Одно дело война, другое дело тюрьма. Конечно, мы должны презирать страх, мужчина в первую очередь воин. Но здесь мы не по своей воле, и ложить голову на плаху... Нам надо выстоять, и обязательно выжить. Война и лагерь, это разные вещи. А в судьбу я, паря, не верю. Тюрьма это по глупости.

– За что тебя осудили? – спросил Синтаро, когда пила заработала вновь, и все, кто находился рядом, уже ничего не слышали. – Жрать охота, кормить стали нехорошо, – пожаловался Синтаро, присаживаясь на бревно рядом с другом.

Юрьян порылся в кармане и сыпанул в ладонь Синтаро горсть кедровых орешков. – Спрашивай почаще, у меня этого добра хватает. Незаменимая вещь в тайге, особенно зимой. Это мне товарищ один с деляны подбрасывает. Земляк мой. У нас в Сибири без них никуда. Ничего, скоро зелень полезет... Чеснок дикий пойдёт, черемша... Уже веселей будет. Жира не нагулять, конечно, но и с голоду не умрём. Погоди вот вот.

Кедровые орешки действительно выручали, и Синтаро сразу оценил и вкус, и сытность этого лесного продукта. Юрьян научил его делать из орешков муку, смешивая с хлебными сухарями и молодой хвоей. Получалось и сытно и объёмно. Ещё в эту муку он добавлял барсучий жир, от этого лепёшки получались как будто тёплыми. Благодаря жиру они могли долго храниться и не разваливались. Немного горчили, но были вполне съедобными.

– За что осудили, говоришь? В морду одному дал. Подрался. А по уставу в военное время драться нельзя. Всё бы ничего, на войне ведь всякое бывает, но я-то солдат простой, а этот, офицерик, молодой, вроде тебя. Только с училища, с гонором. Вот, с сорок четвёртого лес и валю. Но это паря хорошо, что так вышло. Могли, конечно, в штрафбат, но я там уже и был, дальше, как говориться некуда. Вот меня и убрали с глаз долой. А они потом все полегли, под Варшавой, и лейтенантик тот. Один там остался в живых, дружок мой, письмо прислал, как домой приехал. Вот такие бывают чудеса в жизни.

Рассказ Юрьяна заставил Синтаро вспомнить свою жизнь в Японии, и подумать, что неизвестно как бы пошла его жизнь и куда привела бы его дорога, если бы не случился бунт. Может и в Хиросиму, где жила Йошико. Той Хиросимы, что была когда-то, уже не было.

– Почему ты охраняешь меня, Юрьян. Изаму тоже говорит, он со стороны видит. А с ним ты строг, ругаешь.

– Володька-то? Дурак твой Изаму. Силы немеряно, а в голове, что у барсука – где бы поспать. Ленивый твой дружок. Таких надо понукать всё время, глаз да глаз. Того гляди заснёт где, бревно тут как тут. Одного на моих глазах задавило, даже ойкнуть не успел. О бабе, видать, думал. Ты вон тоже влюблён в медичку. Думаешь, начпрод это терпеть будет? Этот человек в лагере первый, захочет извести, и Печёнкин не поможет. Что смотришь? Ты на меня так не смотри, как Ленин на буржуазию, я всё знаю. Думаешь, чего китаёзы тебя обухом погладили по затылку? Могли же запросто по голой башке шандарахнуть, тогда бы уже на том свете пребывал. А они телогреечку натянули, так сказать, с комфортом чтобы, помягче чтобы было. А почему, знаешь? А потому что Векшанский знает, что Печёнкину до тебя дело имеется. Смотри парень, думаю, что в следующий раз будет что-то потяжелее топора. Ты уж поаккуратнее с полячкой. Баба она добрая, хорошая, ничего не скажу, но судьба её не подарок. Не советую. Хотя, кто в таком деле может советовать. Бог один.

Пока Юрьян говорил, Синтаро смотрел за пилой и молчал. Мысли о Ядвиге всегда были с ним.

– Люблю я её, Юрьян.

– Знаю. Да только и ты меня пойми, что за тебя мне ответ держать.

– Перед Печёнкиным?

Юрьян задумчиво посмотрел в глаза Синтаро.

– Печёнкин... Дело не в нём, хотя он, конечно, твоей

смерти не желает. У него и без вас хватает бед и забот. Жаль мне тебя. Вовку не жаль, а тебя вот жаль. Сердцем чувствую, что не случайно встретились мы здесь, в этом забытом медвежьем углу. Мне дома надо быть, в Сибири, жена у меня, хозяйство, пацанов подымать, двое у меня парней дома. А тут ты, с молоком не обсохшим на губах. Вижу стянуто всё вокруг нас. Да не объяснить тебе, не поймёшь всё равно. Я ведь паря, немного колдун. Думаешь, чего меня все стороной обходят в отряде. Вот, даже Зверёк, и тот шарахается. Это я на него страх нагоняю, время от времени. Не веришь?

– Как это? Не верю.

– А ты смотри на меня, если не веришь. Просто смотри, в глаза.

Синтаро взглянул на Юрьяна и тут же получил удар, его словно отбросило от пугающей пустоты Юрьяновых глаз. Он даже вскрикнул.

– То-то же. Тока не трепись, ни Володьке, никому. Это между нами чтоб.

– Ты колдун?

– Мои предки не такое умели, дед хотя бы. От его взгляда и помереть можно было. Так что с медичкой ты лучше не связывайся, мой тебе совет.

– Но Ядвига мне нужна!

– Не кричи, дурень, уши-то вокруг, что у зайцев. Моё дело предупредить, а тебе решать, ты взрослый.

После этого разговора Синтаро неделю не подходил к Яд-

виге, но и не разговаривал с Юрьяном. Ему было и страшно и обидно, что тот не понимает его.

Третья лагерная весна оказалась ранней, ведущие на деляны дороги, рано пришли в негодность, тракторы едва проходили по ним, протаскивая истёртые до железных стяжек сани. Вокруг пахло хвоей и талым снегом. Заключённые, радостные от того, что пришло долгожданное тепло, скользили по раскисшим дорогам, утопая по самые голенища в холодной грязи, глядели по сторонам, выискивая глазами в верхушках кедров оставшиеся с осени шишки. Их давно склевали птицы, а те, что попадали на снег, съели белки и кабаны. Всюду было полно звериных следов, слышался треск тракторов и звон ручных пил. По делянам прохаживались охранники в распахнутых полушубках, и тоже радовались жизни, щурились от яркого солнца и зевали, зэки на них не обращали внимания.

Синтаро и Изаму всегда находили место в передней части саней, под самым трактором. Это было неудобное место, но зато не так беспокоили ветки деревьев, которые легко могли сбросить с саней. Синтаро знал это и был предельно внимателен, когда двигались сани. Был случай, когда молодая лесина медленно выползла из-под гусениц, а потом, словно пружиной, хлестанула вдоль саней. От удара несколько человек слетело, а одному, самому первому, кого она зацепила за ворот телогрейки, оторвало голову. Сам Синтаро этого не видел, но по рассказам легко мог представить, насколько это

страшно. Из леса приезжали уже в сумерках, дни становились длиннее, и потому приходилось работать больше. Но в лесу лучше кормили, еду привозили на деляну с собой, в основном кашу из ячменной крупы, которую называли перловкой, или пшенную, из проса. Порой ели досыта. Когда охранник был добрый, ставили петли на зайцев. Поймать в петлю зайца было удачей, и тогда деляна наполнялась запахом костра и жареного мяса. Синтаро поначалу брезговал мясом зверя, но потом ему понравилось, с мясом было сытней и веселей. Смена в тайге пролетала быстро.

В тот день они остались на пилораме. Юрьян разобрал дизель и предложил Синтаро помочь ему устранить неисправность.

– Хватит тебе обиженным ходить, Миха. Ты на меня не злишься. Я в твои дела не лезу, и ты мои не осуждай.

Синтаро смущённо улыбнулся и пожал плечами. До этого дизель едва работал, несколько раз глох, отчего приходилось откатывать бревно, чтобы запускать снова раму. Он знал, что Юрьян обратился не случайно именно к нему, а не к кому-то другому.

– Надо бы топливный насос поглядеть, видишь, не тянет двигатель. Пилы вечером точили, брёвна вроде не шибко толстые, а он его едва тянет. По голове-то нас будут шерстить, не кого-нибудь, – словно оправдывался Юрьян.

– Лады, – кивнул Синтаро, скидывая телогрейку. Было светло, несмотря на позднее время, день уже был длиннее

ночи, за что и обидно было и радостно. С моря за перевалом, тянуло по небу серые хлопья одиноких облаков. Глядя на них, Синтаро казалось, что облака приплыли с его родины.

– Чего размечтался? Родину вспомнил? Бери ключ, снимай коробку, – командовал Юрьян, подметая вокруг дизеля. Когда с мотором разобрались, пришёл посыльный и принёс еду. Это был их ужин. Там же, в дизельной, приоткрыв дверцу, они поели уже успевшей остыть каши. Юрьян, как всегда, посыпал её кедровой мукой. – Последняя. Больше нет, – словно извинился Юрьян, аккуратно стряхивая с ладоней последние крупички муки. – Хоть иголку кедровую сыпь, – улыбнулся он приятелю. – Вижу, дуешься на меня, а всё равно к медичке ходишь. Да хрен с тобой, ходи. Бабе мужик нужен, а мужику баба. Ты давно не мальчик, Миха, и молодец, что не боишься ничего. Самую красивую бабу в лагере закадрил, хотя признаюсь, не в моём вкусе, уж больно тощая. Да и на чём тут отъесть задницу? На какую не глянешь, одни кости. Повариха у вохров ничего, в теле баба. Мужики её хвалят. Но пустая. А Ядвига с теплом, душа есть у ней. Вот детей не родила, это плохо, баба должна родить, тогда в ней гармония появляется. Человек любить должен, а что дороже дитя для него, особенно для женщины. Ты слушай, слушай. Как не крути, а подфартило тебе, паря. И ничего что старше, в темноте-то не видно. Так же? – он ткнул Синтаро в бок и рассмеялся.

– Нельзя так о женщине. Она стольким помогает. Лечит, –

смутился Синтаро.

– Шутка это, не бери в голову. Да и ничего дурного нет в этом, это жизнь, паря. Дети тоже не из капусты появляются. А ну встань, покажу чего.

Синтаро нехотя поднялся.

– Выйдем, вон на то ровное место. Давай, возьми меня за руку. Мы с тобой одно же роста? Ну, почти, и веса одного. Свали меня рукой, ну, тяни, кто кого передавит.

Они встали друг напротив друга, и Синтаро неуверенно стал тянуть Юрьяна за руку.

– Ну, ещё, ещё сильнее, – командовал Юрьян, вынуждая Синтаро применить всю свою силу. – А теперь наблюдай.

Синтаро неожиданно завалился на бок, больно ударившись плечом. Юрьян смеясь, поднял его с земли. – Ну, давай ещё раз, вижу, что ты ничего не понял. А понять надо. Давай, дави, тяни мою руку.

Синтаро недовольно снова встал напротив друга. Через секунду он не просто упал, а подлетел, оторвавшись от земли, и опять больно ударился о землю. – Как у тебя вышло? – возмущился он. – Меня подбросил кто-то. Ты такой сильный? Ты и Холода так поднял тогда?

Юрьян некоторое время сверлил Синтаро колючими глазами, словно выискивая какое-то особое место.

– Вокруг не пустота парень. Всё имеет плотность. Воздух, он не пустой, он вроде творога. Им управлять можно, точнее взаимодействовать. Ты ведь меня за руку тянул, а я тебя

за пятку. Вот гляди, – он подошёл вплотную и провёл вдоль спины Синтаро рукой. Неожиданно колени Синтаро подогнулись, и его словно подкосило.

– Что ты сделал? Как это? – почти закричал он.

– Ты не кричи, – а то вороны слетятся, – предупредил Юрьян, оглядываясь. – Я вообразил, что моя рука идёт до твоей пятки, и затем ухватил тебя этой рукой. Вот и всё. Гляди вот, – Юрьян повёл телом, и Синтаро потянуло за ним, словно зацепило.

– Это ты снова руку вообразил?

– Ну да, можно сказать. Попробуй сам. Воздух между нами, наполни его, вообрази, что воздух продолжение тебя, только не напрягайся. Желай так, как делаешь руками, и не сомневайся. Только выброси всё из головы. Всё, до мелочей.

Они снова встали друг напротив друга, и Синтаро попробовал представить руку, и ухватить ею пятку. Ничего не вышло.

– Ничего, ничего. Давай снова, и перестань головой думать, от сердца действуй, почувствуй серёдку. Вот... Было было что-то. В самом начале что-то появилось, но потом вылезли мысли, и всё пропало.

– Ты, наверное, шутишь? Мне так не кажется, что получилось.

– С такими вещами не шутят, паря, как и с бабой. С ней или связывают жизнь, или рвут. Разом. Давай ещё, и выкинь её из башки, хотя бы сейчас, я ведь вижу всё. Ты же непре-

станно о медичке думаешь. Тогда всё впустую. Запомни, там, где у мужика дело, бабы быть рядом не должно.

Они тренировались до темноты, и в самом конце, когда Синтаро уже надоело падать, Юрьян неожиданно подался вперед, и, сделав плавный кувырок через голову, оказался на земле.

– Ну вот, не верил.

– Ты притворился?

– Дурень ты. Ты всё сделал сам. Ладно, всё, хватит для первого раза.

Они завели дизель, потом подключили пилораму. – Знаешь, зачем всё это я тебе показал? Пошли, дорогой расскажу.

Слова Юрьяна насторожили Синтаро. Он поплёлся следом, словно боялся, что Юрьян ему расскажет что-то особенное, тайное, запретное.

– Уезжаю я скоро, Миха. Амнистия мне пришла, шабаш значит, – начал негромко Юрьян. От услышанного Синтаро остановился. – Ты свободу получил?

– Да, если так можно сказать. Свободу. Четыре года в лагере, три на фронте, хватит. Домой пора.

– Без тебя будет трудно.

– Вот об этом и хотел сказать. Только что скажу, то никому, ни слова. Никому. И Вовке не говори. Мне было поручено глядеть за тобой. Чтобы тебе шею не свернули. А тебе её могли свернуть запросто. Но думаю, сейчас ты и сам за себя постоять сможешь. В случае чего мужики помогут. Дотяните

как-нибудь.

– Кем поручено? – растерянно спросил Синтаро. – Печён-киным?

– Печёнкин... Большой ему интерес, двух эков опекать. Но видно надо было ему, чтобы ты не сдох в лагере этом чёртовом. И за другом твоим тоже приглядывали. Но с ним-то как раз всё нормально. А с тобой вот не всё.

– Из-за Ядвиги?

– Баба, именно.

– Вязов. Я его помню, – почти выкрикнул Синтаро.

– Не кричи. Не знаю про Вязова, но скажу, что Печёнкин по приказу действует. Сам он человек честный, слово своё сдержал. Он же на апелляцию моё дело подал, и вот теперь пришёл приказ об освобождении. Он, конечно, мог и тянуть, но его слово дорогого стоит. Так что, ещё недельку здесь проваландаюсь, а потом всё, домой. Да мне и этих дней не вытянуть. Как узнал сегодня утром, дышать не могу, кричать хочется. С трудом сдерживаюсь. Придём, сам увидишь. Все уж знают в отряде. Мне Зверёк перед сменой на ушко шепнул, переживает. Я над ним посмехаюсь, а он зла не держит. Но защитить тебя он не сможет. На Печёнкина тоже не надейся сильно. Пока ты водишь шашни с Ядвигой, покоя не жди. Векшанский к ней неравнодушный, особенно когда мужа её не стало. Так запал на неё, что готов из штанов выпрыгнуть. Беречься надо таких людей.

Слова Юрьяна ввергли Синтаро в страх и отчаянье, и, од-

новременно, обиду. Выходило, что за ним смотрели, как за ребёнком.

– А ты ребёнок и есть, – усмехнулся Юрьян на недовольство товарища. Зайдя в барак, он уже ничего не говорил, и едва сдерживал эмоции. Там его хлопали по плечам, жали руки, кто-то плакал. Изаму весь день работал за территорией лагеря в посёлке и умудрился пронести через ворота спиртное. Он в числе небольшой бригады чинил площадку перед магазином, вымащивая её торцами листовых чурбаков. За сделанную работу продавщица, ни с того ни с сего, угостила их самогонкой. Изаму оказался любителем русского крепкого напитка, и уже успел пригубить, отчего ходил довольный жизнью, обнимался со всеми, кто был ему приятен. Синтаро до самого отбоя просидел в полузабытьи. Подсев к нему, Изаму обнял его за плечи и заплакал.

Шла последняя смена, в которой работал Юрьян. Он уже ничего не боялся, говорил, не оглядываясь, рассказывал Синтаро всё, что приходило на ум: они почти не работали. В бригаде появилось много новых людей, угрюмых и не привыкших к тяжёлому труду. Под началом Изаму, ворочая тяжёлые брёвна, они лишь бросали косые взгляды на парочку, одаривая друг друга добротной отборной бранью: ни одна работа в лагере не обходилась без крепкого русского мата.

Стоял конец апреля, всюду слышался птичий звон, наполняя пространство самыми разными звуками, ещё не летали комары, и было вольготно от запаха свежих опилок, лёгкого,

наполненного жизнью ветерка, гулявшего под кровлей пилорамы, и всё это так волновало Синтаро, что хотелось исчезнуть из этого мира, убежать. Он даже сказал однажды об этом Изаму, но тот покрутил у виска, сказав, что лучше он напьётся соляры, чем пустится в бега. Про побеги знали все. Они происходили не часто в лагере, но заканчивались тем, что избитых и подранных собаками бегунов возвращали, и они долго ещё ходили под конвоем, в целях устрашения других.

– Что задумался, япона мать. Не горюй Мишаня. Время летит быстро, – сказал, подсаживаясь Юрьян, после того, как очередное бревно отправилось в пилораму.

– Завтра ты уедешь, – сипло отозвался Синтаро.

– Завтра... Дожить ещё до этого завтра. На фронте так не желал свободы, как сейчас. Не поверишь, но мне жаль всё это оставлять. Сам не пойму, почему так. Но ей богу жаль. Ещё вчера проклинал, а нынче сердце заныло. Ночью глаз не сомкнул, вспоминал. Прикипело, понимаешь. Гляжу на проволоку, и тоска берёт. Вышка вон, часовой, бедолага. Тоже домой хочет. А уедет, тосковать будет. Всё это для нас как урок.

– Так Ли Вей говорил.

– А, китаец твой крещённый.

– Ли Вей умер, он утонул, – сказал Синтаро. Юрьян некоторое время молчал, но по его целеустремлённому взгляду в пустоту было видно, что он чем-то занят. – Ну думаю, –

наконец-то отозвался он. – Нет его там.

– Ты когда так говоришь, мне становится страшно Юрьян. Как ты можешь заглядывать туда?

– Всё рядом с нами Миха.

– Вы, русские странные люди. Ядвига, Печёнкин, даже Векшанский. Я его больше всех боюсь, даже больше Холодрыги. Мне непонятно, вы такие разные, но в то же время похожи.

– Разговорился ты, братец. Складно гутаришь по нашему, а?

– Не смейся, я правду.

– Твоя правда, Мишка. Странные мы. Огресли полземли, и никто нас разгрызть не в силах.

– Почему так? Чем вы лучше других?

– Сила над нами. Ты здесь, со мной, значит над тобой тоже она.

– Что за сила, Юрьян?

Глаза Юрьяна горели от радости. Это был его последний день в лагере, и то, что он говорил, совсем не вязалось с молчаливым угрюмым человеком. Перед свободой он сбрил бороду, взяв напрокат у Зверькова бритву, и теперь смотреть на него было до удивления странно. Синтаро не узнавал своего старшего товарища. За эти годы он так сроднился с Юрьяном, что Изаму даже стал ревновать. И сейчас, когда они сидели и разговаривали, Изаму лишь поглядывал в их сторону.

– Свет. Наш мир называют белым светом. И он такой и

есть, запомни это, парень. Будешь держать в себе хоть каплю его, тогда тебе не важно, где ты, в России или в Японии, или ещё где. Твой дом это свет. Посмотри на людей вокруг. Если бы не свет, разве выжили бы они в таких условиях? Мы все сеятели света по природе. Но животы наши забиты всегда дерьмом, а головы страхом. Живём как во тьме, и потому гниём заживо. Вот ответ, на твоём флаге что нарисовано?

– Солнце.

– Вот видишь. У нас одна природа, а ты говоришь, русские. Конечно, русские. И ты уже наполовину русский. В тебе мысли стали по-русски звучать, я же вижу. Ты растёшь. Не только возрастом, душой растёшь, сердцем. Только сильно не радуйся этому.

– Почему?

– Это паря крест. Не каждому по силам свет нести.

– Почему крест? Я не понимаю, Юрьян.

– Погляди, – Юрьян встал и вытянул руки, тень образовала на земле крест. – Крест по-нашему и есть свет. Так и дед мой говорил, когда молодым встречал своих в дороге. Спрашивал – с чем люди добрые по свету идёте? А те отвечали – со светом. Так и ты, Михаил, иди со светом.

– Я его тоже вообразить должен?

– Нет, Миша, этот свет в себе надо разжечь.

После обеда в цехе закончились брёвна. За Юрьяном пришёл посыльный и сказал, что его вызывают в канцелярию

лагеря. Оказалось, что машина уже ждала Юрьяна за воротами, так распорядился Печёнкин. Юрьян с грустью последний раз оглядел пилораму, растерянно вздохнул, и, не прощаясь, медленно пошел за посыльным. Растерянный Синтаро остался сидеть один на солнцепёке, за спиной у него суетились его товарищи, трактором вытягивая брёвна из скирды. Потом эти брёвна с матами, и при помощи ломов закатывали на рельсы и вставляли в тележки. От тёплых лучей, проникавших под навес, Синтаро разомлел, вставать не хотелось, но надо было идти работать. Он поднялся, и, блуждая мыслями среди тех последних слов, сказанных Юрьяном, поплёлся к скирде, где уже натянулся трос. Он не заметил, как сверху выкатилось бревно, но услышал истошный крик Изаму. Краем глаза он успел заметить силуэт отыгравшего одним концом бревна, летевшего прямо на него: глухой удар в грудную клетку отбросил его на несколько метров. Потом был ещё удар затылком о твёрдую землю, а затем – всё тот же знакомый привкус чего-то сладкого и пустота.

В посёлке никто не мог сказать точно, откуда и когда в эти края пришёл странного вида старик, высокий, сухощавый, с окладистой белой бородой, с пронизывающим взглядом глубоко посаженных, прозрачно-голубых глаз. Дед Тимофей жил особняком у края посёлка, где старые поляны уже успели зарости березняком, в гуще этого белоберезника подрастал молодой хвойник. Через него и выходил к людям се-

довласый старик в сопровождении двух собак. Поэтому никто точно не знал, когда он появлялся в посёлке, а когда отсутствовал, пропадая в тайге. Тимофей был одиноким, и всё, чем он промышлял, становилось ему и едой, и разменной монетой. Наверное, это был единственный человек, у которого не было денег, но к которому все, кто его знал, шли за помощью.

За окном светило тёплое апрельское солнце, не часто баловавшее прибрежную тайгу. С моря, беспокойного в это время, обычно тянуло серую хмарь, но в этот день небо было ясным и безветренным. Дед Тимофей только вернулся из тайги, закрыл в сарае собак, чтобы, не дай бог, не убежали на какую-нибудь собачью свадьбу, время располагало к тому, и принялся за хозяйство. Как всегда за зиму вокруг дома набралось много ненужного, и с раннего утра до позднего вечера он занимался наведением порядка во дворе.

Он сидел, ещё не остывший от работы, поджидая, когда согреется на плите вода в чугушке. Глядя за окно, он высматривал постоялицу – было то самое время, когда она приходила из лагеря. По тонкому силуэту он сразу узнал Ядвигу, было заметно, что девушка спешила.

– Что стряслось, дочка? – спросил Тимофей, когда она вбежала в дом. Взгляд девушки был растерянным, а глаза говорили о том, что она недавно плакала. Старик отставил пустую кружку и поднялся. Ядвига, казалось, не услышав его слов, прошла к себе. Он не стал тревожить её, понимая, что

работа отнимает много сил, и прошёл во двор, в доме было жарко от натопленной печки. В сарае скулили собаки, просясь гулять, но было не до них. Поведение постоялицы озадачило его. Зайдя снова в дом, он постучал по перегородке. Ядвига сидела на топчане и смотрела в пустоту.

– Ну, рассказывай, что случилось. Не держи в себе, вижу, что у тебя стряслось что-то.

Когда она рассказывала о происшествии на пилораме, он молча сидел напротив и только кивал, словно соглашался.

– Всё это странно, очень странно. Три года человек работает, а тут зазевался. Странно. Хорошо бы глянуть его. Говоришь, отхаркивает кровью. Видать, лёгкие ушиб, а может и рёбра поломал. Бревно не шутка. – Узнав всё что можно, дед Тимофей поднялся и стал одеваться. – Пойдём к твоему больному. Если ты так расстроена, то и мне не до чая. Пропустили бы за ворота, вот задача.

Когда они подошли к воротам лагеря, было уже сумрачно, сверху на них поглядывал из будки часовой, охранник у ворот долго и с неохотой выслушивал Ядвигу, а затем исчез, закрыв за собой калитку. Сквозь колючую проволоку было видно, как он лениво прошёл в дежурку и там так же что-то долго объяснял другому военному. Вскоре этот другой выскочил и резво пошагал в сторону офицерского барака.

– Не быстро здесь у вас, – сказал Тимофей, наблюдая за действиями охраны. – А с другой стороны, куда им спешить? Служба быстрее не покатится, и срок тоже.

Наконец, их пропустили. В медпункте, в приемном покое на кушетке лежал заключённый с серым как льняное полотно лицом и с высохшими в уголках губ потёками крови. Когда Тимофей увидел, что это азиат, то слегка растерялся. – Нерусь? Как же он угодил сюда? На татарина не похож. Он кто, дочка, китаец, что ли? Совсем юный.

– Японец он, дядя Тимофей. Военнопленный.

Старик немного постоял, словно раздумывая над новостью, а затем развернулся, собираясь выходить.

– Солдат? Уволь, дочка. Кому угодно помогу, последнее отдам, но не японцу... Прости меня Ядвига, но это не смогу, – произнёс он недовольно и категорично.

Девушка встала в двери, пытаясь остановить старика, она была в растерянности.

– Как же так? Почему, Тимофей Игнатьевич.

– Не держи меня, Ядвига, и не проси, не помогу, – решительно произнёс Тимофей. – Знала бы ты, сколько горя пришлось принять мне от этой породы. Отойди с пути.

Тимофей грубо отодвинул её и вышел на улицу. Ядвига почувствовала вдруг пустоту вокруг, она поняла, что осталась одна со своей бедой, и уже никто не сможет ей помочь, так же как и с Андреем, умершим на её руках. И сейчас на её глазах таяла жизнь близкого её человека, единственного, в ком была её радость и утешение последнего времени. Она не могла поверить, что человек, на которого она надеялась, отмахнулся от её горя и ушёл прочь. В глазах её поплыло,

ноги подкосились и она рухнула на пол, потеряв сознание.

Когда она пришла в себя, то увидела, вернее, почувствовала, знакомый запах дыма, исходивший от полушубка старика. – Очнулась, девка? Давай, приходи в себя, нечего блуждать под потолком. Двоих мне ещё не хватало.

Он посадил её на стул и протёр виски нашатырём. – Кабы знал, что тебя так волнует этот нехристь. Кто он тебе? Зэков полный лагерь, чего ты его так взяла к сердцу?

– Помогите мне, дядя Тимофей. Андрею не смогли помочь, ему помогите. Жалко мне его, человек он, просто хороший человек.

– Эх, дочка, взяться одно, помочь другое. Ты думаешь, я всесильный. Он ногой одной на том свете уже стоит, а ты просишь помочь. Не думал, что вот так столкнусь ещё раз с живым японцем. – Тимофей оглянулся, словно высматривая в комнате посторонних. – Ты спросишь, откуда такая ненависть к ним, к японцам. Я ведь из Порт-Артура пришёл сюда, перед войной, думал спрятаться от всего, от людей. Они ведь жену мою загубили. Я с семьёй тогда жил. Ушли из Советов голыми, бросили всё что имели, думали, пронесёт судьба. Не пронесла. Ты мою спину видела не раз, а это от них памятка осталась, от японцев. От клинка ихнего, на всю жизнь. Не совладать мне было десятерых, а они-то знали, кто я. Добивать не стали, думали, сам помру, а жену насмерть замучили. Так что, ты прости меня за гнев. Не остыл, видать, огонь. Не говори никому про то, что сказал. Несдобровать мне, ес-

ли узнают, что в Порт-Артуре жил. Ладно, давай поглядим твоего...

– Миша его зовут.

– Миша? – Старик широко раскрыл глаза, словно пытаюсь лучше рассмотреть японца. – Это странно. Миша, значит. Но настоящее его имя-то другое, хотя какое это имеет значение. Миша так Миша. – Старик наклонился и стал расстегивать пуговицы телогрейки. Делал он это осторожно и сосредоточенно, громко сопел, часто останавливаясь, словно раздумывая над чем-то. – Не пойму. Он что же, крещёный? С какого праздника у него крест на шее?

Ядвига молчала, всё ещё опасаясь, что старик откажется помогать.

... – Есть у тебя дочка очки, или стекло, что увеличивает? Не могу рассмотреть. – Дед встал, несколько взволнованный. – Сними его, дочка, не могу я, пальцы не слушаются, не пойму отчего. Старый, что ли, стал, или так ты меня разволновала своим зэкком.

Он долго вглядывался в серебряный крест, надавливая на поверхность огрубевшими подушечками пальцев, глубоко вздыхал, потом, нехотя, вернул его Ядвиге. – Не знаю, что и думать. Ладно, после решим. Давай смотреть его. Принеси ещё лампу, темно тут, надо бы глаза его поглядеть, послушать, аппарат-то есть? Трубка, или что там.

Он долго прослушивал пострадавшего, ощупывал поси-невшую грудь пальцами, брал в руки вялые мышцы рук,

ладони. Потом ощупал аккуратно пальцами голову. Всё это время пострадавший стонал, делая частые вздохи, словно ему не хватало воздуха. Когда он заходился кашлем, то изо рта шла кровавая слизь.

– Плохи дела, плохи, но коли кровь со слюной выходит, то уже малая надежда есть. Раз не помер сразу, то сила значит, есть в ём. – Поднимаясь с колен дед Тимофей тяжело вздохнул, задумчиво глядя в одну точку. – Темя у него внутрь провалилось. Но может это и к лучшему, кости молодые, гибкие, не сломались. Видать, падая, на камень, или ещё на что попал. Оставлять это нельзя, хотя, в сравнении с грудиной это уже не так серьёзно. Кровь там спёкшаяся скопилась, может перейти в воспаление.

– Гематома? – перебила Ядвига.

– Оно самое. Оставлять такое нельзя, но с этим ты справишься, я расскажу как. Слушай внимательно. Нужен будет спирт, или одеколон, чтобы горело. И банка стеклянная, что от простуды ставится на тело. Думаю, такое у тебя должно быть. Выбрей вокруг темени, чтобы чистая кожа была, смажь внутри банку спиртом, подожги и поставь на темя, минут на пять. Она вытянуть должна гематому, и кости поставить на место. Кровь убрать надо будет, а потом соль приложишь к ране, примерно с ложку, до утра пусть будет. Она и кровь остановит. Сделай из бинта повязку, вроде шапочки, обмотаешь через подбородок, чтобы не слетела. Запомнила? – Старик ещё раз повторил, что и как надо сделать, после чего

внимательно осмотрел больного, словно проверяя свои догадки. – Теперь дальше слушай. На грудь ему надо что-то холодное. Опухоль снять. Лёд, или снег. Есть такое?

– Лёд есть, я его с зимы наготовила, до лета может не таять в погребе.

– Погоди бежать, запиши что скажу, а потом делай. Уйду я завтра с утра в тайгу, за снадобьем, дня на три на четыре, как получится – далеко идти. А ты сделай вот что... Про голову ты знаешь что делать, это между делом. Главное... Сегодня всю ночь пусть прикладывают лёд, его в мешок кожаный можно положить.

– Есть грелка резиновая.

– Годится. Только тканью её оберни. А завтра, рано, как только солнышко выглянет, начните греть его, натирать, только аккуратно, лучше возьми головку чеснока, если найдёшь, конечно. Может, у баб офицерских есть. Растолки его и разбавь уксусом, можно винным, можно яблочным, хорошо бы туда скипидару живичного добавить, он дома есть. Этим и натирай. Прогревайте его, а то после льда, если не согреть, ещё хуже будет. Дома возмёмшь медвежьего жира, знаешь где, им натирать будешь, всё туловище, немного правда там, но на первое время хватит. Бог даст, продержится. Ну, вот так, кажись.

Дед Тимофей некоторое время смотрел в лицо японца, потом перекрестил его, прочитав полушёпотом какую-то молитву. От слов его и неторопливых действий Ядвига почув-

ствовала необъяснимое спокойствие, словно старик совершил незримое волшебство, как над ней, так и над Мишей. Всё так же, не выпуская из рук крестик, слегка пошатываясь от пережитых чувств, она вышла вслед за стариком на улицу, и, глядя, как он не спеша исчезает в темноте, разревелась. В ней появилась надежда, и от этого её чувства полились через край; выплывший из памяти страх, связанный с гибелью Андрея, незаметно прошёл. Она тоже несмело перекрестила силуэт старика и вернулась в палату.

Старика не было четыре дня, он вернулся в сумерках, без одной собаки, глаза его были воспалены. Он немного прихрамывал. Не заходя в дом, Тимофей сразу затопил баню, и пока она нагревалась, занимался хозяйственными делами. После бани лицо его заметно посвежело, от чистой одежды пахло свежестью и теплом.

– Как долго вы, Тимофей Игнатич, были на этот раз. Думала, что случилось, – едва сдерживая эмоции начала Ядвига, накрывая на стол.

– В тайге, дочка, всякое бывает. Но, слава богу, обошлось. Звонка жаль, погиб наш Звоночек. А не он, то неизвестно, сидел бы я с тобой сейчас. Я ведь без ружья пошёл, не те годы, чтобы столько вёрст по горам его тащить на себе, а весной в тайге без оружия опасно. Думал, пронесёт, но не избежал встречи с бурым. Пристал как репей, не собаки, так съел бы меня. Голодно в тайге, вот он и прилип ко мне. Достань-ка в том шкафчике ту, что в зелёной бутылке. Надо мне

отоспаться за всю неделю, а без пустырника это не всегда получается. Много не лей, половинку и хватит. Сама тоже можешь пригубить, не бойсь, разбужу с первыми лучами. Расскажи пока, что с твоим японцем, больным с твоим, с Михаилом. Что плохого, что хорошего?

Из рассказа Тимофей узнал, что Михаил был жив, но дела его не становились лучше. Как и было велено, Ядвига делала компрессы и натирала тело медвежьим жиром. Нашёлся и уксус и чеснок, и со стороны казалось, что больной идёт на поправку, но, на самом деле, Синтаро лучше не становилось. По-прежнему, из лёгких отхаркивалась кровяная слизь, но что было ещё хуже, с каждым днём иссякали в нём силы. И без того тощее тело сделалось прозрачным и слабым, никакую пищу организм не принимал, больной почти не спал, мешала боль в груди.

Выслушав рассказ, старик неторопливо выпил рюмку, после чего долго втягивал воздух, словно продлевая действие настойки. После этого он медленно поел нехитрой похлёбки из пшенной крупы, поднялся, и стал перебирать котомку.

– Далёко я ходил в этот раз, ох и далёко. Давно был в тех краях, но, слава богу, не забыл дорогу. Слушай вот... Был у меня случай, ещё в Забайкалье, где я когда-то жил. Я ведь из казаков происхожу тамошних, и там с одним из дружков моих случилась беда, лошадь его стукнула копытом, да хорошо, прямо в сплетение. Месяц не вставал парень, и всё хуже ему было и хуже. Все средства перепробовали, даже по-

па в дом приводили, а он кроме молитвы ничего не знает. А тут один бурят мимо шёл, тоже, вроде попа ихнего, по-нашему шаман. И постучал к ним на ночлег. Нигде не пускали, а в том доме, хоть и дух покойника уже стоял, пустили. Бурят зла не держал на казаков, как зашёл, так сразу и понял, что это дух его вёл в этот дом. Ведь если бы он где в другом доме остановился, не увидел бы этого, кого жеребец лягнул. Они этого бурята, чем богаты были, покормили, а он возьми и попроси осмотреть больного. Тот уж едва дышал, так далеко зашло всё, белый уж весь, что полотно, кожа да кости. Тогда этот шаман что-то своё, шаманское посотворял, траву какую-то пожёг, как у них принято, со своими молитвами, а потом попросил простой воды в стеклянном графине, и добавил в него некой соли что ли, вроде извести белой, так она выглядела. Он, значит, разбавил её в воде, подождал с полчаса, чтобы всё растворилось как следует, и дал больному выпить. Тот с трудом, но осилил стакан. Воду он пил. Утром уже просит поесть, вроде как полегчало, у него к утру жижа из лёгких пошла. Бурят сразу понял, что дело на поворот пошло, и тут же засобирался в дорогу, но оставил им этого средства. Объяснил, что да как делать. А там только пить и надо было. Поднялся казак через неделю, ходить стал, оклемался. Бурята с тех пор больше не видели. Как он называл то снадобье, я не помню, но объяснил, где его можно искать, хотя оно редкое в тайге. Каменным маслом его у нас зовут. Только знающий может его обнаружить. Мне то

средство показал тот самый казак, даже на язык дал попробовать. Объяснил где его можно отыскать. Он потом целый год по сопкам лазил, но нашёл. Грудина у него так и осталась с ямой посередине. Но лучше с ямой в груди, чем грудью в яме. А я про тот случай сразу вспомнил, когда твоего больного увидал. Припомнил и место, где видел что-то похожее, однако далеко оно оказалось. Зверь его грызёт, лижет, когда больной, или, там, раненный. Я это место почему-то приметил тогда, хотя вспомнил не сразу. Вот я его принёс, на язык оно кислит сильно. На, попробуй. Кислое оно на вкус. Набрал немного, но думаю, что, если начнёт помогать, то и этого хватит. А лишнее только помехой будет. А если нет... В общем, завтра разведёшь...

Ядвига взяла из рук старика мешочек с лекарством и стала быстро одеваться.

– Ты что ль уже? На ночь-то глядя? Тогда чего ждала все это время? Ох, я, старый дурень, тянул kota за хвост. Нет, чтобы сразу показать.

– Что вы, Тимофей Игнатич, я так рада. У меня всё горит внутри, не смогу же спать, утра не дождусь. Вы меня не ждите, я в медпункте переночую, мне не привыкать. – Она поцеловала старика в щёку и, ещё не успев застегнуть пуговицы на шинели убежала в лагерь.

– Эх, молодость, молодость. – Старик долго сидел за столом, обдумывая всё, что произошло за последнее время. – Но кто бы мог подумать, что так окажется, – проговорил он,

глядя в запотевшее окно. – Неужели свела судьба? – Старик замолчал, вытаскивая из-под нательной рубахи крест на всю длину нитки, и осматривая его. Потом он налил себе ещё одну рюмку из зелёной бутылки, медленно выпил, а после затянул унылую и длинную песню. По щекам покатились слёзы благодати, какие бывают у стариков от воспоминаний прожитых лет и от радости за чужое счастье. Утром он поднялся с первыми лучами солнца и, не завтракая, пошёл в лагерь.

Синтаро встал на ноги за неделю. Уже после нескольких приёмов снадобья, а пил он несколько раз в день по полстакана, ему стало лучше, из его лёгких стали выходить сгустки чёрной слизи, появился аппетит, да такой, что Ядвиге пришлось упрашивать в хозблоке для него дополнительную пайку. Там такого случая не помнили, но навстречу всё же пошли. Мишка «япона мать» снова стал розовощёким, несмотря на худобу, много говорил, смеялся, а ещё через неделю ушёл в свой барак, закинув телогрейку за спину, и перепрыгивая через лужи. В бараке никто не верил, что «япона мать» выкарабкается, но так и произошло. Приняли его с радостью, и первым, кто заговорил с ним, был Зверьков. Он сидел в канцелярии за столом, и предложил Мишке сыграть партию в шахматы. Предложение показалось странным, но Синтаро согласился.

– Жив значит, япона-мать, – повторял в который раз Зверьков, не отрывая взгляда от доски. – Живучий ты, Мишка, мать твою... Снова сухим из воды выскочил. Ну что ж,

так тому и быть. Так и быть. Ходи, давай, твой ход, самурай.

Мишка не обращал внимания на пустые фразы противника, а только следил за его ходами, чтобы во время подставить фигуру под бой. Зверёк не любил проигрывать, это знали все отрядовцы, однако, в этот раз, как не старался Мишка, проиграть не смог, зайдя в патовую ситуацию.

– Вам это ни о чём не говорит? – неожиданно перешел на «вы» Зверьков, когда шахматы были отодвинуты в сторону. – Ваше положение.

Синтаро задумался. Вопрос озадачил. Первое, что смутило его, это обращение на «вы». Обычно Зверьков ограничивался коротким Идзима, без «ты» и без «вы», словно в нём не было ни тела, ни сознания, а лишь фамилия. Тоже самое было по отношению к другим заключённым, но в этот раз в обращении чувствовалось некое подобие уважения. Так обращались к нему лишь однажды в лагере, когда он стоял в кабинете у Печёнкина.

... – Вы ещё не забыли свой разговор у начальника лагеря?

Синтаро от удивления вздрогнул и замотал головой, но сначала он стал кивать в знак согласия, а когда понял, что его могут неправильно понять, замотал головой по сторонам, едва не свернув шею. Зверьков рассмеялся. – У вас хорошие мозги Идзима, человеку с такими мозгами не место среди эков и проспиртованных охранников. Времени на осмысление сказанного вам ночь. А затем решайте. Друга твоего тоже касается. Всё, можете идти.

Когда Синтаро вышел из кабинета Зверькова, его сразу же обступили со всех сторон, словно ждали; слишком долго он сидел в кабинете у начальства. Вечером он передал содержание разговора Изаму, тот долго думал, а потом сказал: я как ты, куда ты, туда и я.

Стоял конец мая, небо было затянуто облаками, их серые хлопья плыли над самой землёй, задевая вершины нависающих над лагерем сопок. Временами всё вокруг накрывало мелкой холодной пылью, такой дождь был обычным делом в это время. Синтаро стоял напротив Ядвиги и молчал. Они стояли уже несколько минут, держа друг друга за руки. В стороне в ожидании нервно прохаживался Изаму, поглядывая на друга. За воротами внутри лагеря всё так же лениво ходил охранник, тоскливо поглядывая в сторону тех, кто вскоре навсегда должен был покинуть это место. Тут же поодаль стояла машина, на которой Синтаро со своим другом должны были уехать. Возле нее спокойно курили двое военных – водитель и офицер.

Ядвига куталась в шинель, и в волнении поглядывала в сторону машины.

– Почему ты не хочешь, чтобы я забрал тебя? – спросил в очередной раз Синтаро, нервно сжимая её пальцы. – Ты не должна здесь оставаться. Я скоро приеду за тобой и заберу отсюда. – Ядвига, словно, не слышала его и, казалось, думала о чём-то другом. В это мгновение машина издала сигнал,

Ядвига вздрогнула, отняла руки, а затем бросилась к Синтаро и расплакалась. Она обхватила ладонями лицо юноши и стала его трясти. – Не забывай меня, слышишь? Не забывай.

– Почему ты не хочешь...

– Молчи, Миша, ничего не надо говорить. Всё пустое. У нас разные дороги. Ты только не забывай меня, прошу тебя. Я люблю тебя Мишенька.

Она отстранила его: – У меня будет... – Неожиданно она замолчала, словно испугалась того, о чем хотела сказать.

– Что будет? – спросил Синтаро, вглядываясь в голубые, наполненные слезами глаза девушки.

– Ничего. Ничего у нас не будет. У меня не было выбора, Миша. Ты не знаешь. Он мог сделать всё, что угодно. Но теперь я спокойна, потому что ты жив. Ты будешь всегда со мной. Это хорошо, что ты уезжаешь из этого проклятого места. Всё равно у нас ничего не получилось бы. Ничего.

Синтаро смотрел на девушку, и ничего не мог понять из того, что она говорила. Он слышал знакомые слова, но их смысл ускользал от него.

– Я уезжаю, Ядвига, уезжаю! – почти кричал он. – Кто останется с тобой, если я уеду? Ты говоришь, что я останусь с тобой, но меня не будет, я сейчас уеду. Я тебя не понимаю, объясни. Я приеду за тобой, вот увидишь. Я обязательно вернусь.

Ядвига замотала головой, потом поцеловала его в губы, обжигая слезами его небритое лицо, и оглянувшись, слов-

но за ней кто-то наблюдал через проволоку, оттолкнула его от себя. – Иди, прошу тебя. Я хочу видеть, как ты уходишь. Уходи, прошу тебя. – Потом она ещё раз обняла его и снова произнесла: «Ты всегда будешь со мной».

Это были её последние слова. Он повернулся и медленно пошел к машине. Двигатель завёлся, Виллис издал пронзительный сигнал, словно прощался с лагерем, а потом сделал разворот по площади вокруг Ядвиги, и уехал. Мелькали телеграфные столбы, вышки лагерей, колонны заключённых, бредущих вдоль дороги, на горизонте маячило серой полосой море, а Синтаро, по-прежнему, видел перед глазами тонкую фигуру Ядвиги, проговаривая её последние слова: «Ты всегда будешь со мной».

Офицер молчал и тоже, казалось, переживал. Изаму, которого было договорено с этого момента называть только Владимиром, с любопытством разглядывал убегающие картины придорожного пейзажа, что-то напевая себе под нос. Синтаро не мог понять, на каком языке пел его друг. Ему показалось, что Изаму поёт сразу на двух языках, японском и русском.

– Прощай, – произнёс Михаил, обращая свой внутренний взор к любимой женщине. В то же время он поймал мимолётный, немного удивлённый взгляд капитана, и тут до него дошло, что он произнёс русское слово совсем не задумываясь. Оно, как и имя Ядвиги, уже не нуждалось в переводе, его произносила душа. «Теперь я русский», – с волнением

вдруг осознал Михаил. В первую секунду испугавшись этой мысли, он оглянулся на друга, а затем почему-то улыбнулся, и стал напевать вместе с Изаму: ... Про степного сизого орла, про того, которого любила, про того...

Философия жизни.

До Находки из Владивостока пришлось добираться целый день. Битком набитый катер, долго не мог отшвартоваться от причала из-за встречного ветра, но, наконец, вышел из бухты, и взял курс на восток, огибая левым бортом высокие зелёные берега. Первое волнение постепенно ушло, и теперь Михаил мог спокойно наблюдать за людьми, за чайками, за облаками. Незаметно берег исчез в сером тумане, Михаил поёжился и стал искать более тёплое место в трюме, там было душно и тесно. До Находки шли целый день. Всё это время Михаил думал о женщине, которую хотел увидеть снова. Прошло два года с тех пор, как он покинул лагерь, за плечами осталась разведшкола, впереди целых полмесяца законного отпуска, первого в его жизни. Михаил был готов к настоящей работе. В мыслях он возвращался в своё прошлое, и представлял какой могла быть их встреча, в памяти возникали образы проведенного в лагери времени, и от предвкушения встречи с Ядвигой его немного лихорадило. Наконец, катер пристал к причалу. Снова выглянуло солнце. Сойдя на берег, Михаил надел тёмные очки, и, проверив вещи, пошёл искать дорогу. Выйдя за город, он стал пытаться остановить попутку, но это долго не получалось. Отчаявшись, он пошёл

своим ходом, закинув саквояж за плечо. Через пару километров Михаил увидел стоявшую на обочине крытую бортовую машину с поднятым капотом.

– Что, браток, сломался? – спросил Михаил, заглядывая в открытый двигатель. Молодой солдатик коротко взглянул на него, немного растерявшись от встречи с незнакомым человеком, и нехотя пробурчал себе под нос. – Чёрт её маму знает.

– Мама тут не причём. Ты подачу топлива смотрел? – бесцеремонно поднимаясь на подножку, спросил Михаил, понимая, что эта машина может быть хорошим шансом, чтобы добраться до места. – Может насос надо прокачать?

Парень перестал возиться с двигателем и пристально посмотрел на Михаила.

– Шёл бы ты своей дорогой, друг, не знаю, как тебя там.

– Миша, – в той же непринуждённой форме подсказал Михаил, улыбаясь солдату, и доставая из нагрудного кармана вместе с удостоверением пачку папирос.

– Извини, на дороге всякого народа хватает, – смягчил тон солдатик, принимая ещё не испачканными пальцами папироску. – Вообще-то нам не положено брать пассажиров, но если ты поможешь завести этот старый драндулет, то я тебя подвезу, если нам по пути. Тебе куда? Я-то в Козьмино еду.

Михаил удовлетворённо кивнул и стал закатывать рукава. Через десять минут они уже ехали по накатанной проселочной дороге, миновав похожие на пирамиды, остроконечные

сопки Брата и Сестру. Переехав на пароме реку, они окунулись в лес, дорога петляла среди заросших склонов и оврагов, водитель лихо крутил баранку, напевая под нос какую-то послевоенную песню.

– Фронтовик? – спросил он, косо поглядывая на незнакомого попутчика. Михаил отрицательно замотал головой.

– То-то гляжу, больно молод для фронтовика. А выпра-вочка–то военная. По какому делу в наши края? Служба, или так, дело какое?

– По делам, – соврал Михаил.

– Понятно, – протянул водитель, напевая знакомую мелодию. До конца поездки они уже ни о чём не говорили.

Перед поворотом на Козьмино водитель притормозил: – Дальше придётся самому добираться, мне направо.

Михаил выпрыгнул из кабины и огляделся по сторонам.

... – По дороге прямо и вверх, и вверх, так и упрётся. А дальше, как говорится, некуда. Да и нет там ни хрена, – чем-то недовольный сказал солдатик. Михаил с удивлением посмотрел на водителя, раздумывая, стоит ли уточнять. Новость озадачила его.

– Чего нет? – всё же спросил он, поправляя одежду. Мне сорок четвёртый участок нужен.

– Сорок четвёртый... Ты откуда свалился? Сказал же, ничего нет, чего ж тут непонятного. С весны уже. Зэков, нет, лагерей, стало быть, тоже, и лесопильни нет. Да и жилухи, можно сказать не стало. Там всё на соплях держится. На Уголь-

ном ещё остались цеха кирпичного завода, там зэки ещё есть, да и тех скоро распустят. Вот в Козьмино мало-мало ското-база осталась при лагере. И та наладом. Так что, товарищ младший лейтенант, не знаю, как там вас по отчеству. Счастливого пути.

Оставшись один среди леса, Михаил некоторое время стоял в нерешительности. От вечерней прохлады становилось зябко, он поёжился, и пошагал вперёд.

Он не сразу смог узнать место, где когда-то стояли ворота. Пройдя перед этим посёлок, он не насчитал и десяти домов, в которых могла теплиться хоть какая-то жизнь. Напротив едва освещённых окон одного из бараков висело на верёвке тряпье, тут же бегали два тощих беспородных щенка, слышались чьи-то голоса. Людей он так и не увидел. Что-то непонятное и неприятное было во всём этом.

Только по маячившим неподалеку силуэтам вышек он догадался, что стоит на территории лагеря. Остатки офицерского дома, столовая, вернее, то, что осталось от длинного низкого сарая, где кормили заключённых, – вот всё, что ему удалось распознать на месте некогда огромной обустроенной, если так можно было выразиться, территории, где он прожил почти три года. В груди защемило. Он так и стоял бы в нерешительности, если бы не почувствовал, что на него кто-то смотрит из темноты. Контуры еще не упавших опорных столбов его барака не давали различить фигуру человека, но Михаил точно знал, что она там есть.

– Кого там чума принесла? – услышал он недовольный голос. – Игнатич, ты что ли?

Михаил пошёл на голос и вскоре увидел человека. Того немного пошатывало, он был нетрезвым, и держался за доску, которую, по-видимому, только что оторвал от перегородки барака.

– Ну, чего уставился? – проворчал человек. Михаил подошёл почти вплотную и немного растерялся. Это был Зверьков, командир шестого отряда.

... – Ты кто такой будешь? – всё так же покачиваясь, спросил Зверьков. – Тут закрытая зона, сторож я. Посторонним делать нечего. Не видишь что ли, лагерь особого режима. Я заместитель Печёнкина.

Бурчание Зверькова всё больше забавляло Михаила, развеивая первое впечатление уныния и тоски. – А я, кажись, узнал тебя. Япона мать. Мишка, ты что ли? Мама японская, франтик какой. Ты кого тут забыл, в этом проклятом месте?

– А ты? – спросил Михаил, подходя ещё ближе. В горле встал ком от волнения, он захотел обнять Зверькова, но вид пьяного бывшего командира отряда остановил его. Он достал папиросы.

– Курить будете?

– Давай, раз такой щедрый. Ни хрена себе! Костюм, шляпа, «Беломор»... – Зверьков привычно дунул в гильзу папиросы и стал покручивать её в пальцах. Огонёк-то есть? Мои

спички отсырели.

Прикурив от зажигалки Синтаро, Зверьков закашлялся и выругался матом.

– Япона твоя мать, ой, простите, товарищ, не знаю какого вы звания.

– Полковник, – пошутил Михаил, на что Зверёк истошно рассмеялся, а потом отдал честь.

– Ну, Мишка. Шутить так и не разучился, япона мать. Полковник... Хотя, что нам ещё здесь делать. Тока шутить и осталось. Видишь, что от нашего барака осталось. Ни хера. Одни гвозди. Всех зэков на север угнали. Нам бы радоваться, а мы с тобой грустим. У тебя, может, выпить есть? Вина бы, хоть половинку стакана. О-о-ох, как мне хреново сегодня. – Зверьков начал что-то говорить в своей быстрой манере, потом он словно опомнился. – А ты здорово по-нашему стал гутарить, прям как из Полтавы вчера приехал. – Зверьков протяжно вздохнул, переключив внимание на папиросу. – Дай ещё парочку, что мне одна. Знаю, тебе не жаль. Ты всегда последнее отдавал братьям-зэкам.

– Вы что-нибудь знаете про медсестру из санчасти? – неуверенно спросил Михаил, пытаясь определить, где находился лазарет.

– Какую медсестру? Ты что, охренел. Мне только и надо, что знать про какую-то лагерную шлюху.

– Ну-ка, ты, выбирай слова, – Михаил взял Зверькова за шиворот.

– Отпусти, – сердито потребовал Зверьков, не пытаясь освободиться. – Мало в лагере было ****ей, что ли? Откуда я знаю, про какую ты спросил.

– Всё равно, не смей. Не от хорошей жизни было.

– Жизнь, она у всех разная была. Одних за скот держали, а другие сало кушали.

– Всё равно, не смей.

– А то, что?

– Ничего, – Михаил оттолкнул Зверькова, ему стало противно, он уже собрался уходить, но потом вспомнил, что идти ему особенно некуда. – Сам-то чего не уехал? Чего тут прозябаешь? – спросил он.

– Прозябаешь... А куда мне? Из маленького лагеря в большой? Не всё ли равно, где подыхать от водки. Думаешь, я не хотел, не просил? Транзитка большая, лагерей пока ещё хватает. Как Печёнкина перевели, они такую гниду прислали на его место... Вохры все как сырого мяса обожрались, что волки стали. Ладно бы хоть одни они лютовали, а то же и уголовники свои морды повытаскивали из всех щелей. Житуха началась, что в аду. Вы с дружкой вовремя свалили. Не то, несдобровать бы вам. Сколько людей сгноили, выродки. И как таких земля держит.

Дышать стало тяжело, Михаил расстегнул пиджак и ворот рубашки. Он много пережил, отбывая заключение, но время словно сгладило боль и страдания. Даже когда было очень тяжело, у него всегда оставалась надежда на светлое

будущее. У него были друзья, дом, пусть временный, но чистый и светлый, была интересная работа. Но то, о чём говорил Зверьков, показывало ему, что вся эта идиллия может рассыпаться, словно карточный домик. Он бросил окурок и, не прощаясь, пошёл прочь, не понимая, куда идёт и зачем. Проходя край поселка, он остановился. В темноте стены молодого леса проглядывал силуэт одинокого дома, там светилось окно. Свет был едва заметным, и Михаил скорее почувствовал, чем увидел, что там теплится жизнь. Идти ночью по пустынной дороге среди леса не хотелось, да и ноги уже болели от долгой ходьбы. Что-то в очертаниях дома было притягательным, он остановился у калитки и постучал железным кольцом о засов. Сразу же залаяла собака, свет в окне исчез. Он догадался, что его услышали.

– Кто там, на ночь глядя? Зверьков, ты что ли? Иди от греха подальше.

– Извините, мне бы переночевать, хоть в сарае на сене, на одну ночь. Пустите, ради бога.

– Ради бога? А есть ли он, бог то, – человек с фонарём подошёл к калитке и прикрикнул на собаку. Михаил узнал его не сразу, но в памяти возник уже забытый образ седого старика, склонившегося над его койкой. Его охватило волнение. – Дядя Тимофей, – произнёс он приглушённо. – Дядя Тимофей, это я, Синтаро, из лагеря, – почти прошептал он, почему-то оглядываясь по сторонам.

– Какой такой Синтаро? Японец что ли? Михаил? Ты что

ли? Живой? – Старик открыл калитку и втянул его во двор. Впустив его, он тоже почему-то огляделся по сторонам и запер калитку на засов. – Ну, занесло добра молодца в памятные места. Проходи, проходи, не ждал.

Пока Михаил топтался в дверях, хозяин вынул из печи чугунок и стал накрывать на стол. – Я тебе сейчас сотворю поесть, с дороги-то оголодал поди. Чаю будешь? Индийского, конечно, нету, какой есть. Я тебе кипрея сделаю, он ещё и повкусней будет. От щей-то не откажешься, с дороги?

– Не откажусь, – не сдерживая волнения, сказал Михаил, растерянный от такого приёма.

– А ты неплохо по-нашему гутаришь, – не скрывая блеска в глазах, произнёс старик, словно освещая этим блеском гостя. Михаил смущённо опустил глаза, улавливая скрытый смысл слов. Для старика он по-прежнему был чужаком. – Ладно, ладно, не тушуйся, говорю так, потому что слышу что душу вкладываешь в слова, а коли так, то значит наш ты, русский стал. А на лицо своё не смотри, на русской земле всякого брата встретить можно. Давай к столу, присаживайся. Руки тока вымой с дороги, лицо сполосни, считай, что домой пришёл.

...-Ты как с неба свалился. А у нас, паря, всё разом изменилось, – рассказывал дед Тимофей, когда гость доедал большую миску щей. – Лагерь в конце зимы убрали, зёвок кого куда, а гражданские, сам видишь, разбежались. Остались только те, кому идти некуда, вроде меня. Да и зачем?

Лес хоть и повыпилили весь, а живность пока имеется. Хоть и никудышный я охотник стал, а на суп всегда добуду. Того же рябца, да хоть и козулю. Да куда мне столько мяса одному. Отдаю половину. Жаль, вот пороху не добыть, конторы промысловой поблизости нет, а в Находку пешком не находишься. – Старик говорил и говорил, и становилось ясно, что он скучал всё это время без собеседника. – Да... Лагерь. Хоть и много горя от него было, но и кормилось немало людей рядом с ним. Кедра-то не стало на тридцать вёрст, так пилорамы и встали. Пилить-то нечего. Пихту попилили с ёлкой, да бросили. Из неё и гроба приличного не сделать. Гробы-то паря в ходу были. А потом уж и лагерь закрыли. А заключённых – кого в Ванино, а кого и дальше, на север, в Магадан увезли, на Чукотку. Да кто его знает, север он края не имеет. Транзитку, думаю, ещё не скоро уберут. А скорее бы. Не дело это, не дело, людей за проволокой держать. Ну, поел? Вот и, слава богу. Можешь отдыхать, я тебе за печкой постелю. Там хорошо спать.

Старик неожиданно заволновался, поднялся с табурета, будто что-то вспомнив.

– Расскажите про Ядвигу, дядя Тимофей, – попросил Михаил. Старик вздрогнул, бегло взглянув на гостя.

– А ты чего же, не знаешь ничего? – спросил старик, глядя уже прямо в глаза гостю. Михаил растерянно пожал плечами. Этот прямой взгляд разволновал его.

– Померла Ядвига. Почти два года, как схоронили, – ска-

зал старик отворачиваясь. Глаза его сразу наполнились влагой, он обессилено сел и плетью опустил руки вниз. – Ядвига, Ядвига... Мне она как дочка была. Не стало её, я и во все один остался на этом свете.

Михаил продолжал молча смотреть на хозяина, ещё до конца не веря, что слова старика – правда. Он понимал, что тому не было смысла обманывать, но принять то, что Ядвиги больше нет, он никак не мог.

– Как это случилось? – едва сдерживая волнение, спросил Михаил.

– Как случилось, хочешь знать? – Старик неожиданно преобразился. Что-то злое блеснуло в его глазах, когда он произносил эти слова. – Как случилось... Рожала она, вот что. И не смогла родить. В лагере кроме неё больше не было докторов, а сама она без помощи как родить могла? Чего тут не понять, она уже едва брюхо таскала. Трудно ей было с твоим ребёночком. А тут раненого принесли в медпункт. На деляне топором окрестили. Уголовники. Напрело их к тому времени, Печёнкина то не стало, другого поставили начальником. Ну и началась весёлая жизнь для всякой шушеры. Драки да разборки. Охранникам-то дела мало. Вот она пошла, жалеяная душа, на ночь глядя, да поскользнулась где-то. Кабы не это, может и обошлось бы.

– Вы сказали, моим? – Михаил вскочил, от резкого движения стол пошатнулся, кружка с чаем опрокинулась. – Мой ребёнок?

– А ты думал, чей? Напроказничал и уехал. Ни слуху, ни духу.

– Я ей писал, всё это время писал. Она ни разу не ответила мне.

– Писал, говоришь? Выходит, что не доходили твои письма до неё. Ты сядь паря, сядь, успокойся. Ты не серчай, что сказал в сердцах. Конечно, ты не знал. Но ребёнок от тебя был, так она мне сказала по секрету. Да какой тут секрет, пороку разве скроешь? Восточную-то. Твой он был, ребёнок, только волосёнки на голове светленькие, как у матери, а глаза твои. Красивый. – Старик улыбнулся и просветлел, прозрачные глаза его замерли, остановившись на одной точке посреди стола, словно там он видел всё, о чём говорил. По щеке прокатилась одинокая слеза. – Девочка. Анюткой называли, Анной. Умерла-то Ядвига не сразу, ещё неделю жила, не выпускала из рук дитя своего, кормила, пока глаза не закрылись. Кровоточила она. Её бы в город отвезти, а осень поздняя, дороги так размыло дождями, никакая техника не проходила. Так и угасла. Так-то вот паря. Здесь её похоронили, завтра могилку покажу. Потому не уезжаю, что держит меня она, слежу за могилкой.

От услышанного всё сжалось в груди у Михаила, мир, который он рисовал себе все эти годы стал серым и пустым. – Что же мне теперь делать, дед Тимофей? Я ведь к ней ехал. – Михаил обессилено сел, опустив на стол руки.

Старик неуклюже вытер платком щеку, и в недоумении

посмотрел на гостя. Потом поднялся и полез в шкафчик. – Помянем нашу Ядвигу, царство ей небесное. Не забыл ты её. И это уже для неё хорошо. Что ж раньше не приехал? – Он в сердцах махнул рукой. – Да какой в том смысл. Значит, так на роду у неё было написано. А ты не забывай её. Женщину ты ещё встретишь, и, наверное, не раз, коли так они тебя любят. Но её не забывай, так она хотела.

Когда они, не чокаясь, выпили, старик перекрестился, потом налил ещё.

– Где ребёнок, хочешь знать?

Старик долго молчал, словно подбирая нужные слова для ответа. – Не ищи ты его парень. Что в том толку? Ребёнок твой у мужа еёного. И не смотри на меня так, не я её сватал. А ты что хотел? Ей же ничего не оставалось, как согласиться выйти замуж за начпрода.

– Векшанского?

– За него. Она и согласилась ради тебя. Чтобы он тебя не тронул. Ревность-то в нём знаешь, как играла, пока ты в медпункт с болячками своими бегал. Ты скулами-то не играй. Так оно и было. Не она, так неизвестно, дожил бы ты до отъезда, или нет. А на Векшанского зла не держи. Тоже человек несчастный, горя хапнул на всё катушку. У него вся семья сгорела под бомбёжкой. Он ведь тоже любил нашу Ядвигу, так любил, что не просыхал ни дня, пока согласия не дала. Только любовь его была ей в тягость. Ведь места не находил после её смерти. Малышку я видел потом, с ней он не рас-

ставался ни на минуту. Тоже, вишь, непонятно почему так. Ребёнок чужой, а ему как родной оказался. Вот и пойми русского человека. Где кровь последнюю выпивает, а где своё готов последнее отдать, жизнь не жалеет. – Блуждая взглядом, Тимофей тяжело вздохнул. – Расштал ты меня, Михаил. – Едва сдерживая слезу, старик взял налитую рюмку, и, дождавшись, когда гость повторит его движение, удовлетворённо кивнул, и молча залпом выпил. – Ладно, поздно уже, отдыхать пора, да как тут уснуть. Ну, да утро вечера мудренее.

Когда он проснулся, за окном светило солнце, оно и разбудило Михаила. В доме было тихо. Он тяжело поднялся и вышел на крыльцо. Тимофей куда-то собирался.

– Чего подскочил в такую рань?

– Так, не спиться уже, – смущенно ответил Михаил, опустив голову и уже успев окунуться в события минувшего вечера.

– Выброси из головы, – словно догадавшись, о чём мог думать Михаил, приказал хозяин. – Грызи, не грызи себя, а в том никому нет никакой пользы. А человек должен быть полезен. Раз проснулся, на ручей сходи, воды принеси, ведро в бане. Дров наколи, вон чураки топора ждут. Потом других дел найду, скучать некогда. Или ты собрался уходить?

Михаил пожал плечами.

– Ну и добре. Сейчас почаюем сперва, а после позавтракаем вчерашними щами. А потом и на могилку сходим к Яд-

виге. Роса к тому времени спадёт.

Солнце уже было в зените, когда дед Тимофей привел его на кладбище.

– Знаю, тяжело тебе сейчас, но это пройдёт.

Михаил растерянно посмотрел на старика, словно недоумевая от сказанной фразы. Тимофей поймал этот косой взгляд и слегка кивнул головой. – Печаль твоя сейчас давит тебя, знаю. Прими её, как есть. Со временем она станет светлой. – Взгляд старика, казалось, был безучастным, и блуждал в колыхающихся травах, окружавших кругом невысокий холмик; лёгкий ветер уже успел высушить ночную росу. – Ты вот печалишься, вижу, в груди у тебя пусто. Но подумай здраво. Каково ей сейчас, там? – Не ожидая ответа, старик продолжил: – Вся наша печаль по ушедшим, когда они дороги нам, преимущественно это жалость к себе. Для нас это потеря, по себе и печалимся, но сознаться не можем. Тоска это называется. Хуже нет тоски. Но их жалеть не надо. Просто помнить и любить. На то человеку сердце. Тогда печаль твоя станет светлой.

Михаил не знал, что отвечать, но после слов старика окружающий мир словно преобразился, потерял ту плотность и тягучесть, в которой тело находилось всё это время. Тимофей заметил перемену и снова кивнул: – Мы хоть и мужики, слёзы не красят... Но, иногда выплакаться надо. – Старик мягко похлопал Михаила по плечу, немного постоял рядом, а потом оставил его одного. – Долго не сиди тут, – сказал он

вместо прощания, – у нас с тобой одно важное дело есть.

Над холмиком не было ни креста, ни пирамидки, один лишь камень посреди белых ромашек, колыхавшихся на своих тонких стебельках от всякого порыва ветра. Пустота была невыносимой. Склонившись над цветами, Михаил ощутил жгучее чувство боли, горло его сдавило. Он встал на колени и хрипло произнёс имя, пальцы судорожно впились во влажную почву, ломая цветы, в груди вдруг всё содрогнулось, а потом пошла потоком слёзы.

Когда Михаил вернулся, старик возился с оружием. На столе лежали разобранные механизмы, а сам он на весах отмерял порции зарядов, на носу у него висели допотопные очки. Глянув исподлобья, старик сразу определил состояние юноши. – Хорошо бы тебя парень встряхнуть, как следует. В таком настрое ничего хорошего не сотворить. Возьми пока железки протри, вытри старую смазку в стволах, видишь, вода блестит. Насухо протри, а потом смажь. После соберёшь, а потом сядем обедать. Надо бы не поздно успеть выйти. – Он опять углубился в своё дело, выстроив целую батарею заполненных порохом гильз, и между делом по-простому спросил: – А ты, Михаил, как надолго? У тебя время-то есть? Сколько дней тебе дали?

Догадливость старика удивила Михаила. До этого он и словом не обмолвился о своём отпуске, но ему показалось, что старик всё про него знает, и про отпуск, и школу. Он снова пожал плечами и неуверенно ответил: – Дней пять, шесть.

Старик снял очки и, не скрывая удовольствия, хлопнул себя по коленям. – Это хорошо, Миша, это хорошо.

Боевой настрой старика был для Михаила неожиданным, ему всё ещё хотелось грустить, держать в себе образы прошлого, связанного с Ядвигой, но хозяин всякий раз выдёргивал его из этого состояния, не давая погружаться в переживания. Иногда он затягивал песню с повторяющимся припевом, заставляя этот припев повторять по нескольку раз. Сначала это казалось непонятным, но через несколько повторов Михаил начинал ощущать в себе незнакомое чувство, словно гул внутри. В одних случаях, когда песня была быстрая и весёлая, он начинал пульсировать телом, незаметно пританцовывать, в других плавно покачиваться, и тело само начало петь. – Пропевай паря себя, пропевай, прогуживай тело, песня знает какие струны затронуть. Ну что, разобрался? Смазал? Теперь можешь собрать. Резьбу смотри не сорви. На охоту я собрался, паря, ты как, со мной? Готов?

Михаил растерянно посмотрел на хозяина и в который раз пожал плечами: – Я не знаю... Одежды...

– Это брось. Одежду мы тебе найдём, не бойсь. Штаны, сапоги, всё это у меня с запасом. Лагерь разбирали, тут чего только не оставалось. Роту одеть можно. Всё выбрось из головы, мужику надо в деле быть всегда, в деле, запомни. Не держи хандру на сердце. Немного погрустил, отдал должное, помянул человека, и в дело. От такого, брат, война хорошо помогает. Бац по башке, и нету хандры. Но, слава богу, её

нет сейчас, войны-то. Так мы охотой займёмся. Я ведь тоже сердце имею, не просто мне было одному. Ходил как тень, ветром качало, потом постепенно прошло. Всё проходит когда-нибудь. Пойдём далеко, мне-то самому дробовик нести уже в тяжесть на большие расстояния, а с тобой мы и мяса принесём, если чего подстрелим, и хандру твою развеем. Лес-то, он всё заберёт.

Они вышли после полудня. Старик сразу указал ему на едва заметную тропу, ведущую в молодой осинник, куда успела убежать собака, белая остроухая сучка по кличке Белка. Нагрузив молодого и выносливого гостя ружьём и вещмешком, в котором были упакованы патроны, немного вяленого мяса и сухарей, старик шёл налегке с небольшой котомкой и прокладывал дорогу. Затхлый и сырой распадок, затянутый молодым подлеском, по которому они начали своё путешествие, совсем не был похож на тот лес, который помнил Михаил со времени своего отбывания. На деляны их возили зимой по накатанным дорогам, и лес был прозрачным, здесь же, заросшая старая колея от трактора едва выделялась среди зелени. Лес напоминал ему восточные джунгли, картины которых ему показывали в разведшколе. Было душно и жарко от ходьбы. Повсюду разносились птичьи голоса, от чего всё пространство леса казалось каким-то сказочным, ненастоящим. Иногда у Синтаро возникало чувство, что он сам птица, сидящая в кронах, и наблюдающая за бредущими по земле путниками. Это было необычно – видеть самого себя

сверху. Голоса птиц сплетались в одну общую симфонию, от которой душа уже не просто брела по земле, а парила. Михаил искоса поглядывал на своего спутника, замечая, что и сам старик тоже испытывает удовольствие от этих звуков. Старик всё шёл и шёл, привычно огибая старые выворотни и сплетения лиан. На ходу, словно это была не охота на зверя, а прогулка по парку, он показывал, где какое дерево или растение. Перед этим всегда спрашивал, и без укора объяснял, что да как. Указывал на землю, где проходил след зверя. Он часто останавливался, заставляя Михаила просто неподвижно стоять и слушать. Поначалу это казалось пустым занятием, особенно сразу после остановки – в голове ещё стучала кровь от ходьбы, с непривычки ныла спина, но с каждым разом, незаметно для себя, Михаил стал улавливать звуки до этого незнакомые. Дед Тимофей стоял в молчании, и как будто становился пустым, словно разум его выходил из тела и направлялся туда, где скрывалось движение невидимого объекта. Это могла быть упавшая ветка, шорох листвы, движение ветра сквозь деревья; старик с лёгкостью определял это. Временами, он останавливался неожиданно, резко, без всякого сигнала, дыхание его становилось едва заметным, а глаза глубокими, и даже, пугающими.

– Услышал? – едва слышно спросил он, когда они оказались на вершине одного из небольших ряжей. В то мгновение Михаил думал совсем не об охоте. Видя перед глазами заросшую дорогу, он вспоминал проведенное в лагере вре-

мя, когда гуртом, в числе других заключённых, зимним морозным днём он ехал на санях и в свете зарождающегося дня восторженно разглядывал кроны уходящих в небо кедров. Вокруг было много больных елей и пихт, затянутых паутиной зелёного лишайника и готовых упасть в любой момент, и только кедры стояли чистыми и здоровыми, словно какая-то сила оберегала их от болезней. Бредя вслед за Тимофеем, Михаил уже не видел тех кедров, лишь кое-где встречались небольшие «подростки», как называл их старик, словно это были живые существа.

– Ну, чего задумался? Слыхал? Вон у тех скалок.

– А кто там? – так же шёпотом спросил Михаил.

– Дед Пихто. – Старик лукаво улыбнулся и пошёл дальше. – Свиньи там купальни устроили, там сыро под навесом камней, вода скопилась в яме, которую они выкопали до этого, теперь они там отдыхают. Жарко. Тебе-то самому не жарко?

Михаил вытер пот с шеи и кивнул.

– Может, подкрадёмся?

– Ишь, какой пряткий. Ветер куда дует? От нас. Считай, что они уже нас учуяли. Всё уж, махни рукой, нет их там. У кабана чутьё хорошее. Ничего, наша добыча впереди поджидает, а пока мы привал поищем, к ночёвке будем готовиться. В тайге-то ночевал хоть раз?

Михаил кивнул.

– Будем место подыскивать, смотри, что приглянется, по-

гляжу, как у тебя выйдет.

Михаил несколько раз останавливал старика, обращая внимание на удобное по его понятиям место, но тот всякий раз махал рукой, увлекая дальше. Наконец, дед Тимофей остановился и скинул свою небольшую котомку. Вдруг он замахал рукой, молча показывая куда-то вверх. Там, в прогалине между деревьями стоял зверь, это был олень. Собака его тоже увидела и готова была сорваться с места, но старик крепко её держал за ошейник, грозя кулаком. Михаил вскинул ружьё и стал целиться. Тимофей знаком приказал опустить ружьё, а потом сложил ладонь в трубочку и резко издал несколько рывкающих звуков, напоминавших крик большого животного. Бык закинул рога за спину и скачками скрылся в зарослях. Они ещё долго смотрели туда, где стоял олень, а потом занялись устройством табора.

– Всё пустой лес, а вот, на тебе, излюбьрь, – словно оправдывался старик. – Даже собака не учуяла сразу. А ты молодец, быстро сработал наизготовку. Реакция хорошая. Бык-то хорош, рога что дерево. Сколько прошли, не одного перехода не видел свежего, а тут на тебе, во весь рост. Как поджидал нас.

– А кабаны?

– В скалах-то? Это разве кабаны? Чушка да поросёнок. – Старик взял топор, срубил несколько рогулек, тут же расчистил место под костёр. – Это, паря, не кабаны. Это недобитые хунхузы. – Дед рассмеялся, вопросительно поглядывая

на попутчика. – Было так, что идёшь по следу табуна как по дороге, так её свиньи вытапывали. Табуны такие, что счёта нет. Бахнешь в кучу, это если темно когда, один обязательно задрыгается. А вокруг всё как ураган, гляди сметут, хоть на дерево прыгай. Так вот бывало. Секач коли попрёт буром, того одной пулей не остановить. А ты говоришь кабаны. Ну, давай, располагаться, здесь, кажись, удобно.

Вскоре поляна наполнилась дымом, в котелке закипала вода для похлёбки, а Тимофей босой бродил по табору, стаскивая к середине поляны сухие валежины, пучки сухой травы, упавшую с пихты кору. Михаилу он поручил рубить лапник для мягкости будущей лежанки. Дождя, по его словам, не предвиделось, и лишь одна вещь волновала старика серьёзно – гнус. Но и это обстоятельство было предусмотрено. Поляна оканчивалась пологим спуском в сырой распадок, в другую сторону шёл небольшой подъём. Лёгкий прохладный ветерок должен был всю ночь тянуть с вершины в тёплую сырую низину, и это было основным преимуществом их положения. Место продувалось, и комары не мешали, хотя время от времени приходилось шлёпать рукой по назойливым насекомым.

– Это Миша не комар. Да что мне рассказывать, ты, чтоль, не жил здесь. Вот, когда рот не откроешь, чтобы ложку всунуть, то комар. А это так, ерунда. Изюбрь-то не зря на ветерке стоял, нас поэтому и прозевал, ему тоже не сладко от комара.

Их похлёбка была нехитрой, но вполне съедобной. Мясо жевали сухим, запивая небольшими глотками душистого зелёного бульона. Хотя это была и не уха, старик всё равно называл похлёбку юшкой. Состав её был нехитрым: вода, соль, дикий лук, крапива, немного сушёной моркови и мука. Всё это в сочетании с солониной показалось Михаилу очень вкусным и питательным.

– Ты медленно жуй, не глотай. Мясо, хоть и говорят, что в желудке разварится, только всё это от незнания. Так только у собак. Человек должен жевать, и чем дольше, тем сытнее, – наставлял дед Тимофей. Он давно наелся, и незаметно наблюдал за своим попутчиком. – Гляжу, на шее у тебя висит не то крест, не то медальон какой.

Михаил отставил похлёбку и растерянно посмотрел на старика. Тот прятал глаза, блуждая взглядом среди деревьев, но было понятно, что ему интересно. – Ты ешь, ешь, насыщайся. Будет темно, тогда расскажешь, если есть, что сказать. Ночь-то длинная, в тайге темнеет рано. Наедайся, а я пока прогуляюсь. Сидеть-то мне, паря, долго не в радость. Мясо в теле одряхлело, кости давят его, потому и не сидится. А обулки то скинь, пусть ноги подышат, от земли наберутся, а пока сапоги обветрятся, портянки просуши. Ну а я скоро.

Вернулся старик не с пустыми руками, выкладывая на расчищенное место травы и коренья. – На-ко, угостись, не совсем спелый ещё, но есть можно. Кишмиш это, актинидия по учёному. Когда поспеет, так её и не взять будет, такая вот

ягода, а сейчас в самый раз. Сахару в нём много.

Среди неспелых попадались и сладкие ягоды, и Михаил с удовольствием ел их из алюминиевой кружки.

– Пока совсем не стало темно, сходи-ка Миша за водой на ручей. Обуйся тока. Похлёбку-то доел, наверное. Котелок заодно помоешь. Камушками его потри. После еды пить хочется, а водой не напьёшься. Мы сейчас шиповничка заварим, всё веселей время коротать, – предложил Тимофей.

Спускаясь по склону, Михаил продолжал слышать разговоры старика с собакой, которая была привязана сразу, как они пришли на место. Собака всё время жалобно тьякала, порываясь побегать, но хозяин не поддавался на её уговоры. Одиночество старика вызывало необъяснимое чувство печали, словно это он сам состарившийся бродил среди лесов, и не с кем было ему разделить еду и кров. За прожитые сутки Михаил успел привыкнуть к старику, к его спокойной речи, к тому, как делился тот своими открытиями и житейской мудростью. Тимофей давно жил среди леса, понимал его и любил, и было видно, что он хочет поделиться всем своим богатством. Михаил ещё не знал, зачем жизнь свела его с этим человеком, но был ему благодарен, и не только за то, что тот спас его когда-то от смерти, но и за то, что едва ли не насильно заставил идти с собой в тайгу. Это принесло свою пользу, Михаил перестал угнетать себя потерей женщины, которая столько времени жила в его сердце. Лес незаметно растворял в нём душевную боль, которая теперь лишь изред-

ка вспыхивала где-то под грудиной, перекрывая дыхание. В такие мгновения неизвестно почему старик останавливался и хлопал тихонько его по спине, словно видел эту боль.

Стемнело быстро. Михаил едва не заблудился, возвращаясь с ручья. Всюду журчала вода, деревья и кусты стояли так плотно, что он с большим трудом отыскал дорогу обратно. Страх заблудиться, конечно, не было, всегда была возможность крикнуть, но ему хотелось найти дорогу самому, и было удивительно, что он её потерял. Выручили приемы, показанные дедом, когда тот заставлял останавливаться и вдыхать носом воздух. Тимофей объяснял, что для хорошего охотника слух и зрение ни что в сравнении с обонянием, что настоящий охотник обязан чувствовать не хуже зверя. Для этого он закрывал глаза и медленно поворачивался. При этом втягивать воздух надо было очень медленно, словно не дышать вовсе. Когда Михаил проделал это, стоя среди мрака, в какой-то момент он действительно поймал запах дыма, а потом и услышал голос старика, разговаривавшего с Белкой.

– А я думал, тебя тигр утащил, – не то в шутку, не то в серьёз сказал старик, когда Михаил появился с наполовину разлитым котелком. – Костёр-то успел погаснуть, давай его подкормим. – Он повесил котелок над огнём и засыпал в него шиповника и остатки кишмиша. – Эх, сахарку бы, – посетовал старик. – Мы, старики не обходимся без сладкого, а его в нашей жизни как раз и нет. Ну да ладно. Лишь бы тепло было. Сахар на губах это когда целуешься, а это уж в прошлом.

Всё больше горечь. Не грусти казак, чего опять приуныл?

Они сидели друг против друга все время, пока закипала вода в котелке. И когда пили чай, удивительный по вкусу, и немного сладковатый от спелого кишмиша, тоже молчали, поглядывая друг на друга.

– Как не любить лес? – словно спрашивал старик, продолжая оставленный разговор. – Лес душу имеет, в нём тайна. Все мы когда-то вышли из него. Но жить безвылазно в нём не стал бы. Меня все отшельником видят, а это не так. Человеку среди людей быть надо, а лес... Он всё чистит, от всего плохого избавляет. Лес – он щедрый, что попросишь, то и даст, и ничего взамен не потребует. Надо только просить по своим силам. Что сможешь унести, то бери. А коли замахнёшься на то, что тебе не одолеть, тогда жди подвоха. Вот ты сегодня оленя увидел, по-нашему изюбрь будет. Могли бы мы его, конечно, уложить. Может, не с первого выстрела, но вполне. Собака не отпустила бы. Сейчас бы в мясе были по самые уши. Ты, наверное, расстроился, что стрелять не дал?

Михаил отвлечённо махнул рукой.

– Знаю, знаю, по первой на охоте всегда хочется стрельнуть в зверя, и всегда новичкам в этом деле фартит. Это ж надо, в первый день, только на место встали, а он тут как тут. Но посуди сам, от дома мы отмахали, почитай, вёрст пятнадцать, а дорога не прямая, сопки да распадки. И чего бы мы с ним делали? Кое-что, конечно, взяли, а большую часть кому? Грызунам? Воронам? Такого быка воронам? Нет, не дело

это. Зимой, тогда самое оно. Развесил мясо на сучьях, ветками закрыл, от ворон, и носи, сколько хочешь. Не пропадёт до весны. И всё равно нет такой нужды, красавца такого убивать. Теперь понял, почему я не дал тебе стрелять?

Михаил удовлетворённо кивнул, испытывая приятное расслабление от осознания дедовой науки.

– Охота не добыча, это поиск добычи. Когда убьёшь зверя, особенно крупного, такое, бывает, равнодушие овладевает, что самому себе стыдно становится. А этот пусть бегаёт, осенью гон будет, кому маток крыть, как не такому. Не наша это добыча была. А на еду мы ещё настреляем, за это не волнуйся. Погоди, такой азарт захлестнёт, что про всё забудешь.

– Дядя Тимофей, для чего ты позвал меня в тайгу? Не для охоты же. Ведь самому столько ходить по тайге трудно, – долго не решаясь, всё же спросил Михаил.

– Позвал? – Молчание старика было предсказуемым. Он всегда делал паузу перед тем, как ответить, и всякий раз Михаил замечал в глазах не отсутствие ответа, а колебание, делиться или не делиться им. – Зачем, говоришь. Охота не главное, верно. Ждал я тебя, Миша. Все эти годы ждал. И когда ты появился в темноте, я не удивился. Конечно, это было неожиданно, но это другое. Ты не думай, что это от одиночества. Мне уже люди в тягость, хотя, одному тоже не мёд на белом свете. Люди ведь, они как дети, их либо к сердцу подпустить к самому, либо на расстоянии выстрела держать. Ты, гляжу человек особый, в душу не лезешь, и вроде

как, тепло в тебе есть, и не скупой ты на это тепло. Недаром тебя Ядвига заметила. Она людей понимала. Горя пережила много, оттого и понимала. Вот и тебя заметила среди заключённых, а такой случай особый. Но не о ней говорю, хотя тебе эта тема дорога. Ждал я тебя с вопросом, но пока задать его не могу, не время. А в тайгу потянул тебя, в том, может быть, мой шкурный интерес, хотя мне уже ничего не надо. В этой жизни у меня было всё. Ты же помнишь, какую микстуру тебе давала Ядвига, когда тебя бревном стукнуло. Одной ногой тогда ты в могиле был, а может и двумя. Я за тем лекарством двое суток шёл. Шибко боялся, что не отыщу. Но нашёл всё же.

– Мы туда идём?

– Туда. Завтра к вечеру придём. Хочу, чтобы у тебя было это... Да и мне оно лишним не будет. Каменным маслом его охотники называют. Когда-нибудь и тебе оно пригодится, как мне тогда.

– Но вы же для меня тогда старались.

– Не только. От меня ждали помощи, а что я мог дать? Кабы не это средство, не помог бы.

– Расскажи про то, как вас в Порт Артуре... – Михаил не нашёл нужных слов, чтобы закончить мысль, но старик его понял.

– Это тебе Ядвига выдала мой секрет? Просил её молчать. Ладно, на неё не сержусь. Ты ведь японец, и сейчас думаешь, что передо мной сидит тоже японец. Ведь так?

– Так, – неуверенно произнёс Михаил. В этот момент вдруг залаяла собака. До этого она чуть поскуливала, поглядывая то на людей, то в густую темноту.

– Кажется, к нам гость, – тихо произнёс старик, поднимаясь. А ну, Миша вон ту валёжину, и всё, что горит, наваливай в костёр, а то он совсем погас. Чую, ночь будет беспокойная, а причиной тому наша Белка.

– Кому же нужна наша собака?

– А ты не догадываешься? С кем век не дружат собаки?

– С кошками.

– Верно. Это тигр, или что-то вроде него. Не дай бог.

– Что же нам делать?

– Время покажет. У тебя кажется, был фонарик. Это хорошо, что он у тебя есть. Давай-ка посветим, глаза у кошек зеленоватым светом горят, не так как у других. Может и осветим.

Михаил блеснул лучом по кустам, и тут же, среди деревьев сверху полыхнули, словно фары, два пучка света.

– Видал? Вон она? На сук забралась бестия.

– Кто это? – едва ли не прокричал Михаил от волнения.

– Не бойся, рысь это. Та ещё воровка, но мы её пугнём сейчас. У меня холостой есть. Давай ружьё. Пусть знает, что это наша территория.

Выстрел пронёсся отголосками эха, собака залаяла, и в ту же секунду послышался шлепок мягких упругих лап о землю и резвое бегство непрошеного гостя.

– Вот так, теперь можно до утра спать спокойно. Но костёр будем поддерживать, пока не рассветёт. Пока ты подежурь, а как сморит на сон, меня толкнёшь. – Старик постелил свою подрубленную шинель на приготовленную для этого лежанку, немного поворочался, и вскоре заснул. Сон его был тихим и спокойным, как у ребёнка. Михаила удивило, как быстро произошла смена настроения старика, как остановился ход его мыслей, словно кто-то умышленно всполошил обитателей поляны, чтобы закрыть ненужную и непростую тему.

Он ещё долго сидел, глядя на огонь, словно растапливая накипевшее в душе. Перед глазами проплывали образы ушедших людей, звучали их забытые слова, он понял, что это уже ему снится. Последним усилием воли он открыл глаза, и осознав, что сон едва не сломил его, вскочил на ноги. Натаскав из глубины поляны сушняка, он соорудил над костром что-то вроде пирамиды и снял с себя сапоги и всю одежду, оставшись в одних штанах. Новое незнакомое чувство заполнило всё его тело: огонь, ночная прохлада и стена тёмного леса вокруг возбудили в нём странное чувство. Особой, даже сказочной картиной выглядела поляна со стороны, когда испытывая волнение и страх, Михаил отходил от костра, надолго задерживая взгляд на этом мизерном пространстве среди тёмной и непроницаемой тайги; всё выглядело сказочной декорацией. Незаметно костёр разгорелся, вызывая в душе ответную реакцию: это был восторг. Он даже испугался,

что огонь перекинется на лес; это был уже не просто костёр, а факел, искры которого улетали высоко в небо и там исчезали. Огонь постепенно утихомирился, шипели сырые валёжины, потрескивали сучья, а Михаил всё больше проникался чувством благодарности к человеку, который привел его на эту поляну. Жар костра словно выжег из него накопившуюся боль. Он подумал, что впереди ещё будет много таких костров, и его путешествие только начиналось. Лёжа в отдалении, и глядя на языки угасающего пламени, Михаил успокоился, сон стал заполнять его сознание, сквозь него он видел, как бесшумно поднялся старик, подкладывая в костёр сухих веток, это было сказочное действие, вызвавшее в нём волну удовлетворения и благодарности к старику. Как и всегда, он не заметил как явь превратилась в сновидение, глаза наконец, сомкнулись, и до самого утра он уже видел одни только сны – как он летит среди полей, словно большая птица, а вокруг всё усыпано белыми и розовыми цветами.

Когда он проснулся от толчка в плечо, то почувствовал пронизывающее чувство блаженства во всём теле. За всю жизнь не было у него такого сна, тело словно гудело изнутри, в суставах не чувствовалось усталости, в них была сила и желание идти вперёд и только вперёд.

– Хорошо спишь, однако, не добудись себя.

Костер уже потрескивал от новых дров, закипал котелок, скулила собака на привязи в предчувствии дороги, небо было ясным. – Погоди, набегаяешься ещё, – разговаривал с Бел-

кой старик. – Наешься за день мышей, не волнуйся. Отпусти тебя сейчас, потом и не докричишься. А к обеду явишься вся в репях. А на кой ты нам такая красивая.

Они быстро поели остатки копчёного мяса, запивая зелёным бульоном, правда в котелке ещё плавало несколько грибковых ножек и шляпок, поскольку старик успел с утра, как он выразился, пробежать по кустам.

– Вот так, паря. Не ленись в тайге, и никогда не помрёшь с голоду. Идёшь, и смотри, ягоду по дороге собирай, всё, на что глаз упадёт, только не останавливайся надолго, иначе не дойдёшь куда шёл. Ну, в путь, что ли.

Он встал, перекрестился на все четыре стороны, делая неглубокие поклоны, словно благодарил кого-то за ночлег. Когда Михаил уже в пути спросил, к кому он обращался, дед Тимофей лишь странно повел глазом, и приставил к губам указательный палец, давая понять, что о подобных вещах не принято спрашивать. Потом расхохотался и пошёл быстрее. Дед был весёлым и порой непредсказуемым.

Они уходили всё дальше от жилья, поднимаясь в самые отроги хребта. Пушистые макушки кедров россыпями укрывали склоны зелёных сопок, здесь они были в недосыгаемости от пил и топоров, гулял ветер, заставляя шуметь верховой лес, а они всё шли и шли. Михаил крепко сжимал в руках ружьё в ожидании добычи. Ею были рябчики и горлицы, перелёты которых вызывали в нём неопишуемый восторг и азарт. Трёх он уже успел подстрелить, и теперь в мешке

лежал и обед, и ужин. Дед Тимофей довольно поглядывал на своего ученика и всё время подгонял его вперёд. Выйдя на небольшую таёжную речку, они сделали окончательный привал, старик тут же достал снасти и через считанные минуты уже отправился ловить рыбу. Пока закипала вода, он успел наловить хариусов, объясняя Михаилу, как их быстро и правильно приготовить. Оказалось, что их вовсе не надо варить, а лишь присолить, и к утру рыба будет такой, что «за уши не оттянешь», – как выразился Тимофей. Они сварили похлёбку из трёх горлиц и одного рябчика, и оказалось, что вкусней этой еды нет ничего на свете.

– Сильно едой не увлекайся, – предупредил старик, отодвинув котелок. – Сытость мешает всему. Всегда будь немного голодным. Для этого надо включить волю. Всегда оставляй место для желаний тела, а без них жизнь не интересна. Сытый человек уже ничего не желает, он только думает о еде, это рабство.

Слова потрясли своей простотой и суровостью. Михаил неуверенно положил ложку, поглядывая на старика. Тот рассмеялся.

– Напугал я тебя, паря, все мозги запудрил. Правда, вкусно вышло, а я тебя ругаю.

– Я наелся, правда, – словно извинялся Михаил, поймав себя на обжорстве.

– Ладно, ладно, с кем не бывает. Организм требует. погоди пару часов, опять поешь, еда только вкуснее будет.

Снова была ночь, длинная и звёздная. Они стояли лагерем перед большим хребтом, подковой огибавшим их становище, и весь он сплошным ковром был укрыт кедровыми деревьями. С утра в лесу было прохладно и чисто, мягкий мох делал ходьбу неслышной и упругой. Дед Тимофей медленно поднимался по ряжу, вспоминая путь. В одном из сырых распадков они быстро нашли каменное масло, это был налет действительно маслянистого, немного сероватого вещества, внешне очень похожего на обычную гашеную известь. На камнях, покрытых этим налетом, всюду были следы зубов животных. По словам старика, ими были в основном копытные. Они и грызли и лизали эти камни, и сходились в это место отовсюду. Набрав, как выразился старик, для внуков и правнуков, они снова вернулись к речке, съели всех солёных хариусов, доели вчерашних рябчиков и тронулись в обратный путь. Путь этот не был лёгким для Михаила, ноги его от непривычки болели, мешали ходьбе свежие мозоли, но в душе было легко и радостно. Но чем ближе подходили они к жилью, тем заметней была грусть на лице старика. Он всё больше молчал, лишь изредка указывая новичку места, куда ходить не следует.

– Буреломы, глухие распадки, чистые леса, влекут только дураков, – учил старик. – Выбирай путь между, держись всегда края, границы, и тогда зверь сам выйдет на тебя. В любом деле не лезь в гущу, и не выходи на открытое. В одном случае ты ничего не увидишь, в другом увидят тебя первого,

и тогда добычей будешь ты сам.

– Ты воевал? – Спросил Михаил в последнюю ночь их путешествия, когда они сидели у костра. Старик долго не отвечал.

– Война не тема для душевной беседы, парень. Пока ты молод, тебе интересно, потом понимаешь, что всё это только для романов. Я воевал, куда б я делся, коли казаком родился. За белых воевал, и за красных тоже. И везде меня вела чья-то рука. Нас толкают воевать, и любят тем, как мы умираем. Ты всё это когда-нибудь пройдёшь. Вот, смотри, – старик расстегнул рубаху и повернулся спиной. – Вот, что остаётся от войны.

Шрамы потрясли Михаила, он молча опустил голову.

– Это паря видимая сторона, цена её невысокая. – Старик неожиданно снял с шеи красноватый медный крестик. – Это тоже память о войне, только внутренней, когда она навсегда поселяется в твоём сердце. Был ведь у меня друг когда-то, и война нас захотела сделать врагами. Но она только развела нас по разным дорогам. Давно это было, очень давно. Вот таким был, как ты. Мне не захотелось забывать о нём, и тогда я предложил ему свой крест в обмен на его, перед тем, как разминуться в жизни. Он тогда подался к красным, а я к своим.

От этого рассказа в горле у Михаила пересохло. Он достал свой крест и протянул старику. Глаза старика блестели.

– Думал, когда это случится. Ждал момента, чтобы спро-

силь, откуда у тебя этот крест, но почему-то слов не находил. А ты сам их нашёл. – Старик взял крестик и сжал его в ладони. Глаза его лучились. – Ваня, Ваня... Вот и встретились через столько лет.

– Его звали Ваня? Но мне его дал Ли Вей. Он китаец.

Старик кивнул, разглядывая и поглаживая крестик. – Ли Вей, значит... Имя-то он мог придумать себе любое какое угодно. Ваня его русское имя. Крестили его с ним.

Когда снова встали на ночлег, Михаил рассказывал о Ли Вее. Последний отрезок пути они провели в молчании. Сразу по приходу растопили баню. Спал Михаил крепко и долго. С утра заморосил дождь, и в доме до последнего было сумрачно.

– Погода плачет, – сказал Тимофей, даже не заглядывая в окно. Сидя на небольшой табуретке, ближе к свету, в своих допотопных очках, он чинил сапоги, в которых Михаил ходил в тайгу. – Глянь-ка, кожа-то никудышная, одного раза хватило. Вот что значит, шили зэки. – Он вопросительно глянул на гостя и снова углубился в шитьё, протягивая шилом нить сквозь слои кожи. – Приедешь аль нет в другой раз, они ещё сгодятся. А кому ещё, такой размер.

Михаил сидел напротив и смотрел в светлый проём окна. К русской печке была пристроена небольшая печурка, наподобие буржуйки, сделанная из небольшой железной бочки, на ней уже закипал чугунок.

– Ну что, может, опрокинешь стопочку, на посошок?

Михаил отрицательно покачал головой.

– И то правильно. С дурной головой можно чёрти-куда забрести.

Потом они молча поели. Отодвинув миску, Михаил вопросительно посмотрел на старика, тот догадался, что гостя терзает какая-то мысль.

...– Спрашивай, не держи. В дорогу не должно быть вопросов.

– Как так вышло, что мы встретились? Я думал, что так не бывает. Ли Вей рассказывал о тебе, и это было так давно, что кажется в другой жизни. И вот ты сидишь передо мной живой, но мне кажется, что всё сон. Разве в жизни могут так пересекаться люди?

Молчание старика было долгим, и в какой-то момент Михаилу показалось, что он не хочет отвечать.

– Жизнь это стихия, Миша. Она кружит нас туда, куда хочет, но это на первый взгляд. Если приглядеться к тому, что происходит с человеком в этой жизни, то оказывается, ничего случайного в ней нет. Вот ты попал в Корею на кааторгу. Разве это было случайно? Нет. У тебя был друг, одинокий китаец, и это тоже не случайность, потому что у тебя доброе сердце. Многие события ты не в силах осмыслить, но в них есть твоя же воля. Когда буря, или шторм, то надо лишь правильно держать лодку. Так и с нами происходит. Если человек в согласии со своей совестью, сердце своё слушает, жизнь сама выведет его куда надо. А если барахтаешь-

ся, гребёшь против течения, паникуешь, врёшь самому себе, только силы потеряешь, будешь стоять на месте или утонешь. Когда-то тебя захватило жизнью, и ты не стал ей перечить, вот она правильно и распорядилась тобой. Она провела тебя сквозь препятствия для того, чтобы закалить, выбить из тебя всё лишнее, ненужное, чтобы ты встретил достойно более сложное испытание. И так будет всегда. Так и было, когда ты повстречал Ядвигу, и она помогла тебе, а ты ей. Потом был я.

– Чтобы ты вылечил меня?

– Нет, не для этого. Ты мне был нужнее. Ты позволил мне избавиться окончательно от старой ненависти, которая точила меня долгие годы. Это моя самая трудная постига. Через неё и умирать не страшно.

– Что это, постига?

– Это как нибудь потом. В жизни они ждут нас на каждом шагу, и когда мы к ним не готовы, то воспринимаем как личную трагедию. Но здесь я уже повторяюсь.

Слова старика потрясли Михаила своей простотой и, вместе с тем, глубинной правдой. Он сразу вспомнил наставление Ли Вея, когда тот говорил, что у жизни нет задачи расправится с человеком, она лишь испытания, без которых человек никогда не осознает её красоты и ценности. Надо слышать её в себе, любить, но не себя, а именно её, и никогда не обманывать. После того, как он поделился этим открытием со стариком, тот удовлетворённо кивнул и легонько обнял юношу.

Когда Михаил вынес на крыльцо свой саквояж, старик растерянно ходил по двору с опущенными руками, что-то выискивая глазами. Потом он вернулся в дом и вынес небольшой свёрток.

– Пока ты спал, наделал тебе лепёшек в дорогу. Будет время – перекусишь, – напутствовал Тимофей, отворачивая мокрые глаза. – А может, переждёшь, пока разъяснится? Хотя, какой это дождь. Раз собрался, то иди. Не знаю, свидимся ли ещё. Разговор наш не забывай. Ну, ступай, храни тебя господь.

Потом была длинная дорога, попуток не было, к полудню моросить перестало. Когда небо растянуло, Михаилу стало жарко, одежда высохла на ветру, шёл он быстро, желая поскорее вернуться в город. В пределах видимости тянулись длинные ряды столбов с вышками и часовыми, ему слышался лай собак, крики охранников – это было его прошлое, суровое и беспощадное, но в нём оставалось светлое имя дорожного ему человека, которое он навсегда уносил из этих мест. «Ты всегда будешь со мной».

Когда территории лагерей остались позади, его обогнала машина. Михаил даже не удивился тому, что она остановилась. Из кабины выглядывал все тот же солдатик из Козьмино.

– Но и везёт же тебе, танкист, – довольный неожиданной встречей выкрикнул из кабины водитель. – Давай, прыгай в кузов, до парома доброшу, а там уж найдётся, кому подхва-

тить. У нас народ отзывчивый, времена-то меняются.

Война.

Город встретил его шумом и суетой. После недели проведённой в лесу, Михаил некоторое время пребывал в растерянности, но повседневные заботы взяли своё, и он влился в поток, как когда-то учил его и Ли Вей, и дед Тимофей.

Он обустроивал комнату, бегал по магазинам в поисках необходимых для жизни вещей, знакомился с людьми, которые окружали его на новом месте. Жизнь радовала его своей простотой и непринуждённостью. Ему даже показалось, что так будет всегда – прогулки по городу, чтение свежих газет, приготовление пищи, но однажды к нему пришли. Это было рано утром, когда на примусе закипал чайник, а он перед зеркалом тщательно выбривал редкую щетину на подбородке. В дверь постучали. Это был курьер от Вязова. Наскоро перекусив, Михаил отправился по адресу, указанному в письме.

Вязов сидел у стола и пересматривал свежие газеты.

– Читал? – сходу спросил он на корейском, – протягивая газету. Михаил на секунду растерялся, потом мотнул головой, молча выискивая то, о чём намекал начальник.

– За что тебя уважаю, Идзима, – всё так же по-корейски продолжал Вязов, – соображаешь быстро, и притворяться умеешь. На второй странице смотри, среди международных

новостей.

Там было то, о чём Михаил уже слышал по радио, но не придавал большого значения, полагая, что столь грандиозные события его касаться не могут. Началась война в Корее между Севером и Югом.

– В школе ты проходил минное дело, не так ли?

Михаил снова отделался кивком головы.

– Ты что, в тайге дар речи утратил? – недовольно, но с долей иронии спросил Вязов.

– Никак нет, Илья Ильич, – отчеканил Михаил на корейском языке, подсказывая со стула.

– Ты садись, садись, не волнуйся. Это я так, для того чтобы ты проснулся наконец-то.

– Я проснулся, товарищ подполковник.

– Тогда слушай внимательно, повторять не буду. – Вязов поднялся, проверил за дверью, потом прошёл к окну, задвигая тюль, словно кто-то с улицы мог за ними наблюдать. – Война в Корее давно назревала. С одной стороны Советский Союз и Китай, с другой Соединённые Штаты и ...

– Япония? – вопросительно вставил Михаил.

– Там и без Японии хватает желающих руки погреть. Так вот... А ну повтори всё, что я сказал, – неожиданно приказал Вязов. Михаил кивнул и слово в слово пересказал всё, что услышал.

– Ну, слава богу, язык не забыл. Я уж думал, ты там совсем одичал в одиночестве. Что, правда, ни с кем не общался и

жил в лесу? Врёшь, гляжу. Ну да ладно, правда всё равно вылезет рано или поздно, а врать тебе по штату положено. Эта война Миша будет необычная. Надеюсь, ты не думаешь, что весь сыр-бор только из-за неподелённого рисового поля?

Михаил снова кивнул.

– Да, Идзима, тебя не переделаешь. – На этот раз фраза была произнесена по-японски.

– Ну что я виноват, что ли, – обиженно ответил Михаил, легко переключившись на родной язык.

– Ладно, идём дальше. Вот предписание, вот подробный план твой работы, как здесь, в Союзе, так и в Корее.

Услышав это, Михаил вскочил со стула.

– Вольно, садись. И перестань играть на публику, у нас серьёзный разговор. Пришло время заняться настоящим делом. Или ты полагаешь, что мы тебя готовили все эти годы ради забавы?

– Нет, я так не считаю, – жестко ответил Михаил на русском.

– Не сердись, я тебя понимаю. Всему своё время, и оно пришло. О тебе хорошие отзывы по школе, у тебя хороший язык, внешность хоть куда. Это очень серьёзное дело, ошибка оно не допускает. Практикуй разговорную речь как можно больше, говори сам с собой двадцать четыре часа в сутки, даже во сне, иначе твою голову найдут на каком-нибудь столбе. Эта война, как я сказал, не простая. Наше государство вынуждают вступить в войну, а этого никак не должно

произойти. Любая провокация, любая ошибка может стоить очень дорого. Все ищут возможности втянуть нас, но эта игра не наша. Страна только залечила раны войны, на стройках людей не хватает, нам нельзя открыто вступать в войну, но и в стороне нам не отсидеться. И в грязь лицом тоже никак нельзя упасть, потому что мы великая держава. Это ты понимаешь? – Вязов многозначительно посмотрел на своего ученика и улыбнулся. – Хорошо, что молчишь. А почему, кстати, ты промолчал?

– Ну, это даже не обсуждается, – делая серьёзное выражение лица, ответил Михаил.

– Что именно не обсуждается?

– Мы великая держава.

– Правильно. Мы. Ты, я, наш многонациональный народ... На нас смотрит весь мир, и от того, как ты справишься с заданием, будет зависеть будущее. Поэтому ты в числе других военных специалистов направляешься в Корею. Для тебя это первое задание, и твоя главная задача просто не допустить ошибки, не ошибиться. Не попасть в плен, не обнаружить себя. У разведчика, как и у сапёра, нет права на ошибку, нет права показывать свой страх, ни товарищам, ни врагу, тем более. У тебя будет корейское имя, документы, и никто не должен знать, что ты из Советского Союза. Официально наша страна не принимает участия в военных действиях.

– Но разве утаишь шила в мешке? – в недоумении спросил Михаил.

– Про шило ты верно заметил. Конечно, не утаишь, но пусть поймают с поличным. Одно дело догадываться, другое дело иметь факты. – Вязов вдруг замолчал, пристально уставившись в район шеи подчинённого: – Что у там тебя, крест, что ли? – почти шёпотом спросил он. – Михаил растерянно кивнул, и даже съёжился под этим удивлённым взглядом. – Это всё тот же?

Михаил растерянно кивнул, и без приказа полез за воротник.

– Отставить, – так же тихо приказал Вязов, после чего тяжело вздохнул и многозначительно постучал по своему виску указательным пальцем. Михаил вжал голову в шею, словно это движение могло скрыть страшную улику, на что Вязов иронично покачал головой. Он молча достал из внутреннего кармана небольшой тряпичный пакетик, и не разворачивая дал в руки Михаила. Тот на ощупь сразу догадался, что там находится.

– Ты всё понял? – так же шёпотом произнёс Вязов, забирая предмет.

– Так точно.

– Точно? – переспросил Илья Ильич.

Михаил кивнул, но тут же почему-то расплылся в улыбке.

– Вот на таких вещах и прогорают в нашем деле.

– Но мы ведь дома, Илья Ильич. Здесь же нет врага.

– Враг Миша, везде. – Фраза была произнесена настолько спокойно и убедительно, что Михаил даже почувствовал хо-

лодок в горле. – Ты разведчик, дома, или на Луне, не важно, и всегда должен это помнить. Всегда. Ты главный факт самого себя.

– Значит, меня нет? Так выходит?

– Так. Сегодня тебе грозил выговор, или может, ещё что-то в этом роде, но это среди своих. Так, ради науки, но если ты, не дай бог, окажешься в плену, тогда что ты будешь делать с твоим... Ладно, вернёмся к делу. Разволновал ты меня Идзима. Так вот, твоя задача не обнаружить себя. За воротами конторы как сотрудника МГБ, за пределами страны как советского человека. А этот случай особый Миша, это восток, поэтому нам очень важно было готовить людей с восточной внешностью.

– А русские там есть?

– Ты имеешь в виду простых русских Вань, Петь, Семёнов?

– Да.

– А где без них обходилось? Нет такого уголка на земле, Миша, где бы ни лежали русские косточки. Теперь не отвлекайся. Что именно надлежит тебе делать там, всё это ты подробно прочитаешь в своём деле, ты его получишь, с тобой будет работать специалист. Но кое-что мне хочется сказать отдельно, как я сам вижу это твоё задание. Прежде всего мы должны знать всё о враге, но не только о нём, но и о союзниках, я имею в виду...

– Китай? – неуверенно вставил Михаил.

– Да, именно так. Сегодня Китай наш друг, но что будет завтра, никто не знает. Поэтому без нас, без разведки, не обходится ни одна война, ни один конфликт. Ты японец, человек восточной крови, но не только. Ты ведь и мыслишь не так как мы, несмотря на то, что уже пять лет среди русских. Поверь Миша, я знаю, что ты один из нас, ты наш, и для разведчика очень важно, даже необходимо это понимать, нутром, даже сердцем. В то же время ты личность нейтральная, беспристрастная, и настоящий враг для тебя ты сам, твой страх. А люди... Когда надо, проходи мимо, когда необходимо – проходи сквозь него. Если враг угрожает тебе, или твоему товарищу, тогда действуй как тебя учили, как велит твой профессиональный долг. Ты разведчик, шпион по сути, и рядом с врагом, если требует дело, будь его лучшим другом. Твоя задача собирать любые сведения о нём, но вместе с тем, тебе необходимо изучать и своего союзника, а это будут именно китайские товарищи. Они наши друзья, и такими их и считай. И при этом изучай пристально и непрестанно. В Корее у тебя будут связные, свои информаторы, они уже ждут тебя. Может, возникнет необходимость применить свою военную специальность, это не исключено, но только исходя из обстоятельств. Рисковать лишь, в крайнем случае, когда другого выхода нет, или когда на кону слишком много. Думаю, ситуация подскажет тебе. Запоминай имена всех, с кем столкнёшься, определяй сильные стороны людей, и слабые тоже. Изучай людей, их повадки, наклонности, это

всё входит в обязанности разведчика. Изучай войну такой, какая она есть. Исчезни как личность, пусть все примут тебя за одного из тысячи беженцев, которые в поисках крова и хлеба блуждают по Корее, и тогда тебя перестанут замечать. Не верь никому, всё подвергай осмыслению. Даже себе не верь. И ещё, не обольщайся, когда тебе будут помогать. Там у тебя настоящего не будет друзей, не будет союзников, только враг, и те, кто заинтересованы в твоей помощи, чтобы этого врага победить.

– Но разве корейцы не наши друзья? Разве китайцы опасны для нас?

– Один наш русский царь, Александр третий, однажды сказал, что у России нет союзников, кроме её армии и флота.

– Но как же так?

– К сожалению, Миша, история показала, что это правда. Мы в окружении, и сегодня друг, преследуя свои личные интересы, завтра может стать врагом. Но даже если и так, наша задача помогать тем, кто нуждается в помощи, этого требует наше призвание, и этого требует время. Отсидеться в стороне не получится. Понимаю, что тебе может быть страшно, как-никак первое задание, но начинать надо с чего-то. Тебе выпала война в Корее. Но ты едешь не воевать, а помогать, в этом твоя основная миссия. Изучай себя, учись управлять собой, своими мыслями, желаниями, без этого ты погибнешь в первый же день, пробуй быть такими же, как они. Теперь ты не Идзима Синтаро, и не Михаил Ван Куан Ли, ты пусто-

та. Заполняй себя всем, что тебя там будет окружать, но не забывай для чего ты там, всё это входит в работу разведчика.

Вязов неожиданно смолк, достал папиросу и закурил. Слова его взбудоражили Михаила, буквально потрясли своим напором и объёмом содержимого, но вместе дали полное понимание того, что это действительно опасное дело, и для него это момент истины, тот момент, ради которого он прожил всю свою жизнь. Заметив в нём это волнение, Вязов слегка улыбнулся.

– Не скрою Миша, что всё это игра, в которой нас используют, но мы не должны в ней выглядеть мальчишками для битья. Кто там потом окажется победителем – это уже другой вопрос. Ты ведь был в боксёрском ринге? Войдя в него, боец обязан показать всё своё мастерство, если конечно противник этого достоин. А наш противник достойный. Это хитрый, коварный враг. Знаешь, почему лиса ворует кур?

– Знаю, товарищ подполковник.

– То-то же. Мы не должны спать, как куры, иначе нас передушат как цыплят. Но на эти темы лучше поменьше говорить. И про царя тоже помалкивай. Теперь о некоторых деталях...

Михаил просидел в кабинете у Вязова до позднего вечера. Бредя обессиленным по вечернему городу, он испытывал страх и волнение, словно уже находится в Корее. У подъезда своего дома он неожиданно столкнулся с Изаму.

– Весь вечер жду тебя, – вместо приветствия обиженно

произнёс Изаму.

Михаил молча кивнул и прошёл по инерции ещё несколько шагов, потом остановился. – Какой сегодня день?

– Ты что, грибов ядовитых объелся?

– Наверное. Я жутко проголодался, съел бы и мухомор.

Встреча с другом оторвала Михаила от мрачных мыслей, дома они говорили о своей новой гражданской жизни, Изаму делился последними новостями, но потом спросил: – Что? Уже?

Михаил кивнул, отстранённо глядя в тёмное окно.

– Почему меня не берут? Я завтра пойду к Вязову.

– Не вздумай. Ты хочешь, чтобы с меня голову сняли? Мы на службе, Володя, а на ней положено подчиняться приказам командиров.

Они долго сидели, Михаил рассказывал о своём путешествии в прошлое, рассказал о том, как встретился со Зверьковым, как бегал по лесу в поисках рябчиков, как видел живого оленя.

– Как ты думаешь? – спросил Изаму, когда Михаил смолк. – Где сейчас Ядвига?

Вместо ответа Михаил откупорил бутылку водки, которую принёс Изаму, налил полный стакан, и залпом выпил. Потом он сильно пожалел, что сделал это, но в этот момент действие спиртного притупило в нём острую боль, словно залило водой пламя. Он расплакался и упал на кровать. Изаму был в растерянности, поведение друга, его реакция на

простой вопрос расстроили его. Ему хотелось поговорить о жизни, выпить за здоровье, за их свободную гражданскую жизнь, но вечер был неожиданно испорчен. В полубреду Михаил долго не мог успокоиться, потом его затошнило. Голова шла кругом, он несколько часов боролся с приступами рвоты, ползая по полу, он никак не мог найти положения, чтобы остановить головокружение, его тошнило, потом началась икота, перешедшая в судороги и конвульсию. Неизвестно, чем окончилась бы эта история, если бы не соседка по квартире тётя Маша, услышавшая через стенку как мучается её молодой сосед. Она взяла его за шиворот, влила в него два литра воды, разбавленной марганцовкой, и заставила, как она выразилась, «орать на ведро». Потом она завела его в ванну и обливала из душа до посинения прямо в одежде. Выползая из ванны, Михаил поклялся тёте Маше, что никогда не будет пить этой гадости, на что она снисходительно махнула рукой. Но Михаил твердо решил, что его жизнь и водка отныне никогда не пересекутся.

Утром он едва поднялся, стараясь не смотреть в глаза своему другу. Они молча попили крепкого чая, потом Михаил поплёлся к Вязову. По дороге он сочинил историю про купленную на базаре рыбу, которой он, наверное, отравился вечером. Как ни странно, Вязов не стал принимать, он лишь пощупал пульс и посмотрел в зрачки, а затем отправил его домой. Лёжа в кровати, Михаил понял, что был на волоске от гибели, что если бы Вязов не проявил пони-

мания, свойственного его натуре, ему светил бы домашний арест, а затем взыскание вплоть до серьёзного разбирательства, поскольку он нарушил предписание, а стало быть, временно вышел из игры. Этой игрой теперь была война. Такую же игру продемонстрировал Вязов, когда Михаил приплёлся еле живым в его кабинет на следующий день, сначала подыгрывая незадачливому больному, а затем разнося в пух и прах его легенду:

– Первое, что ты как больной должен был сделать, вызвать скорую помощь. – Учил Вязов.

– Но там бы догадались, что я отравился водкой, – недоумевал Михаил, испытывая сложные чувства неловкости и облегчения.

– Разумеется, но где твоя голова? Можно же и соврать об этом. Я бы тогда больше поверил. А раз не вызвал, то значит понимал, что рыльце в пуху. Ладно, опыт сразу не приходит, но на будущее заруби себе на носу. Сначала правда, или хотя бы полуправда, а сверху уже ври сколько хочешь. Но не перестарайся, иначе твой корабль потонет. Ладно, давай к делу...

Потом были полёты и несколько привычных прыжков с парашютом, затем стрельбы... Его перевели на казарменное положение, и всю оставшуюся неделю он только и делал, что прыгал, бегал, стрелял, учил на память карту Корейского полуострова, изучал план города Сеула, зубрил свою легенду и говорил на корейском языке. Последнее, с чем его ознако-

мили, были мины американского производства и корейская национальная кухня, а точнее, её тонкости.

Когда над ним закрывалась дверь Ли-2, ему уже не было страшно, он уже ни о чём не думал, впереди была Корея.

В Корею они прилетели поздно вечером. Человек, который его встретил на аэродроме, назвал себя Андреем Кимом. Он был одет в гражданскую одежду, примерно такую же, как и Михаил.

– Это аэродром Ким Понг, отсюда до города рукой подать, – сказал он, указывая в темноту. – Я сейчас отвезу вас в Инчхон, там вы переночуете, а завтра уже будете предоставлены себе.

– Так быстро? – рассеянно спросил Михаил.

– Ничего, привыкнете, здесь всё происходит быстро.

Вереница беженцев вдоль дороги, по которой они ехали, не прекращалась ни на минуту, люди волокли свои вещи, несли на носилках стариков, здесь же были животные, навьюченные до такой степени, что их едва можно было разглядеть. На спинах женщин спали дети, люди выглядели усталыми и равнодушными к тому, что происходило вокруг, машин они словно не замечали. Это была крайняя степень усталости и отчаяния, при которой человек ещё не был сломлен, но смирился с тем, что потерял. Было видно, что эти люди потеряли всё. Отдельными колоннами шли солдаты армии Ким Ир Сена.

Машина заехала на территорию военного лагеря. Повсюду стояли палатки, дымили костры, вокруг которых толпились солдаты. Возле длинной кирпичной стены прямо на земле сидели и лежали плотно друг к другу военные. Товарищ Ким сказал, что это резервные части, которые ждут отправки на юг, но для этого необходимо восстановить взорванный мост через реку. У полевой кухни они получили по рисовой лепёшке и миске очень острого супа, который, за неимением ложек, пришлось пить прямо из котелка. Андрей представил Михаила как военного корреспондента, и попросил наполнить кашей его армейский котелок. – Это тебе в дорогу, котелок оставь себе, может пригодиться. Вот твои документы, – сказал товарищ Ким по-русски, протягивая вчетверо сложенную карточку и краем глаза поглядывая на поваров. Те, услышав русскую речь, бросили свою работу и с любопытством уставились на незнакомцев. Удалившись от посторонних глаз, и укладывая котелок на дно мешка, товарищ Ким вынул папку с бумагами и протянул Михаилу. – Это кратко о том, что здесь происходит, прочти это сразу, так ты быстрее вникнешь в суть дела. В мешке твоя одежда и обувь. Она не очень новая, но крепкая, береги её. До конца сентября будет тепло, так что не замёрзнешь, а потом что-нибудь найдёшь. Времени на раскачку у тебя нет, через два часа придут машины, подойдёшь к автомобилю с бортовым номером сорок четыре, дашь записку водителю. Поедешь в кабине. Ехать недолго, так что время не теряй, изучай в до-

роге. Вот ещё еда, консервы английские, – сказал Андрей, запихивая в мешок небольшой свёрток, – в дороге поешь каши, а консервы когда приедешь, на первое время хватит. Извини, что нет хлеба.

– А вы из России?

Андрей немного удивился. – Я из Советского Союза, из Казахстана. Слушай дальше. Тебя довезут до Сеула, там, конечно, всё разрушено, но улицы ещё узнать можно. Ты сам всё увидишь. Немного денег тебе не помешает, смотри не перепутай деньги.

– Но это же йены? – удивился Михаил, перебирая бумажки. – А разве корейских нет?

– Есть, но и эти тоже в ходу. Не потеряй, а то с голоду помрёшь. – Андрей достал карандаш, и стал писать на листке бумаги, – вот адрес, ты его должен сейчас запомнить. По этому адресу ты отыщешь человека, с которым тебе предстоит работать, через него будет происходить связь с другими людьми. Пароль при встрече – «Могу я починить здесь свои ботинки». Ответ – «За деньги можно починить всё, что угодно». Все бумаги после прочтения уничтожь, сожги. Бери, читай, мешать не буду, мне ещё ехать обратно на аэродром. Изучай, запоминай, мне сказали, что у тебя хорошая память. Подъедет машина, водителю отдашь эту записку. Ну, удачи тебе, Миша, вернее Ким Сан Дё.

– Есть удачи, – отковырнул Михаил, принимая бумаги. Андрей уже собрался уходить, но вдруг спросил:

– А тебе не интересно, что на самом деле случилось с человеком по имени Ким Сан Дё? С настоящим Ким Сан Дё. – Товарищ Ким, с любопытством посмотрел на Михаила. Тот пожал плечами. – Вообще-то узнать следует. Да, мне интересно.

– А чего же сам не спросил? Ты же разведчик.

– Так это вы разрабатывали мою легенду?

– Ну, не так, чтобы всё. Но в основном это моя идея, – улыбаясь согласился товарищ Андрей. – Настоящий Ким Сан Дё ушёл в Китай ещё перед войной, той войной, когда здесь ещё хозяйничали японцы. Был голод, и родители бросили его, точнее оставили на попечение родственников, а сами ушли в Китай. Я не поверил сначала. Ким Сан Дё было семь лет, когда он один пошёл вслед за родителями.

– В Китай?

– Ну да, в Китай.

– И что с ним случилось?

– А... заинтересовало. Так-то вот. Он долго бродил по Китаю, а в итоге оказался в Советском Союзе. Он и сейчас живёт там, в Хабаровске. Удивительно, не правда ли? Выходит, что вместо него ты вернулся в Корею, чтобы прожить часть его жизни. А теперь угадай, какое у него имя?

– Русское, вы имеете в виду?

– Ну да, не английское же.

Михаил пожал плечами.

– Его имя Миша, – рассмеялся товарищ Ким.

Михаил аж подпрыгнул.

– Но меня тоже звать Миша. Так, наверное, не бывает.

– В жизни всякое бывает. Просто, человеку проще видеть во всём необычном случайность.

– А что же это, по-вашему?

Товарищ Ким улыбнулся и пожал плечами. – Если бы я знал. Всё хотел спросить... Говоришь по-корейски неплохо, но вижу что не кореец. Ты кто на самом деле, если не секрет? В личном деле у тебя китайское имя.

Михаил тоже пожал плечами, – уже не знаю, наверное, русский.

– Так правды и не сказал. Теперь вижу, что ты настоящий разведчик.

Они рассмеялись и пожали друг другу руки.

Машины приехали через два часа. Раздался сигнал горна, вся живая масса словно один большой организм поднялась и стала собираться. Солдаты быстро выстроились у полевой кухни, каждый получил свою пайку еды, потом так же быстро и организованно они погрузились в машины. Михаил без труда отыскал машину с номером сорок четыре, это был советский ЗИС. Некоторое время он смотрел на бортовой номер, размышляя над тем, что в этих цифрах ему показалось особенного. Потом вспомнил, что сорок четыре был номером лагеря, в котором он отбывал срок. Водитель прочитал записку от товарища Кима, и, улыбаясь, кивком пригласил

в кабину.

– Ким Сан Дё, – представился Михаил.

– Ты, наверное, из Кимхе? Знаю такой город. Меня зови просто Пен.

Когда въехали в город, была глубокая ночь. Михаил с волнением смотрел на разрушенные дома, они сопровождали его на протяжении всего пути, пока машина ехала по городу. По-прежнему брели вдоль дороги беженцы, с тревогой оглядывая проезжавшую колонну. Здесь же у стен уцелевших домов, прямо на земле, окружённые домашним скарбом, спали люди. По отметинам на штукатурке нетрудно было догадаться, что здесь шли жестокие бои. На одной из улиц колонна остановилась. Оказалось, что головная машина передними колёсами заскочила в воронку от снаряда, загородив проезжую часть. Машину быстро вытолкали из ямы, но пришлось менять одно колесо.

Вскоре колонна въехала на большую площадь, окружённую противотанковыми ежами и подобием баррикад. Всюду были военные. То, что увидел Михаил, вызвало в нём ступор. Принятое им за мешки оказалось телами, их было много. Это были гражданские люди, погибшие во время бомбёжки, в изорванных одеждах: старики, женщины, дети. Неподалёку от этой массы тел стояло несколько молодых женщин, одетых в длинные шаровары, и рубахи. Женщины скорбно рассматривали тела, видимо, выискивая близких. Некоторые из них громко плакали, прикрывая лица платками. Солдаты

по команде офицера повыпрыгивали из машин, и стали строиться. После очередной команды часть из них стала грузить тела в машины. Михаил некоторое время наблюдал за происходящим, пытаясь убедить себя в том, что это сон, а потом, попрощавшись с водителем, нерешительно побрёл вдоль дороги в сторону уцелевшей группы домов. Где-то надо было дожидаться утра. Разрушенные улицы вызвали чувство тревоги и тоски, всматриваясь в тёмные силуэты домов, ему показалось, что это действительно страшный сон, но картина, увиденная им ещё недавно на площади, говорила о том, что это явь, его окружало страдание и горе. Он сразу вспомнил разговор с Вязовым, осознавая вживую то, что хотел донести до него Илья Ильич. Если бы не этот долгий разговор, то неизвестно, как отреагировал бы он на всё что увидел здесь. И это был лишь первый день, а впереди была неизвестность. Мимо небольшими группками проходили люди, они, как и Михаил, в тревоге озирались по сторонам, заглядывали в разрушенные дома, в надежде отыскать убежище для ночлега. Сам он входить в эти брошенные дома сразу отказался. Он долго стоял напротив зияющих темнотой окон одного из уцелевших домов, и почему-то вспомнил свой приезд в бывший лагерь. Тогда его тоже накрыло волной тоски и тревоги, когда в отблесках ушедшего за горизонт солнца непонятными изломанными конструкциями стояли вокруг него остатки бараков, чёрными скелетами пугающе торчали из земли вышки часовых. Не в силах осознать происходяще-

го, он хотел развернуться и бежать назад. Тогда остановила случайная встреча с бывшим командиром отряда. Теперь бежать было некуда, и даже если бы он побежал, то впереди всегда была встреча с самим собой. Стоя у разрушенного дома, Михаил вспомнил, как тогда увидел в темноте леса едва заметное святающееся окно, и как этот тусклый свет изменил его состояние. Ему вдруг подумалось, что светила не лампа, а сердце Тимофея, и именно его свет увидел он в темноте. Сейчас Видение этой картины было настолько ярким, что он физически почувствовал в груди нечто горячее, даже огненное, пульсируя по всему телу. Его словно затопило, и щемящей тоской по прошлому, и состраданием к тому, что он видел теперь. Вместе с тем, воспоминания о России, о старике Тимофее, вселили в него тепло и надежду, что всё это когда-нибудь пройдёт. Он успокоился и пошёл дальше.

Стояла середина сентября, несмотря на ночь, воздух был тёплым и сухим. Пройдя несколько кварталов, он вышел на берег реки, что протекала через весь город. Мост охраняли военные. Дождавшись группы беженцев, Михаил затёрся в толпу и, минуя обыск и проверку документов, прошёл на другую сторону реки. За ней он нашёл укромное место среди небольшой рощицы, где и провёл остаток ночи.

Проснувшись с первыми лучами солнца, он переделался в свою новую одежду, а потом долго бродил по городу, опасаясь, что за ним может идти слежка. От этой мысли, что за ним может идти шпик, Михаила немного лихорадило; пер-

вые шаги в образе разведчика совсем не походили на то, чему обучали его в школе: вокруг была разруха, и казалось, что никому до него не было ни какого дела. Однако, когда чей-то взгляд останавливался на нём, Михаил замирал в волнении, и едва справлялся с желанием увести глаза. Для уверенности, он подходил к людям, и задавал самые нелепые вопросы – где можно найти еду, ночлег, и прочее. Исподволь выяснял, как найти нужную ему улицу, но люди, словно, не замечали его, это были беженцы, все они бежали от войны в поисках покоя и крова. Поняв, что вокруг одни только беженцы, которые вряд ли ему помогут отыскать улицу, Михаил рискнул и обратился к военному регулировщику. Тот долго разглядывал документ, которым снабдил его товарищ Ким, после чего махнул рукой, указывая примерное направление. На ногах, обутом в непривычную чужую обувь, болели мозоли, и чтобы не привлекать внимание своей хромотой, он снял ботинки, спрятав их в мешок, и побрёл босиком. Только после полудня он набрёл на улицу, которую искал. Единственным уцелевшим домом в округе оказалась маленькая будочка, в каких обычно сидят мастера по ремонту часов и обуви. Все остальные дома были разрушены до основания, или стояли пустыми, чернея глазами выбитых окон. Усевшись прямо на землю у одной из уцелевших стен дома, по примеру беженцев, Михаил стал наблюдать. Выложив из мешка ботинки, он стал делать вид, что занят починкой. Обувь и на самом деле нуждалась в ремонте, но под рукой кроме перочинного

ножа ничего не было, и пришлось ограничиться просушкой стелек и развязыванием шнурков.

Михаил съел банку тушёнки, используя палочки, и поднявшись, лениво пошёл к мастерской. Он постучал, а затем открыл дверь.

– Время обеда, – недовольно пробурчал обувщик, не отрываясь от своего занятия.

Сарайчик был небольшим, с одним окошком, топчаном и маленьким верстаком, на каких обычно режут кожу. Вся утварь, развешанная по стенам, запах кожи и клея, напомнили Михаилу его дом, мастерскую отца. Он оцепенел от этого давно забытого ощущения чего-то родного и знакомого. Михаил набрал в лёгкие воздух и негромко спросил: – Могу я здесь починить свои ботинки?

Обувщик поднялся, и повернулся к окошку, это был щуплый пожилой человек. Не поворачивая головы, он сказал:

– За ваши деньги можно починить даже оторванный ослиный хвост.

Михаил прыснул от смеха, понимая, что либо агент большой шутник, либо сам он попал в глупое положение. Хозяин повернулся и снова произнёс ответ, но уже так, как надо. Лицо старика показалось Михаилу знакомым, но он никак не мог вспомнить, где и когда они встречались. – Ну что стоишь как столб посреди дороги. Давай, починю твои ботинки, –скомандовал обувщик расплывшись в улыбке, и тут Михаила словно взорвало. Перед ним стоял Ли Вей. Он лукаво улы-

бался беззубым ртом, строя нелепую рожу. Михаил выронил из рук ботинки и вскрикнул так громко, что сам испугался.

– Ты? Ты живой? Ли Вей, ты жив!

– А ты что думал? Что я буду стоять перед тобой мёртвым? – гнусавым голосом ответил Ли Вей, непринуждённо обходя гостя, и затворяя за ним дверь. Это был всё тот же китаец Ли Вей, узнать которого можно было и просто и невозможно. Его лицо украшала характерная тонкая бородка и седые усы. Это лицо, слегка изъеденное оспой, было маленьким и морщинистым, словно сушёная слива, и чрезвычайно подвижным. Утрата половины зубов несколько не портила его, глаза всё так же светились мудростью, и вместе с тем были лукавыми и озорными. Это был Ли Вей. Он подошёл к гостю вплотную и обнял его за плечи.

– Как же ты вырос, мой мальчик. Я с таким удовольствием наблюдал за тобой из окна.

– Но почему ты тогда не вышел?

– Ты с таким аппетитом уплетал английскую тушёнку, что я побоялся тебе отвлекать. Я бы всё испортил. Я не для того ждал тебя всё это время.

Ли Вей стал вытирать глаза, а Михаил продолжал стоять посреди комнаты, и никак не мог поверить в то, что Ли Вей жив.

На маленькой железной печке Ли Вей нагрел чайник и напоил Михаила чаем. После того, как они поели в полном молчании, Ли Вей рассказал, что случилось на барже в ту

последнюю ночь, когда он бесследно исчез. События той ночи всё ещё держались в памяти Синтаро, он хорошо помнил как старик, изнурённый плаванием и болезнью ушёл на палубу, незадолго до этого оставив ему свой крестик, и как на следующее утро его не нашли среди каторжан. Потом Синтаро вспомнил, как вместе с другими осуждёнными стоял на пирсе, перед погрузкой в машины, и его допрашивали двое в штатском. Тогда это не показалось необычным, но сейчас он понял, что Ли Вея искали неслучайно, и причина по которой он неожиданно исчез была именно в этих переодетых в штатское полицейских.

– Ты знал, что тебя будут ждать на берегу? – спросил Синтаро.

– Догадывался. Особенно после того, как выяснил, что за мной следят. Я тебя предупредил тогда.

– Я помню, это был Ясуши. Но куда он делся? Ты что, убил его?

– Нет, конечно. Разве может такой немощный старик, как я, одолеть пусть не молодого, но сильного шпиона. Можешь мне поверить, я не убивал его. На палубе во время шторма, когда баржа стояла на якоре, он поскользнулся и упал за борт. Я не виноват. Хотя, если бы он был более осмотрителен... Он наступил на дельфиний жир.

– Жир? Тот самый дельфиний жир?

– Да, дельфиний жир, тот самый. Я им намазал тело, чтобы не замёрзнуть в воде, иначе мне не доплыть было до бе-

рега. Ты разве не знаешь, что жир защищает от холода? Вот почему я всё ещё жив, дорогой мой... Какое у тебя имя на этот раз?

– Сан Дё. Ким Сан Дё, – задумчиво ответил Михаил, всё ещё блуждая в прошлом. – Значит, ты всегда был разведчиком? Ты жил в Японии и шпионил? И ты всё время использовал меня. Натаскивал как свою охотничью собаку.

– Можно и так сказать. Думаю, сейчас ты способен простить старика.

– Я не сержусь. Просто не могу поверить в это. Ты всё время готовил меня? Ведь так?

– Ну что ты. На такое я не способен. Просто в какой-то момент у меня не оказалось выбора, и я стал пользоваться твоими услугами, а ты был только рад. А потом, когда меня раскусили и предложили в обмен на жизнь передать фальшивые сведения о передислокации Квантунской армии, я понял, что малейшая случайность может стоить мне жизни. И не только мне, но и тысячам русских солдат, если начнётся заваруха. Они сами просчитались, перемудрили, поэтому на берегу моя жизнь уже ничего не стоила. Теперь ты знаешь всё, Сан Дё-кун. Как я попал в Сеул, думаю уже не так интересно. Об этом как-нибудь потом. А сейчас отдыхай. Завтра будет много дел для тебя.

– Нет, Ли Вей, есть ещё кое что.

– Называй меня Вень Яном. Так меня зовут здесь. Что же ещё тебя интересует?

– Когда я сидел в лагере, то встретил одного человека, твоего друга. Ты не догадываешься, кого? – Взгляд Синтаро был направлен в область солнечного сплетения, Ли Вей почувствовал это направление, он закрыл глаза и покачал головой. – Неужели, Тимофей?

Они сидели в темноте друг напротив друга до глубокой ночи, и Синтаро всё рассказывал о своих приключениях в России. Старик вставал, медленно ходил по своей каморке и, не перебивая, слушал рассказ Синтаро.

– Сколько прошло времени, – задумчиво произнёс он после того, как Синтаро закончил рассказывать. – Люди, словно семена, а жизнь как ветер, разбрасывает их куда хочет, и везде они прорастают. Все войны и революции лишь ускоряют движение этих семян, усиливают ветер. Тогда нас разбросало по разные стороны баррикады, и каждый считал себя правым. Но правых нет, есть власть жизни и времени, и мы подчиняемся этому как слепые щенки. Убиваем, предаём, идём сознательно на смерть, спасая других...

– Но почему люди убивают, зачем всё это? Я видел столько бед... Разве нельзя обойтись без воин?

Ли Вей негромко рассмеялся: – Когда я был молодой, то думал точно так же. Мы все хотим рая на земле, хотим для себя покоя и благополучия, забывая об очень простой истине. О том, что человек должен всё время расти, и если его не беспокоить время от времени, то он станет жирным и ленивым. Беды принуждают человека совершать поступки. Если

бы не было воин, то среди людей не было бы героев.

– А без них разве нельзя обойтись? Без героев, без войн, без крови. Спокойно жить, любить, работать...

– Нет, Синтаро, нельзя. Хотя, люди и вправду могут обойтись без героев какое-то время. Но боги... Они думают по-другому. Это они всё время толкают нас в пропасть, которую сами и придумали. Но делают её нашими руками. Мы послушные пешки в руках богов.

– Ты говоришь странно. При чём тут боги?

– Это их забава, принуждать нас делать подвиги. Ведь им это недоступно, они всемогущи, и жизнь их похожа на сладкий сон. Жизнь людей другая. Она и горькая, и сладкая. Подвиги заставляют нас изменяться, но подвига без жертвенности не бывает.

– Поэтому всё, что я видел, сегодня и вчера, в лагере, так необходимо людям? Я видел трупы детей, женщин. А Хиросима, а Нагасаки? Кому нужны слёзы, Ли Вей? Кровь.

– А как заставить человека взять оружие и броситься на врага? Как вынудить его забыть про свою жизнь и защитить чужую?

– Это, всё равно, страшно, Ли Вей, знать, что тобой управляет кто-то.

– Да, страшно, но разве тебя спросила мать, когда рожала? И её никто не спрашивал. Принимай всё в этой жизни, но не забывай главного. За тобой всегда остаётся право выбора. Это единственное право, которое наполняет твою волю,

а без воли нет подвига, нет жизни. Тогда в России, когда шла гражданская война, у нас оставалось только право выбирать. Но это нам только так казалось. Теперь я понимаю, что никакого выбора не было, потому что каждого из нас вели боги. Но человеку всё равно приходится держать ответ, платить. Жизнь протащила нас через жернова, но мы остались живы, и это больше всего меня удивляет, – сказал Ли Вей. – Мой дорогой Синтаро, ты же видишь, что жизнь умнее нас, и я когда-то говорил, что у неё нет желания расправиться с тобой или с кем либо. И если кто-то умирает, то это должно служить уроком для нас. Если после всего мы остались живы, значит, боги от нас ждут подвигов. Впереди тебя ждут подвиги, мой друг, а сейчас спи.

Ли Вей разбудил Синтаро рано, он уже успел приготовить еду и был чем-то взволнован.

– Что случилось, Ли Вей?

– Я не Ли Вей, – недовольно пробурчал китаец.

– Извини, забыл совсем. Вень Ян.

– Опять будут бомбить. Надо поскорее убираться. Ты видишь эти дыры в стене? Это осколки от бомб. Жаловаться бесполезно, лучше действовать.

Они быстро поели, потом Ли Вей собрал всё необходимое, они вышли из каморки и, закрыв дверь на обычную задвижку, пошли по дороге, ведущей из города. Мимо проносились грузовики. Ли Вей сказал, что они везли боеприпасы. – Наша противовоздушная бригада бессильна против их бомбар-

дировщиков. За всё время ещё ни одного самолёта не сбили. Зато американцы не жалеют для нас своей картошки.

– Из которой прорастает ненависть и отвага? – спросил Синтаро.

– Ты всё правильно понял, мой мальчик. Ким Сан Дэ. Неплохое имя. Твои родители из Кимхе? Не так ли?

– Они потерялись где-то в Китае.

– Этого следовало ожидать. Потом обязательно расскажешь эту свою историю.

Ли Вей шёл и задавал вопросы, проверяя, как его ученик вошёл в роль. Эта была очередная игра, и, втянув в неё Синтаро много лет назад, старик играл и сам. Ближе к вечеру они вернулись в город. На прогулке Ли Вей вёл тщательное наблюдение за местностью. Он ничего не записывал, но фиксировал сведения, завязывая особые узелки на своём поясе. Понять эту грамоту было невозможно, но она действовала. Вернувшись домой, Ли Вей снял пояс и, перебрав узлы, точно описал словами всё то, что привлекло его внимание. Пока он готовил еду, в домик заходили люди. Они приносили для ремонта обуви и тут же авансом расплачивались за работу. Вместо денег люди часто приносили продукты, в основном армейскую тушёнку, но иногда и овощи. Старик извинялся за то, что его не было весь день, раскланивался, принимая плату. С некоторыми он говорил подолгу, выйдя из домика. Синтаро он представил как своего дальнего родственника, лишившегося крова.

– У тебя когда назначена встреча с товарищем Андреем? – спросил Ли Вей, когда они закончили с ужином.

– Через два дня.

– Машина под номером сорок четыре тебе известна. Идти придётся сегодня. Будь внимателен, когда подойдёшь к месту, осмотрись, не спеши.

– Ну что я, не понимаю, что ли? – возмутился Михаил.

– Знаю, что не маленький, – пробурчал Ли Вей – Вень Ян. – Но лишняя осторожность не помешает, здесь война, и с чужаком разговор короткий. Наверняка вокруг базы крутятся шпионы южан. Если они тебя запомнят, то пеняй на себя. Ни на секунду не теряй бдительности, я отвечаю за твою жизнь. – Неожиданно для себя Михаил увидел старика очень серьёзным, даже жёстким, и понял, что тот действительно не шутит. – Будь осторожен Синтаро, – едва слышно произнёс Ли Вей. – Игра в разведчика опасная игра, на кону наша жизнь, и не только.

– Прости меня, я понял.

– Не оправдывайся. Просто запомни, что здесь любая ошибка может стоить жизни многих людей. Обдумывай каждый свой шаг, но действуй стремительно. Теперь к делу. Мои люди обнаружили места, откуда ведётся наводка самолётов. Это очень ценные сведения, и чем скорее ты их передашь, тем лучше. Ты видел, как точно попадали бомбы? Сегодня они подорвали склад с боеприпасами. Скорее всего американским пилотам помогают с земли. Вот эти ботинки тебе

будут в самый раз, обуи их. А когда придёшь, отдай их товарищу Киму. А эти ты несёшь для продажи, в них вернёшься.

– Там спрятано сообщение?

– С тобой не интересно, мог бы притвориться, что не понял, – уже беззаботно усмехнулся Ли Вей, словно и не было той жёсткости, с которой он отчитал своего молодого друга.

Как и в прошлый раз, вернулся Синтаро только под утро, проведя остаток ночи в знакомой роще.

На этот раз дорога заняла больше времени, хотя шёл он, уже не плутая по многочисленным улицам Сеула, всякий раз выискивая боковым зрением того, кто мог за ним следить. Внутренняя собранность, именно это качество прибавляло уверенности в незнакомом мире, где труднее всего давалось общение с людьми. Как его научил Ли Вей, останавливать людей и спрашивать о чём угодно было частью работы разведчика. Но для этого необходим был предлог; люди по-разному относились к его вопросам, одни опасливо озирались и уходили прочь, но были и такие, которые не только говорили с ним, но и делились едой. Синтаро всегда отказывался, но они настаивали, и приходилось брать. К домику он подошёл совершенно не голодный. Многое из того, чем делились с ним люди, он с удовольствием отдавал другим. Было удивительно видеть как простые и обездоленные крестьяне делятся последним и переживают искренне за его судьбу. Порой ему было стыдно за свою ложь, но он продолжал выполнять наставления китайца, и вскоре ощутил, что не чувству-

ет себя инородным телом, у него исчез страх неизвестности, корейцы стали понятны ему и даже близки.

– Неужели тебя всему этому научили? – спросил Михаил, вернувшись домой.

– Чему?

– Твой совет разговаривать с людьми...

– Ты правильно сказал, именно разговаривать, участливо беседовать, а не болтать. Это жизнь. Если ты действуешь не вопреки ей, она становится твоим учителем. В этом вся нехитрая мудрость, Сан Дё.

Несколько дней Синтаро выполнял мелкие поручения Ли Вея, а заодно узнавал город. Он запоминал места возможных контактов с другими агентами, которые порой и не догадывались, что работают на Ли Вея. Прожив в Сеуле все эти годы, ровно с того момента, как Синтаро привезли на каторгу, Ли Вей не только выучил язык корейцев, но и их привычки. Он знал всё. Оказалось, что и башмачником он стал благодаря Синтаро. В Японии, незаметно для посторонних глаз и ушей он учился. Лишь однажды ему посчастливилось побывать в мастерской, где шили обувь, но этого хватило, чтобы потом создать своё собственное дело по ремонту обуви. Сам Синтаро оказался в роли учителя китайца. И даже сейчас Ли Вей не раз обращался к нему за советами, как лучше и быстрее починить изорванную пару. Синтаро и не подозревал, что так хорошо освоил дело отца. Используя это обстоятель-

ство, Ли Вей придумал для него легенду, по которой Синтаро мог свободно передвигаться по городу с маленькой тележкой, приспособленной под переносную мастерскую. Вскоре и у него появились свои клиенты, многие из которых оказывались полезными информаторами. Город был разрушен, и люди нуждались в помощи, нуждались в еде, крове, в одежде и обуви, ожидая холодную зиму. Услуги Синтаро были как никогда востребованными, со своими инструментами он был нарасхват. Пока Синтаро чинил обувь, люди с удовольствием отвечали на вопросы, делились впечатлениями о том, что происходит в городе, прятали Синтаро, когда шла бомбардировка. В один из таких дней к нему подсел мужчина, поведение которого сразу бросилось в глаза Синтаро. Первое, на что он обратил внимание, был акцент: это был не кореец. Синтаро принял от него один из ботинок, и тут же сердце его ёкнуло. Он заглянул в стельку и увидел хорошо знакомый ему оттиск фирменного знака. Мужчина делал вид, как будто разглядывает небо, на самом деле показывал, что разговаривать с тем, кто чинит обувь ниже его достоинства. Синтаро понял, что это японец.

– У вас хорошая обувь, – заискивающе произнёс Синтаро, разглядывая второй ботинок, который был всё ещё на ноге клиента. Мужчина свысока посмотрел на башмачника, и довольно улыбнулся. – Да, обувь неплохая, здесь такую не купить, а сейчас и подавно. Надеюсь, ты починишь мне ботинок? Ты видишь, скоро подошва отлетит, а найти что-то под-

ходящее уже нет времени.

– У вас был бизнес, и теперь вы бежите и всё бросаете, – сочувственно подыграл Синтаро, готовя инструмент для работы. Синтаро почувствовал как руки похолодели от волнения. Он вспомнил, как в мастерской отца кроил подошвы. Он не был дома больше пяти лет, но этот ботинок вполне мог быть его работой. Его захватило страшное желание разговорить японца. – Вы вовремя обратились за помощью, будьте уверены, я сделаю всё как надо.

– Ага, и главное быстро, – похлопал его по плечу японец, уже выглядя не таким важным. – Мы уезжаем из этой чёртовой страны, где все сошли с ума. Не босиком же драть из этого ада. А когда-то это была нашей провинцией.

– Скорее колония.

– Японец с удивлением посмотрел на Синтаро, и наконец-то обратил внимание на передвижной сундук, с любопытством оглядывая всю его фигуру.

– Ты неплохо соображаешь для корейца. Давай, поторапливайся, у меня мало времени. А кто тебя научил так ловко работать? Твой инструмент мечта любого сапожника, – произнёс незнакомец, вертя в руках специальные кривые пассатижи.

– Я знал одного парня, давно, он был японец. Он и научил меня шить обувь.

– Вот как? Взял и научил? И кто же это был? Где он тебя учил? Мне любопытно, как мог японец научить корейца

шить обувь. Это ремесло всегда передают по наследству.

– Его звали, кажется, Изима. Да, Синтаро Изима.

– Может, ты путаешь? Такой фамилии нет у японцев. Стой, погоди. Ты может, хотел сказать? Идзима? Но это же фамилия того самого мастера, у которого я покупал эти ботинки. Идзима Синтаро. Может это сын его? Не путаешь?

– Да, – закивал Синтаро, едва скрывая блеска в глазах, – его так и звали, Синтаро Идзима.

– Вот так штука... – не скрывая восторга вскрикнул японец, сменив высокомерие на простое любопытство. – Тогда скажи как ты с ним встретился. Ты меня разволновал парень.

Синтаро уже дошивал шов, но для того, чтобы продолжить разговор он намеренно отставил работу, делая вид, что вспоминает прошлое. – Я приехал с севера, из провинции Янь Бан. В нашей деревне выращивали рис, а японцы его забирали, точнее, покупали за бесценок.

– Не говори глупостей. Бесценок... Это тебя так коммунисты научили? Япония принесла в Корею культуру. Ты и ботинок не научился бы шить без Японии. Ну, продолжай, и почему ты бросил работу? Давай, заканчивай, мне некогда сидеть тут с тобой.

– Клей должен схватиться, – господин.

– Верно, верно.

– Идзима Синтаро там был на каторге, его сослали за участие в митингах, так он говорил. И он всем чинил обувь. Его даже от работ освобождали. Там стояла армия, в которую его

записали. А потом русские её разбили. Потом пришлось и нам уйти.

– Да... Очень занятно. Ладно, хватит ждать, сколько я тебе должен, умник.

Синтаро задумался. Брать деньги у соотечественника ему почему-то не хотелось, хотя сам японец не вызывал тёплых чувств. Но Михаил понимал, что на его месте он вполне мог вести себя так же.

– Синтаро вспоминал много о родном городе, – как бы про себя продолжал историю самого себя Михаил. – Кажется, этот город назывался Кацуномо.

– Кацуномо, ты хотел сказать? Да, такой город есть. – Японец задумался, вероятно, вспоминая родину.

– Вы тоже из Кацуномо?

– Да, – сипло произнёс японец, в лице которого уже не было надменности. – Скорей бы вернуться домой, вздохнул тяжело соотечественник.

– Синтаро тоже мечтал вернуться домой. Но я слышал, что он совершил побег. Быть может он оказался в России.

Японец пристально поглядел на Михаила, и от этого задумчивого взгляда ему на секунду показалось, что незнакомец догадывается, кто перед ним сидит. Начищая ботинок ваксой, он продолжал размышлять. – Хорошо если родители будут думать, что их сын жив. Ведь никто не знает, что могло случиться с парнем. А Синтаро был неплохим человеком.

– Как и его отец, – подтвердил японец. – А знаешь... Я

так и сделаю. Приеду в Кацуномо и расскажу родителям, что их сын жив, и люди его знали и уважили. Думаю, им будет приятно. У них будет надежда. – Японец неожиданно заглянул в глаза Синтаро и приоткрыл рот. – У тебя слёзы?

– Синтаро был хорошим человеком, мне не хочется думать, что он где-то умер, – нашёлся Михаил, разыгрывая чувствительного человека.

– Ты прав сынок. Так сколько я за ботинок должен тебе?

– Я не могу взять с вас деньги господин. У вас и так много трудностей, вы потеряли столько... Вам предстоит трудная дорога. А мне работы хватает, к тому же я у себя дома.

Растроганный японец уже не выглядел напыщенно. Это был обычный обременённый трудностями человек. Он с волнением обул ботинок, глаза его выражали глубокое удовлетворение. – Я обязательно передам его отцу, что Синтаро Идзима жив, можешь на меня положиться.

Синтаро едва не сказал спасибо, но глаза его не скрывали радости. Когда японец ушёл, Синтаро собрал свою тележку и пошёл домой. После разговора он уже не мог спокойно работать, ему не терпелось поделится с Ли Веем.

– Ты пролетел над самой крышей своего дома, едва не коснувшись крыльями крыши, – загадочно произнёс Ли Вей, выслушав историю Синтаро. – Журавль всегда кричит, когда пролетает над своим гнездом, где он родился. Птица как и человек никогда не забывает свой дом, но она должна свить своё гнездо, когда становится взрослой. Мой мальчик, ты

был не грани провала, но как я могу тебя ругать. Этот японец был послан провидением, и ты правильно сделал, что заговорил с ним. Мы все живые люди, и нуждаемся в человеческом тепле. Ему тоже не сладко на чужбине. Думаю, он делает то, что обещал, но тебе на время тебе следует сменить место работы, появляться там опасно. Пару дней поработаешь наблюдателем, завтра я покажу тебе человека, который нас интересует.

Была середина сентября, светило солнце, за короткое время Синтаро сильно загорел, и уже ничем не отличался от большинства жителей Сеула, он поднаторел в своём деле, превратившись в настоящего обувщика. Он знал места встреч, имена почти всех, кто работал в связке с Ли Веем, и когда возникала необходимость, он шёл знакомым путем по ночному городу для встречи с Пенем. Главным в их деле было выявление диверсий со стороны южных корейцев. Эти люди запугивали беженцев, а тех, кто был лоялен к северному режиму, могли и убить. Другой работой южных соседей было выявление советских военных, работающих советниками у северокорейцев. Советники хоть и ходили в гражданской одежде, вели активную военную деятельность, готовили кадры, обучали военному делу. Несколько раз для этого привлекали и Синтаро. По рекомендации товарища Андрея, Синтаро провёл несколько занятий по минному делу, знакомил корейских командиров с устройством противотанковых и противопехотных мин советского и иностранного образца.

Для таких занятий ему приходилось частично менять внешность, клеить усы и бороду, в этом деле Ли Вей оказывал неоценимую помощь. Во время одного такого перевоплощения Синтаро спросил: – Скажи мне, если это не секрет, как ты стал агентом.

– Ты хотел сказать русским шпионом? Ведь так? Это происходит незаметно, как рост волос на голове. Я не помню, – уклончиво ответил Ли Вей. – Когда тебя несёт течение, то главное...

– Правильно держать лодку, – вставил Синтаро, понимая, что Ли Вей умышленно перешёл на философию.

– Многие вещи лучше не знать, мой мальчик. Твоё любопытство нормально, но для разведчика, чем меньше знаешь о товарище, тем лучше.

– Это странно дядя Вень Ян, я думал наоборот.

– В этом весь парадокс. Есть вещи, о которых мы должны молчать, но сможем ли мы удержать тайну, когда нас припрут к стене? Ты лучше спроси, как я стал агентом здесь, в Сеуле. – Ли Вей сделал загадочное лицо, от чего Михаил понял, что у него есть то, что действительно может удивить.

– А правда, Ли Вей, я и не подумал над этим.

– Вот и зря, если ты настоящий разведчик. В этом мне помог ты. Да да, именно ты, не удивляйся. Может, ты догадаешься сам?

– Ты смеёшься, Ли Вей? Я даже не могу представить.

– Зови меня Вень Ян, иначе у меня раздвоение личности

появляется. Ну, так что, начнёшь ты когда-нибудь думать головой? Так и не догадался? Вижу, что ничему тебя не научил товарищ Вязов.

– Вязов? Я понял. Мой первый допрос!

– Не кричи, могут услышать, – осёк Ли Вей, продолжая улыбаться. Мне всегда нравилась твоя память, да и соображаешь ты быстро. Всё верно, на том первом допросе ты рассказал обо мне. Твой рассказ, твоё образное мышление помогло Вязову догадаться, что Ли Вей это я. Хотя, имя они не могли знать, поскольку всю информацию я передавал под псевдонимом.

– Но как они тебя нашли? Корея большая страна, в ней столько народу.

– Положим, не такая большая. Но я вижу, что учили тебя всё-таки из рук вон плохо. Нет, раньше учили лучше, ей богу. Ты помнишь, как я просил тебя развешивать объявления у себя в городе? Продажа сахара, оптом, по выгодной цене... Ну, вспоминай.

– Это были сигналы? Я всё понял. Ты подавал сигналы во всех городах, развешивая такие объявления, где проходил, чтобы тебя заметили?

– Тебя послушать, то меня на ковре самолёте катали по стране, и листовки сбрасывали пачками. Но в чём-то ты угадал, я действительно подавал знаки. Но в этом случае всё было наоборот. Приманивали меня, и я, как видишь, клюнул. А что мне оставалось делать, ведь я разведчик. Однажды я

напоролся на объявление, которое сам же и давал, только в Японии. Это был удар грома, от которого я чуть не вскрикнул. Случайности быть не могло, и пройти мимо я тоже не мог, и Вязов на это рассчитывал. И всё благодаря тебе Миша.

– Ты знаешь моё имя?

– Подумаешь тайна. Только не говори, что у тебя будет раздвоение личности после того, как я тебя назвал русским именем. То ли дело этот наряд. Скажи, сейчас на кого ты похож? Теперь тебя ни одна разведка в мире не раскусит. – Ли Вей поднёс небольшое зеркальце к лицу Михаила, и тот от неожиданности вскрикнул. На него смотрела девушка.

Однажды Ли Вей вернулся со встречи с одним из своих помощников очень взволнованным. Синтаро уже собирался в своё привычное путешествие по Сеулу, когда Ли Вей буквально ворвался в домик, едва сдерживая дыхание.

– Кажется, началось, – произнёс он, падая на топчан.

Синтаро бросил сборы и стал привычно массировать старику верхнюю часть позвоночника. Ли Вей последние годы донимали боли в лопатках и шее. В этот раз он отстранил руки и полез в ящики с инструментами. – Собирайся. Ты немедленно идёшь к Пэну. Бери всё, скорее всего, ты сюда не вернёшься.

– Что произошло, Вэнь Ян? Цунами?

– Ты опять угадал, Сан Дё.

– Я же пошутил, дядя.

– А я нет. – Старик закрыл дверь на крючок, и перешёл на шёпот. – Вчера ночью к восточному берегу приплыла американская эскадра, а сегодня американские морские пехотинцы заняли Инчхон. Тебе это ни о чём не говорит? Весь гарнизон Вольмидо уничтожен их авиацией.

– Инчхон? Но это в двух шагах от Сеула!

– Не кричи, ты можешь выдать нас. Ты не прав. В одном шаге. В городе паника, или ты не заметил?

– Извини, я поздно лёг, ремонтировал свои ботинки.

– Ну да, сапожник без сапог. Ты что, ничего не слышишь?

– Теперь слышу.

За стенами, действительно, началось движение. Слышались отдалённые взрывы, которым Синтаро вначале не придал особого значения.

– Все бегут, – сказал Ли Вей, прислушиваясь к топоту людских ног. – Скорее всего, и мне придётся убираться. Я не намерен стоять под стеной, которая должна рухнуть. Вот последние сведения, передай их, но боюсь, что они уже не пригодятся. В городе нет такой силы, которая могла бы остановить эту армаду. Думаю, что от Инчхона останется ровная поверхность. погоди, не спеши так. Сначала выслушай, надо обо всём договориться. Сеул пока за нами.

Синтаро бросил сборы и, растерявшись сел напротив старика; он вдруг увидел, как изменился Ли Вей, как заострились ещё больше черты его лица, как затряслись руки.

– Даже в Японии мне не было так страшно. Больше все-

го не хочется видеть горе других людей. Не знаешь, чем помочь, а это хуже всего. Ладно, к делу. Ты находишь Пэна. Это первое. Дальше находишь Андрея. Вот мои записи. Он разберёт, не волнуйся. Здесь вся статистика военных действий с самого начала войны. Я вёл её втайне от тебя. Мало ли, что. Ты должен знать. Вдруг тебе придётся уничтожить всё это. Будь внимателен, в городе полно шпионов. Так вот, мои наблюдения привели меня к выводу, что если Сеул будет захвачен, а это неминуемо, то наша южная группировка у Пусана окажется отрезанной. И тогда Ким Ир Сену с его армией несдобровать. Он будет лишен поставок боеприпасов и провианта. Это гибель всего. Тысячи солдат будут заживо похоронены в корейских горах. Их просто размажут по поверхности земли с воздуха. Ким Понг, аэродром, на который ты прилетел, скорее всего, будет захвачен в ближайшие дни, для американцев это очень важный узел. А потом сюда прилетит половина американского воздушного флота. Если тебе не удастся встретиться с Андреем, то действуй так, как мы договорились. Смотри объявления. Шифры ты знаешь, соберёшь три штуки, тогда прочитаешь, места тебе известны. А у меня ещё несколько важных дел, так что, не теряя времени, иди к Пэну.

Когда Синтаро отправился в центр города, улицы напоминали разоренный улей, выли серены, слышались взрывы: это американская авиация бомбила склоны гор. Только сейчас Синтаро понял, как близок был к истине Ли Вей, гово-

ря, что оставаться в городе опасно для жизни. Мимо пронеслись грузовики с солдатами, везли пушки, зенитные установки. Лязгая гусеницами по каменной мостовой, проехали несколько танков Т-34. Когда он добрался до площади, его остановили солдаты и долго держали у пропускного пункта. Наконец, появился Пен, хмурый и взволнованный. Выслушав Синтаро, он тут же убежал в лагерь.

– Садись, поехали, – скомандовал Пэн, выехав на знакомой машине через несколько минут. Быстрота действий Пэна удивила Синтаро. – Едем в Ким Понг. Я связался по радиации, товарищ Андрей ждёт тебя. Ты видишь, что творится вокруг. Янки бомбили Инчхон. Много наших погибло. Ну как такое могло произойти? – Пэн негодовал, и всю дорогу пересказывал то, что Синтаро узнал от Ли Вея.

При въезде на аэродром их обыскали. Товарищ Андрей бежал по полю, отдавая распоряжения солдатам, занимавшимся погрузкой самолёта. Пришлось долго ждать, пока он освободится.

Исследовав записи, товарищ Андрей тяжело вздохнул, отвлечённо уставившись в одну точку. Было видно, что психическое состояние его было на пределе.

– Всё дело в том, что у нас нет связи с югом, – обречённо произнёс товарищ Ким, пряча шифровку в портфель. – Авианалётом разрушило станцию. Мы даже с городом не можем связаться. Телефонная связь тоже нарушена. Вот такие дела товарищ Сан Дэ. А Вэнь Яну огромное спасибо.

– Неужели всё так плохо? Неужели нет никакой возможности связаться с югом? – Синтаро даже вскочил в возбуждении. – Мы живём в двадцатом веке. Неужели кроме лошади у нас больше ничего нет?

– Почему нет. Есть. Есть автотранспорт. Но это недопустимо долго, да и дорог половина не восстановлена. А после захвата Инчхона американцы наверняка приступят к уничтожению мостов.

– А если воздухом? Самолётом. Ведь самолёты ещё есть, вон стоят.

– Неплохо думаешь, но скорее всего, и этот план не подходит. Всё корейское небо контролируется американскими истребителями. Нам просто не проскочить туда.

– Но ночью! Сегодня ночью. Ночью американцы не летают. Они не смогут обнаружить маленький самолёт в тёмном небе.

– Это, конечно, мысль, Миша, но боюсь, что ночью на временную посадочную полосу без сигнальных огней самолёт не посадить. Так что...

– Я не верю, что у нас нет выхода. Он должен быть, – продолжал настаивать Михаил. – Выход есть! Десант. Надеюсь, парашют у вас найдётся?

Андрей с удивлением посмотрел на Михаила. – Десант, говоришь. Это действительно выход. Но это очень опасно. Прыгать ночью может не каждый. Тем более, в неизвестном месте.

– У вас карта есть?

– Ты что придумал, Сан Дё? Я не имею права использовать тебя. Ты что, не знаешь, что нашим советникам...

– А я не советник! Меня вообще нет. Ким Сан Дё живет в Советском Союзе. Или вы думаете, что меня сюда прислали для того, чтобы штопать старые ботинки? Меня, между прочим, готовили для серьёзного дела. У меня триста прыжков, из них половина ночных, так что, советую пересмотреть свои сомнения.

– Мне надо подумать, – сказал Андрей, обхватывая голову руками. – погоди, я должен посоветоваться кое с кем.

Андрей выскочил из кабинета и побежал на взлётное поле, где готовился к отправке транспортный самолёт, вокруг которого толпились военные. Кима долго не было, он вернулся в сопровождении нескольких военных, среди которых был генерал.

– Вы говорите, что можете прыгнуть ночью? – недоверчиво спросил генерал. Вы не представляете, как непредсказуемо корейское пространство, особенно ночью. Вокруг горы. Сейчас время пустой луны, земли не будет видно.

– Меня готовили фронтовики, они четыре года прыгали ночью, и ни один не сломал ногу, – недовольно ответил Синтаро.

– Не горячитесь, Ким Сан Дё, мы всё понимаем, но и вы нас поймите. У нас нет свободного самолёта, топливо на исходе, а до Пусана надо ещё долететь и вернуться обратно.

Если вы не приземлитесь, то...

– Я приземлюсь.

– Тогда вы полетите не один, – тоном, не терпящим возражений, закончил генерал. – Составьте список всего, что вам будет необходимо на земле и в воздухе. Через полчаса в ваше распоряжение придут десять добровольцев, выберете из них четыре человека на свое усмотрение, до вечера проведите с ними тренировку, потом сделаете один прыжок.

– Но этого мало, мне необходимо сделать ещё один, ночной прыжок.

– Вы же сказали, что имеете большой опыт.

– Не мне, вашим людям мало.

– За наших людей не беспокойтесь. Они справятся, когда дело касается родной страны.

Генерал и его свита ушли. Товарищ Андрей, всё ещё растерянный, стоял посреди комнаты.

– Я всё мог ожидать от тебя, Сан Дё, но такого никогда. Ты должен понимать, что обратной дороги может не быть. Даже если ты приземлишься удачно, тебе надо отыскать войска, и не попасть под огонь. Там война, и за кого тебя примут, никто не знает. Но в любом случае, ты вызываешь уважение. Все корейские товарищи изумлены. Они и не представляли, что такое возможно.

– Да возможно, а разве у нас есть другое решение?

– Мы всего лишь советники, Миша. Наше положение здесь нелегальное, и если ты по каким-то причинам раскро-

ешь себя, не дай бог, попадешь в руки американцев... Ты представляешь, что будет.

– Я представляю. Я всё представляю и далек от мысли, что будет легко, но мы на войне. От наших действий зависит не только жизнь тысяч солдат, но и то, как будут в будущем относиться к советским военным здесь, в Китае, или ещё где-нибудь. Не волнуйтесь раньше времени за меня. Я справлюсь.

– Тогда действуй Миша.

Вскоре привезли полтора десятка солдат, это были рослые корейцы, они с недоверием поглядывали на шуплую фигуру своего будущего командира и незаметно ухмылялись.

– Давайте оставим свои ухмылки на потом, – предупредил их Синтаро. – У нас нет времени на раскачку. Если кто-то считает, что в бою всё решает рост, то предлагаю выйти против меня. – Михаил занял стойку и вытянул для борьбы левую руку. Из строя вытолкнули самого рослого солдата. Он немного смутился, но всем было понятно, что он не против показать свою силу.

– Давай так. Ты берёшь мою руку и тянешь на себя. Если столкнёшь меня с этого места, то ты победил. Всё понял? Поехали. Кореец напрягся всем телом и тут же завалился на траву. Поднявшись, он в недоумении замотал головой и снова встал в стойку. Через пять секунд он снова был на траве, вызвав смешки среди товарищей.

– Ну что? Есть ещё желающие? – спросил немного воз-

буждённый борьбой Михаил. – Если нет, то предлагаю выйти тому, кто не уверен в себе. Задание опасное, и лучше сразу выйти тем, кто сомневается в себе. Полагаю, таких нет. Тогда тех, кто уверен.

Три человека сделали шаг вперёд.

Синтаро пожал им руки и отправил восвояси. Все кто остались, были в недоумении, как и те, кого Синтаро забраковал. – Вся ваша уверенность ничего не стоит, когда перед вами чёрное пространство, пустота. Все, кто остался, и есть неуверенные. Но это нормально, это простые сомнения, что кто-то может быть достойней.

После нескольких проверочных заданий Синтаро вывел из строя ещё троих, они были слишком лёгкими. Он объяснил, что в небе самое страшное – это ветер. Он сносит в сторону, может опрокинуть купол парашюта, перепутать стропы. Потом он задал простое упражнение на упругость ног, это было важно во время приземления. Все кто оставался в строю прыгнули с крыши автомобиля. После этого прыжка ещё двое самых рослых солдат выбыли из строя. Их приземление напоминало удар резинового мяча, наполненного водой. – Вы крепкие ребята, – успокаивал Синтаро, – но годитесь для прыжков в воду. Из вас получатся хорошие морские пехотинцы. Удар о невидимую землю гораздо страшнее, чем с машины. – Парни стояли в недоумении, не желая признать своей неготовности. – Ваши ноги ещё пригодятся стране, а для этого задания есть ребята не хуже вас, поверьте. Вам не

стоит обижаться, – тактично успокаивал Михаил, внутренне не меньше переживая неудачу солдат, чем они сами.

Когда в строю остались четыре человека, Синтаро собрал их в тесный круг и коротко объяснил, для чего они летят на юг, и почему летит не один человек, а пятеро.

– Мы все должны быть как один, и стоять друг за друга как за самого себя. Если из нас останется только один, то он обязан, во чтобы то ни стало, добраться до наших и на словах передать информацию о высадке американского десанта в Инчхоне.

После этого была работа с парашютом: Синтаро объяснял, как его укладывать, и как сворачивать после приземления.

– На земле купол может задушить вас, – объяснял Михаил. – От ветра его скорость не позволит вам даже встать на ноги, если вы не готовы к этому. Тогда делаем что? Кто знает? – Солдаты начали неуверенно предлагать варианты действий.

– Нет, за камни цепляться не будем. Ногами тормозить? Можно. Но у вас всегда под рукой должен быть нож. Если выхода нет, то режем стропы. В любом другом случае быстро расстёгиваем замки. Сейчас одеваемся и учимся. Всё, начали. Надели, сняли, и так без перерыва. Потом кувырки, взад, вперёд, падения...

После изматывающих упражнений Михаил опять поднялся на крышу автомашины и, прыгнув сверху, сделал кувырок, мягко сгладив своё падение. – Поняли, что надо делать

после приземления? Удара быть не должно. Если вы подвернули ногу, или ушибли пятку, то вы труп. Никто вас на носилках не понесёт, потому что десант должен идти вперёд под пулями, взрывами, только вперёд.

Когда самолёт был готов к вылету для пробного прыжка, был уже поздний вечер. В сумраке, опасаясь американских истребителей, они поднялись на три километра и прыгнули над аэродромом, и в момент, когда после приземления все собрались в условленном месте, причём это надо было делать самостоятельно, соревнуясь в скорости, на лицах десантников Синтаро прочитал полную готовность к предстоящему полёту. Лица были спокойными и немного усталыми.

– Вот, что такое уверенность. Теперь поняли?

Ответом было дружное – «Так точно». Михаил улыбнулся и тихо произнёс: – Я ведь и сам боялся, не был уверен в успехе. Но вы заставили меня поверить в обратное.

Их вооружили пистолетами с тремя запасными обоймами, снабдили запасом еды на несколько суток. Ещё были ракетницы, компасы, ножи, одежда простых крестьян.

Когда за ними закрывалась дверь в самолёт, Синтаро уже ни о чём не думал. Пройдя вглубь фюзеляжа, к самой кабине пилотов, он упал на маскировочную сетку и мгновенно заснул. Впереди было небо и его первый в жизни ночной прыжок над корейской землёй.

Он проснулся от сильной болтанки – самолет мотало так, что устоять без помощи рук было невозможно.

– Мы попали в зону турбулентности, – сообщил штурман. – Снижаемся, иначе самолёт развалится на части.

– Но внизу могут быть горы, – удивился Михаил, глядя ваясь в непроницаемую тьму.

– Да, очень опасно, но другого выхода нет. Мы в долине реки Нактонган, это широкая долина, но где проходит линия фронта, точно определить не могу. По расчётам, до времени выброса осталось двадцать минут, может ветер изменится. У вас есть ещё пятнадцать минут, чтобы проверить готовность. Можете поесть, я знаю, что вы не ели.

Команда уже была в состоянии готовности, у каждого за спиной был пристёгнут парашют, на поясе – небольшой мешок с продовольствием и одеждой. На лицах бойцов не трудно было заметить сильное волнение.

– Чего приуныли? – спросил Михаил. – Мы ещё не падаем. А ну, кто скажет, какова скорость падения?

Группа оживилась.

– Пятьдесят метров в секунду, – нашёлся коренастый солдат по фамилии Чен. Это он вышел, чтобы побороть Михаила.

– Правильно. Значит, за десять секунд можно пролететь без парашюта полкилометра. А за минуту?

– Три километра, – нашёлся всё тот же Чен.

– Верно! Тысячу метров мы летим за двадцать секунд. Внизу штормовой ветер, если мы сразу раскроем парашюты, то нас может разбросать на многие километры. И тогда мы

никогда не найдём друг друга. Поэтому держим свободное падение как можно дольше. Я знаю, как это страшно, но так у нас больше вероятности остаться вместе. Летим, голова впереди, руки внизу, по швам, плотно прижаты.

Раздался гудок. Это был сигнал к выброске. – Готовность три минуты! – Прокричал из кабины штурман. – Высота тысяча пятьсот метров, больше не могу, опасно, могут быть горы. Ветер уменьшился, но всё равно сильный.

– Ну что, готовы? – Михаил посмотрел на часы, определяя точное время выброски. – Полтора километра до земли. Летим камнем ровно половину, значит, считаем до пятнадцати – потом дёргаем за кольцо. До пятнадцати. А ну, вместе. Один, два, три, четыре... Всё, запомнили ритм? До пятнадцати.

Михаил открыл дверь, от сильного шума все, словно по команде, отшатнулись.

– Отлично! – прокричал Михаил, заглядывая в чёрную пустоту. – Дальше земли не улетим. – Встали, друг за другом. Чен первый, остальные за ним. Я замыкаю. Первый пошёл!

Выпрыгнув последним, Михаил попытался разглядеть в пустоте неба свою четвёрку, но ничего не было видно. И вот где-то внизу вспыхнул светлым пятном купол первого, затем второго. Третьего парашюта он не увидел. Потом был четвёртый, он был совсем близко. Михаил досчитал до пятнадцати и дёрнул кольцо, его несколько раз мотнуло в стороны, после чего всё вокруг замерло, словно он перестал падать.

Они приземлились на большой низменной равнине. Скорее всего, это было рисовое поле, он понял это по характерному шуршанию соломы под ногами. Быстро собрав парашют, он несколько раз свистнул, и побежал на первый раздавшийся после этого отклик. Это был Чен. Он сидел на земле и держался за лодыжку.

– Ты слышал выстрелы?

Чен кивнул.

– Идти сможешь? Что у тебя? Снимай ботинок пока, а я сверну парашюты. Нас наверняка заметили, надо скорее убираться отсюда.

Михаил побежал в темноту, и вскоре наткнулся на второго из группы, это был боец по имени Квон, он был опытным бойцом, и даже участвовал в захвате Сеула. Теперь он лежал на земле и, кажется, ещё был жив. Михаил приподнял его голову. Из уголков рта Квона выходили две струйки крови.

– Квон, ты меня слышишь? Квон, дружище... Михаил осмотрел тело и увидел рану в животе. Он начал ощупывать спину раненого и попал рукой в жидкое месиво горячей и липкой крови. Пуля, скорее всего, вышла в районе позвоночника, это означало, что Квон фактически был мёртв. Квон открыл глаза и пошевелил рукой. Одна из его стоп была неестественно развёрнута вовнутрь, под ней уже появилась лужица крови. Это был открытый перелом голени. Михаилу стало нестерпимо дурно, он стиснул зубы и прижал голову Квона к груди. Квон несколько раз конвульсивно дёрнулся,

попытался что-то сказать, Михаил сжал его липкую от крови ладонь. Через минуту Квон умер. Михаил поднялся, растерянно оглядываясь по сторонам. На аэродроме членам своей группы он рассказывал обо всём, что могло их ждать во время приземления, в том числе и о таком исходе, но оказавшись свидетелем гибели товарища, он запаниковал. Он понял, что его затея может провалиться в любую минуту, и вся его уверенность там, в Сеуле, не стоит ничего. О том, что его в любой момент могут подстрелить, так же как и Квона, он не думал, но ему стало по-настоящему страшно. Он огляделся по сторонам, в надежде отыскать остальных. Пак Ен Су прыгал третьим, за ним Сы Пу. Третий наверняка разбился, потому что его парашют не раскрылся. Четвёртым был Сы Пу, молчаливый, и сухой как стебель китаец, державшийся несколько в стороне от всех остальных членов группы. Михаил пробежал в темноту в надежде кого-то увидеть, но потом повернул обратно, опасаясь потерять Чена. Когда он вернулся, то обнаружил его в окружении нескольких человек. Кто-то крикнул: «Стоять!». Михаил поднял руки, всё ещё продолжая идти к Чену. Тот, опустив голову, всё так же сидел на земле, и держался за ногу.

– Стоять! Руки вверх! – снова закричал один из военных. По форме было понятно, что это были северные корейцы.

– Не стреляйте, мы свои, – сказал Михаил, остановившись. Один из солдат подбежал и стал грубо обыскивать его. Потом стянул с него вещмешок.

– Кто вы? Говори, или я тебя прикончу! – закричал другой солдат, наводя на него винтовку. Судя по тону голоса, можно было предположить, что это был командир отряда. – Пристрелить их прямо здесь. Это шпионы, шлюхи Ли Сынь Мана. Наверное, их послали в помощь тем десантникам, что прилетели сегодня утром и взорвали мост. Но мы их всё равно найдём. Говори, кто тебя послал!

Неожиданно появились ещё двое. Они несли вещи Квона и парашют.

– Там ещё один, мёртвый. Мы в него попали.

– Я же приказал не стрелять без команды! За нарушения приказа я с вас шкуру спущу! Ведём их в отряд. Там разберёмся.

– У них ещё были люди. Я видел четыре парашюта, сказал один из тех, что пришли с парашютом.

– Сколько вас было? Отвечай, – прокричал старший группы.

– Веди к командиру, тогда и скажу, – не скрывая раздражения, ответил Михаил.

– Ты, отвечай, – обратился он к Чену, наставляя на него ствол винтовки. Тот поглядел на Михаила и ответил тоже самое.

– Они договорились. А ну, ты, американский прихвостень, ты сейчас всё мне скажешь, – закричал старший. – По твоему разговору видно, что ты не кореец. Кто ты? Говори! – Он схватил Михаила за грудки и нанёс удар коленом в жи-

вот. Удар был неожиданным, от него Михаил потерял дыхание и повис на руках нападавшего. – Ну что, будешь говорить, сколько вас прилетело?

Что-то взорвалось внутри Михаила, поднимаясь с колена, он краем глаза увидел растерянное лицо Чена, и что есть силы, прямо в ухо прокричал на русском языке: – Да пошёл ты в жопу! Козёл!

Солдат выпустил Михаила и растерянно посмотрел на товарищей. К этому времени вокруг них было уже целое отделение. – Что он сказал? Что он сказал? Вы поняли, на каком языке он кричал? – заголосил солдат.

Все растерянно молчали. Пока стояла немая пауза, Михаил отряхнул колено и поправил одежду.

– Пошёл ты в жопу, – уже разделяя слова, повторил он, поняв, что это единственное, что ему доступно, если он собирается молчать о группе и выжить.

– Кажется, это русский, – неуверенно произнёс один из солдат. – Да, это, наверное, русский.

– Ты осёл! Откуда здесь русский? Ты же видишь, он такой же, как и мы, азиат. Разве он похож на русского? Все русские блондины. Ты что не знал?

– Ну и что, – продолжал отстаивать свою догадку солдат. – Русские всякие бывают.

– Откуда ты знаешь, Шин, что это именно русский. У америкашек есть японцы, турки, французы, там кого только нет.

– Нет, он не турок. Это точно. У турок нет узкоглазых. И

ругаются они не так.

Эти разборки вызвали у Михаила ухмылку. Он даже сам стал размышлять, кто он на самом деле.

– Веди к командиру, тебе же ясно сказали твои товарищи, – сказал он, продолжая поправлять свою одежду. – А он разберётся, кто мы такие. И помогите моему другу подняться, у него вывихнута стопа.

– Покомандуй мне тут! Я здесь главный, понял, – пригрозил старший. – А ну ребята, подняли его с земли. Пусть обхватит кого-нибудь за плечи. Нести его на шее никто не собирается. Только держите их на мушке, особенно этого, скорее всего это их командир. И парашюты не забудьте. А за мёртвым мы потом пришлём кого-нибудь.

Это был небольшой отряд, примерно в сорок человек. Михаил знал, что большие корейские соединения состояли примерно из таких отрядов, в задачу которых входило незаметно проникать в тыл противника, окружать его, а затем, внезапно напав, полностью уничтожать. Они были мобильны, что давало возможность быстро менять расположение во время налётов бомбардировщиков. Однако будучи разбросанными на большой территории, эти отряды часто оказывались в неведении о происходящем в других районах, словно партизаны. У них часто ощущалась сильная нехватка продовольствия и боеприпасов. Действия таких отрядов носили ограниченный характер и часто не совпадали с замыслами общего командования.

В лагере их еще раз обыскали, уже без угроз, но более тщательно. К этому времени принесли завернутого в ткань парашюта Квона.

– Зачем ты стрелял, болван?! – заорал командир на одного из подчинённых. – Я же приказал без команды не стрелять. Может, это наши.

Солдат опустив голову, исподлобья поглядывал на тело Квона.

– Я думал что это американцы, – неуверенно пробурчал солдат, отводя взгляд.

– Патроны на исходе, а ты в небо палишь. Иди и копай для него могилу. К утру чтобы похоронили. Утром выступаем, а тут труп. Нам без него хватает мёртвых. Как его звали? – обратился он к Михаилу.

– Квон.

– Жаль, но теперь ничего не поделаешь. Итак, кто вас послал? Для чего? Сколько вас было в группе? Говори, иначе и тебя, и твоего дружка расстреляем.

– У вас патроны на исходе, – попробовал шутить Михаил.

– А ты не из робких.

– Да, в Советском Союзе трусов не держат.

Командир резко вскочил с раскладного стульчика и вплотную подошёл к Михаилу. – Ты что, русский?

– Русский, – медленно, но уверенно произнёс Михаил, понимая, что этот секрет здесь уже ничего не стоит.

– Почему я должен тебе верить?

– У нас мало времени. Я должен передать устное послание вашему командованию, оно очень важно. От этого зависит судьба всей южной группировки.

– А где написано, что ты послан нашими? А ну, говори своё послание.

Михаил стал нервничать.

– Мне что, на лбу написать надо было? Или ты главнокомандующий армии? Ты почему такой тупой? Нас могло унести к американцам, пилот наугад выбросил нас, мы же не могли точно знать, над кем летим. После артралётов связи нет, Сеул полностью отрезан от ваших войск. Необходимо срочно передать...

– Что, срочно?

– Веди меня к вашему командованию. Тебе знать не обязательно. У вас свои задачи, у меня свои. Не теряй время, сержант.

Уже через пять минут пребывания в отряде Михаил понял, что с боевым духом здесь всё нормально, но способность здраво мыслить оставляла желать лучшего. Сержант задумался, почёсывая затылок и поглядывая на товарищей. – Ну что? Верить им или подержать под землёй, пока кто-нибудь не смотается в штаб полка.

– Да вы с ума сошли! – перешёл неожиданно на русский Михаил. – Дорога каждая минута, американцы в сорока километрах от Сеула, а вы хотите держать меня под землёй.

– Переведи, что ты сказал, я не понял.

– Я уже всё сказал, – уже на корейском прокричал Михаил, начиная выходить из себя.

– Заткните ему рот, – он слишком много орёт. Пусть помолчит немного. Свяжите ему руки и привяжите к дереву, пусть остынет. – Приказал командир. – Может, второй что-то скажет.

– Да ты воображаешь, что говоришь? Дорога каждая минута. – Михаил взял за шиворот командира, и тут же со спины получил по затылку прикладом. Снова вокруг всё поплыло, он сделал по инерции пару шагов, и без сознания рухнул на землю прямо лицом вниз. Потом снова был полёт в тишине бесконечного пространства, не было ни Кореи, ни войны, ничего. Лишь его сознание и темнота.

Когда Михаил очнулся, по его лицу ползали мухи. Он стал кричать, но от крика сильно болела голова, вокруг никого не было. Руки за спиной, туго привязанные к стволу дерева, затекли, он попробовал расшевелить кисти, но сделал ещё больней, разодрав кожу. Положение было хуже некуда. Хотелось по нужде, он стал кричать, звать, просить, чтобы его развязали, но никто не подходил. Наконец, его услышали, и к нему подошел солдат. Он безучастно расстегнул его брюки, давая возможность освободить мочевой пузырь. Стало немного легче. – Развяжи меня, попросил Михаил. – Куда мне бежать? Я же именно к вам летел за тысячу километров, чтобы помочь, а вы со мной так обошлись. Квона убили, а у него дома семья, дети. Разве это хорошо?

Солдат задумался.

– Ну, куда мне бежать? У меня, наверное, голова разбита. Вы же мучаете меня. Моё лицо мухи изъели, уже терпеть не в силах. Был бы я шпионом американским, разве стал бы я терпеть. Я бы давно сознался во всём. Там наши гибнут под Сеулом, им помощь нужна. Вам надо соединиться в одну армию. Скажи это своим командирам, если я не выживу. А с таким обращением разве выживешь. С врагом лучше обращаются.

Парень стал оглядываться. – Ушли все на разведку, – сказал он. – Я один остался, тебя охранять. Как я отвяжу тебя? У меня приказ не развязывать тебя.

– Ты полностью не отвязывай, – нашёлся Михаил, почувствовав, что в закаменелом сознании солдата появляется маленькая брешь. – Оставь верёвку, я хоть смогу стоять и немного ходить. Может, ты покормишь меня? Лучше освободи одну руку, я смогу держать ложку.

– Откуда у нас ложка? Мы все едим палочками. Будешь есть руками. погоди, я сейчас, принесу кашу.

Солдата звали Бич. Лицо у него было доброжелательным и немного грустным. Он предварительно связал ноги Михаилу, а затем развязал правую руку.

– Имя у тебя странное, – сказал Михаил, выскребая пальцами остатки каши.

– Ничего странного. Бич означает нефрит, – пробурчал солдат, держа на весу котелок. Потом он опять связал сво-

бодную руку Михаила за его спиной.

– Бич, не привязывай мне руки за спиной, видишь я никуда не бегу. Мне на самом деле плохо. Я хоть посмотрю ногу своего товарища, я видел, что она сильно воспалилась.

– Не проси. Придут мои товарищи с задания, командир решит. Я не могу. У меня приказ охранять тебя.

– Но держать меня связанным приказа не было, ведь верно? Ты не нарушишь его, если развяжешь. Хоть от дерева развяжи, пусть руки мои будут связаны, но впереди. Так я мух смогу отгонять.

Мягкий просящий тон всё же приносил свои плоды. Солдат стал колебаться, и даже нервничать.

– Ладно, погоди, я пойду, посоветуюсь с другим часовым. Скоро приду.

Бич ушёл.

– Чен, ты как? Нога болит? – закричал Михаил через некоторое время.

– Болит. Огнём всё горит, товарищ командир. Наверное, я сломал ногу. Простите меня.

– Не вини себя, Чен. Ты молодец, ты храбрый солдат. Скоро всё изменится. Потерпи.

Вокруг стояла тишина. Вдруг он услышал за спиной шорох. Михаил не мог видеть, что происходит, но ясно различил звук. Это был шорох одежды человека.

– Кто там?

– Это я, товарищ командир, Сы Пу.

– Сы Пу! Откуда ты взялся? Развязывай скорей.

Пока Сы Пу развязывал его, он рассказал свою историю. Оказалось, что ещё в воздухе он заметил, откуда велась стрельба. Он сразу смекнул, как могут развернуться события, и сумел отвести свой парашют далеко в сторону, и, приземлившись, быстро собрал его и спрятался в канаве ручья. Когда допрашивали его товарищей, он лежал и выжидал, потом пошёл следом, стараясь не обнаружить себя. Китаец смекнул, что лучше держаться на расстоянии. Так он дождался утра, а когда отряд ушёл на разведку, прополз через посты и нашёл своего командира привязанным. Он долго ждал удобного случая, опасаясь тех, кто мог оставаться в лагере. Он определил, что в лагере было пять человек, включая трёх раненых и двух часовых, одного из которых он оглоушил, и связал. Другой часовой спал. Сы Пу поразил Михаила своей сообразительностью и умением маскироваться. Позже он рассказал, что научился этому во время войны с японцами. Это был необычный человек. Высокий, сухощавый он всегда носил на лице лёгкую улыбку, и было трудно понять его истинное настроение. Чем-то он напоминал Ли Вея, только был намного моложе.

Потом они нашли Чена.

– Что будем делать, Сы Пу? У нас Чен, он не может идти.

– Оставьте меня, товарищ командир. Вам надо идти искать наших. Эти партизаны со мной ничего не сделают. А идти мне всё равно далеко не получится. Я только мешать

вам буду.

– Ну что ты говоришь, Чен. Мы тебя здесь не оставим.

– Он говорит верно, товарищ Ким. Мы должны выполнить задание, иначе всё зря, и смерть Квона, и Пака. Я нашёл его, он разбился. – Сы Пу порылся в мешке и вытащил пистолет и нож. – Возьмите, это принадлежало Паку, вам пригодится.

Оружие было кстати. Михаил проверил обойму, и сунул пистолет за пояс. Китаец всё больше нравился Михаилу, и в случае с Ченом он был прав.

– Прости нас, Чен, мы вынуждены оставить тебя. Постарайся продержаться хотя бы пару дней. Мы отыщем кого надо, и тебя освободят.

– Конечно, – спокойно отозвался Чен. – Я дождусь. Я несколько не сомневаюсь, что вы придёте за мной.

Они миновали спящего часового, Сы Пу настолько близко прошёл рядом с его головой, что Михаилу стало не по себе. Он и представить не мог, что человек способен быть таким лёгким и бесшумным.

Они продвигались на грохот, который доносился из-за перевала. Самолёты то и дело пронеслись над их головами, уже успев скинуть весь запас бомб.

– Что будем делать, Сы Пу? Там очень опасно.

– На войне всегда так, – улыбаясь, произнёс Сы Пу. – Нам надо двигаться вперёд.

– Слушай меня Сы Пу внимательно. Под стелькой моего правого ботинка спрятано особое распоряжение командую-

щего армией. Если со мной что-нибудь случится, то ты возьмишь его и пойдёшь дальше, пока не увидишь перед собой настоящего офицера. Сделай это, иначе на слово нам никто не поверит.

Китаец молча кивнул, с любопытством поглядывая на его правый ботинок.

Они спустились с перевала в широкую долину, оказавшись перед выбором – впереди было огромное рисовое поле, изрезанное бесчисленными ячейками. Поле было безлюдным.

– Будем ждать? – спросил Михаил. Неожиданно он поймал себя на мысли, что нуждается в помощи своего китайского товарища, осознав, что его собственного опыта совсем не достаточно для принятия правильного решения.

– Только не здесь, – как бы подтверждая мысль командира, сказал Сы Пу. – Нас могут догнать эти, из отряда. Не думаю, что они оставят нас, когда вернутся. Надо идти вперёд, но сначала мы замаскируемся.

Китаец подполз к снопам рисовых стеблей и стал плести из них подобие мата. Он быстро сплёл несколько широких лент длиной в человеческий рост, связал их концы в один пучок, так, чтобы можно было надеть это сооружение на голову. Получился неплохой камуфляж, превращавший человека в обычный соломенный сноп. Это решение оказалось простым и эффективным. Выйдя на голую поверхность поля, Сы Пу был почти не заметен, особенно когда сидел на корточ-

ках. Вскоре они уже передвигались вдоль ячеек. Несколько раз над ними пролетали самолёты противника, делая виражи над равниной, но их не замечали. Постепенно поле перешло в лощину, и в ней уже попадались крестьяне. Небольшими группами они продвигались вдоль дорог, опасаясь попасть под обстрел.

Через некоторое время разведчики подошли к реке и, продвигаясь вдоль берега, оказались у разрушенного моста. Надо было перебираться вброд. Река была небольшой, но быстрой. Вдоль берега рос густой тростник, не выходя из него Михаил снял ботинки, сунул в них руки, чтобы не потерять. В левый ботинок он сунул и пистолет, на всякий случай, чтобы не замочить его. Сы Пу долго вглядывался в противоположный берег. – Я буду страховать, – сказал он, маскируясь в кустах. С первых шагов вода захватила Михаила, и несколько метров ему пришлось плыть, усиленно работая ногами. Потом пошло галечное дно. Берег казался безлюдным, но не успел Михаил вылезти из воды, как увидел перед собой ствол винтовки.

– Подними руки, – негромко скомандовал на английском мужской голос. – Из кустов выглядывало лицо солдата. Английская речь и дуло винтовки почему-то не удивили Михаила, его поразило конопатое лицо парня. Михаил подумал дать сигнал Сы Пу, но понял, что так может выдать товарища. Сы Пу, конечно, не было видно, он мог предвидеть подобную ситуацию и не раскрывал себя. Михаил стоял мол-

ча и тянул время, пытаюсь определить, сколько солдат пряталось в кустах. По его соображениям, их должно было быть не больше четырёх – пяти, когда двое могли прикрывать, один наблюдал за местностью, остальные держали его на прицеле. В какой-то момент он услышал движение в кустах. По характеру шума он понял, что там прятались два человека, медлить было нельзя ни секунды. – Я сдаюсь, не стреляйте, – произнёс он ломано на английском, выходя из воды. Поднимая правую руку, он медленно наклонился, чтобы его левая рука незаметно вышла на горизонтальную линию, и не целясь, нажал курок пистолета. В то же мгновение он бросился в самую гущу зарослей, зная, что его преимущество – это ближний бой. Противник явно не ожидал от него такого действия. Вокруг всё пришло в движение. Делая кувырки, он стрелял через оторванную подошву надетого на руку ботинка, – этому трюку его обучили в школе, где он по несколько часов стрелял из самых неестественных положений. Правая рука, освобождённая от ботинка, работала как жало осы. Противник тоже не сидел на месте. Несколько пуль пролетели рядом с лицом, опалив поверхность щеки, но Михаил, словно заведенный механизм, продолжал нажимать на курок, пока в обойме не кончились патроны. В правой руке он сжимал нож с окровавленным лезвием. Когда он понял, что убивать больше некого, в голове стучал отбойный молот, кровь готова была прорвать тонкую оболочку висков. Его первый настоящий бой длился всего несколько секунд.

Он упал на колени, и начал судорожно заряжать новую обойму. Руки тряслись и не могли сделать простой операции – достать обойму из чехла. В этот момент он снова услышал шорох за спиной. Это наверняка был солдат, который стоял во внешнем наблюдении. Раздался выстрел. Михаил повернулся, и увидел, как на него наваливается тело американского солдата. Глаза его были неестественно голубого цвета, такого же, как у деда Тимофея, но более насыщенного. Солдат казалось, улыбался. Ствол его винтовки всё ещё смотрел Михаилу в голову. Михаил бросился в сторону. Солдат завалился на бок, выпустив короткую очередь в землю, после чего замер.

Не в силах подняться на ноги, Михаил на четвереньках пополз к берегу в надежде укрыться за камнями от возможного нападения противника. За спиной всё ещё стояла тишина. Так продолжалось, пока не появился Сы Пу, вынырнув из кустов неожиданно, совсем не с той, стороны, с которой его ожидал Михаил. Последний выстрел был его. Попасть из пистолета с такого расстояния мог только подготовленный человек.

– Ты кто? – спросил Михаил, когда они сидели в безопасном месте, и он пытался приладить к ботинку оторванную подошву.

Сы Пу задумчиво улыбнулся. – А ты? Мне кажется, нам лучше не знать, кто мы. Так будет правильно. Я видел, что осталось после тебя там на берегу. Не думаю, что это можно

проделать из страха.

Михаил пожал плечами. Ему и самому было непонятно, как всё получилось. Двоих американцев он убил почти в упор, одного ранил, и пока тот боролся с болевым шоком, он заколол его ножом. Двое других тоже стали жертвами его умелых действий ножом.

– Ты страшный человек, Сан Дё.

Михаил ухмыльнулся, понимая, что Сы Пу всё же пытается выудить из него сведения о том, кто он на самом деле.

...– По виду ты очень молод, но ножом работаешь как профи. Тебя кто-то учил? – спросил Сы Пу, между делом разглядывая свой нож. Михаил смущённо улыбнулся. Он, конечно, мог рассказать о том, кто показал, что такое нож в бою, но тогда пришлось бы рассказывать о лагере, о зэках, о своём друге Юрьяне, а на это у него не было времени. Он пожал плечами.

– Ты спас меня второй раз.

– Не стоит считать, ведь у нас одно задание, – спокойно ответил китаец.

Они сидели в зарослях в десяти метрах от дороги и ждали. По предположению Сы Пу, их стрельбу должны были услышать крестьяне и обязательно рассказать кому следует. Действительно, через час из-за поворота выехал американский бортовой грузовик.

– Может, это южнокорейцы? – засомневался Михаил.

– Нет. Это наши. Я вижу на солдатах советскую форму.

– Откуда у них американская машина?

– Было наступление, трофей.

– Да, верно, – согласился Михаил.

Машина остановилась посреди дороги, не доезжая до моста. Солдаты дружно все как один попрыгали из кузова и стали прочёсывать местность. Через минуту они вытащили из кустов тела американцев, а вскоре обнаружили и Сы Пу с Михаилом, доедавших тушёнку из уцелевших запасов Сы Пу.

– Вы кто? – спросил офицер, держа на изготовке пистолет.

Михаил поднялся и представился командиром десантного подразделения, прибывшего с особым поручением из Сеула.

Офицер не ожидал такого поворота и потребовал доказательств.

– Вам этого мало? – спокойно спросил Михаил, указывая в сторону мёртвых тел.

– Это вы их убили? – откровенно удивился офицер. Он нерешительно оглянулся на своих подчинённых, и что-то шепнул ближнему из них. – Всех? Вас же всего двое.

– Вообще-то их уложил он один, – непринуждённо добавил Сы Пу, обнажая в улыбке ряд белых зубов. – Я одного только успел застрелить.

Пока солдаты грузили в кузов машины убитых американцев, офицер подошёл вплотную к Михаилу и потрогал его за плечи. – Ты кто?

– Я ваш союзник, – спокойно ответил Михаил.

– Он русский, – подтвердил Сы Пу.

В этот момент Михаил увидел, что один из солдат оказался среди развалин моста. – Стой, не двигайся, – закричал он, не обращая внимания на наставленное оружие.

– Что ещё? – недовольно спросил офицер, в то же время, давая солдату команду остановиться.

– Мост наверняка заминирован. Это десантники, – указал он на американцев. – Их высадили вчера с вертолета, скорее всего, чтобы заминировать мост.

– Но мост уже разрушен. Что-то ты путаешь.

– Ким Сан Дё, – представился Михаил. – Конечно, мост разрушен. Но кто-то его будет восстанавливать.

– Приедут строители и восстановят.

– И вам не жалко будет этих людей?

– А ну стой, где стоишь, – закричал офицер, до которого, наконец, дошло сказанное Михаилом. – Что посоветуешь, капитан? – обратился он к нему.

– Лейтенант, – откозырнул Михаил. – У нас очень мало времени. Мину просто так не найти, на первое время надо выставить предупреждающие знаки, что мост заминирован, а позже я с товарищем постараюсь всё здесь проверить. У меня особое задание передать вашему командованию важное донесение.

– Мы не уедем, пока не выясним, есть там мина или нет. И знаков у нас нет. Если ты понимаешь в минном деле, то лучше разобраться сразу. У нас минёров нет. Был один, но

его не стало позавчера.

– Очень сожалею. Хорошо, я посмотрю. Всем приказываю отойти на сто метров.

– Приказываю здесь я, – недовольно заявил офицер.

– На этот раз вам придётся послушаться, офицер.

Когда все отошли, Михаил скинул гимнастёрку и в одних галифе, босиком полез под обломки моста. Он был уверен, что американцы прибыли именно для того, чтобы заминировать мост. Они уже предвидели отступление северокорейской армии, и взорванный мост был частью их дальновидной стратегии.

Некоторое время Михаил неподвижно сидел в воде и наблюдал за течением реки. В эти минуты ему казалось, что войны нет. Вода с шумом преодолевала препятствия: деревянные балки, куски висячих конструкций. Неожиданно на глаза попала плавающая на поверхности воды пластмассовая кукла. Это была обычная маленькая кукла девочки с курчавыми белыми волосами. Если такие куклы переворачивать, то они издают подобие человеческих слов. Как могла кукла оказаться здесь, было непонятно, но что-то подсказывало Михаилу, что она здесь неспроста. Даже если кукла приплыла по течению, то её должно было унести дальше, но она стояла на месте. Михаил вылез из воды и подозвал офицера. – Нужна длинная верёвка, или шнур, желательно потоньше, – сказал он, указывая на куклу.

Офицер кивнул и побежал к своим. Вскоре один из солдат

принёс тонкий телефонный провод. Михаил сделал из него кольцо и осторожно накинул его на куклу сверху. Это было очень рискованно, но другой возможности зацепить её не было. Спрятавшись за камнями, на сколько позволял шнур, он подал знак рукой, а потом плавно потянул за шнур. В первые секунды ничего не произошло. Он уже хотел подняться, как раздался взрыв, от которого в небо поднялся огромный сноп обломков моста, и Михаила едва не засыпало этими обломками.

После этого уже никто из солдат не сомневался, кто они, и для чего прибыли в это место. Михаила посадили в кабину вместе с офицером, Сы Пу устроился в кузове, рядом с трупами американских солдат. Офицер представился капитаном Тонем. Он всё ещё находился под впечатлением взрыва. Машина не могла завестись, и пока водитель копался в двигателе, Михаил рассказал про ночную встречу на поле. Он потребовал, чтобы в отряд отправили врача для оказания помощи Чену. Сы Пу объяснил, где искать погибшего Пака. Капитан Тон кивнул, подозвал к себе одного из солдат и отдал ему приказание. Тот мгновенно отдал честь и бросился по дороге в сторону местонахождения партизанского отряда.

– Это врач? – неуверенно спросил Михаил.

– Хороший врач, – подтвердил Тон. – То, что надо. Не волнуйся, если ваш Чен жив, то он ему поможет.

Через час они въехали в большую деревню, занятую войсками корейской народной армии. Видеть всё многообразие

техники, оружия, амуниции, было удивительно. Это было полное смешение родов и войск. На небольшом пятачке скопилась, по меньшей мере, тысяча военных.

Штаб находился в подземном бункере, довольно глубоком и просторном. Офицер в форме полковника сидел за столом и изучал карту.

Когда Тон доложил о деле, мимоходом сказав, что в кузове пять убитых американцев, полковник отложил карандаш и оглядел босого Михаила и Сы Пу. Потом встал, подтянул складки кителя и представился командиром семьсот семьдесят шестого отдельного полка. Михаил показал на карте, где они приземлились, и коротко рассказал о том, что произошло с ними ночью. После этого он достал из-за пазухи пакет. Полковник сразу углубился в чтение. Через полчаса из деревни во все стороны мчались курьеры.

Из короткого рассказа полковника Чана Михаил узнал, что полк, в котором они оказались, со вчерашнего дня был вынужден сдерживать контрнаступление американских войск. Они понесли большие потери в живой силе, а также лишились около десятка танков. В течение нескольких дней полк вместе с пятой и двенадцатой дивизиями пытался захватить важный стратегический пункт Пхохан. Это был крупный порт, имевший важное значение для обеих сторон. Кровопролитные бои измотали обе стороны, но Пхохан так и остался ничейной территорией. В армии «северных» остро ощущалась нехватка боеприпасов и питания, солдаты выгля-

дели изнурёнными и растерянными. Исходя из сложившейся ситуации и учитывая содержание донесения, стало понятно, что отступление армии неминуемо, но тут же встал вопрос о том, как сдержать наступление американцев.

Решение было простым – минировать дороги.

Рано утром Михаила вызвали в штаб. Он спустился в бункер, где его уже ждали несколько офицеров и полковник Чан. Тот внимательно осмотрел Михаила, задержав взгляд на его новых сапогах, а затем удовлетворённо кивнул.

– Я слышал, что вы специалист по минам, – произнёс полковник Чан на русском языке, краем глаза поглядывая на своих офицеров. Русская речь командира немало удивила присутствующих.

– Так точно, мины моя основная военная специальность, – откозырнул Михаил.

– Нам нужна ваша помощь, – сказал Чан. – Для того чтобы начать отступление и соединиться с северной группировкой нам необходимо задержать противника по всей линии фронта. У нас острая нехватка боеприпасов, но имеются мины в большом количестве. Но у нас нет грамотных опытных минёров.

– Но я один не смогу заминировать все дороги.

– От вас этого и не требуется, Сан Дё, – сказал полковник Чан уже на родном ему языке. – Проведите несколько занятий, и мои солдаты сами всё сделают как надо.

– Это очень трудное дело, мне нужно несколько дней.

Минное дело не терпит спешки.

– У нас только один. Я хорошо знаю, чего стоит ошибка минёра, но действовать надо быстро, прямо сейчас. Группа уже в сборе. Это опытные солдаты, и хорошо, если вы поделитесь с ними опытом. Уверен, что вам есть, что показать. Эти ребята будут командовать подразделениями, они будут работать по всей линии обороны. Вы готовы?

Михаил даже не успел ответить, как Чан поднялся и жестом пригласил Михаила за собой.

Под большой маскировочной сеткой прямо на земле уже сидели около полусотни военных. Рядом стояли несколько деревянных ящиков с минами. Михаил подтянул гимнастёрку и откашлялся.

– Начнём с этой, – не раздумывая произнёс Михаил, беря в руки один из ящиков. – Противотанковая мина ТМД-44. Предназначена для выведения из строя гусеничной и колёсной техники противника. Мина может устанавливаться как на грунт, так и в глубину, а так же в снег. Как вы видите, корпус мины деревянный, что делает её с одной стороны лёгкой, с другой, трудно обнаружимой. За счёт деревянного корпуса миноискатель её не видит. Чувствительность от двухсот, до пятисот килограммов. Это значит, что человек не спровоцирует взрыва, если на неё наступит. Но при разрушении корпуса чувствительность мины возрастает, это надо учитывать. Следующая мина... ТМ-41. Поступила на вооружение... Впрочем, это не нужно. Вес мины пять с половиной

килограммов, мина нажимного действия, корпус стальной. Взрывчатое вещество – тротил, аммонит...

Рассказав об устройстве и назначении мин, он сделал паузу, разглядывая лица будущих командиров. Ему показалось, что никто даже не моргает, все были как единый организм. Он понимал, что среди солдат были те, кому наверняка приходилось устанавливать мины, война шла не один месяц, и они успели основательно понюхать пороху, но, несмотря на это, он не увидел ни одного рассеянного взгляда, солдаты были предельно собраны и ловили каждое его слово, словно он раскрывал им какую-то особую тайну. Но тайны не было, был лишь порядок и правило.

... – Итак, продолжим. Я знаю, что должен как можно скорее научить вас установке мин, но в минном деле не это главное. Мы начнём с того, что узнаем, по каким признакам мину можно обнаружить. Маскировка мины, вот что по-настоящему важно для минёра, и для каждой местности есть свои правила маскировки. Вокруг много полей, земля ровная. На такой местности обычно мины устанавливаются в вырытых ямках, если зимой, то в снегу. Мины могут покрываться дёрном, травой, землёй... Поэтому обращаем внимание на бугорки, осадки грунта, взрытый снег, высохшую траву на фоне зелёного поля, набросанную солому. На дороге рыхлая почва, большой камень... Это те признаки, по которым можно догадаться, что возможна мина. Наваленные друг на друга стволы деревьев... Любой объект, как случайный, так и

естественный, может указать нам на спрятанную мину.

Все по-прежнему были внимательны, царила тишина, никто не записывал, но концентрация внимания была настолько необычной, что ему стало не по себе. К тому же, среди учеников в первом ряду сидел полковник Чан. Это несколько смутило Михаила, но Чан сделал знак, мол, всё крайне интересно, и он продолжил: – Шпагат, проволока, упаковки от мин, даже колышки для вешек. Всё это может иметь отношение к отступающему противнику, минирующему после себя территорию. Любой случайный предмет должен стать объектом вашего внимания, даже обычная детская кукла. А теперь кто мне скажет, при чём тут обнаружение, когда вам сейчас надо просто научиться ставить мины?

Все молчали. Неожиданно поднял руку Чан. Нисколько не стесняясь, он поднялся и оглядел присутствующих: – Мы будем ставить мины, и после нас ничего этого не должно оставаться, даже помятой травы. Я правильно вас понял, товарищ Сан Дё? – рассудительно произнёс полковник.

Михаил кивнул, и поймал себя на мысли, что эта манера речи ему известна. Он вспомнил, на кого мог быть похожим бывший офицер Красной армии. Для полного сходства не хватало лишь трубки в правой руке и усов. – Так точно, товарищ полковник, отчеканил Михаил не скрывая улыбки. – Разрешите продолжить?

– Прошу вас, продолжайте, – удовлетворённо произнёс Чан, и удалился с важным видом.

После теории они перешли к практике, к порядку раскладки мин на местности. После этого начались упражнения по их маскировке. Уже через час приступили к боевому минированию местности, прилегающей к деревне, отметив два коридора, по которым должны были выходить оставшиеся на передовой подразделения полка. Десять человек, которые участвовали в этой операции, стали командирами других групп, которые сразу же после возвращения разошлись по всему периметру обороны.

Той же ночью Михаил оказался в составе группы из пятнадцати человек, которая должна была проехать на машине вдоль линии фронта в восточном направлении и выйти на подступы к Пхохану. В сложившейся ситуации этот порт мог представлять серьёзную угрозу для отступающих частей северокорейской армии. По решению полковника Чана группа должна была заминировать все возможные пути, по которым противник, высадившись в Пхоханском порту, мог отрезать пути к отступлению войск. Днём все дороги оказывались под огнём американской авиации, поэтому продвигались ночью. За ночь они совершили переход в пятьдесят километров, и в течение суток заминировали все основные направления, ведущие из Пхохана.

Наконец, двадцать пятого сентября по радио сообщили, что Сеул снова в руках войск коалиции. Все опасения Ли Вея себя полностью оправдали. К этому времени началось повсеместное отступление Народной Армии Кореи для по-

следующего воссоединения с северной группировкой.

Выполнив своё задание, группа Михаила вернулась в расположение семьсот семьдесят шестого полка. Вскоре Михаил получил задание, которое едва не стоило ему жизни, и поставило его перед сложным выбором.

Войска отступали с большими потерями, при постоянных налётах американской авиации, дороги были переполнены мирными жителями, среди которых были и японские беженцы. Эти японцы находились в Корее со времён второй мировой войны, когда Япония на правах империи оккупировала территорию Корейского полуострова. Никто из корейцев, включая и южных, не испытывал к японцам симпатии, а в условиях отступления северокорейской армии их положение становилось ещё тяжелей. В такой момент и застал в Корее Михаил своих бывших соотечественников. Продвигаясь на север в составе корейских соединений, он получил задание заминировать порт Кунсан, находящийся на восточном побережье полуострова. Их группа должна были взорвать пирсы, к которым в ближайшее время могли пристать американские суда. Это были свайные пирсы, шириной около десяти метров, позволявшие пристать морскому судну средних размеров. Несколько кораблей уже стояло в пределах видимости, не решаясь войти в акваторию порта, опасаясь подорваться на морских минах, которыми была напичкана глубоководная, но узкая бухта Кунсана. Несмотря на скопление людей, порт периодически подвергался обстрелу, в его небе

всё время кружили лёгкие вертолёты-разведчики американцев.

В их группе было пять человек. Спрятав машину в одном полуразрушенном ангаре, недалеко от порта, они выгрузили мины, и всю ночь разносили их по заданным точкам. Главной целью был основной пирс, у которого готовым к выходу в море стоял сухогруз. Рядом толпились люди, в надежде оказаться на его борту. Это были японские беженцы; несколько сот человек, кто как мог, пытались попасть на это судно.

Рядом с Михаилом всё время находился Сы Пу, всегда спокойный, без признаков усталости, готовый к выполнению любого приказа.

Чтобы не привлекать внимания людей, было решено нести заряды на себе. С китайцем и тремя корейскими солдатами, они переоделись в гражданскую одежду, и пронесли к пирсу в больших корзинах взрывчатку и несколько управляемых мин. Количество мин равнялось числу точек, где закладывалась взрывчатка. После приведения в действие часового механизма, все эти мины должны были взорваться одновременно. Этого взрыва должно было хватить, чтобы пирс целиком взлетел на воздух. Неся свою корзину, Михаил растерялся, он прекрасно понимал, среди кого оказался, вокруг были живые люди, его соотечественники. В основном, это были горожане, торговцы, у которых, были налажены связи с проамериканским правительством Ли Сынь Мана. Люди были напуганы внезапным отступлением северян и, опасаясь,

что в городе снова начнутся бои, бежали в сторону порта, в надежде оказаться на борту сухогруза. Вокруг было немало детей и женщин. Наблюдая за ними, Михаил в какой-то момент ясно осознал, что должно будет произойти с этими людьми, если он и его группа выполнят задание. Недалеко от него нёс свою корзину Сы Пу. Увидев озадаченное лицо командира, он кивнул другим участникам группы, чтобы те остановились. Сы Пу, как всегда, не показывал ни страха, ни сомнений, лицо его было внешне абсолютно спокойным, но Михаил чувствовал, что Сы Пу тоже чем-то встревожен. Он подошёл к Михаилу с вопросом о том, какие им предстоят действия. Никакого плана у Михаила пока не было, он был растерян, одно ему было ясно: взорвать пирс, когда на нём столько людей он не сможет. Китаец, скорее всего, об этом не думал.

– Я нашёл хорошее место для заряда, – тихо произнёс Сы Пу, поглядывая на товарищей. Кроме них и беженцев на пирсе находились несколько десятков военных одной из северокорейских частей. Вероятно, у них была договорённость с японцами пропустить тех на корабль и дать им уйти в Японию. Наверное, японцы хорошо заплатили им, если корейцы так ревностно сопровождали беженцев.

Михаил выслушал Сы Пу и кивнул. Не привлекая внимания людей, они разнесли мины по точкам, и Михаил дал команду всем уходить. – Уходите как можно дальше, я сам установлю часовые механизмы. Это очень опасно, поэтому

лучше вам выйти из зоны поражения, – сказал Михаил, стараясь при этом не выдавать своего волнения. – Заодно выясню, когда предполагается уход сухогруза. – Сы Пу некоторое время стоял в раздумье, не отрывая взгляда от Михаила. Он как будто сомневался в его словах, но затем кивнул, и, не спеша пошёл в сторону берега.

Михаил взял корзину с управляемыми зарядами и понёс её к пирсу. Задача, которую он пытался решить, пока шёл к пирсу, заключалась в том, чтобы узнать, на какое время ставить часы. Для этого он должен был узнать, сколько ещё простоят сухогруз. В условиях военного времени на этот вопрос мог ответить только капитан, а спрашивать у беженцев не было никакого смысла. Перебирая в уме всякие варианты, Михаил понял, что поставить время случайно он не сможет, по его понятиям это было недопустимо. На пирсе на него никто не обратил внимания, но когда он подошёл к самому борту сухогруза, то оказался в окружении волнующейся толпы. Люди спорили, выясняя кому идти раньше по трапу. Хлипкий трап раскачивался, едва удерживая на себе поднимавшихся людей.

– Ну чего встал как вкопанный, – услышал Михаил за спиной. – Перед ним стояла толстая, и уже не молодая японка. – Что у тебя в корзине? Трюмы итак переполнены, людям некуда встать на палубе, а он со своей корзиной под ногами путается.

Михаил растерялся.

... – Люди жизнь свою спасают, а он всякий хлам с собой тащит. Мы так и ко дну пойдём, – продолжала нудить женщина. На её крики стали подходить другие японцы. Чтобы не вызвать подозрений, Михаил поставил корзину на землю и стал разминать плечи. Он оглянулся, в надежде увидеть кого-нибудь из команды. Он всё ещё не терял надежды узнать, сколько простоят сухогруз. В то же время Михаил опасался, что рядом могут оказаться его товарищи.

– Эта корзина не моя, – негромко заговорил он на японском языке, чувствуя, как внутри ломается какой-то барьер, разделяющий его и этих людей. – Мне всего лишь поручили её принести к кораблю, – ответил Михаил, махая рукой неопределённом направлении, с трудом сдерживая чувства.

– Вот и хорошо. Оставь её сынок, кому она нужна. Помоги-ка мне лучше, – попросила женщина. – Похоже, ты добрый юноша, раз помогаешь другим людям в такую трудную минуту. Нам здесь не рады, вот горе-то какое. Эти корейцы такие неблагодарные. Столько мы им добра сделали, и вот, теперь вынуждены бежать, сломя голову. Как тебя зовут?

– Синтаро, – не задумываясь произнёс Михаил, совсем не удивившись тому, что назвал своё настоящее имя.

– Хорошее имя. Ну, давай, Синтаро, бери эту сумку, пошли, что растерялся. Никуда твоя корзина не уйдёт, у всех своего добра хватает.

Михаил нерешительно взял поклажу, на которую указала женщина, и медленно понёс её к трапу. Ноги его вдруг стали

ватными, ему показалось, что всё происходящее не настоящее, что это ему снится. Несмотря на преграды, он всё ближе продвигался к основной очереди, люди молча расступались, словно их разводила по сторонам чья-то невидимая рука, и вот его нога уже была на первой ступени трапа. Взглянув вверх, он замешкался.

– Ну, чего остановился? Подымайся. Корабль ждать не будет, – услышал он голос за спиной. Он повернулся и неожиданно ясно увидел глаза Сы Пу. Тот стоял в толпе японцев, и с ухмылкой смотрел на Михаила. Это было так неожиданно, что Михаил впал в замешательство. Он пошатнулся и бросил сумку.

– Я не поеду. Я боюсь моря! – закричал Михаил, пытаюсь высвободиться из плена толпы. – Меня укачивает в море, я с детства не переносю качки. – Он стал крутить головой, словно ища поддержки и оправдания; китаец исчез так же незаметно, как и появился. Михаил подумал, что ему это могло показаться, но тут же отбросил эту мысль. Он точно видел Сы Пу среди беженцев.

– Выпустите этого психопата. Если у него морская болезнь, пусть остаётся. На одно место будет больше, – закричал кто-то из наседавших японцев.

Михаил с трудом вырвался из тисков и стал искать свою корзину, чтобы унести её от греха подальше. Он понял, что в таком состоянии уже не сможет поставить управляемые мины, внутри него всё словно ходило ходуном, он никак не мог

прийти в себя. В голове всё ещё прокручивалась сумасшедшая ситуация, при которой он мог оправиться в Японию. Его буквально трясло от этого, было страшно допустить эту мысль. Он понял, что был в одном шаге от ошибки, которую никогда не смог бы простить себе. Отойдя от трапа, у него вырвался вздох облегчения.

– Бомба, бомба! Это часовая бомба! – раздалось в толпе. Волна людей колыхнулась, освобождая то место, где была его корзина. Михаил вжал голову в плечи, и, не оглядываясь, пошёл прочь. Люди разбегались в разные стороны, и ему ничего не стоило беспрепятственно покинуть пирс.

В условленном месте он встретил Сы Пу. Пытливые глаза китайца сверлили Михаила так, что тому хотелось отвести взгляд.

– Ты поставил механизм? На какое время ты поставил часы? – не скрывая иронии спросил Сы Пу, наблюдая за паникой на пирсе. – Что там случилось? Когда произойдёт взрыв?

– Я не смог, – стиснув зубы, ответил Михаил, – почему-то не отрывая взгляда от рук китайца. Сы Пу был один, и Михаилу показалось, что он задумал что-то нехорошее.

– У нас был приказ, мы должны были взорвать этот пирс, а ты говоришь, что не смог? После того, что я видел на реке? Ты что-то недоговариваешь. Я видел, как ты разговаривал с той японкой. Что ты делал у трапа? Мне кажется, что ты хотел сбежать. Или мне показалось?

– Тебе показалось, Сы Пу, – стараясь выглядеть спокой-

ным, ответил Михаил, всё так же, не отрывая взгляда от рук китайца. Ты напрасно меня обвиняешь, мне пришлось помочь одной женщине, иначе она могла меня заподозрить.

– Не держи меня за дурака. Я видел, как ты говорил с ней. На каком языке ты говорил? Уж точно не на корейском, если она приняла тебя за своего. Я, кажется, понял кто ты. Ты японец.

– Не говори чепухи, Сы Пу. Я советский кореец, приехал помогать своим братьям.

– Если бы ты был корейцем, то тогда тебе ничто не мешало бы выполнить приказ. Для корейца приказ это всё. Завтра здесь будет стоять американский линкор, или ещё что. Из-за тебя погибнет много наших солдат. Нет, ты не кореец.

– Сы Пу, что ты говоришь? Я твой друг, просто не вышло.

– У тебя-то не вышло? Всё у тебя вышло. Ты пожалел этих вонючих зажавшихся япошек, потому что они с тобой одной породы.

– Они беженцы, Сы Пу, такие же люди, как мы. Они мирные люди, – продолжал настаивать Михаил, нащупывая под курткой рукоять пистолета.

– Мне плевать, на это. Это война, и мы должны были взорвать пирс, и если бы от этого пострадало несколько японцев, мир бы не рухнул. Ты предал всех нас.

– Как ты можешь такое...

Михаил не успел договорить. Делая отвлекающий жест, Сы Пу ударил его пальцами по глазам. Удар был молниенос-

ным, словно бросок змеи, и очень хлестким, в глазах Михаила засверкали чёрные и белые круги. Он мгновенно ушёл вниз, слыша, как над его головой лезвие ножа разрезает воздух. Он упал на плечо, и, крутанув ногами, словно ножницами, подсёк китайца. По звуку падения он понял, куда падает тело противника и вслепую выстрелил в этом направлении несколько раз. Когда предметы вокруг него стали различимы, он увидел рядом Сы Пу, судорожно скребущего ножом по земле. К ним уже бежали солдаты, охранявшие пирс. Михаил поднялся, и немного пошатываясь, побежал прочь.

В условленном месте его ждали. По спокойным лицам товарищей он понял, что никто не видел его борьбы, поэтому, когда его спросили, что случилось на пирсе, он соврал, сказав, что его обнаружили, когда он устанавливал взрывной механизм. Сы Пу пытался отвлечь внимание на себя, и погиб. Никто из корейских товарищей не стал обсуждать случившегося и тем более сомневаться в его словах, но всю обратную дорогу с ним никто не разговаривал и ни о чём не спрашивал. Все понимали, что задание было невыполнено.

Вернувшись в соединение, Михаил подробно изложил обстоятельства всего, что произошло с ним, умолчав о главном. Несколько дней он не находил себе места, вызывая сочувствие у товарищей. Многие знали, насколько близкими были отношения его и Сы Пу, но никто не догадывался, что являлось истиной причиной этих переживаний.

Продолжалось отступление на север. Оно было плохо под-

готовлено и сопряжено с колоссальными потерями, как в живой силе, так и в военной технике. В составе семьсот семьдесят шестого полка отступал и Михаил. Командуя взводом, в его задачу входило минировать дороги, по которым отступала Северокорейская армия. Началась суровая зима, в армии не хватало продуктов питания, боеприпасов, нечем было заправлять автомобили. В ходе бегства эта армия потеряла несколько десятков тысяч солдат, большая часть которых погибла во время нескончаемых налётов американских бомбардировщиков. Лишь немногим более тридцати тысяч солдат удалось воссоединиться, замкнув всю линию фронта уже у самой границы с Китаем, на реке Ялуцзян. Это была крайняя точка отступления корейской народной армии во главе с Ким Ир Сенем. Всё говорило о скорой и полной гибели не только самой армии, но и коммунистического режима. Но двадцать пятого октября случилось неожиданное – Китай при негласной поддержке Советского Союза, выступил в поддержку корейской армии. Триста тысяч солдат под видом добровольческой армии, пересёкли реку Ялуцзян, остановив тем самым наступление войск ООН. Новая волна боевых действий, нескончаемых сражений с колоссальными потерями с обеих сторон захлестнула Корейский полуостров. Китайские добровольцы сражались самоотверженно, практически голыми руками, воюя с хорошо оснащённой армией, куда входило четырнадцать стран коалиции, поддерживаемой с воздуха и моря. В арсенале добровольцев были лишь

винтовки-трёхлинейки, переносные миномёты и ручные пулемёты. Без должного снабжения провиантом и боеприпасами, при отсутствии средств связи и тёплого ночлега, китайские солдаты явили всему миру необычайный пример героизма и стойкости, застилая склоны корейских гор своими телами. Но при этом китайцам удалось уже к ноябрю вынудить американцев отступать. Суровая зима словно парализовала и тела, и умы американских солдат. Это была трагедия, напомнимшая всему миру Сталинград. Было огромное количество убитых и раненных. Чтобы не замёрзнуть в корейских горах под шквалистыми ветрами, американские солдаты сотнями сдавались в плен, вынуждая китайские войска, и без того терпящие нужду в продовольствии, делиться последним, недоедать, и всё это происходило на фоне информационной лжи о китайской жестокости. Это был страх перед новым фигурантом мировой истории, обладающим неисчислимыми людскими ресурсами и способным на самые невероятные подвиги. Чтобы сохранить жизнь военнопленным, китайское командование создавало специальные лагеря для военнопленных, а так же сформировало целые отряды волонтеров, из числа гражданских лиц, приехавших из Китая специально для помощи военнопленным. Но об этом мировое радио уже ничего не говорило.

К началу января 1951 года снова пал Сеул. Это сопровождалось мощнейшим наступлением китайских добровольческих соединений, и к середине января противник был

отброшен за тридцать восьмую параллель. На фоне такого неожиданного и непредвиденного наступления назревала ядерная война. Генерал Макартур, командующий американскими войсками, и прославивший себя успешной высадкой десанта в Инчхоне и захватом Сеула, настаивал на ядерном ударе по территории Китая. Но его не поддержал президент Трумэн, разумно опасаясь ответного удара со стороны Советского Союза по территории Соединённых Штатов. Однако вскоре американцы вновь овладели инициативой и к концу февраля при колоссальной поддержке авиации и артиллерии отодвинули китайскую армию за реку Хань. Незадолго до этого, двадцать пятого января они снова овладели стратегически важным аэродромом в Ким Понге, – разрушенный до основания Сеул оказался под контролем войск ООН. К середине марта в ходе операции «Потрошитель» американские войска оттеснили китайских добровольцев за реку Ханган и вновь вошли в Сеул. После этого все военные действия стали носить позиционный характер, не выливаясь дальше тридцать восьмой параллели. По-прежнему гибли солдаты, страдало мирное население, и вскоре всем стало ясно, что победителей в этой войне не будет. Все вернулись в исходную позицию довоенного времени, когда север был под контролем Советского Союза и Китая, а юг проамериканский. Но ценой этому были миллионы погибших.

В январе Михаил вновь оказался в Сеуле. Он тщетно пытался разыскать Ли Вея, просматривая сотнями объявления

по всему городу, но всё безрезультатно, и вскоре ему пришлось смириться с мыслью, что старика он больше никогда не увидит. От сарайчика, где когда-то ютился китаец, осталась лишь воронка от прямого попадания авиационной бомбы. Было ясно, что если Ли Вей каким-то чудом уцелел, то в Сеуле его нет. Тайник, при помощи которого они поддерживали связь с другими агентами, был завален обломками разрушенного дома, что сводило на нет все шансы найти хоть кого-то из группы Ли Вей. Несколько захватов города воюющими сторонами повлекли за собой полный развал сети агентурной связи. Михаил понимал, что это уже не входит в круг его личных задач. За время, проведённое в Корее, он много увидел и испытал, он уже ничему не удивлялся, и даже когда в небе над Сеулом видел пролетающие советские истребители, это не вызывало в нём прежних чувств восторга. Была, несомненно, гордость от причастности к этой необъятной силе, которая способна противостоять американской армаде, но с исчезновением Ли Вей его всё больше заполняла пустота и хотелось поскорее убраться из этого богом проклятого полуострова. Куда он хотел больше, Михаил не знал. Путь в Японию ему был заказан, а в России его никто не ждал. Был, конечно, Изаму, и дед Тимофей, но все они были где-то далеко, в другом мире, с которым его разъединяло не только расстояние, но и события, произошедшие с ним и навсегда изменившие его как человека.

Он пробыл в Сеуле до начала марта. К этому времени аме-

риканские войска уже вплотную подошли к границам города, война, словно маятник, раскачивала обе стороны, и теперь её волна снова двигалась на север. Михаил не знал, оставят его в Сеуле в случае, если американцам удастся его вновь захватить, или нет. Для него уже было ясно, что удержать город китайским добровольцам будет сложно. В городе было относительно спокойно, так как небо было полностью под контролем советских МиГов. У всех истребителей на борту стояли опознавательные знаки войск народной армии Кореи, но всем, даже американцам, было ясно, какие пилоты управляют этим сверхсовременными машинами. Ими были советские лётчики, благодаря которым и было установлено равновесие между двумя противоборствующими системами. Михаил не задавал себе вопроса, какая из систем правильной; в ходе войны он понял одно: платить за победу в любом случае приходится жизнями простых людей. Всё это было большой игрой, и в ней он ясно различал свою первоочередную роль – быть преданным делу, и быть честным перед самим собой.

Несмотря на поддержку с воздуха, к середине марта Сеул пришлось оставить. Вместе с китайскими частями отступал и Михаил. Для него было много работы. После зимнего бегства восьмой американской армии осталось много заминированных полей. На минах гибли не только солдаты, но и беженцы. Войска коалиции, подгоняемые китайской армией, отступали хаотично, без всякого порядка, из-за чего солдаты

гибли целыми ротами, оказавшись посреди этих полей. Минируя пути отступления, никто из интервентов и не думал о заполнении формуляров, о постановке в известность своих союзников, каждое соединение, относящееся к отдельному государству, и входящее в коалицию, уже не имело общего плана действия, а просто спасалось бегством, тем самым выживая под натиском китайских добровольцев.

По распоряжению Центра в течение всей весны и начала лета Михаил командовал ротой корейских сапёров, обезвреживая путь, по которому отступали войска, минируя полосу обороны и обучая бойцов этому сложному искусству. Там, где обнаруживались минные поля, оставленные неприятелем, они выставляли особые знаки, по которым ориентировалась тяжёлая гусеничная техника, приспособленная для уничтожения заминированной территории. Одновременно минировались участки, по которым могли пройти войска коалиции, включая дороги и мосты. Всё это уже не оказывало решающего значения на основной ход боевых действий, но способствовало торможению наступления противника.

Во время очередной передышки Михаил сидел в кабинете у товарища Кима. Андрей долго пересматривал его отчёт, что-то выписывал на отдельный листок, подолгу смотрел на Михаила, словно не веря в то, о чём докладывал этот молодой человек.

– О вас можно роман писать, Миша. Я искренне завидую вам. На фоне моей рутины... Но работа есть работа, и на этот

раз обойдёмся без романов и пафоса. Буду ходатайствовать перед начальством о присвоении вам очередного воинского звания и награды. Вы это заслужили. Честно скажу, без колебаний приколот бы к твоей груди звезду героя, но боюсь, меня не поймут в Москве.

– Я всё понимаю, товарищ Ким. Не надо мне никаких наград.

– Всё переживаешь о Вень Яне? Ничего не поделаешь, Миша. Война есть война. В общем, так. Даю тебе на сборы два дня.

– Домой? – воскликнул Михаил, подскакивая со стула.

– Пора. Наследил ты здесь основательно. Так что, домой. Если ты не против, то приглашаю вечером ко мне, отметим твои подвиги. Может не совсем корректно с моей стороны, но хочется поговорить просто, по душам. Когда ещё свидимся.

Михаил удовлетворённо кивнул. Он почувствовал, что все эти годы именно этого, простого человеческого общения ему и не хватало, особенно после расставания с Ли Веем.

Товарищу Киму на вид было лет сорок. Он жил в охраняемой зоне, в передвижном вагончике, прямо на территории аэродрома, где было много русских лётчиков. Исходя из сложившейся ситуации, жизнь его, в прямом смысле, проходила на колёсах. С виду полноватый, в очках, в домашних условиях он выглядел немного скованным и стеснительным. На маленьком низком столике, традиционном среди корей-

цев, стоял радиоприёмник с настроенной советской волной, рядом лежало несколько консервов, плошка варёного риса, булка чёрного хлеба и нераспечатанная бутылка водки. Запах хлеба вызвал бурю воспоминаний, связанных с годами, прожитыми в России. Немного пригубив из гранённого стакана, Михаил сразу почувствовал неприятную горечь, его передёрнуло. Андрей улыбнулся и вздохнул, догадавшись, что водку придётся или оставить, или пить в одиночку.

О войне не говорили ни слова. Неожиданно Михаил спросил, как товарищ Ким оказался в Советском Союзе. Он и предположить не мог, что Андрей просто родился там. Но в его судьбе тоже была своя драма.

– Брось Миша драматизировать, – немного захмелев, успокаивал товарищ Ким. – У нас говорят, чему быть, того не миновать. Да, корейцам не сладко было, но когда им было сладко? Ты посмотри вокруг, что здесь творится. Мои предки не от хорошей жизни бежали в Россию, ещё до революции. Их и китайцы не жаловали, и от японцев досталось... И что теперь плакать по этому поводу. Ты же не знаешь, кем был мой отец в гражданскую. В карательном отряде, против белых воевал. В юности мне казалось, что мой отец герой, и боролся с врагами революции, но сейчас я понимаю, что это были живые люди. Понимаешь о чём я? Люди. Просто они защищали своё, а мы... да кто такие мы, они... Посмотри вокруг. Разве не тоже самое происходит в Корее? Признаться, мне бы следовало помалкивать об этом. Отца потом ре-

прессировали, в тридцать восьмом. Ты не поверишь, наша семья в Ленинграде жила, почти в столице. Я тогда в морской академии учился, в отличниках числился. Ну и как обычно в таких случаях, – сын врага народа. Турнули из академии. Потом война, всё на свои места расставила...

– Что же тут хорошего? – удивлялся Михаил, помалкивая всё это время, и понимая, что собеседнику надо просто выговориться. Он вспомнил деда Тимофея, как тот говорил в подобных случаях – излить душу.

– Хорошего мало, ты прав, но могло быть и хуже. Весь наш курс потом практику военную проходил на подводной лодке, осваивали новую субмарину. Хорошие ребята были... – Андрей налил в оба стакана, и не чокаясь, выпил почти до дна. Михаил понял, что выпить непременно надо, того требовало обстоятельство. На его удивление водка прошла легко, словно это была вода. Товарищ Ким занюхал кусочком хлеба и передал его Михаилу. Тот долго втягивал запах, закусывать не стал. Андрей одобрительно кивнул.

– Они погибли? – спросил Михаил, как будто слова сами слетели с языка.

– Весь экипаж, и все тридцать пять человек моего курса. Если бы не этот донос на отца, то меня здесь не было бы. Так что, чему быть, того не миновать. Никогда не надо грешить на прошлое, судьбу, надо жить, и всегда оставаться человеком. Ну, за твоё возвращение домой Миша.

Он ехал домой. Впервые за долгие годы Михаил даже не задумывался где его настоящий дом, он просто возвращался туда, откуда приехал. В свою коммунальную квартиру с множеством соседей, где за входной дверью стояла гнутая вешалка, на которой висел его плащ. Где пылился его одёжный шкаф, пусть не очень новый, но полученный в день новоселья в подарок, и теперь в нём на плечиках висел и ждал его новый выходной костюм. Он столько времени мечтал выйти в этом костюме и прогуляться по набережной Амурского залива. Этот момент вот-вот должен был настать. Там, в пустой комнате оставалось зеркало, висящее на гвозде между окон, светлых и широких, куда проникал свет вечернего солнца. Он полюбил эти большие окна и это солнце. Вечером оно было особенно красным, напоминая о национальном флаге его далёкой родины. Конечно, в его жизни было ещё много неясного, много того, к чему ещё предстояло привыкнуть и сделать своим, но Михаил знал точно, что это была его жизнь, и всё ещё только начиналось.

После возвращения ему дали целый месяц отпуска. Не надо было никаких наград, не надо было званий, это было ничем в сравнении с тем, что предвещал целый месяц отпуска, а в придачу огромная сумма денег. Но на что ему всё это, если не будет главного – свободы. Глаза его разбегались при виде молодых девушек, больших легковых машин, проезжавших мимо него, всюду звучала музыка, в морской синеве пестрели, словно крылья чаек, белоснежные паруса яхт

и прогулочных катеров. Он уже забыл, что жизнь может быть такой, без колючей проволоки, без снарядов и самолётов, пикирующих над головой. Его окружала обычная мирская суета. К его большому сожалению в городе не оказалось Изаму, и теперь он не знал, что делать одному со всем этим богатством. Проснувшись однажды среди ночи, он сел на кровать и открыл окно. Апрельские ночи были на удивление тёплыми, и хотя ещё не успели проклюнуться почки на деревьях, ночной воздух был наполнен той свежестью, которая сохранилась в его воспоминаниях о Японии. Сидя на кровати, и глядя в окно, где в тёмном пространстве Амурского залива проплывали огоньками корабли, он вдруг ясно ощутил жуткую тоску и одиночество. Ещё днём он, словно одержимый, носился по городу, не в состоянии скрыть от людей своего счастья, но пришла ночь, и его захлестнула нестерпимая тоска. Он не знал, почему проснулся, как будто что-то ворвалось в открытую форточку, и проникло в его сон. Быть может, это был запах тех весенних цветов, что снились ему по ночам, или это были отголоски незнакомых песен, что пели в тишине молодые девушки, гулявшие по пустым улицам, взявшись за руки. Он не знал, что его разбудило, но понимал, что просто так избавиться от нахлынувшего чувства тоски по родине он не сможет. Там, в Корее, где всё ещё шла война, он думал лишь о том, как выжить, и как победить врага, страх, самого себя. Но оказавшись под ночным мирным небом, где звучали всё ещё чужие для него песни и голоса,

он ясно ощутил своё бесконечное одиночество и жгучую потребность впустить в свой мир хоть одну родственную душу. Такой душой был Ли Вей, но старик навсегда остался в корейской земле. Такой душой был и Изаму, но где, в каких далёких землях мог находиться его лучший друг Михаил не знал. Неожиданно он словно увидел перед собой тёплый взгляд седого старика. Это было странным, но вместе с тем настолько ясным ощущением, что Михаил вскочил.

«Тимофей. Ты живой. Ну конечно... Как я мог забыть тебя». Михаил на ощупь открыл ящик письменного стола и достал свой крестик. Он прикоснулся к нему губами, а затем надел на шею. Какое-то время он чувствовал лёгкое раздражение на теле, его кожа привыкала, но потом всё внутри наполнилось спокойствием и теплом. Он лёг и закрыл глаза, перед ним шумело зелёное море.

Тимофей.

– Старик сидел на крыльчке, опустив руки на колени, и подняв голову, скорее всего, наблюдая за облаками. Он не сразу услышал приветствие, но потом резко оглянулся, правда, в другую сторону, наконец, повернулся и увидел гостя.

– Мишка!

Тимофей произнёс это настолько воодушевлённо и открыто, что Михаил растерялся. Он улыбнулся во весь рот и прошёл через калитку навстречу деду. Старик долго не от-

пускал гостя, тихонько поглаживая его по плечам.

– Живой, – тихо произнёс он после долгого всматривания в глаза гостю. – Слава богу.

... – Рассказывай, как добрался? Что в жизни нового? – спросил дед Тимофей, наблюдая, как гость доедает вторую порцию добавки.

– Что рассказывать? – пожимая плечами, так же спросил Михаил, отодвигая миску с остатками ухи. – Хороша уха, правда, вкусно очень.

Дед отвернулся к окну, словно выискивая за ним что-то важное.

... – Комната у меня в городе, можно сказать, в центре. Каждый день на море смотрю, – начал Михаил, поняв, что старик не случайно отвернулся. – Красивый город.

– Владивосток-то? Ничего. Только уж больно шумный.

– С непривычки шумно кажется, а потом ничего, – подтвердил гость.

Они сидели дотемна, разговаривали, пили чай из блюдец, вприкуску заедая сушёными дикими грушами. Забавно было смотреть, как дед Тимофей дул сквозь густые усы на уже остывший чай, и, прилѣбывая, тянул синеватыми губами; старость деда Тимофея была всё больше очевидна. Михаил вспомнил Ли Вея и ощутил насколько дороги ему эти два человека. Он поведал старику о своих планах, которых, в общем-то, и не было, просто он очень хотел побывать в родных местах. Тимофей вопросительно посмотрел на него, и

утвердительно, даже важно покачал головой. – Родные места забывать не следует. Но рано или поздно человек вырастает из них.

– А потом? – спросил Михаил, точно зная, что старик не всё сказал.

– Потом? Потом он по жизни идёт.

– Но жизнь можно прожить и, не уезжая никуда.

– Правильно. Можно. Но вот ты же уехал.

– Меня насильно увезли, – разве ты не знаешь?

Дед Тимофей неслышно посмеялся. – Ты всё ещё ребёнок. Тебя жизнь захватила, как пух, и унесла туда, где ты был нужнее. А родное место отпустило, ему так надо было.

– Ты говоришь точно так же как и Ли Вей.

– Ванька-то... Этот криво не скажет.

– Нет больше Ли Вея, – с грустью произнёс Михаил.

– Кто знает... Этот всю жизнь где-то умирает, сколько его не знаю, а потом снова оживает. Могилки ты его нигде не видел. А почему такая уверенность? – Тимофей внимательно глянул Михаилу в глаза и, словно догадавшись о тайне, кивнул. – Все там будем, горевать не стоит. Помнить надо, но не печалиться. Они бы, мёртвые, не одобрили нашего горевания.

– А мертвым не всё ли равно?

– А вот тебе сейчас как? Положим, ты мертв, а по тебе рыдают и убиваются. А?

– Но я ведь живой сейчас.

– А ты, всё равно, представь.

– Я так не могу, Тимофей. Нет, правда, ты, наверное, смеёшься.

– Представь, говорю тебе. Я не шучу. Если ты сможешь это сделать, то поймёшь, каково скажем, за глаза другого порочить, или над тем же мертвецом глумиться. Будь бы он жив, понравилось бы ему?

– Но он же мёртв!

– Эко ты паря заладил. Мёртв да мёртв. Сказал, представь. Напряги воображение. Или нет его у тебя? Ладно, будет, – старик махнул рукой и полез на печку.

– Завтра разбужу рано, о планах ты ничего не сказал, значит, будешь под моим командованием. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – пробурчал Михаил, всё же пытаюсь представить себя в роли покойника. Ночью ему снился сон, будто он видит, как сам же копает яму, но не для могилы. Рядом лежат саженцы, и он хочет их посадить. Вокруг прозрачное небо, жёлтая листва перед глазами и три тонких саженца.

Проснувшись рано и не забыв ещё содержания сна, он сразу спросил у Тимофея, что это могло означать.

– Саженцы это наши дети, – не задумываясь, ответил старик, укладывая короб.

– Мы пойдём так далеко? – спросил Михаил, заглядывая в глубину большого липового короба.

– Нет так, чтобы далеко, но и не близко, – многозначитель-

но ответил старик, улыбаясь глазами. Тёплый взгляд старика был настолько трогательным, что Михаил всякий раз чувствовал, что внутри что-то тает, словно снег. – Собирайся. Перекусим, как следует, и в дорогу. Зимовьё будем строить в тайге. Хорошо бы управиться зарас.

Новость и ошеломила и обрадовала. Михаил, словно маленький ребёнок, бегал вокруг старика, помогая укладывать инструменты. На самом деле, он только мешал, но Тимофей это сносил и лишь улыбался.

– Эх, Белочки нет с нами. А как бы весело с ней было.

– Прости Тимофей, я как-то не обратил внимания. Что с ней стало? – спросил Михаил, наконец-то обратив внимание на пустую будку.

– Пропала. Съели нашу Белку. Китайцы съели.

– Кто? – будто не понял Михаил, открывая от удивления рот.

– А то ты не слышал. Всё, в путь. Придём на место, расскажу.

Он взвалил на гостя набитый доверху короб, сам закинул себе за плечо дробовик и котомку, впереди была знакомая, едва заметная глазу тропа. Пройдя по ней сотню метров, Михаил понял, что последний год старик мало ходил в лес, и скорее всего не охотился.

– Время берёт своё, – словно угадывая мысли попутчика, говорил Тимофей, забегая взглядом далеко вперёд. Охота не

главное, что зовет человека в лес. – Старик намеренно молчал, выжидая, когда его спросят, почему так, а не иначе.

– А что должно тянуть в тайгу?

Дед Тимофей удовлетворённо кивнул. Ему явно хотелось поделиться своими мыслями, и, наверное, всё то время, пока Михаила не было, он ждал этого момента. – Человек живёт не едой. Конечно, без неё не прожить, но не она главное.

– Путешествие, – нашёлся Михаил, вспоминая разговоры с Ли Веем.

– Молодец. Одобряю. Но это не то слово. Путешествие, это праздное занятие. В этом есть часть здорового любопытства. Но человек постигает путь, совершая всякий раз подвиги.

– Быть героем?

– Герой тут не причём. Герой это ярость, истовость. Человек же свет несёт, и идёт он по жизни к нему, к свету. Причём тут геройство? Нет, паря, героем быть не трудно, тем более что его создают другие. А ты сам? Куда идёшь, для чего? Задавал такой вопрос себе?

– Мы идём строить зимовьё.

– Это верно. А ну-ка, погодь.

Они уже успели прошагать около часа, держась некрутого косогора, и поднявшись на его вершину, старик остановился. Он пригнул своё высокое тело, словно хотел спрятаться. – Скажи, видишь чего, али мне показалось. Впереди, вон у той берёзины.

– Что-то есть. Не пойму.

– Вот и я не пойму. Зрение совсем никчёмное стало.

Они прошли старую деляну и оказались перед огромным пнём, лежащим посреди неглубокой утоптанной тропы. Дальше начинался распадок, уходящий в высокие кручи, было очень свежо, и хоть светило майское солнце, в набитой зверем тропе ещё лежал старый крупнозернистый снег.

...– Так-то паря, не зевай.

Подойдя ближе, они увидели, что на пне брюхом книзу, лежал нанизанный на сук дикий кабан. От мёртвого животного уже тянуло спёртым духом, вокруг летало и ползало множество насекомых.

– Ход у них в этом месте, видишь тропу ихню. Здесь они переходят в тот ряж, а колоду лень обходить, они её и перепрыгивали. Она от лесорубов ещё осталась, видать не осилили, да и в какую пилораму она влезет. Кедр-то не гниёт долго. И вишь, что удумали? У кого-то голова сообразила в ствол рогатину врезать. Кабан бежит и по привычке сигает через кедрина, а лезвия не видит. Так себе брюхо и распорол. Может, и не первый.

– Кто же это смог такое сделать, – дед Тимофей?

– Кто, кто? Пихто. Китайцы.

– И ничего нельзя сделать? Наказать.

– Не пойман не вор. Хотя, в лесу ничего не скроешь. Ладно, пошли отсюда. Пусть жрут свою тухлятину. Они с душком любят.

– Ты, наверное, шутишь?

– Какие тут шутки. Да шучу, конечно. У них этих тычек по тайге полно. Поставили и забыли. А от кабана им струя нужна, шкура на обувь, ну и желчь, да и копыта сгодятся. Мяс-то им хватает. Медведя они шибко любят, особенно лапы.

Они искали место для привала, солнце уже светило всю силу, растапливая крутые и глубокие распадки, всюду журчала талая вода, шумели на слияниях мощные потоки таёжных речек. Тайга открывалась Михаилу своим новым незнакомым лицом. Весна будоражила его, пробуждая спящую до этого дня силу созидания и любви ко всему живому. Он с восторгом смотрел вперёд, провожая уходящие в бесконечное пространство изумрудные сопки. Тайга шумела и дарила ему незнакомое, но желанное чувство свободы и радости. Всюду цвёл багульник, от него голова шла кругом. Увидав розовые склоны сопки, Михаил вспомнил сакуру. Первые минуты он даже не мог идти, настолько сильно захлестнуло его чувство щемящей грусти.

– Хорошо, – подтвердил старик, обходя заросли, задирая высоко ноги оттого, что они глубоко проваливались в мягкий мох, среди которого рос багульник. – Ты паря долго не стой рядом с этим растением. Оно хоть и красиво, да ядовито. Дурман это.

Вскоре они окончательно остановились. Когда Михаил скинул с плеч короб, ему на мгновение показалось, что он

оторвался от земли, но это было обманчивое чувство. Земля по-прежнему держала его, но, несмотря на пройденные километры, ему хотелось бегать, словно он был маленьким ребёнком.

– А ты разбегись и оттолкнись, – предложил, улыбаясь, старик, бросая на землю свою котомку. Он также находился в состоянии лёгкости, и пробовал на упругость ноги. – Прыгни с камней тех, – предложил дед Тимофей.

– Я всё не пойму, где ты шутишь, а где говоришь серьёзно, – обиделся Михаил, уже возвращая себе привычную тяжесть.

– Это не шутка, это и не серьёзно. Всё в твоей башке. Как решишь, так и будет.

– Но я упаду.

– Может, и упадёшь, – спокойно рассуждал старик, осматривая местность хозяйским взглядом. – А, может, и полетишь. Тебя сейчас твой страх держит, и привычка, и не потому, что летать страшно, а потому, что не пришьёшь его ни к чему. Это как кобыле крылья. Ладно, давай делом займёмся. Ты разбирай инструмент, а я пробежусь, травки зелёной надёргаю, видел внизу у ручья лук дикий, в похлёбку самое оно.

Место, выбранное дедом Тимофеем, было скрыто от ветров склоном сопки, но с хорошим видом на утреннее солнце. Невдалеке в низине среди камней журчал ручей, где рос лук, за которым направился старик. Он сказал, что вода в

этом ручье обладает силой, и сколько бы её не выпить даже ледяной; никогда не заболит горло. На вопрос, почему, он ответил, что с дуру, конечно, можно и захлебнуться, но что касается причины силы воды, то вся она в высоте, а точнее глубине. Забрались они действительно высоко, а, по словам Тимофея, все ручьи, выходящие из вершин, выдавливают из большой многокилометровой глубины, откуда они и набираются этой силы. Его познания природы всякий раз удивляли Михаила. Живя среди леса, старик вовсе не выглядел дремучим и угрюмым, ум его был подвижным, а знания самыми разносторонними. На вопрос, откуда они у него, дед Тимофей махнул рукой, сказав, что от всех понемногу. Это, разумеется, было лукавством. И речь, и осанка, и подход к любому делу выдавали в нём человека образованного, что в настоящей жизни приходилось тщательно скрывать.

Пужинав привычной лёгкой похлёбкой, они устроились у костра, заложив огонь кедровыми пнями, оставшимися после рубки; всюду, по-прежнему, были заметны следы старых демян. Теперь вокруг поднялся молодой лес, но, по словам старика, такое обновление происходило всегда. Лес вырастал, потом исчезал, и так повторялось тысячи лет и, наверное, больше. Колоды медленно разгорались, на поляне становилось всё теплей и теплей. Наконец, старик сбросил с себя одежду, и при свете костра Михаил снова увидел на его спине длинные рубцы.

– Это всё в прошлом, Миша, – непринуждённо произнёс

Тимофей, поймав на себе взгляд. – В тот раз я тебе ничего не сказал, а теперь расскажу, потому что ты изменился. Теперь можно. Самураи это постарались. Один офицер японский приложил руку. Видать, неплохой рубака был, что так точно провёл. Мог же и кости задеть. А не задел. Но шрамы долго заживали, больше года. Что молчишь?

– А что говорить? Ты же сам сказал, всё в прошлом.

Старик нехотя кивнул:

– Так-то оно так. И сделано, и пережито, а в памяти всё равно хранится. А носить это, знаешь, в себе какво, как пощёчину, что на людях получил. Когда жалость к себе гложет и разъедает. Нужно время, или разговор душевный, иначе так и завязнет в глубине души боль.

Старик долго рассказывал о своей молодости, и о том, как перебрался с женой в Порт Артур, куда потом пришли японцы.

– Долго я держал в сердце ненависть, и не за эти шрамы, не за себя, но со временем и рубцы зарастают, и душа успокаивается.

– Вспоминаешь?

– Анну-то? А как же. Каждый день вижу её молодой.

– Прости меня, дед Тимофей.

– Это за что же? Ты брось на себя всю вину тянуть. Этак ещё один спаситель по земле пойдёт, а пока рано. Что было, то было. Прощать тебя не за что. Это тебе спасибо, что слушаешь меня, выговориться даёшь. А от молчания камень

только родится. Оно хоть и тяжело, но не смертельно.

Без прелюдий старик улёгся на прогретое место, которое до этого отгрёб от углей, с таким расчётом, что искры летели от него, и укрывшись шинелкой, вскоре засопел.

Михаил ещё долго видел перед собой образ красивой русской женщины. Не зная, как она выглядела на самом деле, но почему-то ясно видел её черты. Спокойная стройная женщина с гладкой кожей лица, с выступающими линиями скул, яркими длинными бровями, почему-то тёмными. Потом он понял, что видел перед собой лицо Ядвиги, любовь к которой по-прежнему хранилась в глубине его сердца. Он понял, что ничего не уходит из человека, если хоть раз соприкоснулось с его душой. Оно лишь прячется в глубину, но продолжает греть и освещать. «Спасибо тебе, Ядвига. И тебе, дед Тимофей». Глаза медленно закрывались, открывая ему бесконечную вселенную, в которой он ясно видел яркую точку их костра и себя вместе с дедом.

Они поднялись рано, было свежо, костёр давно погас, но среди обгорелых смоляных чурачков ещё прятался жар. Напившись воды, они первым делом поставили на огонь котелок. Ещё вечером деду Тимофею удалось стянуть с куста петлёй двух рябчиков. Старик назвал их каменными за то, что они не боялись и сидели до последнего, пока им на голову не накинули петлю. – Святая птица, божий подарок тому, кто в тайге потерялся. Бери её только в крайнем случае, – учил Тимофей. – Мы свою норму уже выбрали.

Пока томилась похлёбка, они успели свалить несколько осин, ровных и не очень толстых. По словам деда, осиновое зимовье может стоять сколько угодно, если место не сырое. Дерево и лёгкое, и прямое, а при высыхании не гниёт даже в воде.

– Зачем тебе зимовье? – спросил Михаил, когда они завтракали. Старик дул на свою деревянную ложку, наполненную горячей похлёбкой, и лукаво посматривал на своего молодого ученика.

– Это не мне.

– Если не тебе, тогда кому?

– Тебе.

Михаил даже обжёгся. – Ты смеёшься? Нет, правда. Ты что, серьёзно?

– Вполне. Какие тут шутки, вон, сколько деревьев повалили. Это самое что ни на есть серьёзное дело.

– Объясни мне, я, правда, не пойму.

– У каждого охотника должно быть своё зимовье. Ты его построишь, и оно будет твоим.

– Но сюда могут прийти кто угодно. Китайцы, к примеру.

– Ну и что? Они, всё равно будут знать, что это зимовье твоё. И ты будешь знать, что у тебя есть своё место в тайге.

– Но когда я смогу сюда попасть? Ты знаешь, как долго я добирался до тебя? А тут ещё по лесу топать и топать. А вдруг я не смогу отыскать это место?

– Отыщешь. Никуда не денешься. Захочешь отыскать и

отыщешь. Главное, что ты сам построишь его. Помнишь, ты говорил о саженцах.

– Да, я не забыл тот сон.

– Ну вот, вырастут твои сыновья, и ты поведёшь их в лес, и они построят своё собственное зимовьё. Но кто их этому научит?

– Но может случиться так, что им будет не до того.

– А ты так не думай. Не ломай голову о будущем.

Старик оставил свою деревянную ложку в котелке и пошёл к брёвнам. – Кончай еду, иначе пузо лопнет. Или ты решил, что я за тебя построю твоё зимовьё. Как бы не так, паря. Вперёд, и с песней.

Весь день до вечерней зари, сделав лишь один перерыв, они валили деревья, торцевали по нужной длине, шкурили их, стягивали к месту будущего сруба. От работы с непривычки тряслись руки, ныла спина, но было очень приятно ощущать в теле незнакомое чувство, как будто тело наливалось, наполнялось земной силой. Делая короткие передышки, Михаил наблюдал за тем, как старик уже рубил пазы и чашки – места соединения торцов брёвен в углах сруба, по ходу дела объясняя основные тонкости такой работы. Временами он затягивал казачью песню, давая возможность подпевать и подхватывать начатый им куплет. К вечеру подтянули на место будущего сруба четыре листовых бревна, как выразился старик, для оклада.

– Этому дереву, Миша, чем сырее, тем лучше. Говорят,

что и Венеция стоит на лиственнице, хотя, откуда ей там взяться. Но наше зимовьё постоит. Уж на твой век хватит точно.

Время от времени меняя операции, Дед Тимофей объяснял, что этого можно было и не делать, и весь день рубить одни только чашки и пазы на всех брёвнах сразу. Но это скучно. Готовый поставленный венец возбуждает азарт, и даже меняет вокруг себя обстановку. И действительно, как только Михаил увидел прямоугольник основания будущей постройки, то почувствовал новый прилив силы и вдохновения, ему захотелось жить посреди этого первого венца, смотреть на него всякий раз. Это было сродни волшебству.

– А это и есть волшебство, – подтвердил старик, словно читая мысли своего помощника, – только простое, на него способен каждый. Дальше – больше. Постигая мир, мы лепим себя, обжигаем, как гончар свою посуду.

– Расскажи про постиги, – помнишь, ты начал тогда.

– Постиги, говоришь... Это то, что на себя тянут сверху, и в то же время, за счёт чего двигаются вперёд, наверх. А наверху что?

– Солнце, свет.

– Правильно, но не просто свет от солнца, а огонь. Светоносный. Он в каждом из нас должен возгореться. Потому и стяжение.

– Но с чего надо начать?

– А вот... Сначала дом, потом сыновья.

– Это я знаю, мне и отец так говорил.

– Правильно говорил. Но все на этом и останавливаются, а надо идти дальше, вернее выше, где жар. А жар там, где ты страх в себе побеждаешь, а это происходит через поступь. Поступки, преодоление собственных страхов. Когда в сердце страх, жалость к себе, туда не пустят.

– Но кто не пустит? Ты говоришь непонятно Тимофей, загадками.

– Ангелы не пустят. Они суть огонь, и приблизиться к ним может только тот, в ком есть свой жар. Но это не то, что хранится в сердце, а что исходит из него для других, как дар.

– Я тебя не пойму всё же. Ты интересно говоришь, но непонятно.

– Конечно, тебе всё на блюдечке подай, а ты сам додумайся. Я тебя в первый раз для чего брал?

– Поохотится.

– Ну, вот. Так чего же ты спрашиваешь?

– Значит, первая ступень постижения родитель, вторая – строитель, а потом охотник? Так что ли?

– Не высчитывай, жизнь не арифметика. Всё устроено сложнее, но кое-что ты усвоил. Главное, это не кто ты есть, а что ты преодолеваешь, и ради чего. Охотник преодолевает что?

– Страх, усталость...

– А ещё? Ну, поскреби в своих мозгах. Там обязательно что-то есть.

– Жадность.

– Вот. Мэру он постигает, как и строитель. А ты сейчас и есть строитель. Наш мир ведь тоже построен кем-то. Мэра во всём главное. Но её понять можно только в деле. Ну а после охотника что?

– Я знаю что, – тихо произнёс Михаил. – Он отчётливо увидел себя у той реки в Корее, когда выходил из воды с поднятыми руками, и видя перед собой стволы американских винтовок. – После охотника – солдат.

– Верно, только не солдат, а воин. И что рождается в человеке, когда он становится воином? Огонь! Раж! Жжение сердца. Где постижение, там и жжение. А после пепел и великодушие. Поэтому истинный воин, это не просто солдат, и должен нести свет. Призвание воина жертвенность, служение, до самозабвения.

– Ты воин?

– А ты? – спросил старик, не отрывая взгляда.

– Я не знаю.

– Врёшь! Знаешь, но боишься признаться в этом. Да это и не нужно.

– А что нужно? Нет, правда, что?

– А нужно, паря, спать ложиться. – Дед Тимофей заговорщицки мигнул и полез под свою старую армейскую шинель. – Спи, Миша, спи солдат. Наговоримся ещё, у нас уйма времени впереди.

На следующий день Михаил взял ружьё и пошёл искать

зверя, правда, дед Тимофей сказал ему просто побродить.

– Поброди, паря. Узнай свои будущие уголья. Всё, что вокруг теперь твоё. Привыкай. Незаметно место откроется, выпустит тебя, а увидишь чего, то не торопись. Сейчас весна, со зверя взять особенно нечего. Шкура да кости. Коза попадётся, стреляй, но не самку. По рожкам смотри. Чушку увидишь, лучше не пугай, у ней поросята, разбегутся, может не собрать, хотя зверь в лесу всё умнее нас. А медведя встретишь, будь осторожным, он ещё не наелся травы, может напугать. Но по возможности не стреляй, разве что край будет. Ты, главное, на хвост ему не наступи, а так, он тебя загодя услышит. Пугани его, он выстрела боится. Тигр тебя не тронет, о нём даже не думай. Он зверь умный, но ты тоже рот не разевай, смотри по сторонам, оглядывайся почаще, слушай, под ноги смотри. Где кровь увидишь, это его охота была, сразу обратно пяться, не спеши, эта бестия ни с кем не любит делиться. Если встанешь на её охотничью тропу, или, не дай бог, на место трапезы выскочишь, пеняй на себя. Давай, с богом, а я чашки буду рубить потихоньку. Для тебя эта наука пока тёмная, а мне в радость. Придёшь когда, второй венец положим.

К вечеру они положили ещё два венца, спланировав место для входной двери. Во всём просматривался объём и какая-то необъяснимая уютность. Незаметно обживалась и вся поляна, на которой почти вплотную к крутому склону сопки прижималось зимовье. Старик объяснил, что место обя-

зательно должно продуваться, но хотя бы с одной стороны у него должен быть тыл, защита, тогда сквозные ветра будут обходить зимовье стороной. Но если место будет глухим, и, тем более, рядом с водой, то сруб долго не простоит. Его или затопит во время летних дождей, или затянет наледью, когда зимние ручьи кипят. Что такое кипящие ручьи, Михаил знал по лагерному времени, когда по дороге на деляну они в санях со страхом проползали по многометровым ледяным полям, из которых паром выходила студёная жидкая каша. Провалиться в такую наледь зимой означало остаться без ног, если до тепла километры пути, пусть даже на тракторе.

Через неделю они подняли последний венец и заложили потолочные балки. В перерывах, когда Михаил бродил по окрестностям и знакомился со своими будущими угодьями, Дед Тимофей успел заготовить тонкоствольной древесины для самого потолка. Он был не настолько ровным, чтобы на нём можно было катать блины, как шутил старик, но приемлемым для таёжного быта. Сверху, для утепления потолка, они насыпали большой слой прошлогодних листьев, придавив их землёй. К тому времени, когда появилась крыша, Михаила уже не смущало, что в домике были земляные полы.

– Это паря не страшно, – объяснял дед. – Будет желание, ты можешь сделать и дощатые, да только кому оно надо в тайге. Мыши и так пролезут. А человеку важно, чтобы ветер не продувал, да сверху не лило. Вот печь, это другое дело. А пока мы из камня сложим топочку, утопим её поглуб-

же в землю, а дым под стеной пустим. Тяга под сопкой будь здоров, за дым не беспокойся, будет уходить как миленький. Этот очаг так, на крайний случай, когда задождит. Летом и на воздухе обойдёшься, костром.

Последней была кровля, покатая, односкатная, с наклоном на заднюю стену. Для этого они напилили листовых чурок, порубили их на ровные плахи, после чего большим тесаком дед настругал из них тонкой, но ровной дранки. Ею в несколько слоёв закрыли крышу, привалив дранку слоем мха. Проем окна дед заставил небольшими квадратными стёклами, до того лежащими, и ждущими своего часа на дне короба.

– Окно-то у нас тоже огненное получилось, смекаешь, Миша, о чём я?

Михаил интуитивно прикоснулся к своему нательному кресту, пытаясь додуматься до тайны сам. Никакого огня в нём он не обнаружил, и вопросительно уставился на старика. Его вопросы и загадки давно стали нормой их общения, но всякий раз дед Тимофей ставил Михаила в тупик.

– Ты ещё не понял свойств нашего языка, а поскольку теперь он и твой, то ты должен знать, что слово несёт огонь, и, стало быть, крест тоже огонь, это наше солнце. Отродясь было так. А значит это и свет. Знаешь, как называется инструмент, которым высекают искру? Кресало. Так что на твоей шее и в груди, а стало быть, и в сердце крест.

– А для чего же тогда носить крест, если всё внутри?

– Хороший вопрос, – усмехнулся старик. – Это паря долго объяснять, да и не поймёшь ты. Перепутано всё людьми, давно перепутано. Придёт время, всё распутается, а пока носи его, если не в тягость. Ведь хранил он тебя всё это время. Место касания его с телом всегда держи в уме, из него и свет выпускай.

– Но кого-то не сохранил крест.

– На всё воля божья, сынок, – с грустью в глазах сказал старик. – Ты это тоже со временем поймёшь. Давай-ка пока мхом займёмся. Щели в брёвнах хоть руку просовывай. Торопился я с пазами, боялся не успеть, но гляжу, укладываюсь. Нам ведь скоро обратно, время-то летит.

Однажды Михаил ушёл бродить один. Поднявшись ещё в предрассветных сумерках, он тихо собрался, сунул под язык последний кусок солонины, и пошёл уже найденной тропой, решив во чтобы то ни стало выследить зверя. Двумя днями раньше он напоролся на стадо свиней, но кто-то из охраны вовремя учуял его, и «обфышкал», как выражался дед. Тогда Михаил понял, что зверь в лесу, действительно, умней человека. Человека, но не охотника. Он заранее приметил гряду больших камней, под которыми расположилась дубовая роща. Всюду было видно рытьё, кабаны время от времени приходили и вспахивали землю, и хоть в ней уже вряд ли можно было отыскать прошлогодний желудь, дикие свиньи всякий раз возвращались, надеясь на поживу.

По совету старика, Михаил стал представлять, как дикие

свиньи сами идут к нему в гости. Сидя на камнях, охватывая взором всю поляну, на которой тесным порядком в глубину уходили молодые дубки, он вообразил большую дикую свинью, с которой однажды столкнулся на деляне, когда отбыл срок в лагере. Тогда зверь сильно напугал его, оставив в душе яркое впечатление. Этим впечатлением он и воспользовался, когда представлял свою будущую добычу. Занятие с воображением так захватило его, что он прозевал настоящий подход зверя. Опомнился он, когда под самым его носом, в пятнадцати метрах, роясь пятаком в рыхлой земле, стояла большая чёрная свинья. Вокруг шустро суетились маленькие полосатые поросята. Зрелище так взволновало, что он едва не выронил из рук ружьё. Стараясь не шевелиться, он стал высматривать будущую жертву, но никак не мог решить окончательно, кого выбрать. Поросята были слишком малы, а свинью убивать он не имел права. Он уже отчаялся, как вдруг заметил в глубине поляны молодого подсвинка. Скорее всего, это был прошлогодний поросёнок. Подсвинок тёмным пятном неподвижно стоял среди кустарника и как будто что-то чувал, готовый сорваться с места. Медлить было нельзя.

От выстрела поляна превратилась в ураган. Дым долго не давал понять, попал он или нет. Когда дым рассеялся, поляна была пустой, а на её краю дрыгался тот подсвинок. Михаил ещё раз прицелился и выстрелил, как учил дед Тимофей.

Он долго стоял в нерешительности перед своей жертвой.

Это была молодая свинья. Поняв это, Михаил смутился и даже немного расстроился, но потом успокоил себя тем, что никак не мог узнать такой тонкости. Азарт и вспышка восторга незаметно ушли, он немного посидел над своей добычей, а потом достал из котомки верёвку, туго перевязал челюсти жертвы, пропустив между ними край верёвки, как учил Тимофей, и, впрягшись в импровизированную упряжь, словно бурлак, поволок добычу домой.

– Ну, теперь ты настоящий охотник. Ну, молодца, молодца, – не мог успокоиться старик, осматривая зверя со всех сторон. – Такого борова завалил.

– Так ведь это чушка.

– Правда, что ли? А, и вправду, чушечка. Ну да ладно, ничего не попишешь. В этом возрасте они все одинаковы, так что не угнетай себя. Она для тебя пришла, понял? Другую matka отогнала бы, а эту нет. Это она для тебя её оставила.

– Но так не бывает!

– Хочешь, верь, хочешь, думай по своему, а добыча вот она, а табун целёхонький в лесу. Однако жируем, паря! Свинок-то потешить себя. Преснятина уже вот где стоит. Но каков же охотник! – продолжал выплёскивать восторги старик. – А ты что, привёл её, выходит? Сидел на камнях, и ждал? Ну, силён, молодец. Значит, освоил науку, понял как приваживать. У меня самого не всегда выходит, а в последнее время даже не пробую. Порадовал.

Михаилу стало неловко от похвалы старика. Она постави-

ла его в неловкое положение, но вместе с тем он неожиданно увидел в себе нечто напоминающее образ петуха, важного и самодовольного, расхаживающего вокруг своей добычи.

– Это паря гордость в тебя пробует пролезть, – после размышлений пояснил Тимофей, когда Михаил поделился впечатлением. – Хорошо, что ты увидел это в себе. Совсем её не прогонишь, да и не нужно, держи её ниже колен, а чтоб загнобить её, кукарекни несколько раз. Я не шучу. А то так и полезет вверх. Ты же петуха увидел.

– А если свинью увижу?

– Тогда хрюкни.

Дед Тимофей так заливисто рассмеялся, что заразил смехом и Михаила. На этот раз обошлись без хрюканья, но Михаил чётко осознал, что овладевает человеком в присутствии поверженной жертвы, и что надо делать, чтобы не заболеть гордыней.

Дед Тимофей был в ударе, казалось, он больше был рад удаче, чем сам Михаил. Разделявая тушу, он объяснял, как правильно и быстро это делать. Потом был дурманящий запах жареных потрохов и фантастическое по вкусу блюдо.

– Смотри не лопни, – шутил дед. – Ладно, сегодня праздник, ешь от пуза свою добычу, организм молодой, всё переварит. А мне уж хватит, жирная еда не делает меня здоровее.

Михаил поймал себя на догадке, что старик рассуждал так же как и Ли Вей. Это было и странно и понятно. У них было одно прошлое, и, возможно, общая школа выживания. В

этом путешествии он много узнал о Ли Вее, о том, что в действительности развело их в разные стороны.

Сидя у костра и накрывши плечи шинелью, старик вдруг заговорил о Ли Вее. Это было так неожиданно, что Михаил подумал о том, что Тимофей может читать мысли.

... – Ох, лиса же этот твой Ли Вей. Ох и лис... – Он же на оба фронта работать умудрялся, – произнёс дед Тимофей, усмехаясь самому себе.

– Это как? Расскажи. Почему ты так сказал? Лис... Это так похоже на него, но раньше я так не думал. Расскажи.

Некоторое время Тимофей молчал, отстранённо смотря куда-то в пустоту, всё так же усмехаясь:

– Был такой офицер, ещё до переворота, революции, то бишь. Ротмистр, Шварц его фамилия была. Вячеслав Аркадьевич Шварц.

– Ты так сказал, словно он твоим командиром был.

– Так оно и было, – недовольно пробурчал Тимофей.

– Ротмистр, это кто будет по-нашему? – непринуждённо снова спросил Михаил.

– Не знаю как по-вашему, а по-нашему это вроде есаула, если хочешь, полковник. Вот с ним наш Иван имел дело.

– Какое дело?

– Обычное. Шпионское.

– Но как такое вышло? Он же простой китаец.

– Оно и надо было, чтобы китаец. Шварц разведкой руководил во время русско-японской войны, сотней командовал

особой.

– И ты в его сотне был?

Тимофей нехотя кивнул: – Угадал.

– Особая, значит в диверсионные рейды ходили, в тыл врага.

– Именно так. Неплохо, гляжу, тебя подковали.

– Ну а дальше что было?

– Дальше... Про хунхузов, надеюсь, слышал. Вот с ними Шварц и сотрудничал во время войны, и внедрил в один их отряд Ивана.

– Мне всё же не понятно, откуда он знал какого-то китайца.

– Да... Въедливый ты Миха, и впрямь разведчик. Верно, простой китаец, к тому же ещё молодой, сопляк, такой и за версту к казакам не подойдёт. Он ведь и помладше меня будет. Тут копать вглубь надо, ворошить прошлое, а в нём немало нелицеприятного. – Тимофей тяжело вздохнул, потом поднялся над костром, словно распрямляя некогда могучее молодое тело, вызывая в нём память прожитых непростых лет. – На КВЖД я с ним встретился, там первую службу проходил. Нас из Забайкалья пригнали для охраны железной дороги, а он в найме был. Да китайцев там пруд пруди было. Но Ли выделялся. Любопытный он, душевный, что ли, к русским тянуло его. А ещё и крестик его приметил, так и сблизила судьба незаметно. На коне курсируешь вдоль полотна, а китайцы все чернющщи, что негры, рельсы тянут,

молча, искоса поглядывают, побаиваются, про себя гыр гыр, лопочут, а что, сам чёрт не разберёт. А тут Иван. Он же язык знал русский, говорил чисто, что брат родной, но гортанно, по своему, его потом переводчиком поставили. В общем, в гору пошёл. Мы всё строительство охраняли, а там же воровство было. Хунхузов попугивали, чтоб неповадно было. На роздыхе, когда никогда веселье устроим, пляшем, гудим показачьи. Он шибко наши песни любил. Потом уже случайно в Маньчжурии встретились, когда война с вашим братом началась, с японцем. – Михаил лукаво улыбнулся, но под пристальным взглядом старика опустил голову.

– Кровь то все проливали, Миша, так что оставь ухмылки. Ну так вот... Он же корнем промышлял, женьшенем, местность знал отменно, и с хунхузами имел связь, потому лис был ещё тот. Его и порекомендовал я Шварцу, когда прижали нас японцы в девятьсот пятом. А тому где узкоглазого взять? Так просто не сыщешь, нужен свой человек, надёжный, и чтоб с головой. Русского к хунхузам посылать, это что на гибель. Иван подходил, но согласился не сразу. А как в роль вошёл, то уж всё. Он вроде курьера был.

– И русские с ними сотрудничали, с хунхузами?

– Именно так и было. Выглядит нелицеприятно, но у войны свои законы. Тут не попишешь. Волка, конечно, на привязи не удержишь, а хунхузы что волки, им всё равно, чью кровь пускать, и от денег они не отказывались. Отвернёшься, а они уже украли что-нибудь.

– Они же грабили простых людей, в рабство забирали. И русских тоже.

– На то они и хунхузы, верно. Русские для них были врагами. Но на тот момент враг один был.

– Наши? Ой, я хотел сказать японцы?

Тимофей заливисто рассмеялся, и так хлопнул Михаила по плечу, что тот едва не повалился на землю.

– Точно! Ваши, а то чьи ещё? Брось Миха, всё я понимаю. Ты как собака посреди двух дворов, и от обоих кости летят, а служит тому, кого цепь короче. Ладно, не бери на свой счёт. Ну конечно, японцы. Война же шла, и Ваня всё это понимал, хоть и в России жил. Вот Шварц его и стал использовать как шпиона. Хунхузам, тем кровь японскую пустить не грех, поэтому Шварц имел с ними договор, и платил им за набеги, за языков, которых хунхузы для него ловили, японцев, то бишь. В тихоря оружие подкидывал, не самое хорошее, в основном патроны для наших трёхлинеек. Они у хунхузов ценились, а без патронов сам понимаешь... Бывало и сам вместе с ними в японские тылы ходил, смерти Шварц не боялся. Но для меня его подвиги, честно скажу, не по душе были, хотя, сделал он много полезного, и казаков берёт. Был в округе среди хунхузов главарь, Туньян. Известной был личностью. Держал в страхе всю Маньчжурию, многие его боялись. И с виду так себе, не сказать что богатырь, но взглянет... Душа в пятки ползёт. Сам видел раз его, другого такого поискать. Страха не знал, в отряде дисциплину держал строгую, а за наруше-

ние устава голову рубил. Да ещё и тому, кто заручался, чтобы неповадно было. Правило у хунхузов было, за новичка поручаться. Вот с этим Туньяном наш Ваня имел связь. К нему, разумеется, не особо с доверием, но тоже полезный, языком же владел русским, ну и местность хорошо знал. Как-то обоз захватили японский, ну и взяли языка, офицерику, а тот откупаться стал, со страху видать. Хунхузы-то на деньги падки, на то и разбойники. Японец решил перехитрить хунхузов, но Туньян его раскусил, и за обман решил казнить, Шварцу не отдавать. А разговор у них простой – голову с плеч. Но тянул до последнего, и Иван решил этим воспользоваться, ну и выкрал его, к русским притащил.

– Риск не оправдан, – вставил Михаил. – Он же всё задание рушит.

– Может и так, тебе как разведчику виднее, но кому как не ему было решать тогда. Совет спросить не у кого. Разве что у Туньяна, – возразил Тимофей. А японец тот много знал, полезен оказался для нашей разведки, но после того случая возвращаться в банду было, конечно, нельзя. Туньян бы не простил. Да он и не простил. Но это уже потом было, когда большевики, красные то бишь, отряды из китайцев собирать стали, для борьбы с контрой.

– Ты так странно говоришь об этом, дед Тимофей. Словно тебя это не касалось.

– Да что там... Касалось всех, но сейчас это уже ни чего не значит. А тогда ножом по сердцу. Никто их не притес-

нял, китайцев-то. Но видать их роль была такой на тот момент. – Тимофей с силой сжал скулы, словно сдерживая поток нелестной брани. – Не будем об этом.

– Что потом было, с Ли Веем?

– С Ваней-то? Это как верёвочка не вейся, а конец будет. Хотя, верёвочка та длинной была. – Неожиданно Тимофей снова уставил взгляд на Михаила, при этом лицо его выдавало искреннее удивление. – Странно всё, ей богу, чудно выходит.

– Что чудно, Тимофей? – взволнованно спросил Михаил.

– Чудно, – чувственно произнёс старик, покачивая головой. Снова возникла пауза, по которой уже было понятно, что Тимофей собирает прошлые события в единую нить. – Был в Маньчжурии, это уже после войны сразу, с японцами, такой главарь у хунхузов, Шан Сюдун. О нём долго говорили тогда, даже писали в газетах. Тот почти все шайки хунхузов в узде держал по Маньчжурии, но местное население его уважало. Я про самих китайцев имею в виду. К нам он не часто заходил в Россию, но бывало. Белым маленьким драконом его прозвали. Шибко хваткий был, дерзкий до отчаяния, страха не знал. Дак вот Миша...

– Ли Вей к нему в отряд попал?

– Погоди ты впереди лошади бежать. Попал, но я не о том хотел сказать. Этот Шан Сюдун, Миша, японцем был. И пришёл он в Маньчжурию, когда ему семнадцать лет было, как бывает, начитавшись книжек про разбойников. – Теперь

уловил?

– И что с ним стало? – едва сдерживая волнение спросил Михаил.

– Когда он появился в Китае, точнее в Маньчжурии, то, как водится, попал в плен к хунхузам, а там за него выкуп потребовали за жизнь. Но парень был из небогатых, и пожелал, чтобы его казнили, и не теряли зря времени. И так легко всё у него получилось, что хунхузы прониклись его бесстрашию, и не стали убивать, а просто предложили войти в банду. Так он стал разбойником, и вскоре превратился в грозного атамана. До самых японцев этот Сюдун куролесил, а когда те пришли в Маньчжурию в тридцать первом, понял, что время лесных бандитов прошло. Своих-то он не трогал, японцев, как говорится, ворон ворону глаз не выклюет, даже сотрудничал. Тут наш Ваня и оказался кстати. Так-то завернуло его судьба. Он ведь с самой войны умудрялся информацией снабжать наших. Те ему тоже подкидывали, для хунхузов, что негоже и на правду похоже. А Сюдун же японец, он, что Ваня на хвосте приносил, на лисьем, своим передавал, японцам-то. Усекаешь, какую игру вёл наш Ваня. Потом, когда в России власть поменялась, на большевиков стал работать, у него легко это получилось, гибкий, лисья его шкура. – Который раз произнесённая окраска Ли Вея вызвала общий смех, но потом старик снова замолчал. Молчал и Михаил, переваривая услышанное, казавшееся невероятным.

– Он же как я, получается, Белый дракон, – не скрывая

волнения возник в тишине Михаил. – Но так не бывает, я хочу сказать, что это невероятно.

– То-то и оно, что было. – Тимофей закрыл глаза, потом вдруг затянул песню, какой Михаил ещё не слышал, хотя затягивал старик частенько. То были протяжные, и порой совершенно не понятные по смыслу казачьи песни, и, как правило, грустные, от которых частенько перехватывало горло. Эта песня тянулась долго, наверное, около часа, и за это время Михаил успел сходить на ручей за водой, откуда в ночной тишине хорошо были слышны переливы Тимофеевского голоса. Когда Михаил спросил о чём песня, то ответ был до удивления коротким. О странствии казака по чужой земле. Слова были так произнесены, что у Михаила неожиданно перехватило дыхание и вышли слёзы. Он захотел остановить этот приступ, но последовал ещё больший наплыв эмоций, и его затопило жаром до самого сердца. Слёзы полились рекой, и остановить их уже не было ни какой возможности, да и желания.

– Прости ты меня Тимофей, прости, – плакал, уткнувшись в шинель старика Михаил, а слёзы всё шли и шли.

– Ничего паря, это к хорошему, это очищение в тебе. В тебе память по дому проснулась, известное дело. А тут ещё и эта песня. Вот тебя и прорвало. Ты как тот казак, плутаешь по бескрайней земле, и нигде тебе нет приюта. Только конь верный, да небо над головой, и бескрайняя дорога. Не тужи Миша, ты не один на этой земле, все наши дороги сливаются

ся в одну, к богу, там все души встречаются. Однако давай на сегодня остановимся. Прошлое от нас никуда не денется, когда будет позволение, поведаю тебе остальное. Спи Миша, а то и мне тяжело на сердце. Пусть отдохнёт.

Весь следующий день они занимались мхом, пробивая пазы сруба большими колотушками. Но это занятие было половиной дела. Пробив пазы, они стали затирать их глиной вперемешку с илом, которую до этого нанесли с ручья: – Птички, – пояснил старик. – Всё растащут на гнёзда, такая у них страсть, – весело объяснял Тимофей, временами усаживаясь на брёвнышко и выпуская пар из под одежды. В его годы такая работа давалась не просто, но начатое уже бросать было нельзя. Когда небо стянуло покрывалом ночи, и над поляной распластался звёздный ковёр, Тимофей без прелюдии продолжил вчерашний разговор.

– У этого Сюдуну, когда он сдавался японцам... уже целая армия была, тысяч семьдесят в его подчинении было, хунхузов-то, но поскольку японцев они не трогали, и главарь их, атаман, с разведкой ихней сотрудничал...

– Ли Вей тоже с ним был? – перебил Михаил.

– Ещё как был, я же говорю, что он на два фронта работал. И всюду умудрялся выкручиваться. Так вот, этот Шан Сюдун со всей оравой, а к тому моменту он же успел окитается, китайцем стал, и денег награть, переселился куда-то на юг. Всё за его счёт происходило. Думаю, что и Ваня не бедным остался после этого великого исхода. Полагаю, что дорожка

его петлёй тянулась в ту сторону, но однако же не затянулась.

– Ли Вей ушёл с ним?

– Да, – коротко закончил Тимофей. Но история их общего друга на этом не заканчивалась, точнее, в ней были белые пятна, о которых Тимофей рассказывал уже от своего лица.

... – Встретились мы однажды в одном селе, где они рейд делали, случайно. Это когда революция гремела вовсю. Командиром у них жид был, еврей то бишь, фамилию не помню. Настроил их как надо против казаков. Лютовали известно. Несколько наших расстреляли, хоть они и нейтральные были, девок молодых понасиловали. Потом решили постоять, на роздых, продуктов им надо было раздобыть, отряд у них большой был, сотни две набиралось, а к тому времени голод начинался в округе, всё же пограблено было, красными, белыми. Я тогда смог уйти из села только благодаря Ивану, в тайге у меня балаган был, там и жену прятал. Уходить-то давно собирался из России, но что-то держало, и тут этот отряд. До сих пор не возьму в толк, что там Иван делал? А потом хунхузы нагрянули, и тут настоящая чехорда началась. Тот самый Туньян, и человек триста до зубов вооружённых хунхузов. А вояки были уже матёрые, с опытом, тактику знали, у них даже пушка была небольшая, пулемёт английский. Полагаю, что у хунхузов свой человек был в отряде краснопузых, почему так всё сложилось. А там же кого только не было, в отряде красных. И корейцы, и казахи, даже белочехи. А воевать-то не шибко умели, только граби-

ли. Хунхузы их в момент одолели, врасплох застали. Первым того жида обезглавили, потом белочехов, ну и ещё пару человек из корейцев. А китайцам предложили перейти в отряд к хунхузам. Теперь понимаешь, что творилось тогда?

– Мне страшно, Тимофей.

– А каково нам было тогда? Без царя, без армии, и все крестьяне против нас, казаков. Врагами мы в их глазах уже были, жандармами. Но да бог им судья, ты слушай дальше. Ивана Туньян конечно узнал. Не успел тот улизнуть вовремя, и попал. Решили показательный суд устроить. К дереву привязали, чтоб не сбежал, а с руками связанными его так мошка на вечерней зорьке заела... Всё лицо что волдырь было. Думаю, что на всю жизнь осталось. Пришлось мне всю ночь в засаде ждать, пока все улеглись. Под утро часового уложил, спящего. Так и уволок на себе, ноги-то у него тоже связанными были, уж чёрные.

– Вы тогда крестами обменялись?

– Позже. Уже в Китае. Тогда он со мной ушёл, в Китай, а потом снова к Сюйдуну подался. Тогда я ни как не мог понять, для чего он это сделал, и что их связывало. А вот с твоего рассказа всё складывается. Но почему он вернулся тогда, во время революции? С красными связался... Ведь если бы не он тогда, то меня бы первого каратели к стенке поставили. На всё, видать, божья воля, и потому тогда я ему не перечил. Вольному воля. Но на прощание крестами обменялись. Однако же как обернулось. Разведчиком стал.

– Мне рассказывали про корейские карательные отряды. Значит, это правда? – перебил Михаил, неожиданно вспомнив рассказ Андрея Кима про своего отца.

– Что было, то было, – кивнул Тимофей. Народ легко с пути сбаламутить. Морковкой красной помахал перед носом, он и повёлся. Страшно было, особенно после таких вот красных отрядов. Кровили они повсюду. Казакам, тем особенно досталось, они до последу не принимали новой власти, метались меж теми и этими. Выживали как могли. А сколько их за Семёновым подалось за Хинган... Тысячи. Они же всё бросали, голыми уходили, в степь. Их потом и там достали, все в наших лагерях оказались. Но тебе лучше не знать этого. Сейчас-то другой порядок, плохой ли, хороший, это кому как, но всё же порядок. Русского человека всегда надо в узде держать, в чувствах он меры не знает. А тогда против русских все были, и чехи, и немцы. Чехов знаешь, сколько было здесь? Тьма. Эшелонами катали по всей Сибири и Приморью. Тоже крови пролили нашей, что будь здоров. Китайцы, корейцы, японцы, поляки, чехи... Ими пользовались, и не более. Для чего только кровь нужна была наша? Столько крови. Это собрать всю, так земля красной стала бы.

– Ты ушёл всей семьёй? Где твои дети? – Михаил поймал растерянный взгляд старика, и понял, что вопрос этот неуместен. Глаза Тимофея блеснули в свете костра, старик отвернулся и долго молчал. Михаил уже думал поменять тему, но Тимофей перебил его.

– Один я Миша на этой земле остался. Сыновья мои... двое их было. Савелий и Петро.

– Что с ними стало? Они живы? Где они? – Михаил почувствовал, как сковало его горло.

Голос старика стал едва слышным, руки плетями опустились к земле, выдавая в теле полную апатию и равнодушие к жизни. – Погибли они, в одном бою. Оба. Петро-то старший был, моих взглядов придерживался, большевиков ненавидел. А Савка, тот шельмец, к красным подался. За равноправие ратовал, свободы желал. Никому ничего не сказал, ночью взял и ушёл в партизанский отряд. Здесь их полно было, до самого Хабаровска, когда власть из рук в руки переходила. Красный орёл, отряд ихний назывался. Под Вяземской отсиживались в тайге. Станица такая недалеко от Хабаровска есть. Туда вся голыдьба казачья сбежалась. И мой примкнул. Тут Миша и мстить некому. Может так вышло, что они пулями в том бою обменялись. И кого мне судить, скажи?

– Прости ты меня, я не знал.

– Не извиняйся. Всё в прошлом, сгорело, высохло. Никто не знает, как у них судьба после сложилась бы. Война, лагерь... Одно горе, что я сам жить остался. А всё остальное уже не в счёт. Так что не вини, ни себя, ни кого. Надо жить, людям помогать, сколько бы не осталось дней. Прости нас господи, и сохрани от ненависти.

Подсоленное кабанье мясо хранили в ручье, для чего дед Тимофей смастерил небольшой коробок из свежей берёзовой коры, куда не попадала вода, в нём мясо не соприкасалось с потоком и держалось в прохладе. Запасов его могло хватить надолго, но часто есть его дед не советовал, сам предпочитая питаться зеленью. Для этого он каждый вечер, пробегал по солнечным склонам, выискивая дикий чеснок, папоротник и прочую молодую траву.

– Зеленью не брезгуй паря, в ней силы куда больше чем в мясе, вот жирком можешь побаловаться, жир солнечную природу имеет, с ним и легко и тепло, – учил старик. Михаил недоумевал от таких выводов. – А ты смекни, – настаивал дед. – Что предпочитает зверь? Косуля, изюбрь, то понятно, травоядные. А возьми медведя или кабана. Коренья, шишку они едят, спору нет, но только в осени, или ранней весной, когда травы нет. А всё лето они на зелени. А силы в их сколько, скажи? О... Прорва силы. Тигр он ведь тоже не дурак, травоядными питаться, через их мясо он ту же зелёнку и есть. Мясо его хоть и сладкое, но вредное для человека, а травоядное, хоть и с горчиной, но с пользой, потому что в нём сила травы. А что в траве? Не знаешь?

– Солнце.

– То-то брат, свет. В листьях, в траве, везде свет, его через растения мы и потребляем, только не задумываемся. Ты ешь, ешь мяско, от молодого поросёнка он сочное, но заедай травой почаще, тогда и сила в тебе будет как в медведе, и

лёгкость как в косуле.

Уроки Тимофея не проходили даром, к концу второй недели Михаил и сам понял, что сидя на одном мясе далеко не уйдёшь. Наевшись его с вечера на утро он просыпался тяжёлым, с опухшими глазами, а после зелёных добавок и спалось крепко, и работалось легко.

Сруб уже готов был к новоселью, оставалось лишь соорудить дверь и пазованные вертикальные брусья, «для удержу стен», как выразился старик. Каждое его слово или выражение носило строгий вымеренный временем характер, и точно отвечало цели изделия. – Ты на что будешь дверь навешивать, если не будет коробки? На сопли? За такое не то, что засмеют, спялят твой дом. Делай правильно всё.

– А как правильно? – не унимался Михаил, понимая, что спорить бесполезно, но «подёргать за усы» старика самое время.

– Сядь и подумай, раскинь воображением. Одной мысли, может, и недостаточно быть, так ты поспрашивай людей, так, невзначай, чтобы в них важность не разыгралась. В непринуждённости человек тебе многое поведаёт. А нет кого рядом, то собери разные свои идеи, не цепляйся за первую. Взвесь, тогда к тебе ответ и придёт, самый правильный, он же и короткий, потому что ошибки ты избежишь. Это и есть житейская мудрость. Навесим дверь, тогда и зайдем. А пока небо чистое... Глянь как вокруг прозрачно. Такое только осенью бывает, в бабье лето, да в мае. Хорошее время, благодатное,

ни гнуса тебе, ни холодов, ни жары. Эх, кабы так всегда было.
– Жаль.

– А ты не жалеяй. Наоборот перекрестись, что смена у нас резкая времён. От этого дух закаляется. Видел я негров в Африке. Не удивляйся. Я мир повидать успел. Хоть и здоровы телом, а духу никакого. Тряхнёшь хорошенько, он и сыпется. Не то, что северный человек, он кремень. На тебя вон гляжу. Ведь не сшибёшь, хоть и ростом невелик. А ты говоришь, жаль.

Наконец, старик сказал: «Пора». Они впервые ночевали под крышей на большом глинобитном топчане, под которым дед Тимофей протянул дымоход, выпустив его под стеной наружу. Там он в трёх метрах сложил из камней подобие трубы для тяги, и, протопив каменку с вечера, они спали в зимовье в тепле и покое. Поднявшись рано утром, Тимофей пихнул Михаила в бок. – Вставай Миша, в дорогу надо собираться. Пора. Ночку переночевали в доме, и в путь.

Сборы были недолгими и без разговоров, каждый был занят своим делом. Остатки подсоленной кабанины уже лежали на дне всё того же короба на свежей зелёной траве. Часть инструмента перекочевало на плечи деда Тимофея. Старик хоть был и седым, но далеко не немощным, хотя, в пути частенько останавливался, чтобы перевести дух и дать отдых стопам. Сняв сапоги и вытряхнув портянки, он несколько минут ходил босой по свежей траве, набираясь от земли силы, так он говорил. То же заставлял делать и Михаила. Да-

же после небольшого такого отдыха шагать было и легче и веселее.

Они возвращались другим путём. Вторую половину пути шли не сопками, а широкой просторной долиной. Старая лесовозная дорога петляла по ней, иногда цепляя пологие склоны сопки и огибая мокрые места, где можно было увязнуть по самые колени. Места, знакомые до боли, уже не вызывали трагических воспоминаний; время всё загладило, стёрло. Вышагивая по затянутой колее, Михаил уже не видел себя среди заключённых, он просто шёл, и слушал деда Тимофея, они уже никого не выслеживали, лишь временами останавливаясь, и оглядывая пространство вокруг. На последнем привале они оказались напротив странного места. Недалеко, всего в километре от них, уцепившись за крутой склон большого ряжа, возвышалось непонятное не то строение, не то творение природы, напоминавшее замок.

– Замок и есть, – спокойно подтвердил дед Тимофей. – Здесь и не такое можно встретить. Сперва кажется, что это проделки природы. Я тоже поначалу так думал, но потом понял что это человек.

– Но человек не может такое сотворить! Разве что великан.

– Вот они и сотворили.

– Но разве великаны были?

– Если о них столько сказок, то выходит, были. Сказки из воздуха не сочинить.

– Почему Россия такая большая? – спросил Михаил, продолжая разглядывать замок. – Неужели русским больше всех надо?

Тимофей надолго ушёл в себя. Михаил знал, что этот вопрос он так не оставит.

– Земля наша, а облака божьи. Так говорили казаки, – произнёс Тимофей странно и задумчиво. – Если ты хочешь знать, почему нам принадлежит столько земли, то спроси сначала себя, что ты сам здесь делаешь.

– Я? С Тобой? Здесь?

– Нет, в России.

– Ты говоришь о Советском Союзе? Ведь он больше чем Россия, не так ли.

– Не так. Россия больше чем весь твой Советский Союз.

– Но как такое может быть? Ведь на карте...

– Твоя карта врёт. И нам не надо больше всех.

– Но посмотри вокруг. Здесь раньше не было русских, здесь жили другие народы.

– А до них, до этих народов, кто жил? – Вопрос старика был неожиданным настолько, что Михаил растерялся.

– Ты намекаешь на то, что ещё раньше здесь жили русские?

– Я не намекаю, а знаю. Было бы больше времени, отвёл бы тебя на городище, ему лет не знаю даже сколько. Топор мой, колунок, как раз оттуда. Такой и под Новгородом, и в Вятке можно увидеть. Откуда он здесь? Там такого добра не

разгрести. Ведь кто-то его оставил после себя.

– Я не хочу с тобой спорить, но я читал историю вашей страны.

– То-то что вашей... – Старик молча поднялся, взвалил котомку и тяжело побрёл в направлении поселка. Оставалось несколько километров. Весь путь до дома он промолчал, и даже ни разу не взглянул в сторону Михаила. Тот плёлся позади, с каждым шагом всё сильнее ощущая тяжесть своей ноши, в то же время, осознавая, что в разговоре произошло что-то неприятное. Он несколько раз порывался наладить разговор, но всякий раз терял нужную фразу. Так они прошли мимо последних развалин бывшей лагерной зоны, миновали посёлок, где в нескольких бараках ютились китайские старатели. Их было около сотни, загорелых, с бронзовыми лицами, в одинаковых одеждах, с косами на бритых головах. Они промышляли лекарственными растениями, сдавая их в специальный пункт, и, конечно, зверем, получая и мясо для еды, и целебные части, о которых говорил дед Тимофей. Провожая их взглядом, Михаил почувствовал непреодолимую пропасть, между собой и этими людьми. Это было странным, ведь он тоже был азиатом. Но, несмотря на это, ничего близкого и понятного для себя в них он не чувствовал. Даже в лагере его тянуло не к людям своей расы, а к русским. Почему было так, он не мог понять, на этот вопрос у него не было ответа. Он краем глаза посмотрел на старика, и, несмотря на то, что между ними возникла заминка, от

него по-прежнему исходило тепло, и весь он был понятен и близок. Что-то из незавершённого разговора ожило в его сознании, и Михаил подумал, что нащупал что-то очень важное, но в то же время сложное для его понимания. Он твёрдо решил вернуть этот разговор, понимая, что это для него необычайно важно.

К дому они добрались уже в сумерках уставшие и без настроения. В хлопотах они дождались ночи, Старик по-прежнему молчал, а Михаил всё ещё не знал, как начать разговор.

– Хватит ломать голову, – сказал дед Тимофей, укладываюсь на своей лежанке. Утро вечера мудренее.

– Нет, не хватит, – заупрямился Михаил. – Я знаю, что ты не договариваешь.

– Ты всё о том. У медведя все песни про мёд.

– Я не пойму, при чём тут медведь.

– Ну, ты же Мишка, медведь.

Михаил рассмеялся. Старик и здесь перехитрил его. Михаил вспомнил слова Ли Вея, о том, что Тимофей весёлый человек. Это было не совсем так, поскольку попусту он не смеялся, но мог в любую минуту тронуть нужную струну души собеседника, как в это мгновение. Михаил с облегчением вздохнул.

– Ты имеешь ввиду, что все русским завидуют?

– А то... И каждый норовит обмануть, умыкнуть, урвать. А не выходит. Кишка тонка. Только зубы ломают.

– У русских кишка не тонкая?

– Кишка тут не главное Миша. Как ты не поймёшь? Если земля твоя. Казаку не зря говорила мать, когда он в поход уходил. Земля твоя. Крестила его, светом его накрывала, защитой небесной. И казак шёл за тридевять земель. Испокон веков уходил, в сказках всё об этом есть. И не возвращался уже обратно. Ну что, не дошло ещё? Эх ты. Да тот самурай, что мне спину перекрестил, и был казаком. Предки его были казаками, но ушли так давно, что потомки забыли их. Теперь понял?

– Вся земля раньше принадлежала казакам?

– Вот голова садовая. Да причём тут казаки?

– Но ты же только что сказал... – недоумевал Михаил.

– Казаки, к какому народу ближе всего?

– К русскому, наверное. Вся земля русской была? Но почему?

– А кто её освещать светом будет? Кто хранить её будет? Дураков и уродов в любой семье хватает, но святых не в каждой. Это Миша не привилегия, не подарок – быть русским. Это великая ответственность, бремя. Взвалишь и не опустить. Ты вон, пронёс поросёнка, так это всего лишь поросёнок, и то, бросить жалко. А какво дитё нести, или раненого на войне. А если людей за собой вести, держать мир? Не мы владеем, но через нас творец наш лелеет эту землю, и людей. Мы его руки и глаза. Поймёшь это, тогда никому не будешь завидовать, чем бы он ни владел. У каждого народа свой крест, и своя стезя-дорога. Всё это служение. Понял?

После этих слов для Михаила вдруг стало понятно, почему он оказался в Корее, почему китайцы так стремились показать свой героизм, застилая своими телами корейские горы, в холод, впроголодь, не жалея жизней, и почему те же корейцы так безропотно сносили унижение, или с надеждой смотрели на русских и китайцев, и даже на американцев.

– Корея тоже Россия? – спросил Михаил, по-прежнему не уверенный в словах старика.

– Всяк живёт и берёт по своим силам.

– А где их брать, силы?

– А где берёт растение? Зверь? Птица?

– В солнце?

– Из света сила.

– Прости меня, Тимофей.

– За что?

– За тупость.

Старик рассмеялся, потом кряхтя поднялся с лежанки, и мягко похлопал Михаила по плечу.

Они ещё долго говорили о России, о том времени, которое дед Тимофей представлял себе, когда на земле жили великаны, и о том будущем, когда на землю должна была вернуться гармония и любовь. Шипел забытый на плите чугунок, а они всё говорили и говорили. Это был их последний душевный разговор, за которым пролетела как одно мгновение ночь.

«Спасибо тебе дед Тимофей за твою сокровенную тайну, и за щедрость сердца».

Погружение в Россию.

Илья Ильич сидел рядом с письменным столом, как обычно, закинув ногу на ногу, и читал объяснительную, написанную наспех Михаилом. Дело в том, что за время отпуска его не раз пытались отыскать, но не находили дома. Конечно, Вязов догадывался, где мог пропадать подчинённый, а потому во время чтения объяснительной лишь молча кивал. Главным условием прощения было полное описание со всеми подробностями дел и разговоров, в которых участвовал Михаил. Он хорошо знал, что эта филькина грамота не будет подшиваться ни в какое дело, и необходима лишь с точки зрения воспитания. Другой целью была банальная тренировка памяти и способности излагать всё кратко и в то же время максимально детально. Сочинение уместилось на десяти рукописных страницах, и, дочитав последнюю, Вязов грустными глазами посмотрел в окно и вздохнул.

– Значит, всё философствует Тимофей.

– Вы знали его?

– Слышал, – уклончиво ответил Вязов. Ладно, вот лист, напиши коротко, что ностальгия по прошлому заела, решил старые места лагерные повидать. Это поймут. Ты ведь не держишь зла на прошлое своё? Ну, вот и славно. Потом прихворал, у местного жителя отлёживался. Только сильно не расписывай. Не думаю, что тебя захотят наказать сильно. Под

домашним арестом пару деньков посидишь, отоспишься.

– Но ведь отпуск же, Илья Ильич.

– Сколько раз учил тебя. Ты человек службы, всегда под рукой быть должен. Мало ли что. Пока ты неизвестно где, в мире всё что угодно может случиться. А ты должен по первому сигналу в бой.

– Как собака? На коротком поводке.

– Вроде того. Только скулить не надо. Ладно, всё это так, к делу не относится. Не знаю, чему тебя в тайге учил ещё Тимофей, но всё это слова, а нам нужна практика, дело. Без него разведчик зарастает мхом, и превращается во что?

– В труху.

– Правильно. Вижу, что русский ты освоил в полном объёме, а на сегодняшней момент для тебя это главное.

Михаил глубоко вздохнул.

– Вот именно. Кореи пока не ожидается, с Китаем тоже, пока, мир на все времена. Но сидеть нам никто не позволит. Будем работать дома, в России.

– А что больше, Илья Ильич. Советский Союз или Россия?

Вязов оглянулся на приоткрытую дверь, потом встал и плотно её закрыл. Он покрутил у виска, давая понять, что о таком спрашивать нельзя. Его ответ был понятен.

– Конечно, Советский Союз, – важно ответил Вязов, поглядывая в угол кабинета, словно там прятался шпион.

– Я так тоже думаю, – подтвердил Михаил улыбаясь. По-

том Вязов покачал головой и вздохнул. «Дурак», – понял Михаил красноречивый жест начальника, и повинно опустил голову.

Из последующего разговора он узнал, что целью его будущих командировок в ближайшие два-три года станет русская глубинка.

– В стране идут преобразования, Михаил. Мы обязаны быть в курсе всего, что происходит вокруг. На заводах, фабриках, на улицах, везде. Понимаешь? Мы должны быть в курсе, чем живут наши люди, чему радуются, на что засматриваются, чему не верят. Это важно. Это не слежка, а наблюдение, на основе чего будут делаться выводы. В этом основа нашей безопасности, быть в курсе того, что происходит у нас дома. Надеюсь тебе понятно? Общая картина внутри отдельного объекта. Если в ходе наблюдения возникают вопросы, то проводится более детальное наблюдение. Так что всё зависит от тебя. Вот список адресов, где не всё, как нам кажется, в порядке. Нет, разумеется, там порядок, – Вязов многозначительно повёл глазами под потолком, – но мы должны быть в этом уверенны на все сто. Понял?

– Не совсем.

– Правильно отвечаешь. Это только часть дела. Ты ведь не только шпион, ты военный человек, универсал. Наш враг, Миша, не спит, и мы спать не должны. Поэтому особым вопросом для тебя будет безопасность объекта.

– Мне охранять придётся? – воскликнул Михаил.

– Нет, что ты. Твоя задача сложнее. Пока шла война, всё охранялось как надо, обстановка того требовала. Система постов, ограждений, режимность...

– Я понял.

– Не мог не понять. Свежий сторонний взгляд... Ты видишь всё как есть. Люди привыкают к мирной жизни, и система постепенно приходит в негодность, любая. Но по инерции всё ещё продолжает функционировать, и это самое опасное. Видимость. Нашему брату, как видишь, работы хватает.

– Но почему именно я?

– Тебе будет полезно, да и не простой ты парень, Ван Куан Ли. Всё, хватит языком трепать, пора и за дело браться.

Следующую неделю Михаил сидел под домашним арестом, и просматривал горы старых и свежих газет, читал книги, которые по его просьбе приносил курьер из архива и городской библиотеки. Идея Вязова прорвала в нём последнюю преграду к истинному пониманию своего ремесла. Он неожиданно осознал, что хоть и является винтиком в большом механизме, или собакой, готовой по команде выполнять приказы, стрелять, бегать, но это было не главным. В основе было понимание внутренних процессов огромного живого организма под названием государство, а для этого необходимо постоянное наблюдение и анализ происходящего. Но анализ без фактического материала ничего не стоил, и тогда от его будущей работы зависело очень много, если не всё. В памяти всплывали беседы один на один с Вязовым, когда они

прогуливались по парку. «... – Люди разные, Михаил, – учил Вязов. – Помимо других пороков в них живёт слабость. Всех не перевоспитаешь, не заставишь одинаково любить Родину. Поэтому нужен контроль. Заводы поднимаются, у людей появляется достаток, а значит, падает значимость общих целей и идеалов. И тогда как у Крылова в басне. Помнишь о чём там?

– Про щуку?

– Да, да, про рака, щуку, лебедя... Мы единое великое государство, надеюсь, ты это осознаёшь. И наша задача не пропустить момента, когда оно начнёт расплзаться во все стороны. Это будет означать гибель. Сегодня Советский Союз, вчера Россия, но задача всегда одна. Единый сплоченный монолит.

– Война может сплотить? – неуверенно спросил Михаил, вспоминая недавние боевые действия в Корее.

– Ещё как. Разве ты не видел, как в первые послевоенные годы горели лица наших людей?

– Я видел. Но в Корее мне так не показалось.

– А ты не беги впереди лошади. Всему своё время. Может, ещё увидишь расцвет.

– А Япония?

– Япония? – Вязов ненадолго задумался. – Ты спрашиваешь, Япония. Это необычная страна Миша, да что тебе рассказывать. Но ты не знаешь всего о ней, поскольку был всегда внутри как в яйце. Может, ты не увидел в своё время дис-

циплины, присущей всем японцам. Несмотря на тотальный диктат, в каждом японце живёт дисциплина. Я не удивлюсь, что она скоро встанет на ноги. Тебе не будет стыдно за то, что ты японец.

– Вернусь я когда-нибудь? Илья Ильич. Я скучаю по дому.

– Ты думаешь, я не скучаю по старой России? Мы разведчики, Миша, принадлежим своему делу. Не тужи, просто храни в душе тепло своего бывшего отечества. Душа у человека имеет свойство расширяться, если он умеет любить, конечно. Тогда в нём не одно отечество уместится, весь мир. Это я тебе говорю, поверь на слово.

– Потому что вы русский?

– Не будем об этом. Со временем ты даже думать перестанешь об этом. Это станет твоей сутью, о чём даже слов нет на земле.

Воспроизводя в памяти эти разговоры, Михаил продолжал вчитываться в старые газеты, словно проникая вглубь неизвестного и запретно пространства страны, в которую забросила его судьба. Он незаметно вживался в неё, иногда со страхом и болью, как в первые годы, а порой испытывая звенящую радость души и тела. Страна медленно впускала его в себя, раскрывая свои потаённые глубины.

Первой его командировкой внутрь России оказалась небольшая алтайская деревня Снегириха. Там располагался крупнейший рудный комбинат, где попутно с цветными металлами добывали золото. Одно только это уже делало

Снегириху своеобразным магнитом для искателей приключений. По легенде Михаил был одной из крупиц, которую в числе многих сотен притянул жёлтый металл. На новом месте он недолго осваивался и осматривался и, пользуясь своей неказистой внешностью, иногда даже выдавая себя за коренного алтайца, быстро нашёл подходящую работу.

– Так-так, – многозначительно, наверное, в десятый раз, произнёс начальник отдела кадров, худой, скуластый, наполовину лысый мужчина, запрокидывая голову, и вглядываясь в новичка. – Значит Ван Куан Ли. Михаил Михалыч. Михайлович. Так вы, наверное, этот, ну... Китаец?

– Китаися, – кивая головой, лукаво подтвердил Михаил, делая хитрыми и ещё более узкими глаза.

– Ну, тогда мы споёмся, – заливисто рассмеялся начальник кадрового отдела Семёнов. – Люди с юмором нам не помешают. Здесь без юмора тяжело прожить. Будет, правда, не до смеха, если вам взбредёт в голову позолотить карманы.

– В шахту не хочу, – произнёс Михаил.

– А что так сразу? У нас заработок шахтёра, знаешь, какой? Проходчики зашибают столько, сколько в городе за полгода заработает не всякий. Взрывником мы, понятно, тебя не поставим, это дело навыка требует. Взрывники у нас особая каста. Охрана, понятно что, не подходит, туда из кадровых только разрешено набирать. Но, крепельщиком, пожалуйста.

Крепильщиком? – неуверенно спросил Михаил, не совсем понимая значение этого слова.

– Ну да, крепельщиком, – спокойно ответил заведующий по кадрам, делая ударение на первый слог. – Опасно, ничего не скажу, но не так пыльно как у проходчиков, и деньги тоже немалые. Зря отказываешься. Зря. Значит, водителем желаете? Ну, если только на водовозке.

Именно это место и было зарезервировано неким Павлом Павловичем из районного отдела по трудоустройству.

– Ну, что же. Место тоже неплохое, не пыльное, как говорится. Тогда вперёд, – скомандовал Семёнов, показывая рукой в окно из своей конторы, и возвращая обратно документы. – Завтра придёте расписаться за трудовую, у нас во всём порядок. А сегодня знакомьтесь с общежитием, с людьми, так сказать, обживайтесь на новом месте. Вот временный пропуск, если вас вдруг остановят на улице. Человек вы новый, а у нас режимный объект. Так что не пугайся, если документы потребуют.

В Снегирихе Михаил пробыл год. Он уже почти привык к местной породе людей, к характеру шахтёров, к их склонности к спиртному и необычайной привязанности, если человек становился другом. В то же время, шахтёры были озлоблены на свою жизнь, и это при таких зарплатах! Почти каждый день кого-то выносили из-под земли на носилках прямо в морг. Иногда человека узнавали лишь по остаткам одежды. Как правило, это были проходчики и взрывники, люди, не знающие ни страха, ни предела смелости. Выходя на поверхность, шахтёры напоминали чертей, вымазанных масля-

нистой и трудно отмываемой сажей. Но самое необычное и даже непонятное было в их глазах, в странном взгляде на окружающую действительность. Они словно были не из этого мира, и, наверное, единственное, что позволяло им быстро осваиваться под солнцем, это спиртное, водка, без которой ни один шахтёрский посёлок не прожил бы и недели.

Однажды Михаил случайно оказался под землёй. У него, конечно, был интерес узнать, что происходит там на самом деле, но всякий раз природный страх и привычка к свету не пускали его.

– Не бойсь, Миха, – шутливо успокаивал Серёга Трофимов, полноватый, узкоплечий, но с необычайно крепким рукопожатием взрывник, – обвалы у нас нечасто, раз в две недели, так что, есть большая вероятность выйти на поверхность целым и невредимым. – Трофим обхватил своей толстой ладонью щуплое плечо Михаила и успокоил. – А неделя тока началась. Намёк понятен? – Он прокашлялся для уверенности, словно в горле першило после вчерашней выпивки. – Как так, Миха? Работал в самой Снегирихе, а под землёй не был? И золота не видел. Это как моряк, год проплавал, а в море не купался. Не порядок, не порядок.

Первое, с чем познакомил его Трофим, были старые штольни. В одной из них они стояли перед вертикальным отверстием, уходящим неизвестно на какую глубину. Михаилу было страшно, в то время как Трофим спокойно ходил по

краю и рассказывал. – В эту дыру, Миха, лошадь опускали на верёвках.

Михаил был потрясён.

...– Я не застал, конечно, но ещё до войны этим пользовались. Там ворот остался, она его крутила, клеть поднимала, а опускали с помощью противовесов. Очень хитрый механизм. Так вот опустят здоровую кобылу, и всё. Пока не упадёт.

– Она там умирала?

– Ну да. А что, жалко?

Михаил растерянно кивнул.

– Это мне знакомо. Людей не жалко, а лошадь, значит, жалко. Она же лошадь. А может, спустимся? Я сейчас посмотрю, как. Увидишь старые проходки. Там много чего интересного. Вагонетки старые... Где пригнув голову, где ползком, где на карачках, как на передовой. Давай, не бойся.

Михаил категорически замотал головой.

– Шучу я, Миха. Не бойсь. Да и нельзя туда, обвальню там. Мы с тобой пойдём туда, где нормально. Ты, главное, не ссы, со мной не заблудишься. А если что, кричи, люди помогут. – Трофим, конечно, шутил, в то же время внимательно наблюдая за приятелем. У Михаила уже появилось желание отказаться от этой затеи, но Трофим крепко держал его в объятиях и вёл в своё подземное царство.

В большой железной клетке они долго спускались на неизвестно какой по счёту горизонт, и с каждым метром Михаил

всё больше терял чувство страха. С ним творилось необычное, земля словно всасывала его в себя. Люди молча стояли рядом, кто-то улыбался, поддерживающее подмигивал и одобряюще кивал, дескать, молодец, Миха, наконец-то сподобился.

Вскоре клеть открылась, и они вышли в просторную галерею, которая напоминала оживленный проспект, где ходили люди, проезжал транспорт, было очень шумно и даже весело. По пути на участок, где работали взрывники, они зашли в шахтерскую каптёрку, или как выражались сами шахтёры «кильдым». Это было большое помещение, стены которого были выложены кирпичом и побелены. Посреди «кильдыма» стоял стол начальника участка, вдоль стен – шкафы, лавки, стулья и даже пара ободранных кресел, в которых сидели рабочие. Михаил понял, что «кильдым» – место для разных встреч, где можно попить чаю, отдохнуть. Народ шутил, все обменивались свежими новостями. Здесь Михаил увидел много своих товарищей, с которыми он общался в общезитии, правда, под землёй это были уже совсем другие люди. Разница была огромной, и преобразование это было не только благодаря рабочей одежде. Каждый из них находился в своём законном царстве, в лицах была видна уверенность, и вместе с тем непринуждённость, словно они были у себя дома. Потом была «инструменталка», – огромный склад, набитый железными деталями самого разного размера, от простого сверла до огромного бурового механизма. После того,

как Трофим полюбезничал с кладовщицей Машей, они пошли в гараж. Это место поразило Михаила ещё больше. Он понял, что под землёй находится не просто город, а целая невидимая страна, со своими городами и посёлками. Понять это просто по рассказам шахтеров, там, наверху, было невозможно. В гараже ремонтировали горнопроходческую технику, в том числе и ту машину, на которой Трофим хотел прокатиться до своей бригады. Тут же стояли слесарные верстаки, токарные, сверлильные станки, и много незнакомого Михаилу оборудования. Потоптавшись среди ремонтников, они пошли дальше. До места дислокации бригады взрывников пришлось идти пешком, и путь этот был неблизким.

В галерее, по которой они пошли, на большом расстоянии друг от друга светили лампочки, а между ними стоял мрак. И хоть фонарики шахтёрских касок хорошо освещали землю под ногам, к темноте он привык не сразу. Пройдя, наверное, не один десяток поворотов, они, наконец, вышли в сектор, где работала бригада Трофима. Рядом уже никого не было, и Михаилу стало жутковато, и не только от темноты, но и от тишины. Трофим уверенно шёл впереди и рассказывал, наверное, двадцатый по счёту рассказ о том, что происходило на его глазах, как горняков заваливало породой, в том числе и его самого, и как по несколько дней, люди сидели в крошечной тьме без воды и еды в ожидании помощи. Как люди просто пропадали, и больше их никто не видел, словно их воровали подземные обитатели. С каждым новым рассказом

глаза Трофима всё больше искрились озорным лукавством, было видно, что он умышленно нагонял страх на новичка и наблюдал за реакцией, а ноги Михаила становились ватными и отказывались идти дальше.

Галерея в который раз делилась на рукава, и Михаилу показалось, что выхода из неё уже не будет, что Трофим заблудился, но Серёга спокойно вышагивал вразвалочку по невидимой плоскости горизонта и, регулярно прочищая горло, объяснял прелести своего ремесла. – Ты главное не бойсь, Миха, это не шахта, угля здесь нет. А раз угля нет, то значит, что? Ну, догадывайся, ты же умный мужик. Здесь нет... Ну, Миха, думай голова. Здесь нет метана, – по-детски поучал Трофим. – А раз нет метана, то без твоего ведома ничего не взорвётся. А когда бабахнет, то будет не опасней взрыва футбольной камеры, поверь моему слову. Грохнет и тишина.

Где-то в глубине галереи они услышали гул сверлящего порою бура.

– О.. Это наши, сейчас будут делать закладку, пошли скорее, а то взрыва не увидишь.

Михаил так и опешил. – Серёга ты шутишь? Какой взрыв?

– Это шутка, – успокоил Трофим, улыбнувшись. Шутка. Под землёй без шутки как без воздуха. Вон – Толик Медведев, смотри туда. Ты же его знаешь, он живёт в семнадцатой комнате. – Толян, это мы, – заорал Трофим, приветствуя дружка свободной рукой. Толян махал головой из стороны в сторону, как показалось Михаилу, что-то пытаюсь этим ска-

зять.

– Он что-то говорит нам, Сергей, гляди, он фонариком машет.

– Понятное дело, – хмыкнул Трофим. – Он сигналиит нам.

– А что он сигналиит? – неуверенно спросил Михаил, понимая, что все сигналы должны нести в себе какую-то информацию.

– Понятное дело, сейчас ё...т, – улыбнувшись во весь рот, сообщил Трофим. – Советую прижаться к стене.

Это прозвучало так неожиданно и вместе с тем естественно, что Михаил опешил. Он не сообразил, что Трофим говорит вполне серьёзно о том, что само по себе страшно и опасно.

– Сейчас будет взрыв? – неуверенно спросил Михаил.

– Ну, говорю же тебе, сейчас рванёт.

Михаил едва успел прижаться к каменной стенке, найдя в ней небольшой выступ, как по тоннелю пронеслась волна, всколыхнув его одежду, а затем в ушах так треснуло, что долгое время он не просто ничего не слышал, но и не соображал. Силой взрывной волны его едва не оторвало от стены.

– Ну как, Миха? Понравилось? – спросил Трофим, не скрывая детского восторга. – Грохнуло, так грохнуло, – пояснил Трофим, обойдясь уже без помощи народной лексики. – Ну что, пойдёшь к нам в бригаду? Ты парень не из слабых, хоть ростом от хрена уши. Нам такие подходят. Подумай.

– А где Толян? – спросил, взволновано Михаил, когда

пространство вокруг рассеялось от дыма и пыли.

– За Толяна не волнуйся. Он и не в такие морозы в хате срал.

Михаил некоторое время пытался понять, о чём, собственно, сказал Трофим, имея в виду Толика и морозы, но так ничего и не понял. – Он жив?

– Спрашиваешь. Конечно. Ещё б ему не жить. Вон он, новую взрывчатку закладывает.

– И сейчас опять взорвётся?

– Конечно, – хмыкнул Трофим. – Чуть попозже. Погоди немного, не спеши. Надо обождать малёха, перекурить. Посмотрим породу, характер обломков, кое-что надо наверх взять для проверки. Здесь всё по-серьёзному. А ты думал, как? Своя наука. А то, может, обратно захотел? Ты не стесняйся. Скоро машина придёт за грунтом, ты на ней вернёшься.

– А сам я не найду?

Трофим откровенно рассмеялся, обнажая ровные и белоснежные на фоне потемневшего от пыли лица, зубы. – Миха, ты юморист. Ну, если хочешь, то ладно, иди. Запоминай. Значит так, держись сначала правого плеча, вернее левого, ты же обратно пойдёшь, пройдёшь три развилки, потом в четвёртой повернёшь направо, и так по правой стене до седьмого поворота. Там окурок мой должен лежать, увидишь. Свернёшь влево, метров сто, и резко направо, увидишь вертикальный колодец, глубокий. Смотри не нырни в него, это

вентиляция. Потом ещё пройдёшь, а там гаражи пойдут, уже не заблудишься, у народа спросишь. Понял?

Михаил спокойно повторил всё, что услышал. Трофим открыл рот.

– Ни хрена себе! Ты чё, сразу всё запомнил? Толян! У Михи память как у разведчика, он сразу всё запомнил.

– А может он разведчик и есть, – спокойно ковыряясь в пробуренном отверстии, прокричал Толян. – Да, Миха? Угадал? Вы, мол, не смотрите, что я от хрена уши. Мал золотник да дорог.

Михаил вдруг покраснел. Ему показалось, что его действительно раскрыли.

...– Ты курева принёс? Трофим. Мы для чего тебя посылали?

– Обижаеть.

– А ну, спрятались все, – скомандовал Толик.

– Трофим снова обхватил Михаила за плечи. – Держись старик, сейчас будет большой взрыв. – Михаил подумал, что это шутка, но краем глаза успел заметить, что там, где только что стоял Медведь, уже что-то шипит и искрится. Раздался треск. На долю секунды перед этим, он увидел, как из шурфа вылетает столб огненной пыли, Михаил прижался к стене и ощутил странное чувство не то спокойствия, не то равнодушия.

– Берегись, закричал Медведь из укрытия.

– Ни хера! – Трофим стоял с опущенным окурком и гля-

дел в сторону пылевой стены. В свете его фонаря из облака пыли выплыл невероятных размеров валун, и этот валун медленно двигался на них. Горизонт уходил слабым уклоном вверх, а потому огромный оторванный от породы камень покатился прямо на них, ненадолго задерживаясь углами о неровные края проходки.

– Раздавит нахрен! – Закричал Толян из укрытия. Валун катком прошёл мимо него, и, издавая глухой рокот, катился прямо на Михаила.

– Ну, ху... встал как баран! Текать надо! – закричал Трофим. Он выплюнул окурок и неуклюже побежал вниз. Михаил, наконец, опомнился и рванул за ним. В этот момент из-за поворота выехала горнопроходческая машина, из кабины которой выглядывало чумазое лицо уже знакомого водителя.

– Рули обратно! – заорал Трофим, приостановившись на секунду. Каток продолжал набирать скорость, и был уже совсем близко, водитель открыл рот и начал выбираться из машины, но так медленно, что Михаил остолбенел от страха. Вдруг накатывающий грохот прекратился. Михаил повернулся и увидел, что камень, заполнивший собой весь проём, остановился.

Машина взорвалась выхлопами газа, и рванула задним ходом.– Прыгай,– заорал водитель. Михаил, не раздумывая запрыгнул в ковш. Как и ожидалось, валун сорвался с опоры и снова покатился вниз. К этому времени они успели отвернуть в боковой проход, выжидая, когда валун прокатит-

ся своей прямой дорогой. Через несколько секунд каменный шар прокатил мимо них, поднимая за собой мелкую крошку.

– Как говорится, пронесло, – важно подытожил Трофим, поправляя воротник рабочей куртки, и поглядывая в сторону укатившего валуна. – Ну как, Миха? Понравилось у нас? Переводись к нам в бригаду, здесь не соскучишься. Видишь как весело. И так каждую вторую пятницу. Статистика.

– Не соскучишься, – подтвердил Михаил. – А он там никого не задавит?

– Это кому как повезёт, – снова пошутил Трофим, лукаво улыбаясь. – А ты думал, в сказку попал?

– Ладно, я подумаю, – пообещал Михаил. Народ одобрил его решение дружным смехом.

Потом были ещё взрывы, и всё это время Михаил только и делал, что прятался за выступами породы, после чего они продвигались дальше в глубину земных недр. В один момент он услышал крик Медведя, тот подзывал всех к себе. Он стоял сгорбленным перед кучей породы и разглядывал что-то на ладони.

– Толян, чё там? Поймали?

– Кажись да, – прозвенел Медведь сорванным голосом, и пробуя небольшой камешек на зуб. – От фонаря блеснуло.

– Чё там, ну-ка покаж.

Вокруг Толяна уже столпилось несколько товарищей взрывников.

– Надо отметку на карте сделать, – предложил Трофим, и

оглядел товарищей.

– А может, пропустим, – предложил кто-то.

– Демьян, нахрен нам этот геморрой? Сначала сон пропадёт, потом товарищи в кожаных куртках придут. Ты что, в первый раз? – взъелся Трофим.

– Но ведь золото, братва.

– Ну и х...ли. Ты его есть, что ли собрался? – уже более грозно произнёс Трофим. Неожиданно в нём проявился не рыхлый весельчак, а человек принципиальный и лишённый всякого двоемыслия. – Тебе бумажных рублей не хватает, что ли? Хочешь золота, пойди в магазин и купи.

– Да всё мне хватает.

– Тогда какого хрена ты народ баламутишь? В тюрягу захотел? Спокойная жизнь не радует? Погоди, после смены я тебе покажу весёлую жизнь.

Огромные кулаки Трофима уже были в опасной близости от Демьяна, и неизвестно чем бы всё закончилось, если бы не вмешался бригадир.

– Ну, всё, мужики, харэ, побурчали и хватит, – успокоил Медведь. – Перекурили и за дело, смена ещё не закончилась. Трофим, доставай карту, надо отметить это место, да дальше пойдём.

После споров золотая горошина ненадолго оказалась в руках Михаила. Он покатал её на ладони и вернул Медведю, тот сунул камешек в пазушный карман куртки, а после обозначил на карте место, где был обнаружен самородок.

– И ради таких кусочков вы взрываете всё здесь, – неуверенно спросил Михаил во время короткого перекура.

Вся бригада дружно рассмеялась.

– Да ну что ты, – усмехнулся Толян. – Эта горошина так, случайность. Всё золото в этой породе. В песочке, после того, как её поднимут, раздробят, промывают... Это такая канитель долгая, что мама не горюй.

Когда они вышли на свет, уже было темно, но даже эта ночная темень казалась Михаилу ярким светом. Посмотрев другими глазами на мир, он понял, что люди вокруг него, действительно, в чём-то не такие, и дело было не в том, что в них сидели подземные бесы, а в том, что у них было две жизни, одна наверху, где им приходилось подстраиваться и подчиняться, а другая под землёй, где они ничего не боялись, и играли со смертью с улыбкой на губах.

Найденный самородок оказался чистым золотом. Это повлекло за собой немало проблем, в том числе и для Михаила. Пришлось писать объяснительную. Комнату, где он жил, обыскали товарищи в кожаных куртках, как и предсказывал Трофим, правда, дальше этого дело не пошло. Скорее, это была обычная рутинная процедура для устрашения. На шахте не раз бывали случаи, когда у людей находили золото. Кто-то умудрялся прятать его даже в гильзе папиросы, не говоря о разных отверстиях собственного тела. С этим людьми сразу расставались, после чего уже не брали ни на какие работы, кроме, разве что, принудительных. Наблюдая в течение года

за работой рудника, и за людьми вокруг, Михаил так ничего и не понял. По вполне понятным причинам ему нельзя было фиксировать описание происходящего на бумаге, а когда он был при исполнении своих непосредственных обязанностей и крутил баранку водовозки, то было не до того. Уже в поезде на обратном пути он составил список фамилий наиболее понравившихся ему людей, из характеров и поступков которых выходила общая картина производства. Он ещё мало в чём разбирался, не ставил перед собой задачи делать какие бы то ни было выводы, его задачей было просто передать то, что он увидел лично, но в одной мысли он утвердился определённо – людей этих как не понять, так и не победить.

Потом была Потеряиха, место не менее легендарное, куда уходили те, кого выгоняли из Снегирихи. Но и там люди оставались людьми, они так же любили жизнь, ценили дружбу и жили одним днём. Были и другие поездки, и всякий раз Россия раскрывалась перед ним новой стороной. На его глазах менялся политический уклад страны. На смену Сталину пришёл Хрущёв, люди перестали говорить шёпотом, но вместе с тем, всё больше превращались в разрозненную плохо управляемую массу. Происходило то, о чём предупреждал Вязов. Великое государство незаметно рассыпалось на мелкие лоскуты, окрашенные национальными флагами и местечковыми лозунгами. Было и смешно и страшно наблюдать, как менялась страна, которой служил Михаил. Незаметно изменилось положение дел и в его ведомстве.

Варя.

Между поездками его иногда направляли на учёбу, или, как выражались товарищи, по службе – на повышение квалификации. Конечно, дело обстояло несколько иначе, поскольку ничего это повышение не повышало. Сидеть, и слушать лекции по марксизму ленинизму было скучно, а прыгать через заборы и стрелять вредно для поясницы, но в обоих случаях приходилось терпеть. В очередной раз, оказавшись в Хабаровске на таких курсах, он первым делом решил прогуляться по парку. Стояла сухая осенняя пора, несмотря на то, что лето давно прошло, дни были ясные и тёплые, октябрь дарил людям последние мгновения радости и спокойствия, было тепло и солнечно. И казалось чертовски обидным проводить такие мгновения в душной аудитории. Хабаровск сильно отличался от портового Владивостока и своим расположением, и людьми, но одно неизменно притягивало в нём, несмотря ни на что – это Амур. Нигде в России он не видел реки подобной Амуру.

Прогуливаясь по парку, он то и дело застревал взглядом в тёмно-синей глади реки. Вокруг как на море, летали чайки, всюду верещала детвора, и, несмотря на то, что день был не воскресный, во всём чувствовалось праздничное настроение. Люди вокруг улыбались, и Михаил улыбался им. Неожиданно ему на глаза попалось лицо молоденькой девушки. Михаил лукаво улыбнулся, и она ответила на его

улыбку. Первым его желанием было остановиться и подойти, но в душе возник конфуз, и он прошёл мимо. Пройдя несколько метров, он остановился. Когда он оглянулся, то увидел, что девушку за руку держит милиционер.

– Гражданка, вы нарушили порядок, – громко произнёс милиционер. Лицо девушки уже успело окраситься пунцовым цветом, она стыдливо отворачивалась от всех, кто проходил мимо.

Михаил не спеша подошёл к ним и стал наблюдать. Девушка была невысокая, в лёгком осеннем пальто, фиолетовом берете, с вьющимися каштановыми волосами. Лицо её было необычным, с большими грустными глазами, характер которых усиливали внутренние уголки бровей, всё время поднимавшиеся от того, что она, видимо, сильно переживала.

– Вам что, товарищ? – командирским тоном спросил милиционер.

– В чём она провинилась? – спокойно спросил Михаил, делая серьёзное лицо. Страж порядка недовольно свёл брови.

– Эта женщина бросила на асфальт обёртку от конфеты. Если каждый будет вести себя так, то, что получится?

– Это нехорошо, – нарочито серьёзно произнёс Михаил, лукаво поглядывая на девушку. Она ещё больше смутилась, вжимая голову в плечи. – Но товарищ старшина... Посмотрите вокруг, – предложил Михаил.

– Что вас не устраивает? А вы, собственно, кто?

– Я Михаил, человек. И как полноправный гражданин своей страны имею право выбрасывать мусор, но куда? Скажите на милость. Вы совершенно правы в том, что мусорить ни в коем случае нельзя, но посмотрите вокруг. Нет ни одной урны. К тому же, как я заметил, бумажка лежит не на асфальте, а на траве.

– Это не имеет значения, товарищ, не знаю как вас по ба-
тюшке.

Сержант стал вертеть головой, в надежде отыскать урну.

– Вот, видите, ни одной урны. А ведь это центральное место города. А если ребёнок бросит фантик? Вы его тоже арестуете?

– Она не ребёнок, – настаивал сержант, отпуская между тем руку девушки. В это время стали собираться прохожие. Войдя в курс дела, они быстро заняли позицию Михаила.

– Товарищ из Китая верно заметил. – Заговорил солидный мужчина в очках и шляпе. – Городской парк, можно сказать гордость всего города, и не одной урны. Это возмутительно.

– Что я говорил, центральный парк, а мусор девать неуда, – вставил всё так же спокойно Михаил, беря девушку за руку и незаметно отдаляясь от старшины. Милиционер стоял растерянный, и уже, наверное, забыл о девушке.

Они незаметно вышли из поля видимости старшины, захваченного прохожими, и зайдя за поворот, Михаил потянул девушку и заставил пробежаться. Когда они остановились,

то оба уже хохотали.

– Как вы меня выручили, товарищ из Китая. Я вам так признательна, – воскликнула девушка, по инерции оглядываясь. Они быстро пошли дальше от опасного места, продолжая держаться за руки.

Вскоре они остановились, оказавшись рядом с большими чугунными пушками, смотревшими в небо.

– Вы представляете, если бы узнали на моей работе! – сказала девушка. Потом она словно очнулась и плавно высвободила руку. – Меня вообще-то зовут Варя. А на работе меня зовут Варвара Сергеевна.

– Так вы учитель? – спросил Михаил, понимая, что вопрос глупый. Но надо было завести разговор. Ему было бы проще, если перед ним стоял потенциальный противник, или будущий информатор. Здесь же у него не было никакого опыта.

– А вы, Михаил, и судя по вашему прекрасному языку, вы не из Китая. Ой, как хорошо, что вы так вовремя появились. Я так боюсь милиции.

Михаил лукаво улыбнулся и показал тот самый фантик, что валялся в траве.

Девушка звонко рассмеялась, их руки вновь соприкоснулись, и они, не сговариваясь, пошли в сторону центра.

– Вам куда? В какую сторону? – спросила Варя.

– Вообще-то мне уже пора, скоро начинается лекция.

– Вот здорово! И у меня тоже, – воскликнула девушка. – Мне на автобусе до Пединститута, где памятник Пушкину.

Но можем немного прогуляться в ту сторону, время ещё терпит.

Они прошли до площади, постояли у фонтана, у которого резвилась детвора, а потом он пошёл на улицу Серышева, его курсы были там. Михаил тактично обошёл тему его лекции, лишь договорившись о будущей встрече на следующий день. Всю лекцию, и весь остаток дня он думал о своей новой знакомой, ловя себя на мысли, что девушка очень понравилась ему. Быть может, её лицо не было очень красивым, но открытые и выразительные черты лица, волнистые волосы, задумчивые глаза, врезались в его память, и держались до того момента, пока он не уснул. Он ещё не строил воздушных замков относительно Вари, но твёрдо решил увидеть её ещё раз. Когда он проснулся, то неожиданно поймал себя на мысли, что всю ночь думал о ней. Это было и приятно и страшно. Мысли привели его в безысходный тупик, когда он вспомнил, что через месяц его может ждать новая командировка, возможно, на целый год, это повергло его в большое уныние.

На втором свидании он узнал, что Варя, как и он, живёт во Владивостоке. Это и обрадовало, и вместе с тем опечалило. Она работала в школе учителем начальных классов, и эти курсы в Хабаровске позволяли ей преподавать русский язык отдельно. Уже с ее первых слов он понял, что девушка образована и воспитана. Она по-прежнему чувствовала свою вину за брошенную бумажку, и всякий раз, вспоминая этот момент, краснела.

Однажды после просмотра кинофильма Михаил тихо сказал, что если бы не этот фантик, то они прошли бы мимо друг друга, и скорее всего не встретились. Она побледнела. Михаил и сам растерялся от своих слов. Он понял, что позволил себе лишнего. Это была их седьмая встреча. До этого они успели сходить в театр, потом в музей, а потом в парк, и там катались на карусели. Играл духовой оркестр, они гуляли по аллеям, ели мороженное в кафе под названием «Ласточкино гнездо» и любовались панорамой Амура. Весь город был в их распоряжении.

Однажды теплым вечером они стояли рядом с памятником Пушкину, из главного входа института выходили студенты, а они стояли, и смотрели друг другу в глаза. Они были примерно одного роста, он черноволосый, круглолицый японец, а она русская, в туфлях на маленьких каблучках, в сером платье с небольшой розовой сумкой в руках.

– Я слишком много взял на себя? Ведь так? – спросил Михаил после долгой паузы. – Моя внешность может смутить кого угодно.

– Ну что вы, Миша, я совсем не думала о вашей внешности. Вы такой...

– Низкорослый, – вставил Михаил, вздыхая и отворачиваясь.

– Нет, скорее коренастый. Я хотела сказать, такой, находчивый... Как бы это точнее...

– Говорливый.

– Да нет же. Изобретательный. Так ловко запутали старшину милиции тогда.

Они рассмеялись.

... – Я так рада, что мы встретились. Правда.

– Варя, я всё время думаю о вас. Я люблю вас, – неожиданно выпалил Михаил, и почему-то зажмурился, словно готовясь к пощёчине. Вместо этого он почувствовал на своём затылке прохладную ладонь, и прикосновение к щеке горячих губ. Стоял октябрь одна тысяча девятьсот пятьдесят четвёртого года. Все газеты пестрели заголовками о новом почине партии и правительства – заброске первого трудового десанта на целинные земли Казахстана. Люди обсуждали новых героев ударного фронта, а они стояли у памятника великому поэту, обжигая друг друга горячими губами. Прохожие недовольные проходили мимо и оглядывались. Михаилу было ужасно стыдно и сладко. Это была любовь, виной чему была обычная конфетная обертка.

Вернувшись во Владивосток, Михаил сразу с вокзала направился в контору. На работе, как всегда, царил тишина. Он постучал в кабинет с табличкой «И. И. Вязов». Илья Ильич сидел у старого дубового стола, на котором кроме чёрной китайской пепельницы больше ничего не было, и, раскрыв папку, читал какие-то документы. Увидев Михаила, он оставил чтение и встал навстречу.

– Михал Михалыч пожаловал.

Они, как всегда, обнялись, Вязов предложил стул.

– Спасибо, Илья Ильич, – в поезде насиделся.

– Тогда прогуляемся, если не против, – предложил Вязов, пряча бумаги в сейфе.

– Держимся? – спросил Михаил, чувствуя некое напряжение в движениях своего начальника.

– Помаленьку, – кивнул Вязов, увлекая его из кабинета.

– Я просмотрел твои отчёты, Миша, – продолжал Вязов. – Над ними сейчас работает внутренний отдел, думаю, что о тебе сложилось неплохое впечатление у наших коллег. Внутренние дела хоть и не в нашем непосредственном поле зрения, но быть в курсе того, что происходит под носом, мы обязаны.

– А что происходит? Мне кажется, что всё как было, так и есть. Хотя, конечно...

– Вот именно. Если ты думаешь, что всё остается, как было, то тебя надо снова направить куда-нибудь под Снегириху.

– Увольте, Илья Ильич.

– Тогда предлагаю поразмышлять на досуге над тем, что происходит вокруг, так сказать... Ты внутренней политикой интересуешься, надеюсь.

– Ну, в общих чертах.

– Поинтересуйся на досуге, проведи исследование прессы... А пока давай поговорим о деле, которое нас ждёт в ближайшем будущем. Поскольку ты человек востока, то и путь твой лежит в эти края.

Михаил растерялся и отвернулся.

... – Мы на службе, Михаил. Мне кажется, ты засиделся дома. То, что страну узнал, конечно, пойдёт на пользу, но тебя готовили не только для этого.

Пока Вязов раздумывал над тем, как продолжить мысль, Михаил неожиданно для обоих рассказал о своём случайном знакомстве в Хабаровске. Вязов, не перебивая, очень внимательно слушал, а когда Михаил закончил, спросил: – Надеюсь дальше уличных поцелуев пока дело не пошло?

Михаил покраснел и замотал головой.

– Да... – Вязов тяжело вздохнул и присел на скамейку. – Помнишь, я тебе рассказывал, с каким упорством спецслужбы иностранных государств разыскивают своих соотечественников, в случае, если те становятся предателями. Я уже не говорю про самих агентов, которые, что называется, шпионят в чужих странах. Все мы являемся объектами охоты, и не только мы, но и те, кто рядом с нами, наши близкие. Ты присядь пока, послушай.

– Я понимаю...

– Погоди, не перебивай. Все мы из-за характера нашей деятельности находимся под контролем. Ты, я ... Мы вынуждены скрывать от людей свою деятельность, от чужих, своих, близких. Вместе с тем, защищать, действовать в интересах каждого, кто является нашим гражданином, и так было во все времена, во все, понимаешь.

– Себе не принадлежим?

– Да, не принадлежим. Я не против твоей личной жизни Миша, и у меня нет никакого морального права запрещать тебе любить девушку. Это было бы с моей стороны великой глупостью, но сам-то ты разве не видишь, что перспектива может быть не радужной. Взгляни на проблему с точки зрения интересов твоей Вари. Тебе её не жаль? Представь, она тебя ждёт, полгода, а быть может и год, а ты неизвестно где, так сказать, в творческой командировке. Она даже не может узнать кто её муж, кем работает. Тебе придётся всё время говорить неправду. Если ты видишь себя в работе, а я думаю, что ты давно сделал её частью себя, и не сможешь до пенсии отрывать билетика в троллейбусе, то должен сейчас решить. Или ты находишь в себе силы ирываешь пока ещё некрепкие связи, а они на самом деле пока ещё эфемерны. Через полгода она даже не вспомнит тебя, а если и вспомнит, то горевать сильно не будет. Или тебе придётся всё время выворачивать себя наизнанку, прямо говоря, лгать, глядя в глаза. Уверяю тебя, это так и будет, и это очень тяжело.

– Что мне делать, Илья Ильич? – спросил Михаил, опустив голову. – Я люблю её. Я и сам от себя не ожидал такого. Всё произошло так неожиданно. Я столько лет был один. Вы не представляете, как трудно быть одному.

– Представляю, Миша, – тихо произнёс Вязов. – Ты скучаешь по родине, по близким людям.

– Вы до сих пор не приняли Советский Союз? Я правильно понял?

– Больше не говори об этом, к нашей работе это не относится, – строго предупредил Вязов. Видя растерянное лицо своего подчинённого, он снисходительно покачал головой. – Твоя беда, что ты очень догадлив. Да, я по-прежнему, живу той Россией, и кому, как не тебе это знать. Я так же одинок, но это сам понимаешь...

– Между нами. Но мне что делать?

– Это должен решать только ты, и никто другой. Но уж коли спросил у меня, то я скажу. Никто из нас не может знать будущего, даже на день вперёд, хотя планировать его мы обязаны. Надо не бояться жить сейчас. Пусть всё остаётся как есть, вот мой совет, хотя в таких делах советовать нельзя. Думаю, что ты ещё не раз вспомнишь и проклянёшь меня за эту мою слабость, но раз уж так случилось, то...

– Вы и вправду согласны.

– Не смейся, я не твой отец, и не венчальный поп.

– Но вы мне как отец, правда. Здесь у меня больше никого нет, кому бы я мог об этом рассказать.

– Помалкивай, вот что скажу тебе. И раз уж ты меня так воспринимаешь, то об официальной свадьбе не думай, по крайней мере, на ближайшее время. Говори, что хочешь своей Варе, но от ЗАГСа держись на расстоянии выстрела. Это было бы не так актуально, если бы не твоё предстоящее задание. – Вязов посмотрел на часы, поднялся, поправляя плащ. – Дождь будет. Мне на планёрку. Завтра договорим, а пока, иди к своей зазнобе, целуйся, или что там у вас ещё.

Нравы сейчас – хоть глаза прячь. На каждом углу обнимаются. Но о нашем разговоре помни, не забывай. Кстати, она хоть красивая? Твоя Варвара. Раз учительница, то должна быть, уж, по крайней мере, симпатичной.

– Очень.

– Я не сомневался. Ну, тогда желаю тебе не утонуть в счастье.

На следующее утро они вновь сидели, но уже на другой лавочке, на что Вязов заметил, что никто не должен выявить у тебя хоть какую-то склонность или привычку. Ну, разве что к неприятию алкоголя.

– Так вот, Михаил. Шутки в сторону, мирная жизнь для нас носит условный характер.

– Мы на войне?

– Можно сказать и так. Ты Китаем интересуешься? Газеты, радио... Что слышишь?

– А разве там можно что-то найти про Китай?

– Конечно. В паузах, между строк...

– Но там же пробелы. И что можно узнать, когда диктор молчит?

– Эх ты, а ещё разведчик. Между строк-то и в молчании и есть правда. Вот, смотри. – Вязов открыл газету недельной давности, и на первой полосе стал читать одну из статей – «По приглашению Общества китайско-советской дружбы двадцать седьмого сентября из Москвы вылетела в Пекин, для участия в праздновании пятилетия КНР и для ознакомления

с её достижениями советская делегация деятелей культуры. В состав делегации, возглавляемой товарищем Денисовым, вошли вице-президент Академии наук СССР...» Ну, здесь много фамилий, – прервал чтение статьи Вязов. – «Академики науки, культуры...» Но тебе это ни о чём не говорит? Уровень первых лиц. Ага, вот, слушай дальше. «Уже сам состав делегации должен обеспечить возможность всесторонне познакомиться с максимальным количеством объектов культуры, искусства, науки и промышленности, охватить все стороны жизни и деятельности народного Китая, способствовать укреплению китайско-советской дружбы и безопасности двух великих держав...» Ну, дальше хроника визитов по городам, заводам, кстати, где трудятся советские специалисты. И вот ещё. – Вязов сделал небольшую паузу, нарочито поглядывая на дверь. «Особенный, исключительный энтузиазм вызвало выступление главы правительственной делегации Советского Союза тов. Н. С. Хрущёва. Его чрезвычайно яркая, с огромным воодушевлением произнесённая речь слушалась не только с напряжённым вниманием, но и с живым реагированием на каждое положение его доклада. Доклад прерывался дружными аплодисментами...» Дальше не буду, думаю достаточно. Ну, ничего не уловил?

– Ну, разве что... дружбы и безопасности двух великих держав.

– А ты говоришь, пробелы. Искать надо. Пока ты скрывался в лесу, залечивая боевые раны... Пока по паркам раз-

гуливал... Кстати, тебя ждёт награда. Потом покажу, она в сейфе.

– Так что же происходит, Илья Ильич? – перебил Вязова Михаил.

– Без тебя, Миша, тут переполох был. Хотя, это не то слово. У нас катастрофа. Мы Порт Артур оставляем. Потому и статья в газете, правда, не всякому дано понять её истинное содержание.

– Но там же наши!

– Хорошо сказал. Наши. Были наши, а стали ваши.

– Вы опять шутите.

– Мне не до шуток. И вопрос этот уже не обсуждается. А, правда, хорошо сказал – наши. Мне нравится. Вот бы все так думали. Уходим мы из Порт Артура. Всё оружие решено продать Китаю, имущество тоже придётся подарить. Нам с тобой остаётся лишь наблюдать. Формально ты едешь в составе группы артистов, которая будет повышать боевое настроение наших солдат и офицеров.

– Но, какой из меня артист?

– Надо будет, станешь артистом. Вообще-то не кричи. Формально я сказал. Сразу в день прилёта тебя заменят. Человек с твоими документами вернётся домой, а ты останешься в Порт Артуре.

– И что я там буду делать?

– Твоя цель – китайские военные чиновники. Откуда, кто, какие рода войск, и всё такое прочее. Передача военного

имущества затянется не на один месяц, генсек на всё про всё дал пять месяцев. Так что, времени у тебя будет достаточно, чтобы почувствовать себя настоящим разведчиком. Твоя шпионская жизнь, Миша, только начинается, эта командировка очень важна для твоего становления. Корея, конечно, тоже в багаж ляжет, но здесь случай особый, и ты скоро в этом убедишься. В твоём распоряжении фотокамера портативная, снимай на неё всех, кто так или иначе будет контактировать с нашими. Для Китая это событие небывалое, поэтому слетятся самые важные птицы. Вот они и есть главная цель твоей командировки. Наблюдать и ещё раз наблюдать. Всё запоминать, вживаться, мотать на ус. У китайцев многому можно научиться, а ты, как я знаю, ещё не имел с ними общих дел. Хотя, что я говорю. Ты же с добровольцами отступал, в Корею. Прости, запамятовал. Сегодня жеознакомись с именами членов группы, узнаешь из первых рук непосредственные свои обязанности, ну и на месте уже детали работы. Явки, люди... Вернёшься, жду с докладом. Самое главное не сказал. Тебя устроят рикшей.

– Вы не шутите? Рикша? Это вместо лошади?

– Ну да. Ты разве не знал? Китайцы предпочитают на рикшах передвигаться по городу. По-моему, это самый короткий и надёжный способ быть там, где надо. От гостиницы до Дома офицеров не больше километра, так что придётся немного поработать.

– Дикость какая-то. Не знаю, для чего меня обучали в

школе с парашютом прыгать, мины ставить... Я разочарован, Илья Ильич.

– Ладно ладно, покочевряжься мне. На самом деле Миша, эту операцию готовили специально для тебя. Вот твоя легенда, – Вязов бросил на стол увесистую папку. – Ознакомься, выучи так, чтобы от зубов отскакивало. Буду спрашивать, чтобы не блял как овца. Даже имя соседской кошки чтобы запомнил. Всё до мелочей Эту папку целый год собирали. Тот парень, что подменяет тебя, с ним наш агент работал.

– Вы его завербовали?

– Мы, его завербовали. А что бы ты хотел? Нам кадры нужны, не век же на одном тебе пахать. Ладно, это так, шутка. Неплохой парень, но он ещё зелёный, его ещё готовить надо, проверять. Не забыл, полагаю, разведшколу? Надеюсь, теперь ты понимаешь, почему ты, а не кто-то другой. Ошибка быть не должно, разведчик не может ошибаться.

– Как минёр?

– Именно так.

– Я всё понял, – выдохнул Михаил, и неожиданно для себя расплылся в улыбке.

– Ага, скажи ещё свою любимую фразу.

– Простите меня, Илья Ильич.

– Всё, свободен до завтрашнего утра.

Сразу после работы он решил отыскать Варю. Он ещё не знал, о чём будет с ней говорить, но то, что встреча эта была

ему необходима, он знал наверняка. Варя жила в общежитии, куда его, конечно, не пустили. Но вскоре она появилась. Они сдержанно пожали друг другу руки и, не сговариваясь, пошли по вечерней улице. Её немного потрясывало от холода. Варя заглянула ему в глаза, и, запустив руку под его локоть, тесно прижалась к нему. Михаилу было очень приятно чувствовать её тело, тепло ладоней. Некоторое время они шли молча.

– Я скучала по тебе, – призналась она. Он хотел ответить, но в горле запершило от волнения, и вышел только кашель.

– Мне надо сказать тебе кое-что важное, Варя. Очень важное, – выдавил он. Она на секунду остановилась и с любопытством посмотрела на него.

– Странно, – произнесла она как бы про себя. – Я иду под руку с человеком, которого люблю и которого совершенно не знаю. Совсем. Кто он, откуда, где работает, с кем дружит... Но почему-то меня это не пугает, и я продолжаю идти и думать о нём. И я иду неизвестно куда, и мне хорошо. Откуда ты? У меня такое чувство, что ты хранишь какую-то тайну.

От слов девушки Михаил потерял мысль и стал размышлять над произнесёнными словами.

– Я и сам не знаю, кто я такой. Правда. Иногда проснусь ночью, сяду на кровать, и думаю, а кто я? И что здесь делаю? Как я здесь появился, зачем.

Они остановились напротив пожилой женщины, продававшей букетики фиолетовых цветов, похожих на ромашки.

– Гляди, октябринки. – Варя остановилась и наклонилась к цветам, втягивая их запах. – Они совсем не пахнут. Скоро зима, а цветы всё равно продолжают цвести. Это странно, не правда ли? Выпадет снег, всё станет белым-белым. Цветы засыплет снегом, но они не умрут.

Михаил порылся в карманах в поисках мелочи, выбрал самый красивый букетик и отдал Варя.

– Ну, зачем ты тратишь деньги? Я же совсем не это имела в виду. Правда, они замечательные?

– Правда, – согласился Михаил, размышляя над поэтическим монологом девушки. – Осень и цветы, это и вправду необычно. Когда я был маленьким... – Он осёкся. – Варя, я надолго уезжаю.

– Как надолго? Почему? И куда, если не секрет?

– Я не знаю, наверное, надолго. Варя, нам лучше не встречаться. Вы не будете иметь от меня счастья.

Девушка забежала вперёд и с удивлением уставилась на него.

– Ты так странно сказал. Почему «вы»? И потом. В русском языке так не говорят. Иметь счастье. Имеют детей, дом, друзей, работу. А счастье... Если человек любит, и любят его, то он уже счастлив.

Михаил взял девушку за плечи, заглядывая в ее серые глаза. – Я не принесу тебе счастья.

– Теперь правильно, – спокойно произнесла она, опуская ресницы. Она надолго замолчала. – Странно, – тихо произ-

несла она. – Ещё минуту назад я слышала внутри себя музыку, а теперь её нет, всё вдруг смолкло. Тишина и пустота. – Глаза девушки наполнились влагой, она резко отстранилась и побежала. Напротив продавщицы цветов она остановилась, и, вернув ей цветы, медленно пошла прочь.

Михаил ещё долго стоял, размышляя над случившимся. Воздух стал холодным, изо рта шёл пар. Он посмотрел на ночное небо и увидел маленькие снежинки. Было тихо и пусто. Весь мир перестал для него существовать. Он поёжился и побрёл в сторону дома. Мимо шли люди, кто-то звонко смеялся, из окна второго этажа доносилась мелодия популярной песни, которую с удовольствием подхватывали прохожие. Несмотря на холодный воздух, они дружно подпевали, а он, кутаясь в воротнике пальто, уныло брел домой, повторяя про себя последние слова Вари – «тишина и пустота».

Он вернулся во Владивосток через полгода. За то время, пока он был в Люйшунькоу, иначе говоря, Порт Артуре, он отснял полторы сотни фотоплёнок, которые сразу отправлялись в ведомство на обработку. С первых и до последних дней пребывания в Китае он был свидетелем небывалого русского исхода. Сразу после отъезда советской правительственной делегации на родину, в воинские части Порт Артура стали стекаться многочисленные китайские комиссии, в том числе и правительственные, с высокопоставленными гостями, среди которых были знаменитые личности: писатель Го Можо, командующий вооруженными силами КНР Пын

Дэхуай, и многие другие. Фотокамера буквально не успевала отщёлкивать кадры. Михаилу больших усилий стоило взводить затвор камеры: вокруг было много людей, готовых ему «незаметно» позировать. Он видел, как советским военнослужащим вручали награды КНР. В Доме офицеров, куда каждый день съезжались и китайские делегации, непрерывной чередой шли концерты известных артистов. Одновременно с этим шла «продажа» воинского имущества и оборудования. Как рассказывал один из свидетелей, выполняющий в Китае ту же миссию, что и Михаил, всё имущество – вешалки, кровати, умывальники, кухонные бачки, пожарные вёдра и лопаты... Любая мелочь «описывалась и оформлялась» в нескольких экземплярах. Каждое утро начиналось с того, что шел жестокий торг за лишний юань, и на следующий день все повторялось сначала. От других агентов Михаил узнал, что кроме огромного количества техники и вооружения ещё довоенного периода, китайцам были отданы даром десятки современных торпедных катеров, целый парк токарных и строгальных станков, металлообрабатывающих, кузница, электроцех со всем оборудованием. Русские оставляли в Китае буквально все, начиная с танков, подводных лодок, казарм, боезапаса, и заканчивая кружками и ложками. Уезжая из воинских частей, они оставляли склады и ангары, забитые техникой.

На столе у Вязова лежала большая стопка фотоснимков, папка с отчётом, который Михаил успел составить после

приезда. Пока Вязов перебирал бумаги, Михаил, с разрешения начальника бегло ознакомился с отчётами своих товарищей.

– Просмотрев очередную подборку снимков, и сделав соответствующие надписи на обороте, Вязов встал из-за стола и открыл окно.

– Илья Ильич. Можно вопрос?

– Валяй.

– Мы и вправду самые богатые в мире? Наша страна. Раздаём всем налево и направо.

– Всё на деньги переводишь, – важно ответил Вязов, постучав указательным пальцем по виску.

– Но мне жаль, правда, – не сдавался Михаил. – Столько оружия даром отдали.

Вязов иронично рассмеялся. – Не знаю, как у вас в Китае, но в русских деревнях есть традиция. Хороший хозяин раз в пять лет выгребает свой амбар, и что лежало без дела все эти годы, раздает соседям. Знаешь зачем?

– От старого избавиться, наверное. Место освобождает.

– Вот. Ты сам ответил на свой вопрос.

– Но танки были не старые, Илья Ильич. И катера тоже.

– Тебе бухгалтером надо было работать. Всё Михаил. Оставим этот пустой разговор. Давай вернёмся к нашим баранам. Пардон, китайцам.

Возвращался домой он уже в сумерках. Весенний воздух

был свежим, в заливе на дальнем рейде стояли корабли, их огни были настолько привлекательными, что ему захотелось оказаться на борту одного из них. Оттуда доносились разные звуки: гудки, отголоски человеческой речи, усиленной громкоговорителями, играла музыка. Ему казалось, что там творится праздник. Неожиданно его привлёк запах. Он оглянулся и увидел тёмный куст, снаружи которого яркими пятнами выделялись розовые цветы. Сирень цветёт в мае, это Михаил знал хорошо, значит, растение было другим. Он подошёл и остолбенел, даже испугался. Он оглянулся по сторонам, словно его могли заметить и раскрыть, ведь он любовался сакурой. Это было небывалое. Кто-то посадил дерево самой настоящей сакуры, здесь в России. Михаил вплотную прижал к себе ветку и закрыл глаза.

– Неправда ли, замечательные цветы, – услышал он за спиной. От неожиданности Михаил вздрогнул. Рядом стоял высокий пожилой мужчина в чёрном пальто и шляпе.

– Прохладно-с, – произнёс незнакомец, приподнимая головной убор. – Старые кости надо беречь от сырости, но так хочется надыхаться морским воздухом. Антон Палыч не зря любил ездить в Ялту. Морской воздух делает человека романтиком.

– Откуда здесь сакура? – спросил Михаил, едва сдерживая волнение.

– А вы что, изумлены? Что-то мне подсказывает, что вы родом из страны восходящего солнца? В Японии культ это-

го растения, и это так прекрасно. Поклоняться именно растению. Не какому-то там медведю или оленю, а лотосу, или лилии. В Индии, скажем, боготворят крапиву. А в России любят белую берёзу. – Мужчина тихо рассмеялся, слегка касаясь пальцами цветков. – Да, сакура... Представьте себе, существует шестнадцать видов сакуры, и всё это благодаря Японии. Да... Сколько себя помню, это дерево всегда росло здесь. Может его ветром занесло? Япония, знаете ли, рядом.

Незнакомец сделал задумчивое лицо, что-то вспоминая, а потом стал читать:

– Цвет зари охватил ещё сонные ветви, дождь его разбудил, по-весеннему светлый!

По бутонам из роз, по цветочным бутонам, ветер краски разнёс, бледно-розовым тоном!

Ещё кружевом лёд покрывает аллеи, а весна уж цветёт и сакурой алеет!

Стихи вызвали дрожь в теле Михаила, он был потрясён услышанным.

... – Не правда ли, красиво написано. А весна уж цветёт и сакурой алеет. Замечательно. Ну-с, не буду вам мешать вдыхать аромат, так сказать, далёкой Родины. А я отдал бы всё за возможность оказаться в саду моего детства. Вы не представляете, как восхитительно цветут яблони в средней полосе России. А груши, а вишни... Что может быть прекраснее вишнёвого сада весной.

Мужчина удалился, тяжело переступая ботинками в боль-

ших галошах, оставив Михаила размышлять над услышанными словами. Он вдруг почувствовал невыразимую тоску. До этого он никак не мог понять что это, с чем связано, теперь же, вдохнув аромат японской вишни, он понял, что хочет домой. Стоя под деревом, в темноте аллеи, он ясно ощутил своё одиночество и чудовищную тоску. Он захотел заплакать, но глаза были сухими. И тогда он завыл, как собака, даже зарычал, уткнувшись лбом в ствол дерева. Его осыпало цветами, отчего в душе возникло ощущение, что дерево слышит его, и пытается помочь, снять с него этот груз тоски и одиночества. «Ватаси-но скина сакура» , – прошептал он, и вдруг запел:

– Сакура, сакура, и горы и деревни, куда не посмотри. Толи туман, толи облако. – Он даже не обратил внимания на то, что пел на японском языке, словно слова выходили не из горла, а из самой души. Глаза наполнились слезами. Его ноги подкосились, он сел на землю прямо под деревом и заплакал. Когда слёзы прошли, он почувствовал, как на душе стало легче. Жизнь всё равно продолжалась, и центром в ней ни смотря ни на что, был он, и пусть в этой жизни было много трудного и странного, он верил, что она ещё подарит ему минуты счастья. А эти слёзы... Они были оттого, что сердце вспомнило о Родине, которая по-прежнему жила в нём. Не вытирая глаз, он пошёл в сторону дома. В этот момент на другой стороне дороги он заметил силуэт девушки, она шла под руку с парнем, и тут же перед Михаилом возник об-

раз Вари. Желание увидеть её было настолько сильным, что он побежал. Незримая волна подхватила его, отчего Михаил испытал настоящий восторг, ноги несли словно ветер, и это был бег не отчаянья, а избытка великой молодой силы. Он бежал вдоль дороги наравне с машинами и те сигналили ему, а он бежал ещё быстрее, ловя грудью поток ветра. Когда он остановился, то оказалось, что он стоит перед кинотеатром. Он посмотрел на часы. Шёл последний сеанс. Он подошёл к кассе и постучал.

– Вам чего? – спросила кассир, приоткрывая окошко.

– Мне билет на последний ряд, пожалуйста, – попросил Михаил, всё ещё часто дыша.

– За вами никто не гнался? Вы дышите, словно за вами бежали разбойники.

– Нет, это я их гнал, – нашёлся Михаил, протягивая деньги. Кассирша рассмеялась, но деньги приняла.

– Кино скоро заканчивается, вы мешать будете.

– Так на последний ряд, – возразил Михаил, зная, что не откажут. Билеты на последний ряд были самыми дорогими, и эти ряды всегда оставались пустыми.

– Только тихо, а то меня уволят.

– Не уволят. Если что, мне скажите, я разберусь.

Кассирша снова рассмеялась. – А вы чудной.

– Это верно, – улыбнулся Михаил, получая билетик. – Уж это вы в самую точку.

Была уже развязка. Главный герой возвращался в родной

город, где дома его ждала верная жена. Михаил уже видел этот фильм, но сюжет снова втянул его в сопереживания. Что-то знакомое и близкое показалось ему в этом сюжете. Когда включили свет, зрители ещё некоторое время сидели на своих местах, не желая выходить из только что пережитой истории. Когда он выходил из зала, произошло самое неожиданное. Он увидел её, Варю, она была с подружкой. Он медленно продвигался к выходу, и уже напротив двери увидел, как на улице к девушкам прицепился какой-то тип. Михаил выдохнул и окликнул её. – Варя, здравствуй. – Обе девушки вздрогнули. Сначала Варя не увидела его, и стала вертеть головой. – Здравствуй, – снова произнёс он, улыбаясь во весь рот. Варя тоже улыбнулась и тонким от волнения голосом поздоровалась.

– Это кто такой шустрый выискался? – спросил тип. – наших девушек отбивать. – По манере речи было понятно, что парень был нетрезв. – Иди куда шёл. Правда, Варенька?

Парень был на голову выше Михаила, развязано напирая, он стал оттеснять его. – Эти девушки не по твою честь. Слышишь, чё говорю? Поищи себе какую-нибудь китайнку, или японку, на худой конец. Давай, топай, подобру-поздорову.

– Это твой друг? – спросил Михаил, с трудом высвобождаясь из тисков парня. Варя растерянно пожала плечами. По её глазам было понятно, что девушка и сама в непрестом положении.

– Я их знаю, – сказала она, моргая длинными густыми рес-

ницами. – Мы с Любой кино смотрели, – словно извиняясь, произнесла она. Люба тоже растерялась, и молча поглядывала то на парня, то Михаила, то на подругу.

– Ты откуда взялся? – спросила Варя. Михаил тоже пожал плечами, не зная, что ответить.

– Я случайно здесь.

– Ну, раз случайно, то и не задерживайся тут. Третий лишний, – снова встрял парень. – Не заставляй меня сердиться. А то ведь я не посмотрю, что ты такой маленький. Возьму да и обижу. Хотя маленьких говорят, нельзя обижать. Правда, Колян?

К ним подошёл ещё один подвыпивший долговязый парень. Вокруг уже было безлюдно, зрители быстро разошлись, двери закрылись, и у выхода остались лишь они впятером. Растерянные девушки вертели головами, словно кого-то высматривая, но на задворках кинотеатра было пустынно и темно.

– Ребята не ссорьтесь, пожалуйста, – попросила Варя.

– А ты милицию позови, – посоветовал Колян. – Глядишь, и услышит. А мы постоим, подождём, покурим.

– Ну, зачем же ждать, – спокойно сказал Михаил улыбаясь.

– Ты что ли милиция? – усмехаясь произнёс Колян, – тыча пальцем в грудь Михаила. – Слышь, Славян, что этот китаец говорит. Он говорит, что он милиция. Даже не верится.

– Да заливаает, – сказал Славик улыбаясь. – На понт берёт.

– Давай, по тихой, топай отсюда, а то моё терпение не резиновое, – пригрозил Славян.

– Может, миром обойдёмся? – предложил Михаил, протягивая для приветствия руку. – Я Михаил. Ты, как я понял, Слава. Друг твой Коля. – Он без смущения взял правую ладонь Славика, резко надавил на середину сустава большого пальца, и потянул к себе. Славик от неожиданности вскрикнул и присел на одно колено, после чего Михаил быстро заломил его кисть так, что любое движение Славика могло закончиться переломом. В то же время он зашёл ему за спину, и был недосыгаем для Коли.

– Э-э, ты чего это? – забасил Колян.

– Дёрнешься, я ему палец сломаю, – спокойно произнёс Михаил. – А, может, и кисть. Ты, Слава, что выбираешь?

– Отпусти. Больно же, – пробурчал недовольно Слава. – Ну, девки, дуры. Таких русских парней променяли на такое...

– А вот хамить бы не следовало, – произнёс Михаил, ещё сильнее заламывая руку. В этот момент девушки уже стояли за его спиной и со страхом, молча наблюдали за происходящим

– Слышь, братан, больно, – сказал Славик, стискивая зубы. – Колян, он мне руку сломал, кажись.

– Не заливай. Пока ещё не сломал, но сломаю, если ты ещё раз позволишь себе грубость. Говорю тебе, сломаю. Ты понял?

– Понял, понял. Колян, он не шутит. Он серьёзный. В натуре, может, мент.

– Ладно, приятель, всё, – сказал Колян, поднимая вверх руки, словно сдаваясь. – Отпусти, мы уходим. Слово даю, уходим.

– Ребята, уходите! – закричала Варя, не в силах справиться с волнением. – Ну что мы вам плохого сделали?

Михаил отпустил руку Славика и помог ему подняться. – Ты молодец, Слава, – спокойно и с улыбкой произнёс Михаил, чем вызвал недоумение у парней. – Боль хорошо терпишь. Другой бы катался по земле, а ты терпел.

– Да ладно, – растерялся Славик, разминая кисть. – Сам напросился. Кажись, цела. Как у тебя так ловко получилось? Пошли, Колян, хорош дурака валять. Может, он, и вправду, милиционер, раз такие приёмчики знает. Верно? Не соврал?

– Верно, верно. Просто корочки после работы не ношу с собой.

– Это одобряю. Это по-человечески. Все бы так поступали.

Друзья, как по команде, подняли руки, и, пятясь, убрались в темноту сквера.

Девушки в недоумении рассмеялись. Всю обратную дорогу они обсуждали случившееся, позабыв про фильм. Автобусы уже не ходили, и пришлось сначала провожать Любу, которая жила на Первой речке, а затем возвращаться на Ленинскую. Уже у входа в общежитие Варя вдруг заговорила:

– Откуда ты взялся, Миша?

– С неба упал, – пошутил Михаил.

– Ты, правда, в милиции работаешь?

– Ну, что ты. Какой из меня милиционер. Я пошутил. А разве это имеет значение?

Варя замотала головой, но потом поняла, что её могут превратно понять, закивала, а потом звонко рассмеялась и вдруг, кинулась в объятия.

– Ну, почему вы такие глупые? – заговорила она, крепко прижимаясь к нему. – Ну, мало ли куда может уехать человек. Но если он знает, что вернётся, то зачем говорить всякую ерунду? Ну, при чём тут счастье.

– Ты прости меня, пожалуйста. Глупо всё вышло.

– Я искала тебя. Ходила каждый день по городу, думала, встречу где-нибудь. Но ты словно под землю провалился. Где ты был, Миша?

– На другой планете.

– Ну, правда, куда ты пропал? Больше не исчезай так бесследно.

– Хорошо, бесследно не буду.

Они виделись каждый день. Сразу после работы Михаил сломя голову мчался на свидание с Варей, неизменно отрывая от своей сакуры, пока она не облетела, по маленькому цветку. Прикладывая его к волосам Вари, он всё больше проникался любовью к этой девушке, понимая, что без неё жизнь на этой земле бессмысленна. Вскоре Михаил предло-

жил Варя стать его женой. Она согласилась.

Варя была детдомовской, родители её погибли при бомбёжке, когда она была в деревне у бабушки. До войны они жили в Полтаве. Потом её вместе с другими детьми, оставшимися без родителей, отправили на Урал. Там она закончила школу и педучилище и, став учителем начальных классов, получила распределение во Владивосток.

Собрав свои небольшие пожитки, Варя переехала к Михаилу на квартиру. Комната была большой, с двумя окнами, Михаил поделил её на две части, оградив одну половину платяным шкафом. Его тыльную сторону он завесил политической картой мира, приставив к нему письменный стол. Получился уютный рабочий уголок, где Варвара могла проверять тетради. За шкафом пряталась железная кровать, которую ему подарили на работе. Вязов, разумеется, не одобрял действий своего подчинённого, но глянув на выбор Михаила, всё же смирился. – Береги её парень, и никому не показывай, – не то в шутку, не то в серьёз, предупредил Илья Ильич, когда они небольшой компанией сослуживцев отмечали их свадьбу. На ней Михаил подарил Варя колечко. Им кричали горько, они целовались. Потом он играл на баяне, ребята пели. Особенно удалась «Катюша», любимая песня Михаила. На баян сбежались соседи по квартире, было очень весело и душевно. Праздновали до глубокой ночи.

Михаил не представлял себя без Вари. Все свободное от

работы время они проводили вместе. Даже когда она ненадолго задерживалась в школе, он не находил себе места, ждал её с нетерпением, всегда готовя какой-нибудь сюрприз. Он любил готовить еду, особенно рыбу, но очень не любил садиться за стол в одиночестве, и если Варя приходила поздно, он так и не притрагивался к еде.

– Ты всё это время сидел голодный, – переживала она, приходя домой. – Прости, пожалуйста, было родительское собрание. Ты же знаешь, какие у меня родители. Пока про каждого из детей не расскажешь, они не разойдутся.

– Это же хорошо, когда так переживают за детей, – успокаивал Михаил. – Еду можно разогреть, но если ребёнок отбил от рук...

После ужина они всегда шли гулять. Ходили по городу, обследуя все дворы и закоулки. Это была идея Михаила. Он научил Варвару той игре, в которую играл с ним когда-то Ли Вей. Он с удовольствием бы рассказал жене о том, какое значение имеет наблюдательность и память, но сейчас всё оставалось лишь весёлой забавой. Потом они шли в место, откуда как на ладони был виден порт и вся бухта Золотой Рог. Ночью бухта действительно напоминала изогнутый рог, и Михаилу было очень приятно, когда его жена восторженно замирала при виде этого зрелища. Все места, которые они обошли когда-то, становились их местами, и когда они повторяли маршруты, то неизменно говорили: – А вон твоё дерево. Или: – А это твоя лавочка. – Наша лавочка, – поправ-

лял Михаил, крепче прижимая к себе Варю. Он был счастлив как никогда.

Наконец, были закончены отчёты по Китаю. Это была нудная, очень кропотливая работа. Надо было описать все до единой фотографии, назвать имена тех, кто оказался в кадре, даже кто попал в него случайно. Вязов говорил, что случайных людей в их работе не бывает, и практика показывала, что он был прав. Однажды он сказал:

– Вот товарищ Ван Куан Ли, побездельничали, и хватит. Пора и на работу устраиваться.

Михаил растерялся.

– А разве мы не работали всё это время? Вы опять шутите?

– Шучу, конечно, – но в каждой шутке есть доля правды. По стране ты поездил, и пока с этим не горит, хотя, если семейная жизнь надоела, могу устроить поездку на Колыму.

– Ну что вы говорите такое? Илья Ильич. Я там уже был.

– Шутка. Вижу, что ты примерный семьянин, и, слава богу. Но, пора тебя пристраивать. До времени, конечно. Но ни сидеть же тебе дома, как домохозяйке. Мужчина должен быть всегда впереди. Вот список производств, в которых наше ведомство заинтересовано иметь своих людей. Думаю, что тебе не надо объяснять, с чем это связано.

– Я всё понял, товарищ подполковник.

– Ну и славно. Не спеши с выбором, подумай пару дней, но не больше.

– А что тут думать, Илья Ильич. В геодезию. Давно хотел теодолит освоить, и там же с картами придётся работать.

– А в картах ты силён. Похвально, Миша. Губа у тебя не дура. Не сомневался, что ты выберешь эту специальность. Мы и сами думали предложить тебе это дело, но решили проверить.

Михаил тяжело вздохнул и почесал затылок. – Хожу как под прицелом.

– Все ходим под прицелом. Не ты один, – тихо произнёс Вязов. – Вот адрес, езжай, оформляйся. Когда надо, позову.

В геодезии он проработал почти два года. Были частые командировки, но не длительные, за время которых он успевал так соскучиться по жене, что приезжая, не отходил от неё ни на шаг. Он любил рассказывать о местах, где бывал, с удовольствием делился впечатлениями о работе, которая ему с каждым днём нравилась всё больше, несмотря на то, что работать приходилось порой в невыносимых условиях. Зимой геодезисты много времени проводили за составлением карт, и это было не намного легче, чем плутать по тайге. В тёплое время года – работали на воздухе. На его глазах появлялись новые посёлки и заводы, он видел и чувствовал пульс страны, в которой жил, с которой сроднился, лишь изредка вспоминая о своей родине. Эти минуты воспоминаний он старался прятать от всех, даже от любимой женщины. Варя не могла не замечать таких переживаний мужа, и однажды спросила о его родителях.

После короткой паузы Михаил ответил: – по-моему, у нас одинаковая судьба. Варя, не стоит касаться этого, мне трудно, когда спрашивают о моих родителях. Одно могу сказать, в моём сердце они по-прежнему живы, и я их очень люблю.

Такая неопределённость давала возможность не зарываться в ложь, и вместе с тем действительно не считать родителей умершими. Варя, кажется, поняла его, но затем вдруг задала вопрос, которого он не ожидал: – Почему мы до сих пор не расписались, Миша? Мы ведь муж и жена, не так ли?

Он задумался. Вопрос был естественным для женщины, живущей с мужчиной, и он не мог просто так отмолчаться, как не мог сказать ей всей правды о себе.

– У тебя, наверное, проблемы на работе?

– Да, – ответила Варя. – Недавно меня вызвал директор и спросил, почему я живу с мужчиной в неопределённых отношениях.

– Но я люблю тебя. Я никого так не любил как тебя.

– Я знаю, Миша, но для директора это не довод. Многие учителя поглядывают на меня как на легкомысленную особу.

– Ты не особа, ты моя жена, единственная и неповторимая. Ну, при чём тут печать в паспорте, скажи мне? Сколько людей идут в ЗАГС, а потом разводятся. Им нужны гарантии, они просто боятся. Но ты ведь не боишься, если согласишься жить со мной.

– Я люблю тебя, Мишенька. Но мы должны подчиняться правилам.

– Но ведь раньше у вас, до революции, не было ЗАГСов, ведь так? Если хочешь, то можем повенчаться. Посмотри, у меня и крестик есть.

– Я не могу Миша, я в бога не верю, да и что скажут в школе.

Это было их первое разногласие. Тогда они разговаривали до глубокой ночи. Это не был спор, но в разговоре незаметно проступали ростки непонимания и лёгкой обиды. Один переживал из-за того, что не может поступиться принципами, а другой боялся последствий, и просто переживал за жизнь дорогого для себя человека.

– Но почему я не могу законно жениться? – Спрашивал Михаил, когда в очередной раз сидел в кабинете у Вязова. – Вы же сами говорили, что я полноправный гражданин, ведь так?

– Гражданин, говоришь? – Вязов стал рыться в своём столе. – То, что я тебя предупреждал раньше, это Миша не в счёт. Ты человек, и можешь влюбиться в любой момент. Любовь непредсказуема для человека. Но мы говорим о тебе как о разведчике, как о будущем нелегале, собственно, для чего мы тебя и готовили с самого начала. Надеюсь, ты это не забыл. Посмотри пока эти фотографии, а я покурю, разволновал ты меня шибко.

Пока Вязов пускал дым в приоткрытую форточку, Михаил смотрел снимки и чувствовал, как всё его тело обволакивает неприятная слабость, руки его тряслись.

– Ну что? Узнал?

– Это же Сы Пу.

– Верно, это твой китайский друг Сы Пу. А теперь попробуй предположить, к чему я показал тебе эти снимки.

Михаил внезапно покраснел, и чтобы скрыть это, закашлялся.

– Ты эти свои шпионские штучки брось. Меня не проведёшь. Выкладывай на чистоту, что было в Корее.

– Но о чём вы, товарищ...

– Прекращай Ван Куан Ли. Мы не в театре.

Михаил встал и вытянулся по струнке.

– Интересно, что ты ещё выкинешь мне? Сядь, – приказал Вязов. – Ладно, начну я, раз ты не желаешь понимать. Эти снимки пришли по официальным каналам от китайских товарищей. Повторяю, официально. Переданы, так сказать, из рук в руки, и за ними следует большой перечень вопросов. Теперь ты можешь сказать, что было в Корее, а именно в Кунсане?

– Могу, – просипел Михаил сдавленным голосом.

– Только договоримся сразу. Или ты молчишь, или говоришь всё как было, иначе не получится.

– Я расскажу.

К тому времени, когда Михаил закончил свой рассказ, Вязов успел выкурить не одну папиросу.

– Ну что ж. Что было, то было. Но почему ты умолчал об этом? Почему соврал.

– Я не знаю. Я боялся.

– А! Вот видишь. Ты боялся. А за кого, изволь спросить. За кого ты боялся? За свою школу?

– Но вы же знаете, что я...

– Знаю. За себя ты не боялся. Ты боялся за всех нас, и потому скрыл, думая, что так будет лучше. Тебе бы следовало изучить русские поговорки.

– Вы про шило?

– Про него. Да, шило в мешке не утаить. Это как дважды два. Дело в том, что Сы Пу был очень серьёзным разведчиком. Да, ты должен был это понять! Ведь ты и сам разведчик. И китайцам естественно показалось странным, как такой профессионал мог погореть, по сути, на рядовом деле. В этом пакете полный отчёт, вся хроника, они даже перевели его на русский язык. Они разыскали тех корейцев, которые были на том задании, и даже тех, кто охранял японцев в порту. Ты представь, каких трудов это стоило им, но они их нашли. И теперь...

– Они ищут меня?

– Как ты догадлив. Тебя. Слава богу, что в тебе есть две извилины, а не одна. И потом, у нас же ещё есть поговорка...

Михаил с надеждой посмотрел в глаза Вязову.

... – Молчание...

– Золото? – просиял Михаил.

– Ох и скользкий ты тип, Идзима. Ладно, добивать тебя не буду. Грош была бы мне цена, если бы я не подготовил тебя

как надо. И не смотри на меня как преданный пёс. Не люблю я этого. Правда или нет, но у них нет ни одной фотографии с тобой. Они не знают тебя в лицо. Это конечно удача для нас. А если бы знали?

– А если бы у них это фото было?

– Тебя бы давно зарезали, вот что. Или выкрали, а потом повесили на площади, как предателя и врага. Потому что они точно знают, что произошло на самом деле, или уж, по крайней мере, догадываются, но открыто заявить не могут. Единственное доказательство это ты. Ты должен знать, что в Китае сегодня творится невообразимое. И оттуда бегут во все стороны все, кому не лень. У нас на границе с Китаем самая настоящая чехарда. Мы не знаем, куда девать перебежчиков. Дело в том, что среди них определённо есть не случайные люди.

– Они засылают к нам своих шпионов? Но ведь мы дружим.

– Эх, ты. А ещё разведчик. Миша, пойми, что для Китая нет друзей, а есть выгодные партнёры. Но это между нами. Если сосед не выгоден, то для Китая это потенциальный противник, которого он когда-нибудь раздавит. Мы сейчас выгодны Китаю, но кто скажет, что будет через десять лет. Что если мы поссоримся из-за какого-нибудь пустяка. Ручей не поделим, или остров на Амуре. А Китай уже видит такую перспективу, и засылает к нам своих разведчиков. Это их излюбленная стратегия. Китай умеет ждать. Китайцы очень

мстительны, и с помощью таких людей могут разыскать того, кто им нужен. Свой, чужой, им всё равно. Они просто выполняют поставленные задачи. И представь, что одна такая задача, найти некого Ким Сан Дё. И теперь давай вернёмся к началу нашего разговора. К твоей женитьбе.

– Я всё понял, Илья Ильич, – опуская глаза произнёс Михаил.

– Да ни черта ты не понял! Ты только думаешь, что понял. На самом деле в любую минуту к твоей жене может подойти незнакомый китаец, и представиться твоим товарищем, или даже другом. Ну и мысли дальше, ты это хорошо умеешь.

– Простите меня, товарищ подполковник.

– Да что ты как попугай заладил. Я ещё раз повторяю, ты всё сделал правильно тогда, и то, что в рапорте не указал... Но со мной-то мог поговорить! Да и вообще... Мы же не варвары, и кровь нам не нужна. Если бы ты взорвал тогда пирс, то погибли бы мирные люди, твои соотечественники. И тогда тебя искали бы уже другие организации. Твой конфликт с китайцем, конечно, на твоей совести, поскольку вы были в одной связке, но, что было, то было. Ты обязан был ввести нас в курс дела, а не держать всё это в себе. Ты совершил, по сути, преступление. В рамках своей профессии это преступление, я не преувеличиваю. И конечно, будет разбирательство. Как видишь, награда нашла своего героя.

– Что теперь делать?

– Что-что, сухари сушить.

– Но я уже был в лагере.

– Ну, слава богу, шутить не разучился.

– Какие уж тут шутки.

– Да уж конечно, мы серьёзные. Это глупость, и за неё с меня моё начальство может голову снять, впрочем, как и с тебя. Тебя ищет китайская служба госбезопасности. В китайской дипмиссии от запаха крови уже руки потирают. Твой единственный шанс спастись, это спрятаться, и чем глубже, тем лучше. Наверное, придётся поменять имя, на всякий случай.

– Пожалуйста, не надо, взмолился Михаил. – Дело не во мне. Я не смогу тогда скрыть правды от жены.

– И то верно. Вот, видишь, какой узел затянулся. Именно поэтому я тебе говорил, что для разведчика существует только одна жена – ночка тёмная. Ты же под угрозу ставишь жизнь человека, любимого человека. А если у вас дети пойдут, тогда что? О них ты подумал?

Они оба надолго замолчали.

... – Ладно, давай попьём чаю горяченького, помолчим, а потом решим, как жить дальше. Я, признаться, пока не знаю.

После крепкого чая Михаилу стало легче. Спазмы волнения прошли, и он попросил закурить папиросу.

– Ты же не курил, насколько мне не изменяет память. Ты это брось, Идзима. Втянешься, потом не отвяжется привычка.

– Я прошу вас.

– Ну и чёрт с тобой. Вижу, что ты окончательно испортился. Кури на здоровье.

Они молча выкурили по одной, стоя напротив открытой форточки.

– В общем, так, Миша. Для китайских товарищей ты Ким Сан Дё, военный советник, который погиб, выполняя свой интернациональный долг. Извини, что помучал тебя, ты это заслужил. Мы недавно разбирали дела и наткнулись на одного нашего товарища. В пятьдесят третьем, там же, в Корее, он подорвался на mine, кстати, казах. Хороший разведчик, опытный. С тобой у него сходства немного, но главное, что он тоже азиат. С фотографией фотохудожник немного поработает, иначе корейцы могут не признать его, вернее тебя. Тьфу ты, совсем запутал меня. Ну не станут же китайцы его могилу раскапывать. Пусть думают что хотят, а мы со своей стороны сделали всё, что они просили. Вот вам Ким Сан Дё, был в Корее, погиб в начале июля пятьдесят третьего. А тебе пока придётся не высываться. Может даже выехать в глубинку придётся. Ну, дальше Приморья, думаю, не стоит бежать. Заляжешь на дно где-нибудь в таёжном посёлке, браконьеров погоняешь, а там посмотрим. Поработаем ещё, потрудимся на благо нашего отечества. Ты как, готов?

– Хоть завтра.

– О как заговорил. А как же семья, жена? Ты брось, из поля да в воду. Горячка нам не нужна. Жди пока взысканий

по всей форме. Хотя, опять же. Какая форма. Тебя же нет. Ты же погиб в Корее, как герой.

– Но как вы можете, товарищ подполковник?

– Шучу я. Конечно, взыщем, – сказал Вязов улыбаясь. – Ещё как взыщем. А теперь на ковёр. Заправься, и приведи себя в порядок, разведчик.

Главный сидел за большим столом в облаке табачного дыма, и пересматривал снимки. После каждого снимка, а их было около десятка, он глубоко затягивался папиросой, удивлённо хмыкал, поглядывая на подчинённых.

– Да, дела. Ну что же, коллеги. Будем выяснять. Так сказать, из первых рук хочу услышать.

Михаил без энтузиазма снова начал свой рассказ, стараясь ничего не пропускать. Лев Терентьевич, щуплый на вид, сухой, и очень живой человек, своими пышными седыми и прожженными усами был похож на старого дворового пса. Развалившись в кресле, он внимательно слушал, лишь нервно постукивая карандашом по толстому стеклу, накрывавшему зелёное сукно столешницы.

– Что будем делать, Илья Ильич? – спросил он, поглядывая то на Михаила, то на Вязова. – Китайские товарищи в Москве недвусмысленно намекают, что их человек погиб неслучайно.

– Я понимаю, товарищ...

– Ни хрена ты не понимаешь, – спокойно перебил Лев Терентьевич. – Мне ночью с Москвой разговор держать, что я

скажу? Вы хоть это понимаете?

Главный в расстройстве отбросил карандаш, и полез за портсигаром. Молча раскурив очередную беломорину он махнул рукой на стулья. Молчали минут десять. Всё это время Лев Терентьевич пересматривал китайский отчёт и хмурился.

– Но скажи, пожалуйста, столько времени прошло. – Лев Терентьевич стал считать на пальцах. – Значит, Пусанская осада когда была? Осенью пятидесятого. Шестнадцатого сентября американцы начали наступление. Потом было отступление, во время которого вы сделали вылазку в Кунсан. Идея правильная, конечно, но это на тот момент. Сейчас это можно рассматривать уже двояко. Наши вышли из Кореи в пятьдесят третьем, летом. Мда. Почти пять лет прошло. Как говорить, преступление без срока давности. А что, Ван Куан Ли. Вы молодец. Такого богатыря завалили, – неожиданно произнёс Лев Терентьевич. – Сы Пу очень серьёзный разведчик. Он ещё с японцами воевал. Его послужной список вам и не снился. – Главный в который раз смерил Михаила взглядом и усмехнулся. – Ну и мы, выходит, тоже не лыком шиты оказались. Прямо, как я в свои лучшие годы.

– Я не специально, товарищ полковник. Так получилось.

– Ну да, он первый намахнулся, как говорят у нас в деревнях. Ладно, что умолчал в отчёте, мы за это накажем тебя по всей строгости, а вот что пирс в Кунсане не взорвал, это, слава богу. Гора с плеч. Я так понимаю, что это твоё гуман-

ное решение было, и своевременное, хочу заметить. Хотя, приказ-то ты не выполнил, не выполнил. – Лев Терентьевич пристально посмотрел на Михаила, долго выпуская табачный дым: глаза его предельно сузились, после чего заискрились лукавой улыбкой. – И слава богу, Миша! Американцам того и надо сейчас, чтобы крайних да виноватых искать. Сами напакостили, а вину на нас хотят повесить, всех собак, так сказать, собрать в кучу. Тут ещё этого пирса не хватало. Дело в том, что сухогруз тот, что японскими беженцами был набит, при выходе из бухты на mine подорвался. Спаслись единицы. Так-то, мои дорогие.

Эта новость ошарашила Михаила. Он хорошо помнил, как едва не угодил на борт этого сухогруза. Вспомнил и толстую японку, которой помог нести вещи до трапа. Это было удивительно, но судьба вновь пронесла его мимо острых уступов и оставила жить.

... – А у нас, как говорится, руки незапятнанные, и совесть чиста, – продолжал Лев Терентьевич. – Вот потому это дело и всплыло вместе с их сверхсекретным агентом. Сы Пу – это его легенда, как и наш Ким Сан Дё. Одно странно, как он попал в команду парашютистов. Кстати, заброска у вас удалась великолепная, в лучших традициях советских десантников. Я доволен. Признаться, как с души камень сняло. Людей, конечно, жаль, но это война... Между прочим... – Главный снова сузил глаза, всё так же лукаво поглядывая на Михаила, – северные корейцы представили Ким Сан Дё

к своей награде, какой-то большой. Но... – Лев Терентьевич сделал грустное лицо и развёл руками. – Теперь только посмертно, полагаю. Ладно, это всё неактуально. Вернёмся к нашей теме. Отчёт ваш пойдёт в дело, ту ещё надо кое где подшлифовать, детали, так сказать, свести, чтобы ниток не торчало. Дело-то действительно серьёзное, с китайцами дела у нас обстоят не важно, а тут ещё за него, кстати, уже комиссия международная взялась. Это у нас после драки кулаками не машут, а у них ещё как машут. Но и мы не лыком шиты. Вам товарищ Ван Куан Ли придётся по новой заполнить анкеты, вдруг их запросят. Но для этого сначала научитесь писать как все нормальные люди, правой рукой. Вы же левша, насколько мне известно. На это даю неделю. – Лев Терентьевич лукаво улыбнулся. – Надо Миша переучиться, мало ли что. Анкету могут по запросу китайцам послать, а там твой левый почерк. А казах наш правой был, тоже факт легко проверяемый. Так что постарайся. Если Москва запросит твои документы, то за тебя уже никто не сможет ручаться. Я знаю как это непросто, но обстоятельства требуют от нас продуманных взвешенных шагов. У нас с вами далеко идущие планы, и отдавать вас на растерзание мы не собираемся. Отбодаемся как-нибудь. Можете идти, и обо всём никому ни слова, ни полслова.

Вязов и Михаил замычали в один голос и на взмах начальника дружно удалились.

– Повезло тебе товарищ Ван Куан Ли. Сам не верю ушам

своим, и глазам тоже. Тронул ты нашего полкана. Обычно он с живого кожу сдирает, а тут даже против шерсти не погладил. Ничего не пойму. Чем ты его тронул? А чем ты вообще людей трогаешь, кстати? Женщин, например.

– Обаянием, теплотой сердечной...

– Всё, иди, зарабатывай на хлеб насущный, жену люби... Обаяй, как ты это можешь. Когда надо будет, позвоню. Не забыл позывной?

– Да, по поводу баяна.

Прошло два года. Они так и жили в своей уютной комнате, поделенной надвое. Варвара по-прежнему работала в школе, Михаил в геодезии. Жили они дружно, несмотря на то, что один вопрос их семейной жизни так и остался неясным. Время от времени Варя поднимала его, но встречая грустный и молчаливый взгляд Михаила, оставляла на потом, понимая, что требовать что-либо от человека, которого любишь, нельзя. В то же время Варя чувствовала, что её семейное положение очень неопределённое, что счастье её тихой семейной жизни может оборваться в один миг. Однажды Михаил пришёл домой очень поздно.

– А у нас был гость, – прямо у порога сообщила Варя.

– Интересно, кто мог быть нашим гостем? – спросил Михаил, перебирая в уме всех своих знакомых.

– Ну, он на тебя похож, немного.

– Гость был китайцем? – словно выстрелил Михаил, бро-

сая портфель.

– Ну, да, наверное. А что тут такого?

У Михаила даже вспотел лоб от волнения. – Как он выглядел? Точно опиши мне, пожалуйста.

– Но что стряслось. К тебе пришёл твой, ну, земляк, что ли.

– Вот, моя земля! Кто приходил, могу я узнать?

Варя растерялась и начала говорить всё по порядку. – Он повыше тебя... С усами... Но почему ты так взволнован? – Она вдруг задумалась. – Это странно, Миша. Ты таким никогда не был. Мне даже стало страшно.

Михаил подошел к жене и взял её за плечи. – Прости, я устал немного на работе. У нас сдача объекта, пришлось по-нервничать. Кто, всё-таки, был?

– Он назвал себя... Ой, я забыла.

– Может Владимир? – неуверенно спросил Михаил, вспомнив о своём друге и моля бога, чтобы это оказался именно он. – Он высокий, лицо у него странное. Волосы чёрные, а глаза серые.

– Ну да, точно. Володя и был.

Михаил сел на стул и скинул с головы шляпу. – Володька... Почему ты его не задержала. Ну, надо же. Я его сто лет не видел.

– Да как же? Он ждал тебя два часа. Посмотри, сколько сейчас времени.

– Извини, Варенька, я что-то потерялся во времени. От-

чёт по полевым работам сдаём, много чертежей. – Михаил попробовал встать со стула, но ноги едва держали, они буквально опустели. Это был страх, о котором он и не мог подозревать. Он открыл окно и выкурил несколько папирос, чем очень сильно удивил жену.

– Не буду больше, правда. Это я так, разбередило. О Володьке вспомнил.

– Это твой друг?

– Мой самый большой и единственный друг в этой... – Он едва не сказал: «в этой стране», но оборвал фразу на полуслове, и продолжил: – В этой жизни.

– Днём звонили тебе, про какой-то баян говорили.

– Какой ещё баян? Ах, ну да, баян. Это по объявлению. Сто лет назад повесил, а они всё звонят.

Михаил вздохнул. Звонил Вязов. С утра надо было идти в контору. Звонок несколько озадачил его, но памятуя о том, что последний раз он был у Вязова несколько месяцев назад, он успокоился. Приход Изаму выбил его из равновесия, он подумал, что приходил кто-то неизвестный ему; в голове молниеносно возник последний разговор на ковре у главного. Разумеется, допустить то, что его могли отдать на растерзание китайцам, было нелепо, но и исключать это он тоже не мог. Писать правой он научился быстро, даже стал рисовать, чего раньше за его левой рукой не наблюдалось. Анкеты все переписал, и всё было у него вроде бы в норме, но этот неожиданный приход Изаму ставил всё на место. Он был уяз-

вим, даже очень. И теперь, когда впереди могла маячить какая-нибудь командировка, он уже думал не о себе, а о Варя, о том, что она может оказаться вот так один на один с кем угодно, если его будут искать. После таких переживаний, у него развеялись все иллюзии относительно их спокойной жизни. На следующий день эти переживания воплотились в реальность.

Вечером, когда Варя пришла из школы, он стоял у окна, снова курил и даже не заметил её внизу под окном.

– Что случилось Миша? Ты же говорил, что больше не будешь курить.

Он словно не услышал её, продолжая закручивать сценарии своих мысленных построений. На подоконнике в пепельнице уже лежало пять окурков папирос.

– Извини, не услышал тебя, – опомнился Михаил, задавливая окурочек. Он посмотрел прямо в её глаза: – Я должен уехать. Надолго уехать. Только не спрашивай куда, просто так надо, – заговорил он нервно.

– Но что случилось, Миша? Откуда этот тон? Что значит так надо? Ты уедешь, а я снова останусь одна? Ради бога скажи что произошло? – Варя уронила свой портфель на пол, облокотилась о дверной проём и заплакала. Он знал, что в таких случаях надо, чтобы женщина выплакалась. Пока она ходила умываться, он достал из-под кровати чемодан и выгреб из него все свои сбережения.

– Вот, всё, что мне удалось скопить. Прости, что не гово-

рил.

Эти деньги были его зарплатой, пока он был в командировке в Корею и Китае. Сумма оказалась немалая.

– На что мне эти деньги? И откуда такая сумма, Миша?

– Это мой заработок, не волнуйся. Я был в экспедициях, а там... Ну, на что в тайге деньги, скажи. Вот они и накопились за много лет. Денег нам хватало. Ну как я могу тебе говорить неправду?

– И ты опять едешь в эту экспедицию? Ну ладно. Раз надо, то поезжай. Но скажи, если это возможно, почему так неопределённо? Я знаю, что подобные мероприятия всегда планируют, а ты исчезаешь словно навсегда... И так неожиданно.

– Я ведь и до тебя часто уезжал. – Михаил уже предвидел такой характер разговора, и приготовил подходящий рассказ о своих долгих отлучках. – Я геолог, Варя. И по долгу службы нам приходится колесить по всей стране. Исследования требуют много времени. Одна наша группа не могла вернуться больше года. Это было на Крайнем Севере. У них не было связи, пришлось всю зиму кочевать с оленеводами по тундре. Если бы не эти оленеводы, то все члены группы погибли бы. Они чудом выжили. Посмотри на карту севера. Там ничего нет, одна тайга и тундра. Но земля там очень богатая. То, что мы ищем, это государственная тайна, но тебе я скажу, только, пожалуйста, никому не говори. Мы ищем драгоценные металлы, в основном, золото. Но об этом никто

не должен знать. Последние годы меня не брали, учитывая моё семейное положение, но в этот раз мне придётся уехать.

– Когда ты вернёшься? – с напряжением в голосе, спросила Варя. – Скажи только, что ты вернёшься, и я буду тебя ждать.

Он взял её руки и прижал к себе. – Я вернусь, непременно вернусь.

Всю неделю каждый день с утра до позднего вечера Михаил пропадал в конторе, работая над будущей операцией, приходил домой уже без сил. В последний вечер, когда он вернулся поздно, вымотанный и молчаливый, Варя опять не выдержала и заплакала.

– Ну что происходит, Миша? Я тебя не узнаю. У меня земля уходит из-под ног, я только и думаю, что о тебе, о том, как останусь одна. Это невыносимо, Миша! У всех мужья как мужья, дома сидят, работают, а ты мотаешься неизвестно где. Я так больше не могу!

Она снова расплакалась, и на этот раз ему пришлось её успокаивать. Однако вскоре она начала снова.

– Но мы же об этом говорили, Варя. Я готовлюсь к поездке, у нас много работы.

... – Я всё узнала, Миша. Прости меня, но я скажу, что я думаю. Твои экспедиции – это всё враньё. Никакая геологическая партия не длится более одного сезона. Я, конечно, допускаю, что раньше, до войны, или до революции, люди могли потеряться и прозимовать в тайге, или на острове на

каком,

даже погибнуть. Но сегодня у всех есть рации. Понимаешь, рации. Есть самолёты и вертолёты. Скажи мне правду! Я знаю, что это будет нелегко, услышать правду. Но жить в неведении, во лжи ещё хуже. Скажи, я прошу тебя! – почти закричала Варя.

– Да, ты права, – сильным голосом произнёс Михаил, не пряча глаз. Он понял, что дальше говорить неправду он не может, но говорить правду он тоже не имел права. Он не знал, что ответить жене.

– У тебя есть другая женщина? Я верно сказала? Ведь так?

– Так, – неожиданно вырвалось у Михаила. Он понял, что эта случайная ложь будет для него единственным выходом, и ничего другого он сказать не сможет. – Прости меня. У меня есть ещё одна семья. Так вышло.

– И ты всё это время ездил туда?

– Не всё.

– Спасибо за правду. – Она подошла так близко, что он слышал, как стучит её сердце. Губы её тряслись. По её лицу он понял, что она сейчас его ударит. Это произошло через секунду. Она ударила его по щеке, а потом упала на его плечи. – Мишка! Ну что же ты натворил! Что же ты наделал!

Он обнял её и тоже заплакал.

Когда все слёзы высохли, и когда за окном уже стали заметны всполохи утренней зари, они всё ещё сидели у письменного стола.

– Когда меня не будет, ты, пожалуйста, ни о чём не говори ни на работе, нигде. Не нужно никому знать о нашей жизни, – попросил Михаил.

– Конечно, – равнодушно ответила Варя. – Да и о какой жизни говорить?

– Извини. Но всё равно, не говори. Деньги, пожалуйста, возьми. Это моё требование, хотя, как я могу требовать чего-то от тебя. Я прошу.

– Ладно. Что ещё?

– Не думай обо мне плохо, просто так вышло, понимаешь. И прости, если сможешь.

Через час у подъезда остановилась «Победа». Он взял полупустой чемодан, и, не оглядываясь, тихо вышел из комнаты. Проходя по тёмному коридору, он услышал, как плачет жена. Он остановился. Дом провожал его в молчании. Он вышел на улицу, потом повернулся, перекрестил всё, что осталось за дверьми этого дома, и пошёл к машине.

Бомба.

Его долго готовили. По легенде, будучи советским специалистом, он ехал помогать дружественному китайскому народу поднимать экономику, а именно военно-промышленный комплекс. Он разучивал биографии своих двойников, чью жизнь ему, возможно, предстояло сыграть, модели поведения, варианты ухода и возвращения, включая нелегальный переход границы. Десятки историй были уложены в его

памяти аккуратными стопами, сотни имён и фамилий, адресов и явок... Всё это пришлось учить на память не один месяц, и пересказывать по несколько раз в день. Конечно, он не горел желанием играть в разведчика, тем более покидать любимого человека, уютную квартиру, но маховик невидимой машины уже вовлёк его в движение, и выйти из него было уже не возможно, да он и не желал этого. Работа требовала от него максимальной самоотдачи, от которой его сердце начинало стучать сильнее, он словно начинал гореть. Помимо этих первичных обязанностей, Михаилу пришлось пройти ознакомительный курс ядерной физики и ракетостроения, поскольку причиной заброски было решение Хрущёва передать Китаю технологию производства атомной бомбы. Для ведомства, в котором работал Михаил, это было настоящим шоком, но приказы сверху не обсуждались. В срочном порядке были мобилизованы все дополнительные резервы, задействованы люди, работающие в сфере ядерной энергетики. Масштабы охвата потрясли воображение. Некоторые вопросы этого непростого дела комитет в срочном порядке решил взять под свой контроль, поскольку Мао Дзэдун уже не просил, а требовал от Хрущёва помощи в создании ядерного оружия. По этой причине тысячи советских учёных были отправлены в Китай. В числе их был и Михаил. Используя опыт работы в Порт Артуре, на этот раз он должен быть наблюдать за китайскими учёными, а так же проработать всю агентурную цепь в Пекине. На вопрос, сколько ему придёт-

ся пробыть в Китае, Вязов не раздумывая ответил – пока не построят бомбу. Это значило несколько лет. От осознания этого Михаила захлёстывало и отчаяние, и иступлённая решимость довести это, быть может, последнее и единственное настоящее дело в его жизни, до самого конца. Уезжая, он испытывал сложное чувство давления тяжёлого холодного груза неминуемого расставания с Варей, и в то же время, волнения, подталкивающего его вперёд. Он словно оказался на борту парусного судна, готового пуститься в дальнее странствие. Когда он сел в машину, и захлопнул за собой дверь, он залпом выдохнул и миг забыл о том, кто он и откуда. Он знал, что с этого мгновения начинается новая неизвестная жизнь, которая может закончиться в любую минуту и в любом месте земного шара, но от которой он не откажется никогда и ни при каких обстоятельствах.

На месте водителя сидел Вязов. Он не стал задавать ненужных вопросов по поводу прощания с женой.

– Давай, Миша, ещё раз, не пропуская, пока мы ещё дома, – продолжил Вязов инструктаж.

– Я долетаю до Алма-Аты. Тамвливаюсь в группу советских учёных. По документам я молодой физик, еду в Китай с группой специалистов.

– Всё верно. В Пекине тебя заменят. Про запас у тебя будут китайские документы, пропуск, позволяющий беспрепятственно передвигаться по стране, документы советского учёного. Но пользоваться ими можно будет в крайнем слу-

чае, и только через наших дипломатов. В первую очередь ты китаец Чен Ли, который ищет работу в городе. Ты должен выйти на человека, который покажет тебе тайник, через него ты будешь получать деньги для связных, карточки на продукты и прочее. Особую ценность для нас имеют, как не покажется странным, талоны на питание. В Китае сейчас голод, и тебе это предстоит увидеть, поэтому с этим материалом особо бережно работай. Так же пропуска. Используй лишь по прямому назначению. Одна из твоих задач в том, чтобы выйти на коридоры, по которым к нам проникают перебежчики. Ты уже знаешь, что для нас это одна из самых щекотливых тем, и тебе придётся так же заняться этим вопросом. Для этого среди наших людей в Пекине есть человек, с которым ты будешь работать в этом направлении.

– А что же с моей группой?

Вязов рассмеялся: – Здесь твоя задача упрощается. Группа учёных, с которой ты летишь, для тебя лишь прикрытие. Если всё сложится положительно, то твоя работа будет самостоятельной, но пока загадывать не будем. На самом деле в группе есть наши люди, так что не волнуйся. Ещё раз повторюсь, что нам в первую очередь необходимо проверить цепочку связных. Это самое и самое важное. В Китае сейчас происходит непонятное, поэтому от тебя требуется предельная собранность и осторожность, будь осторожен со всеми без исключения. На это может уйти год, за это время ты успеешь освоиться, понять, где находишься, не исключая, что у

тебя появится там жена.

– Но как же так? Илья Ильич.

– Я сказал, не исключая, этот вариант прорабатывается, но ты к нему должен быть готов, это работа.

– Илья Ильич, вы сказали, происходит непонятное. Что это значит?

– Молодец, что задал этот вопрос. Я ждал его, и держал его на последний момент. Ещё раз говорю, что поездка эта необычная, дело действительно опасное и ответственное. Мы и сами не понимаем, что происходит. Дело в том, что в Порт Артуре пропал один очень хорошо законспирированный агент. Представь себе, этот человек работал ещё на царскую Россию. Ему больших трудов стоило выйти на советскую разведку. Ещё два наших агента исчезли в Харбине. И тогда мы стали выяснять, что могло стать причиной. У меня в Москве есть надёжный источник, и из него стало известно, что недавно в Москву прилетал очень важный китайский чиновник, связанный со спецслужбами. Он правая рука Мао Цзэдуна. Если такие люди приезжают в одиночку, то они действуют от лица первого человека государства. Что-то вижу в этом нехорошее для нас. В общем, мы в огне, другого слова не подобрать.

– Агония, вы хотите сказать?

– Примерно так.

– Но, что могло случиться? Мало ли кто приезжал в Москву.

– Есть предположение, что по личной просьбе Мао наши чиновники от разведки выдали китайским спецслужбам всю нашу агентурную сеть.

– Но этого не может быть!

– Не кричи, Миша, всё равно никто не услышит. В этой жизни может быть всё.

– Но там живые люди! Они столько лет работали на СССР.

– Пока это только предположение, но поделиться им с тобой я обязан.

– Но вы же сами сказали, что агенты пропали. Ведь не может пропасть просто так человек. Но ведь это же война.

– Не паникуй, когда начнётся настоящая война, ты догадаешься. Ты не кипятись. Ты едешь в Китай под хорошим прикрытием. В случае чего, мы тебя отзовём. Люди могут пропасть по разным причинам. Постоянное напряжение, страх быть обнаруженным, люди просто могут скрываться. Поэтому мы отправляем именно тебя. В течение недели мы отправили несколько человек в те места, где менее опасно, для тебя осталось самое сложное – Пекин. Там китайские спецслужбы не то, что человека, муху не пропустят, но к нашим делегациям они пока относительно спокойны. За последний год они поймали двести американских диверсантов, и основное их внимание направлено именно на американцев. Но и нам не стоит расслабляться. Со временем ты освоишься, и связь с нашими людьми среди советских учёных будет идти так же и через тебя.

– Страховка?

– Да, здесь ты работаешь в составе большой статистической группы, и будешь пользоваться документами советского учёного. В Алма-Ате к тебе подойдёт наш человек для знакомства. Он обрисует тебе схему связей, контактов и способов передачи информации. Но всё это, как ты понимаешь, имеет официальный характер, а значит, имеет ограничения, связанные с протоколами, регламентом и прочими политическими условностями. Но разведка должна идти дальше, в этом её цель. Мы, и никто другой обязаны налаживать связь на неофициальном уровне, через чиновников всех рангов и уровней, и этим занимаются. Но с Китаем, почему-то не всё гладко. Можно сказать, что они нас в чём-то переигрывают.

– Вы хотите сказать, что китайских чиновников не удаётся подкупить? А наших можно?

– Ты всё видел при сдаче Порт Артура. Дело не в подкупности, Миша. А в особенностях национального характера. Восток, это всегда двойная игра. Вот почему такие люди как ты нам крайне необходимы. Только отнесись к моим словам правильно.

– Я понимаю. Но смогу ли я?

– Не волнуйся, ты там не один. Мы никогда не переставали работать с китайским чиновничьим аппаратом, но с приходом нового генсека...

– Значит, нет никаких братьев навек? Только интересы?

– Выходит что так. Ладно, не будем впереди лошади бе-

жать, у нас ещё есть время, давай немного поиграем, проверим твой кругозор, а заодно и память, на тот случай, если тебе придётся пользоваться документами советского учёного. Итак, основная тема твоей научной работы?

– Ураносодержащие руды.

– И что тебе известно о них?

– Ну, ... Это осадочные породы, органогенно-фосфатного типа. В их состав входят...

– Понятно, можешь дальше не продолжать. Кого ты знаешь из китайских учёных, кто нам наиболее интересен? С кого начнём?

– Чу, наверное, с Чжао Чжуняо?

– Это почему? Чем он лучше других?

– Он же американец.

– Нет, Миша, он китаец. И за родину готов душу продать. Ещё можешь назвать?

– Конечно. Цянь Сэньчжань.

– Это их стержень, на нём вся китайская ядерная программа держится. Учился у самих Кюри. Его будут охранять солдаты особой спецчасти под номером восемьдесят три сорок один. Держись на расстоянии, если увидишь это подразделение. Они специально отбирались для охраны чиновников КПК и таких вот людей, вроде Сэньчжаня. Они же будут охранять секретный объект в Лань Чжоу. Ты помнишь, что это за объект?

– Разумеется. Там будут добывать уран.

– Верно. Всё, что связано с Лань Чжоу, для нас представляет особый интерес, имей это в виду. А слово Чугучак тебе о чём-то говорит?

– Конечно, это город, там уран будут добывать.

– Хорошо. Ещё фамилии можешь назвать?

– Ян Чженсун. Хуа Логен, он, кстати, тоже из Америки приехал в Китай.

– Вот именно. А это значит, что здесь идёт какая-то непонятная игра, и мы должны в ней разобраться. Китайцы арестовывают двести шпионов американских, в то время как Америка добровольно выдаёт им одного из лучших специалистов в области ядерной физики. Не странно ли?

– Непонятно.

– То-то и оно, что непонятно. В Китае сегодня происходит невиданное по размаху строительство, они готовы без штанов остаться, голодать, но занять бомбу.

– Зачем это нам? Почему Советский Союз должен помогать Китаю? Такими секретами не разбрасываются.

– Помешать в этом мы не сможем. Не мы, так другие найдутся. Годом раньше, годом позже, но у Китая всё равно будет своя бомба. Но тогда Китай повернётся к нам спиной, а может и задом. Сейчас кому-то очень важно поссорить нас с Китаем, и чтобы этого не произошло, нам важно быть в курсе их дел. Нам нужны мирные сильные соседи, это будет хорошим стимулом для развития собственной экономики. Это подстёгивает, понимаешь? Советский Союз взялся

поднять весь военно-промышленный комплекс Китая, строятся сотни заводов по всей стране, в планах железная дорога до Ланьчжоу. И там тоже без наших специалистов не обойдётся. Так что, работы хватит надолго. Не могу допустить, что на этой волне эйфории кто-то решил избавиться от наших людей. Одним разом. Но мы с тобой разведчики, и надеяться на что-либо не наш профиль. Если такое допустить, то получается, что кто-то посчитал, что содержание агентуры дорого обходится стране. Чем-то рынок напоминает всё это. Но это уже не мне судить. Если это действительно так, то наша задача вывести как можно больше людей из-под удара. Но опять же, пока это только наши догадки, и ты едешь для проверки агентуры. Ну и на прощание я приготовил тебе хорошую новость.

Машина уже успела заехать на территорию аэропорта, и они вышли из кабины. У входа в здание толпилось много провожающих.

– Вот человек, которого ты должен разыскать в Пекине в первую очередь, – сказал Вязов, протягивая фотографию. Он улыбался.

– Михаил сначала не поверил своим глазам. – Но это же Ли Вей! Он всё ещё работает? Он жив?

– Ну, разумеется.

– Но почему вы молчали?

– Не шуми так. Всему своё время. Оно пришло, и ты узнал.

– А вы знали, что он жив?

– Конечно. Приедешь, он сам тебе расскажет. Запоминай адрес.

Новость настолько воодушевила Михаила, что он забыл о предстоящих трудностях и опасностях будущей работы. В полёте он только и думал о предстоящей встрече. Ли Вей был жив, несмотря на преклонный возраст и пережитую войну в Корее, он всё ещё был в строю. Это было удивительно.

В Алма-Ате Михаил присоединился к группе учёных, там же он встретился с нужным человеком, обговорив все необходимые шаги будущего дела. Оставалось ждать рейса на Пекин. По погодным условиям рейс несколько раз откладывали, поэтому ожидание затянулось на целые сутки. Уже перед выходом на летное поле его неожиданно окликнул пограничник и попросил пройти в комнату дежурного. Там на столе уже лежала трубка телефона. Дежурный оставил Михаила одного, на другом конце провода был Вязов.

– Все предположения подтвердились, Миша. Поэтому выход из группы запрещаю, по крайней мере, на перовое время. От группы ни на шаг. Мы прорабатываем этот механизм, но тебе рекомендовано не спешить. За Ли Вея не волнуйся, он знает как себя вести, а с тобой могут произойти непредвиденные вещи. Ты всё понял? Только в группе.

Михаил долгое время молчал, соображая, что ответить.

– Это приказ?

– Да, это приказ.

– Я всё понял, – произнёс Михаил и положил трубку. Он понимал, что нарушение прямого указания может действительно повлечь непредсказуемое развитие операции, но решил, как советовал Вязов, не бежать впереди лошади, и действовать по ситуации.

В Пекинском аэропорту Наньюань у них проверили документы, сверяя фамилии списком. Работники были предельно вежливы и доброжелательны и буквально светились улыбками. Ни что не говорило, о злом умысле и, тем более, о заговоре против России. Но помня о пропавших связных, Михаил уже не верил этим улыбкам, хотя сам при этом улыбался ещё шире и искренней, словно это был не ритуал приветствия, а соревнование по растягиванию рта. В гостинице им объявили о культурных мероприятиях, которые начинались со знакомства с городом. Это было на руку, поскольку окунуться в незнакомый город было страшно, и Михаил решил использовать время для обдумывания плана своих действий. Он ещё не был уверен в том, что нарушит приказ Вязова, но чётко осознавал, что обязан как можно скорее связаться с Ли Веем, это было главным. Они посетили императорский дворец, потом всех сытно накормили в столовой для политработников, куда пропускали по особым пропускам, но их группа снова прошла одним списком. Вечером им объявили, что на следующий день в качестве культурной программы их повезут куда-то на юг, и в Пекин они вернуться лишь через несколько дней. Поняв, что надо действовать, Миха-

ил проглотил таблетку, которая следующим утром вызвала неприятную сыпь. Врач, находящийся в группе, определил, что это связано с переменной климата, и посоветовал вернуться в Советский Союз, пока не дошло до осложнений. Михаил естественно согласился. Тем же вечером, получив рекомендации от китайского сопровождающего, он отправился самостоятельно в аэропорт. Ему стоило больших трудов убедить службу в том, что он справится с этой задачей, в конце концов тот согласился. Убедившись по дороге, что за ним никто не следит, Михаил отправился искать Ли Вея. Теперь он понимал, что шансов вернуться в группу у него практически нет, и если его отсутствие будет продолжаться больше суток, то тогда он окажется вне закона. Но отступать было поздно.

Пекин оказался вытянутым с севера на юг малоэтажным городом. Его центральная улица, разрезанная двумя полосами трамвайных линий, тянулась через весь город на многие километры. Сидя в повозке, Михаил вспоминал своё прошлое в Порт Артуре, когда ему приходилось наматывать по городу с утра и до позднего вечера многие километры вместо лошади. Рикша, который его вез, словно не замечал своего пассажира, его основной задачей было не столкнуться с другими рикшами, которых в городе было огромное количество. Встречались и конные экипажи, и автомобили, и всё это создавало особый восточный колорит, не прочувствовать который было невозможно. Вокруг торговых лавок толпились люди в ожидании привоза продуктов: Михаил ещё от

Вязова узнал, что в Китае большая нехватка продуктов питания. У всех продуктовых магазинов стояли очереди, но даже они не были большой преградой для покупателей. Рис выдавали по талонам в очень ограниченном количестве, и если человек не имел такого талона, то мог умереть от голода. В то же время, из толпы выделялся тип людей, на лицах которых был виден достаток и сытость. Это были работники органов управления государством. Пекин поражал разнообразием, где в одном большом узоре сочетались самые разные социальные слои от бедных торговцев сушёными бананами и морской капустой, нагруженных высокими поклажами, до обеспеченных партийных чиновников с причёсками, напоминающими стрижку великого кормчего. Это было похоже на большой муравейник со всей его иерархией.

Найти Ли Вея оказалось непросто, поскольку спрашивать людей Вязов категорически запретил, но первое знакомство по городу в составе группы дало свои положительные результаты. Ориентироваться в центре помогали и карты, которые он изучал дома, во время подготовки, и вопрос решало только время. Адресом оказался перекрёсток одной из пекинских улиц – Ванфуцзин, где Ли Вей, немного в стороне от людского потока, сидя на маленьком раскладном стульчике, чинил обувь. Поодаль сидели ещё несколько таких же мастеров, и у каждого было своё маленькое предприятие. Это была, своего рода, артель, но в которой каждый был сам по себе. Увидеть Ли Вея в роли обувщика было так предсказуемо

и вместе с тем необычно, что Михаил едва скрыл изумление. Орудяя допотопным механизмом, старик зашивал порванную обувь, прибивал каблуки, и даже смазывал поверхность водоотталкивающим составом. Рядом с ним стоял большой деревянный ящик с инструментами, и было непонятно, как такой хрупкий и старый человек, мог принести его сюда. Они долго смотрели друг на друга, не произнося ни слова. Оставив свою мастерскую прямо на мостовой, Ли Вей поднялся, и прошёл мимо него. Михаил осторожно оглянулся по сторонам, и некоторое время просто стоял, удерживая в фокусе зрения всю картину, потом лениво поплёлся за стариком, не выпуская ни на секунду его из вида, поскольку каждое его движение могло быть сигналом к действию. Они прошли по улице. Ли Вей постоял у газетного киоска, взял одну газету и поплёлся обратно. Михаил выждал паузу, а потом пошёл за ним. Когда он вернулся к перекрёстку, Ли Вей все так же сидел на своём рабочем месте, и, пользуясь тем, что не было клиентов, важно пересматривал газету. Михаил понял, что Ли Вей дает ему знак быть осторожным. Уловив на себе взгляд, Михаил уселся на землю, оказавшись как бы между сапожниками, затем снял с ноги ботинок, незаметно оторвал от него язык, и, после недолгого раздумья, сунул башмак прямо под нос Ли Вею. Улыбка старика не заставила себя ждать. Покрутив ботинок, он быстро пристрочил машинкой оторванный язык, взял монетку, и вернул Михаилу готовый ботинок.

Ему пришлось прилично побродить, чтобы убедиться, что хвоста нет. Найдя укромный закуток, Михаил вытащил стельку, под ней лежала записка, в которой был адрес – «Я Бао Лу, 10». Поплутав по городу, он нашёл эту улицу, оказавшуюся целым торговым кварталом, в котором, на его удивление, проживали много русских эмигрантов. Вывески на магазинах, европейские лица, всё говорило о том, что в этом районе уже давно жили русские. Он даже поймал себя на желании заговорить с первым встречным, настолько неожиданно и приятно было видеть в самом сердце Китая русских людей. Найдя нужный дом, он растерянно остановился. Это был небольшой магазинчик, где торговали русскими предметами, – шкатулками, деревянными ложками и даже самоварами. Здесь же под навесом друг на друге стояло несколько старых гармоней. На одной из них он прочитал объявление на русском языке – «Чиню хромки». Людей вокруг не было, было понятно, что на этот товар нужен особый покупатель. У входа сидела пожилая седая женщина и расписывала красками деревянную ложку. Рядом с ней стояла корзина, наполовину заполненная такими ложками.

– Чего тебе? – рассеяно спросила женщина, не отрываясь от работы. Её китайский был трудно понятен, но Михаил понял.

– Мне жильё. Ночлег, – произнёс Михаил, оглядываясь по сторонам.

– Ещё скажи, что на обед свиную грудку, – недовольно

проворчала женщина, не отрываясь от своего занятия. Наконец, она отложила доделанную ложку и поднялась. – За так не пущу.

– У меня есть деньги, – улыбаясь во весь рот, произнёс Михаил, протягивая бумажные юани, и понимая, что недовольство хозяйки обыкновенная женская игра.

– Эти бумажки можешь вернуть главному кормчему. Талоны у тебя есть? Хотя, ладно, давай, гляну. – Женщина внимательно осмотрела купюры, потом столь же пристально оглядела фигуру Михаила. – А ты кто? Откуда у тебя адрес?

– Михаил кивнул, и снова расплылся в улыбке. – Меня зовут Чан, а дядя Хэн мой дальний родственник. Он сапоги чинит, на улице...

– Хэн, говоришь... Дак ты приезжий? Откуда вы плодитесь, – ворчала уже на русском хозяйка, не беря во внимание то, что её могли не понимать. – В городе не продохнуть стало, не пройти, не проехать. Скоро жрать будет нечего, а они всё едут, родственники.

Проходя в пространство дома, Михаилу было забавно слышать эти слова; хозяйка провела его под самую крышу в комнату с низким потолком, но довольно просторную и жаркую.

– Если устраивает, то можешь располагаться. Вечером чего-нибудь приготовлю. Но о рисе забудь.

Михаил улыбнулся и кивнул.

Он проснулся уже на закате, голова была тяжёлой от ду-

хоты. Открыв глаза, Михаил увидел над собой Ли Вей.

– Ли Вей, куда я попал?

Ли Вей вздрогнул от произнесённых русских слов, и полшёпотом произнёс: – ты в Поднебесной империи. Ты в Китае, сынок.

Старик заговорил на китайском. Они обнялись и долго не отпускали друг друга.

– Нам надо уходить, Ли Вей, – сразу начал Михаил. – Я приехал за тобой.

Он подробно пересказал свой разговор с Вязовым, вскользь упомянув, что самовольно вышел из группы. Старик слушал очень внимательно, не перебивая, лишь изредка покачивая головой. Когда Михаил закончил свой рассказ, он ещё некоторое время молчал, поглаживая свою острую бородку.

– Мои подозрения подтвердились, – наконец, сказал Ли Вей. – Неделию назад через одного из моих помощников меня вызвали в советское представительство. Это было так неожиданно. Я отказался, но меня позвали снова. Через связного я объяснил, что в нашей работе недопустимо выходить на прямой контакт с резидентом. Неделию я не выходил с ним на связь, но поручил одному человеку следить за ним. Потом я с ним встретился, и этот связной показал мне медаль, ему её вручили китайские власти. Такой глупости я даже представить не мог. Потом он пропал. Твой рассказ многое проясняет. Подозреваю, что его либо упрятали, чтоб не пробол-

тался, либо предложили игру, а он её не принял. Теперь всё встало на свои места. Ты должен уехать Синтаро-кун. Завтра же возвращайся в группу, а лучше сегодня, пока не поздно. К советским учёным китайцы пока проявляют лояльность. А ещё лучше, воспользуйся своими документами, и уезжай. Причину задержки, думаю, ты уже проработал. Тебя, конечно, разжалуют за то, что не послушал приказа, но здесь тебе уже делать нечего. Бомбу создадут и без тебя.

Ли Вей некоторое время молчал, словно ждал реакции на свои слова, но заговорил снова: – Я прожил долгую жизнь, мой мальчик, и хочу, чтобы ты мне поверил, или хотя бы прислушался. Игра в разведчика хороша только со стороны... В жизни есть много того, что не требует бегства на край света.

– Я тебя не понимаю.

– Я так и думал. Ты как стойкий оловянный солдатик, есть такая сказка. Грустная, печальная история про то, как ...

– Я знаю эту сказку, Ли Вей, – перебил Михаил.

– Прости меня, старика. Когда-то я столкнул тебя на этот путь, и теперь очень жалею. Мне не хочется, чтобы ты оказался в моём положении, без родных, без родины... Есть простое человеческое счастье, и им надо дорожить.

– Но кто же будет делать нашу работу? Мы не выбрали этот путь, он нас выбрал.

Старик отвернулся, Михаил догадался, что Ли Вей едва сдерживает чувства. Потом он приблизился и обнял его.

– Спасибо тебе Синтаро. Я знаю, что ты никогда не станешь предателем, это противоречит твоей природе, но никогда не думал, что ты настолько возмужал, и кроме того, мудрый. Спасибо. Конечно, я не жалею о прожитой жизни и о том, чему её посвятил, но с высоты лет она стала походить на факел, короткую вспышку, и теперь я понимаю, что она вот-вот должна погаснуть. Такова природа огня, поверь. Мы как источники света когда-то гаснем, и осознавать это тяжело именно в моём возрасте. Ещё труднее мне осознавать, что произошло здесь, в Китае, где я столько лет отдал нашему делу. Мы не можем сохранить и уж тем более, создать новую сеть, если это не нужно стране, которая нас сюда послала.

– Но мы можем спасти людей.

– Людей надо спасти, но каких? Ты можешь точно сказать, кого перевербовали китайские спецслужбы, а кого нет? Ты даже не представляешь себе, с кем имеешь дело. Ты не знаешь китайской разведки.

– Наверное, это так, но сидеть, сложа руки, я не смогу, Ли Вей.

– Называй меня Хэном. Я просто Хэн. Ты спросил меня, куда попал, и я ответил тебе. Ты в Китае. Здесь всё пропитано игрой в шпионы. Отрезвляет то, что это очень жёсткая игра.

– Меня готовили около года, я и без тебя знаю, что здесь всё непросто, – заупрямился Синтаро. – Ведь и мы не мальчишки для битья, разве не так?

– Вижу, что ты меня не услышал, – качая головой, произнёс Ли Вей. – Когда я тебя увидел на улице, у меня едва не вырвалось – «Беги отсюда!». До сих пор не могу поверить, что тебя ещё не засекала китайская разведка. Здесь каждый мальчишка может быть разведчиком, каждый молодой китаец. Приятная девушка может быть агентом спецслужб. Для них любой незнакомый человек – возможный враг. А от тебя за версту несёт, что ты чужак. Ты ещё даже не имеешь тот запах, который присущ каждому китайцу. Твоя походка, поведение, манера говорить, всё это жалкая попытка, нелепое подобие. В стране, где на каждом углу ловят шпионов, тебя раскусят как лесной орех. Здесь невозможно стать разведчиком за короткий срок. Вообще быть им здесь невозможно. Так когда-то было и в России.

– Да, это очень трудное время, я слышал.

– Но ты не видел, Синтаро. Хотя, что я говорю. Ты сидел в лагере.

– Я не могу просто так уехать. Меня прислали помочь тебе.

– Ты здесь как слепой щенок, и вряд ли сможешь что-то сделать, – резко прервал Ли Вей. Сидя на полу, на корточках, в полумраке освещённого последними лучами солнца чердака, Ли Вей уже не казался комической фигурой, как это было на улице, где он услужливо подбивал подошвы. Это был неизвестный, и даже таинственный человек, внутренняя сила которого проявлялась в каждом слове и движении. Жизнь

и работа лишили его индивидуальности: одновременно он был и тем китайцем, которого некогда знал Синтаро, и никем, даже ничем. Синтаро не узнавал своего друга, и даже испугался его отстранённого, отсутствующего взгляда.

...— Первое, что ты обязан знать здесь как разведчик, что самый коварный враг, это тот, кто называет себя твоим другом, — произнёс Ли Вей. — Ты к этому не готов. Но я знаю твоё упрямство и твою смелость. Поэтому ты здесь. И уж коли так случилось, то послушай меня, прежде чем мы решим что делать дальше. Я знаю, что ты разведчик до мозга костей, — твои подвиги в Корее превратились в легенды. Но здесь не Корея, здесь нет того врага, который делает тебя сильным и смелым. Когда я тебя увидел на улице, то действительно испугался. Ты себе не представляешь, мой дорогой Чан, где находишься. Давай я тебя просвещу, чтобы ты имел хотя бы небольшое представление, с чем имеешь дело. Всё, что я скажу тебе, когда-то было большим секретом. Об этом в Китае знали лишь избранные, и сейчас не всякий знает. Дело в том, что в Китае каждый человек знает только то, что ему положено знать. Одежда, походка, манера улыбаться, даже набор слов для приветствия, всё будет говорить о том, кто ты. Эти слои не пересекаются. Гончар не выдаст секретов плотнику, а тот виноделу. Так было и с искусством ведения войны. Когда-то давно был такой стратег Сунь Цзы. Это был великий полководец, написавший труд под названием «Искусство войны». В главе о секретных аген-

тах Сунь Цзы говорит, что у хорошего полководца должно быть несколько типов шпионов. Например, среди местных жителей противника всегда найдётся такой, кого не устраивает его жизнь и положение, и он недоволен властью. Из таких людей всегда можно сделать шпионов. Достаточно посочувствовать такому человеку, подыграть его переживаниям, и он в твоей власти. Ещё Сунь Цзы пишет о внутренних шпионах. Это завербованные чиновники противника. Поймать такого на крючок не так просто, но среди них всегда найдётся тот, кто имеет слабость к деньгам или недоволен своим положением. Эти люди сами готовы помогать врагу, лишь бы удовлетворить свою гордыню и недовольство. Есть шпионы смерти, которые любой ценой добьются выполнения задания, их специально посылают в самые опасные места, с заданием, например, передать ложную информацию. Они могут знать, на что идут, а может, и нет, но доведут дело до конца. Есть шпионы жизни, умные, владеющие искусством перевоплощения, у которых есть влиятельные друзья среди врагов. Эти шпионы всегда возвращаются с ценными сведениями. Есть обратные шпионы, которых когда-то перевербовали. Для нас это самые опасные люди. Ты должен знать, что перевербовка всегда предпочтительна для любой разведки. Если китайские службы разоблачили шпиона, то они не будут торопиться его убивать. Первым делом они будут пытаться завлечь его на свою сторону. Китайцы следуют этим традициям не одну сотню лет, а может и тысячу. Ты да-

же не заметишь, как станешь послушной рукой китайского шпиона, например на банкете, если ты крупный чиновник. Тебя будут опекать, улаживать, а потом предложат то, отчего ты не в силах будешь отказаться. Через какое-то время тебя станут шантажировать, а потом ты начнешь на них работать. Вот тебе пример внутреннего шпиона. Среди врага они ищут обиженных, провинившихся, подвергшихся наказанию от своего правителя, даже честолюбцев. К таким людям нетрудно найти подступ и сделать своими осведомителями, и они даже не будут до поры об этом подозревать. Для достижения победы китайский правитель использует любую возможность и все человеческие пороки. Приспособленчество, потакание желаниям, переманивание, подкуп, развращение деньгами, женщинами, заговоры, приближение министров, подкупы, шантаж. Это далеко не все инструменты китайского разведчика. Ты должен знать, что дружат китайцы лишь с теми, у кого можно чему-нибудь научиться. Сами же они своими секретами не делятся ни с кем. Китайцы быстро учатся, но сами не учат никого, а лишь захватывают, медленно и незаметно. Как ты думаешь, что является основной целью любой разведки? Подумай.

– А что тут думать. Военные секреты. Научные. Возьми атомную бомбу. Я слышал, что американцы выкрали её у немцев.

– Да, всё так. Но война, в понимании европейца, происходит на поле боя. Для китайца поле боя не имеет границ. Они

идут дальше, разваливая своего противника изнутри. Они проникают в политические и культурные дела своего неприятеля, ничто не должно оставаться вне сферы деятельности китайского шпиона. Они используют и детей, и женщин. Ты знаешь, что такое «ласточка»?

– Ну, это же птица. Хотя, постой, это шпионка.

– Всё верно, «ласточка» это женщина-шпионка.

– Это как Мата Хари?

– Да. В Китае любят засылать «ласточек» в стан врага, ведь они кажутся безобидными. Женские чары пробивают любую броню. Или вот ещё... Медовый пряник. Когда важный министр клюёт на красивую женщину, и она делает всё, чтобы затащить его в постель. И в одну из ночей кто-то снимает его с ней на фотокамеру. После этого чиновник готов на любые преступления, лишь бы фотографии не попали в руки жены или в прессу.

– Но это же подло. Мне странно слышать это.

– У тебя ещё не достаточно опыта. Я говорю всё как есть. Ты находишься на неизвестной территории, и должен знать о противнике всё. Я и сам нахожу ситуацию странной, ведь я китаец. Я понял, что не вижу здесь своего врага. Он во всём, и поэтому неуязвим. Я видел много войн, но эта самая необычная, где противники не гнушаются ничем для достижения победы. Должен сказать, что я никогда не придерживался этих принципов. Даже когда жил в Японии и работал с тобой, а это было именно так, я понимал, что беру на себя

великий грех. Теперь за него плачу тем, что у меня нет родины. Да и ты находишься в опасности.

– Но мы уже говорили об этом, я нисколько не виню тебя.

– Я признателен тебе за это. Оставайся самим собой и не следуй тому принципу, которому следует твой противник. Тогда и твоя совесть будет чиста, и враг не сможет предвидеть твоих манёвров.

– Разве в шпионаже есть принципы?

– Да, есть, разумеется. Цель оправдывает средства. Вот главный и единственный принцип шпиона. Я не хочу, чтобы ты заигрался в разведчика, и поэтому прошу уехать как можно скорей. Поэтому и весь этот разговор.

– Если в Китае так плохо тебе, то почему ты не уедешь в Советский Союз? Ты уже столько сделал.

– Ты предлагаешь мне бегство? Я китаец, куда мне бежать? Хотя я понимаю, что эта земля никогда не была моей.

– Ты говоришь странно.

– Я словно сухой осенний лист, гонимый ветром. И нельзя допустить, чтобы твоя судьба повторяла мою.

– Но я по-прежнему жив и сижу перед тобой.

– Это и удивительно, мой мальчик. Хотя, какой ты мальчик, ты воин.

– Но почему ты не вернёшься, Ли Вей?

– Меня никто не ждёт там. Прошло столько лет. Теперь это другая страна, что мне там делать, скажи, у меня нет там даже угла. Пока здесь ты, я должен быть рядом. И мне будет

спокойней, если ты всё-таки уедешь. Китай слишком крепкий орешек для нас. Здесь все друг за другом шпионят, дорогой Чан, – вздыхая, пояснил Ли Вей. – Ради идеи Великого Китая никто никого не жалеет. Одному тебе и недели не продержаться в Пекине. Ты должен привыкнуть, вжиться в шкуру китайца, приобрести его привычки, запах, пусть даже неприятный. Только тогда ты выживешь. Если всё обстоит так, как ты сказал, то надо быть вдвое осторожней. Все мои агенты могут быть уже перевербованы, и я не понимаю, почему сам до сих пор не перевербован.

– Да, это и мне показалось странным, Ли Вей.

Они оба рассмеялись.

– А ты мне веришь? – спросил старик, предельно сузив и без того узкие глаза.

– Уже не знаю, – растерянно произнёс Михаил.

– Вот это мне нравится.

– Нет, что ты. Я верю тебе. Как я могу сомневаться в тебе?

– Ладно, оставим шутки на потом. Мне необходимо с тобой кое-чем поделиться. Это для того, чтобы ты как можно скорее втянулся в свою роль, и превратился в китайца.

– Ты так странно говоришь, как буд-то речь идёт о волшебстве. У тебя есть какой-то секрет?

– Есть. Но это не волшебство, это биология. Все китайцы, и не только они, связаны. Тебе надо понять, что их объединяет.

– Но я пока не знаю этого.

– А ты подумай. Вот что объединяет, скажем, японцев? Ты это должен знать, ведь тебе не надо притворяться японцем, ведь так. Подумай хорошенько, не спеши с ответом. Когда ты это осознаешь, то вообрази предметно. А затем сам создай воображением этот предмет в себе. Для начала выбери человека, понаблюдай за ним, потом прими его манеру.

– Как пересмешник?

– Не совсем. Ты должен выйти на то, что присуще всем китайцам. В разговоре, походке, везде есть нечто общее. Завтра, когда ты снова окажешься на улице, попробуй увидеть всё вокруг сразу, одновременно, и без размышления о том, что ты видишь. Просто видишь и находишься в этом. Ты есть, но тебя нет. Точнее, ты и всё что вокруг одно. Слейся с окружением. И тебя перестанут замечать как инородное тело.

– Но это, наверное, невозможно. Ты так же привыкал?

– Мне было легче, ведь я китаец. Но ты прав, мне понадобилось время, чтобы привить себя к этому организму. Дело в том, что этот организм живой, и как любой живой организм, он не сразу впускает инородное тело. Может и вовсе не впустить. Это как у пчёл, ведь рой никогда не примет чужую пчелу в свою семью, её убьют. Это так же как и с паролем. Не назвав его, тебя не пропустят. Но в твоём случае это не только язык, это глубже, и это секрет. Пароль и есть секрет.

– Кажется, я начинаю понимать. Ли Вей, ты...

– Оставим похвалу на будущее, хотя, мне приятно, что ты

оценил моё открытие. Отнесись к этому заданию так же, как тогда, в Японии. Это игра, но теперь от того, как ты усвоишь её, будет зависеть твоя жизнь. Теперь поговорим о нашем деле. Честно говоря, ты появился очень своевременно. У меня кое-что накопилось за эти годы, в основном статистика по миграции населения в северные районы Китая. Думаю, что к этой теме должен быть интерес особый. – Ли Вей вынул из-за пазухи небольшой плоский свёрток. – Здесь много фамилий людей, с которыми контактировали мои агенты. Так же те, с кем я работал лично. Чья фамилия подчёркнута – это возможные контрагенты. Те, что подчёркнуты красным карандашом, готовы сотрудничать. Есть образцы пропусков на секретные объекты, печать для образца талона на еду. Это очень полезный материал. Пока ты не в поле зрения, держи поблизости. При первой же возможности передай своему связному. В случае чего уничтожь, не рискуй, и немедленно уходи, сюда не возвращайся, обо мне не думай.

– Ты подозревал давно? Поэтому не передавал?

– Да, в какой-то момент стал чувствовать что-то не то.

– Этот список... Что за люди в нём? Как при такой слежке вы смогли выйти на них?

– Хорошо, что ты интересуешься этим вопросом. Мы давно заняты поиском связей с китайскими чиновниками. Надеюсь, ты успел обратить внимание, что они заметно отличаются от всего остального населения.

– Они все похожи на Мао Дзедуна.

– Хорошо, что ты это заметил. Значит мои слова не пустой звук для тебя. Они и вправду отлиты из одной формы, но это лишь внешне, Чан. Внутри они все пропитаны алчностью, что и отличает основную массу чиновников. Но спроси почему? Ты не ответишь. За каждым из них всё ещё стоит клан, и чиновник тянет его на своих плечах, и порвать эту связь он не в силах, такова традиция. Даже если он будет дипломатом в чужой стране, за ним по-прежнему будет тянуться шлейф этого клана.

– И такого чиновника можно купить? Верно?

– Да, Миша, можно, этим и занималась моя группа. Для этого мы использовали структуру Пекинского транспорта. Ты уже успел прокатиться на извозчике?

– Они шпионы?

– Не все, конечно, но среди них есть наши люди. Чиновники не любят ходить пешком, они любят показывать свою значимость, а с высоты пассажирского сидения автомобиля, или хоть конного экипажа, это получается лучше всего. Судя по тому, как передвигается чиновник, можно судить о его положении и возможностях. И здесь большое поле для творческих решений. Завтра ты должен увидеть всё своими глазами.

– Но как простой извозчик может заставить сытого чиновника стать предателем?

– Это слово здесь не используется. Информатор. Я уже говорил, что все чиновники страшно завистливы, и конечно,

трусливы. Больше всего они боятся потерять своё место, и здесь вступают в силу те способы, о которых я уже рассказывал тебе.

– Шантаж?

– Да. С помощью медового пряника мы иногда заставляем нужного человека работать на нас, просто сотрудничать, конечно же, вознаграждая его риск.

– Ты сказал иногда. Значит, есть ещё что-то?

– Есть, разумеется, и мне не по душе держать людей в страхе, ведь у всех, есть сердце и душа. Достучишься, и человек откроется весь. – Ли Вей смолк, искоса наблюдая за своим молодым другом. – Но в этом случае ты обязан взять на себя ответственность за этого человека. Иначе выходит, что...

– Цель оправдывает средство.

– Верно. Но Китай особая страна, и эти люди во многом для нас тайна. И говорю тебе потому, что сам я китаец. А ещё китайцы очень азартны, одна из слабых сторон – игры и женщины. В игре китаец не задумываясь может проиграть свою жизнь. Он и не заметит, как стал заложником в твоих дальних планах.

– И ты используешь его слабость и подсовываешь красивую женщину? Ведь ты это имеешь в виду под медовым пряником?

– Ты всё правильно понимаешь.

– Но Ли Вей, прости, Хэн. Это не красиво.

– Это где-то в другом мире не красиво, а здесь работает, и мы обязаны это применять. Я тебя обязательно познакомлю с одним таким медовым пряником. Но не подумай, что это женщина лёгкого поведения, или что-то в этом роде. Это разведчица до мозга костей, профессионал. Я не позавидую тому, кто встанет на её пути. Она часть нашей работы, ты её узнаешь. С ней напрямую работает человек, которого завтра ты будешь наблюдать. Надо убедиться, что за ним нет слежки. На это уйдёт время, но в нашем деле спешка не нужна.

Они договорились, что Михаил пробудет на Я Бао Лу ещё два дня. За это время Ли Вей выяснит обстановку и предупредит об опасности тех, с кем у него был запланирован контакт. Таких людей было трое, лишь они напрямую общались с Хэном, все остальные могли только догадываться о его существовании. И так сеть могла уходить в глубину на много ступеней, где человек знал не больше двоих связанных вокруг себя, но всех их знал Ли Вей. Это была чётко отлаженная система, создававшаяся в течение пяти лет, со времени, когда Ли Вей перебрался из Порт Артура в Пекин. Михаил понимал, что она возникла не на пустом месте, и теперь всё это должно было исчезнуть, или затаится до лучших времён. И всё это обязан был осуществить один шуплый старый человек, но воля которого была сравнима с целым войском.

Только трое знали что Хэн, уличный сапожник, подбивающий каблуки и пришивающий стельки ключевая фигура всей игры. Ли Вей уже давно разработал систему пре-

дупредительных сигналов, которые позволяли помощникам без прямого контакта принимать решения. В этот раз для предупреждения об опасности он перекрасил свой ящик с инструментами в чёрный цвет. Одним из этих связных был некто Бохай, за которым Михаил должен был следить на следующий день. Бохай был связан с девушкой по имени Тинг, которая ничего не знала о Ли Вей, но имела связь с другими членами группы, и кого-то из них, со слов Ли Вей, уже успела завербовать китайская разведка. Ли Вей очень ценил эту связную, и дал её адрес Михаилу на тот случай, если с ним случится непредвиденное. Ещё он пообещал, что сведёт Михаила с одним надёжным человеком, который сможет провести его к границе, когда возникнет необходимость покинуть Китай.

– Уже перед уходом старика Михаил вдруг спросил: – Эта Тинг... Она красива?

Ли Вей немного растерявшись улыбнулся: – Почему тебя это интересует? Она красива, ты угадал.

– Ведь это она медовый пряник, верно?

– Когда выйдешь на прямой контакт с ней, будь предельно внимателен, и не позволяй ничего лишнего. Иначе несдобровать.

– Её могли завербовать?

– Любого могут сделать двойным агентом. Просто женщина непредсказуема. Я больше всего опасаясь этого.

Появившись рано утром на следующий день Ли Вей повёл

Михаила туда, где обитал один из его связных по имени Бохай. Они шли на расстоянии видимости, Ли Вей беззаботно шёл впереди, и по его походке трудно было вообразить, что этот человек в эти мгновения испытывает страх и волнение. Шли около часа, и за это время улицы незаметно наполнились народом. Вскоре они пришли на место. Это была широкая улица, к которой примыкал длинный склад, из открытых дверей которого тянуло терпким запахом кожи. Здесь же дымились открытые очаги, вокруг которых толпились люди. Они принимали пищу не отходя от этих импровизированных полевых кухонь. Не смотря на скудную пищу лица людей светились радостью, вокруг была оживлённая суета, всё напоминало большую общину: это был Китай. Ли Вей предложил наблюдать, и выбрать того, кто наиболее подходит к роли Бохая.

– Но я его не знаю, – возмутился Михаил.

– А имя тебе ни о чём не говорит? – спросил Ли Вей, прячась за спиной товарища.

– Это маньчжур?

– А говоришь не знаешь, – усмехнулся Ли Вей.

Через несколько минут наблюдения Михаил заметил высокого маньчжура, с длинной косой на бритой голове. Он работал на складе, где изготавливали конские сбруи, и здесь же их продавали. Вокруг толпились повозки извозчиков, среди которых Бохай был своим человеком. Было видно, что Бохай любил лошадей, и хорошо в них разбирался. Ли Вей дал

задание следить за ним весь следующий день, и запоминать всех, кто вступал с ним в разговор. В какой-то момент Ли Вей исчез, и оказавшись один, Михаил долго не мог успокоить дрожь в теле, ему всё время казалось, что он уже на крючке, но волнение прошло. Вспомнив вчерашний разговор с Ли Веем, относительно привыкания, Михаил попробовал взглянуть на происходящее как на игру, но при этом не считая себя зрителем, а таким же участником. Через некоторое время он вдруг понял, что ему надо занять среди всей этой суеты своё место. Просто вставить себя как шахматную фигуру. Для начала он выбрал одного из бездельников, как ему показалось, каких вокруг было немало, и стал повторять его манеру движения, мимику лица. Слушая его речь, он живо реагировал на фразы, словно это имело для него значение. Наконец он понял, что всё, что окружает его, незаметно взаимодействует с ним, всё вокруг действительно живое, и ко всему надо относиться как к своему. Незаметно он вжился в образ обычного городского бродяги, и даже влился в азартную игру, где едва не проиграл все свои деньги. На Я Бао Лу он вернулся, когда было совсем темно. Он уже не думал о своей группе, не думал о самолёте, улетевшем без него. Мысль о том, что он рядом с Ли Веем всё оправдывала, и то, что ждало впереди его нисколько не пугало.

Ли Вей уже ждал его наверху с приготовленным ужином. Ели молча при свете керосиновой лампы, фитиль которой должен был вот-вот погаснуть. Потом Михаил рассказал обо

всём, что видел. Старик не перебивал. Когда темы дня были исчерпаны, Михаил вдруг спросил:

– Я давно хотел спросить тебя Ли Вей. Хэн. Про того японца.

– Про какого? – насторожился Ли Вей.

– Пленного. Которого ты выкрал у хунхузов. Почему ты его спас? Ведь он был врагом, и ты сильно рисковал.

Старик широко раскрыл глаза, потом тяжело вздохнул.

– Мне не следует посвящать тебя в эту историю. Я ведь уже говорил тебе, что разведчику вредно знать...

– Ты для меня просто Ли Вей, или Хэн, как тебе угодно, ты просто близкий человек, самый близкий и здесь, и везде. Скажи, я прошу, что стало с тем японцем? Его...

– Разве Тимофей не сказал?

– Он сказал, что это не его история. Его расстреляли?

– Нет, его не расстреляли. Если тебя это интересует, – перебил Ли Вей. – Ладно, если ты знаешь половину истории, то я буду не прав, скрывая другую.

– Ты его завербовал?

Ли Вей негромко рассмеялся и покачал головой:

– Это он меня завербовал.

– Я всё понял.

– Говори тише Синтаро. Конечно, это была игра, именно тогда она и началась. С моей помощью ему устроили побег.

– Это придумал Шварц?

– Нет, Шварц на такое не согласился. Это была моя идея,

во мне уже играла кровь разведчика, и я уже не мог жить по-другому.

– Поэтому ты вернулся к Маленькому Белому дракону? И с его помощью оказался в Японии? Ведь так?

– Ты знаешь обо мне всё, – тихо и печально произнёс Ли Вей. – Тебе не следовало об этом знать.

– Но что в этом плохого?

– Легенда. Её больше нет. А есть дряхлый старик без будущего и родины, – сипло произнёс Ли Вей.

– Ты не должен так говорить. У тебя замечательная жизнь, и я тобой горжусь. Ты для меня всегда будешь легендой, чтобы завтра не произошло. Ты человек, которого я люблю.

Ли Вей долго стоял в темноте посреди комнаты опустив руки, потом тихо произнёс:

– Ты мне как сын, Синтаро. Я всё время лгал тебе. Нет у меня семьи, и никогда не было, и мне страшно и трудно проносить эти слова. Но вижу, что ты имеешь великое сердце, и способен простить. Завтра нас ждёт много трудного и опасного, а для этого нужно забыть о прошлом. Ведь мы разведчики.

Проснулся Михаил рано из-за жары, Ли Вея уже не было. Михаил сел на пол, размышляя над вчерашним разговором. Он понимал, что впереди ждала неизвестность, и всё прошлое, о котором они говорили, не имело в этой реальности значения. Но внутренне он чувствовал, как это прошлое питает его силой и уверенностью, потому что в нём возникла

единая нить событий, в которых ясной чертой проходила и его линия жизни, его судьбы. Теперь он был готов продолжать своё сражение, свою игру.

Уже светило яркое солнце, когда Михаил спустился вниз. Хозяйка, как обычно, расписывала ложки. Рядом с её ногами лежала коробка со свежей партией выструганных заготовок, от которых приятно пахло деревом.

– Ешь картошку, в мундирах, – проворчала Марфа. Михаил понимал, что её ворчливый характер лишь прикрытие. На самом деле это была добрая и щедрая женщина, которой некуда было ехать. Магазин, оставшийся от мужа, почти не приносил доходов, но на жизнь всё же хватало, правда, в последнее время китайские власти наседали на неё, уговаривая передать собственность в пользу государства. От этих-то вымогательств Марфа и стала раздражительной и агрессивной ко всем китайцам.

Михаил немного поковырялся палочками в деревянной плошке, картошка была вкусной, но он сделал вид, что она не лезет.

– Надо же, – пробурчала Марфа. – Не пойму, почему китайцы так любят рис, и совсем не едят картошку. Твой родственник даже не притронулся.

– Так и есть, – нехотя согласился Михаил, поняв, что Ли Вей умышленно не стал есть картошку, оставив всё ему.

– Вам же, китайцам, рис нужен.

– Голод заставит, – ответил Михаил, подтягивая ближе чу-

гунок с варёными клубнями. Он едва сдерживал себя от того, что бы не наброситься на еду, и спасло его лишь то, что картошка всё ещё была горячей.

То, что Марфа назвала его китайцем, вселило уверенность и подняло настроение. Пользуясь советами Ли Вея, Михаил ел медленно, чавкал на китайский манер, и это ему даже понравилось. Сразу после завтрака он снова пошёл наблюдать за Бохаем.

Бохай оказался азартным человеком, и как только появлялось свободное время, играл в кости с извозчиками, среди которых были и русские мужики. После разговора с Ли Веем Михаил понимал, что это не просто игра, а часть работы, в ходе которой Бохай вступал в контакт с разными людьми, и возможно, таким образом мог изучать их слабые стороны, и в последствие делать своими сообщниками. Возможно, что среди них уже были люди, входившие в группу Ли Вея, но не знавшие других участников группы. В то же время игра могла быть и пристрастием, зависимостью, на фоне которой Бохай мог нуждаться в деньгах, а значит, его могли поймать на крючок службы контрразведки Китая. Другим пристрастием Бохая была рисовая водка, к которой он прикладывался несколько раз за день, отчего лицо его было опухшим и красноватым. Наблюдая со стороны за Бохаем, Михаил так увлёкся, что едва не оказался сам объектом наблюдения. Оказалось, кроме него за Бохаем наблюдает ещё один человек, это была молодая привлекательная девушка. Она

стояла в отдалении, и если бы не её внимательный сопровождающий Бохая взгляд, когда тот оказался объектом шутки со стороны собутыльников, Михаил так и не заметил бы её. Она была одета в традиционные широкие синие брюки и длинную блузку, прекрасно сливаясь с потоком прохожих и посетителей магазина. Вскоре Бохай стал собираться уходить, как понял Михаил. Было время обеда, хотя, скорее всего, обедал Бохай, не удаляясь от своего рабочего места. Михаил отправился вслед за Бохаем. На какой-то момент он забыл о девушке, а когда опомнился, её уже нигде не было видно. По дороге он стал размышлять об этой китаянке, и пришел к мысли, что его привлекла именно её красота, а никак не причастность к персоне Бохая. Пройдя за Бохаем несколько закоулков, он неожиданно оказался в оживлённом потоке людей. Это была Ванфуцзин, та самая улица, на которой на расстоянии нескольких кварталов сидел Ли Вей. Дойдя до этого перекрёстка, и, наверное, увидев вымазанный ваксой ящик, Бохай резко остановился. Его торможение было таким внезапным, что шедшие следом люди едва не наскочили на его широкую спину. Бохай устался на ящик, словно не понимая, почему он такого цвета, потом судорожно оглянулся и скованными шагами пошёл прочь. Завернув в ближайший переулок, он кинулся бежать. И тут, словно ниоткуда, возникло несколько рослых китайцев, они ловко скрутили Бохая, сунули его в подъехавший конный экипаж и увезли. Ли Вей не мог видеть этого, но по напряжённому лицу Михаи-

ла догадался, что произошло что-то чрезвычайное. Он так и остался сидеть на месте, чиня обувь. Выдержка старика казалась невероятной.

Михаил понял, что Ли Вея успели взять под контроль. Он хорошо помнил о последней договорённости с ним, поэтому пошёл искать агента по имени Тинг. Ничего другого у него не оставалось. Некоторое время он стоял в раздумье, но потом его осенила неприятное открытие – всё это время за ним могли следить, он тоже мог стать объектом охоты. Сделав несколько петель по незнакомым переулкам, он всё же избавился от этой мысли: слежки не наблюдалось. Самым удобным и правильным было нанять извозчика, что он и собирался сделать, вернувшись к складу, где работал Бохай. Но ни одного извозчика там почему-то не оказалось. Михаил растерялся, не представляя, куда идти, как за спиной услышал окрик: – Тебе куда? Если есть деньги, или талоны, то отвезу, куда скажешь.

Михаил обернулся.

Перед ним стоял молодой китаец, с красивым лицом с правильными чертами, в европейском костюме и шляпе, и улыбался, постукивая по ладони плёткой. В тот момент несоответствие его внешнего вида и профессии совсем не показалось Михаилу странным. О том, что это мог быть человек из китайской разведки, он, почему-то, не подумал.

Михаил назвал адрес, на что извозчик удивлённо при- свистнул.

– Это не близко. Если ты оплатишь обратный путь, то я согласен, – ответил незнакомец, назвав сумму. Михаил уже хотел кивнуть, но тут же вспомнил, что китайцы никогда не упускают возможности поторговаться.

– У меня только один талон. Могу добавить десять монет. Не больше.

– Давай пятнадцать, и по рукам, – продолжил игру китаец, не скрывая удовлетворения от торга.

– Договорились, – согласился Михаил, незаметно оглядываясь по сторонам.

Они приехали на место уже в сумерках. Едва Михаил успел разобраться с маркировкой домов, как совсем стемнело. Дом, к которому его привезли, был длинный и одноэтажный, с отдельными входами. В квартире, которую он отыскал по номеру на двери, в двух окнах горел свет. Подождав, пока извозчик скроется за углом, Михаил постучал в дверь.

За дверью долго не отвечали, потом женский голос спросил: «Кто?»

– Мне нужна Тинг, – ответил Михаил. Когда открылась дверь, из-за яркого света он не смог разглядеть лица хозяйки, но силуэт девушки показался ему знакомым. Зайдя за порог, все его догадки оправдались. На китайском языке имя «Тинг» означало «изящная». Это была та самая девушка, которую он видел днём, когда наблюдал за Бохаем, только уже в длинном белом платье и красной блузе. По её поведению не было заметно, что она волнуется, хотя, теперь Михаилу

было понятно, что её нахождение на складе было не случайным. И если она знала, что Бохая схватили, то значит, она ведёт двойную игру. Оставалось лишь выяснить это наверняка. Вспоминая предостережение Ли Вея о том, что Тинг может быть серьёзным противником, Михаил с вниманием изучал девушку, словно выискивая слабые стороны. Но вместо них он видел, что Тинг безупречно красива и грациозна. Это ещё больше вводило его в волнение.

– Вы кто? – спросила Тинг.

– Меня к вам прислал Хэн, – сказал Михаил, делая очередной шаг. Она пожала плечами и впустила его в дом.

– Кто такой Хэн? Вы так неожиданно. Я собиралась уходить. Для чего он послал вас?

– Это очень важный вопрос, думаю, что на пороге его не решить, – продолжал игру Михаил, чувствуя, как с каждым произнесённым словом в нём появляется уверенность.

– Хотите чего-нибудь выпить с дороги? Хэн... Мне это имя ни о чём не говорит. Так вам налить чего-нибудь, полагаю, вы с дороги.

– А что у вас есть? – не скрывая удивления, и в то же время подыгрывая, спросил Михаил, проходя в комнату, и присаживаясь на мягкий стульчик из красивого красного дерева.

– У меня есть рисовая водка. Вам разбавить, или вы привыкли пить чистую? Она очень крепкая. – Действия девушки подсказывали, что она играет, чтобы скрыть волнение и растерянность. – И Хэн дал вам мой адрес? Это так странно.

Для чего, интересно? Расскажите мне о нём. Хотя, какое мне дело. Про вас я тоже ничего не знаю. И какое у вас дело ко мне?

Михаил рассеянно кивнул, принимая из рук Тинг фарфоровую чашечку с водкой, одновременно оглядывая жилище. Он пригубил водку и удовлетворённо кивнул. Пить алкоголь, тем более в такой момент, он не собирался, но надо было показать, что он спокоен и всему доверяет. В квартире была ещё одна комната, в проеме двери, ведущей в неё, висела занавеска из бамбуковых палочек, и Михаил уловил краем глаза, что палочки всё ещё в движении, словно кто-то входил или выходил из комнаты. Девушка поймала взгляд и немного стушевалась. Это было всего лишь мгновение, но его оказалось достаточно, чтобы понять, что за этой занавеской есть то, что Тинг держит в тайне. Вероятнее всего, в доме был ещё кто-то.

– Он просил вас предупредить, что за вами может идти слежка, – сказал Михаил, снова пригубив из чашечки, решив действовать напрямую. У него не было полной уверенности, что Тинг уже успели перевербовать, но в то же время интуиция подсказывала ему, что такое совпадение неслучайно. – Он просил передать вам, что надо как можно скорей уходить из города, – сказал Михаил, внимательно наблюдая за лицом девушки.

– Что за ерунда? Вы его помощник? Кто вы? Почему я должна вам верить?

– Я приехал из России, – произнёс Михаил, вызвав неподдельное удивление девушки. Она даже замерла от изумления, и в этот момент её зрачки снова выдали её, поскольку дёрнулись в сторону дверного проёма.

– Из России? Но вы азиат. Вы ведь не китаец, не правда ли?

– Правда, – не солгал Михаил, понимая, что в этой ситуации уже нет смысла скрывать кто он на самом деле. Для него уже всё было ясно, и он понимал, чем может закончиться этот разговор, если его догадка подтвердится, но для этого ему нужен был шаг со стороны Тинг. Только тогда он мог действовать на опережение.

– Москва передала Китаю всю агентурную сеть, я приехал предупредить всех, кого ещё не успели завербовать или арестовать.

– Не поздно ли? – странно спросила Тинг, и тут же смутилась. – Хотя, лучше поздно, чем никогда. Вы вовремя появились. Тогда мне нужно предупредить ещё одного нашего человека, если хотите, можете пойти со мной.

– Как его зовут? – оставаясь как можно спокойнее, спросил Михаил, всё ещё неуклюже держа в руке свою водку.

– Не думаю, что это имя вам о чём-то скажет. Его зовут Бохай.

Рука его дёрнулась, немного расплескав содержимое чашечки на брюки. Михаил попросил полотенце. Тинг ушла за занавеску и вскоре вынесла длинный кусок хлопковой тка-

ни. Взяв полотенце, он молниеносно накинул его на обе руки Тинг и в это же мгновение получил коленом в пах. Удар был несильным, но резким. Через секунду уже Тинг сдавливала его горло тем же полотенцем, забыв, что руки его свободны. Он нащупал болевую точку на ее предплечье, чуть ниже локтя, хватка Тинг на мгновение ослабла. Михаил перебро-сил Тинг через голову и ударил ребром ладони в шею. И тут Михаил услышал ожидаемый шорох бамбуковых палочек за спиной. Он словно ждал этого шороха, движения его были молниеносны. Схватив за ножку свой стульчик, оказавшийся на удивление увесистым, он с разворота нанёс удар по голове вошедшему в комнату человеку. Удар отбросил того к стене. Михаил уже стоял на ногах, готовый ещё раз пустить в ход своё оружие, как почувствовал острую боль в пояснице. Рука повисла словно плеть, стульчик выпал из рук. Он повернулся и увидел полные ненависти глаза Тинг, сжимавшей в руках нож. Ноги его подкосились, и он, словно безвольная кукла, рухнул на колени. Тинг подошла к нему вплотную, и глядя в глаза приставила к его горлу лезвие ножа.

– Твои командиры всех нас продали. Мы столько лет беззаветно служили России, верили в её славу и правду, но она всех нас сдала. Она и тебя предала.

– Россия не причём, – тихо произнёс Михаил, не сводя взгляда с её глаз. – Нас продал Хрущёв, а он ещё не Россия.

– Мне всё равно, кто меня продал. Будь ты проклят со своей Россией. – Лицо Тинг исказила гримаса ненависти, она

была готова убить его, но в то же время другая её рука потянулась к бутылке. Михаил уже уходящим сознанием догадался, что она собирается оглоушить его. В это мгновение голова её странно качнулась, она выронила нож и рухнула на пол рядом с Михаилом. За её спиной стоял извозчик, который привез Михаила.

– Повернись, я тебя осмотрю. У тебя кровь, – сказал он, помогая Михаилу подняться. Его говор сильно отличался от речи жителей Пекина.

– Ты кто? – равнодушно спросил Михаил, уже ничему не удивляясь. Его мутило ещё больше, в области поясницы возникло характерное онемение, в то же время каждое незначительное движение вызывало острую боль, ноги переставали слушаться. Он догадывался, что теряет кровь.

– Рана серьёзная, но не смертельная, – сказал китаец, освобождая поясницу от пояса с бумагами Ли Вея, и как будто не слыша вопроса. – Если бы не твой пояс, то могло быть хуже. – Меня зовут Джен. Я следил за тобой весь день по поручению Хена, а потом привёз сюда. Ты не знаешь меня. Я следил за тобой с самого утра.

– Там в углу ещё человек, – произнёс Михаил, поднимаясь с колен.

– Не волнуйся, он не опасен, он без сознания. Это ты его так отделал?

– Мне пришлось ударить его стульчиком. Выбора не было.

– У тебя, наверное, хорошая реакция. Хэн предупредил,

что ты очень быстро соображаешь.

– Ага... Когда к стенке припрут, – пошутил сквозь зубы Михаил. – Ты знал, что Тинг предатель?

– Нет, как я мог это знать. Я и в лицо её не знал. Хэн не говорил о ней. Давай убираться отсюда. В любую минуту могут нагрянуть ищейки. Лучше с ними не встречаться. В твоём поясе что-то важное?

– Это бумаги Хэна, я должен их сохранить.

– Не волнуйся, мы их не потеряем.

– Хорошо, Джен, – сказал Михаил. – Спасибо тебе.

– Не стоит благодарить раньше времени. Сначала давай перевяжем твою рану, пока ты не истёк кровью.

Джен оторвал полоску от полотенца, с которого началась вся возня, сложил в несколько раз и, смочив рисовой водкой, приложил к ране, а другой полоской обвязал вокруг пояса. Потом они осторожно вышли из квартиры. Джен помог Михаилу забраться в фургон, и они медленно поехали по тёмным переулкам. В глазах у Михаила поплыло, ему стало дурно от потери крови, незаметно он уснул, а может, потерял сознание. Они ехали почти всю ночь в район под названием Пингу. Как выяснилось, это был район, где Джен вырос. В Пингу люди говорили на особом диалекте, как и сам Джен. Пингу был старым районом с хорошими домами, в одном из которых Джен оставил Михаила. Там ему промыли рану, а вскоре после этого пришёл пожилой китаец, осмотрел рану, заглянул в зрачки и попросил показать язык.

– Вам повезло, молодой человек, – улыбаясь, сказал знахарь. – Вот так до почки не хватило, – показал он на кончике пальца. – Ссоры во время игры до добра не доводят. Ладить надо с людьми. А теперь придётся потерпеть, буду зашивать рану. – Он попросил Михаила зажать между зубами бамбуковую палочку, погладил по спине, снимая напряжение мышц, и не спеша начал зашивать рану шёлковой ниткой. Джен всё это время находился рядом, снимая с краёв раны сочившуюся кровь.

– Ты умеешь не только драться, но и терпеть, – похвалил старик, когда закончил своё дело. – Будешь лежать на спине три дня, и пить микстуры. И ничего не ешь, иначе попадёшь в неловкое положение. Не стесняйся, мочись под себя, но не шевелись. Не то рана долго не будет заживать. В миску будешь по малому ходить.

Он легонько похлопал Михаила по плечу и ушёл. Михаил потом долго не мог простить себя за то, что не поблагодарил старика. Старик больше не приходил.

Через три дня бледный и похудевший он уже мог стоять на ногах, хотя боль в спине всё ещё давала о себе знать. Рана заживала быстро. Пока Михаил отлёживался, Джен рассказал ему, что собирается уходить из Пекина. Он ещё точно не знал куда, но решил твёрдо, объясняя это тем, что не видит здесь для себя места. От Джена Михаил узнал горькую новость о том, что Ли Вей погиб. Его нашли утром на обычном месте. Очевидцы рассказали Джену, что вскоре после того,

как схватили маньчжура, Ли Вея окружила толпа молодых парней. Они плотно обступили его, а когда разошлись, то он остался лежать на мостовой. Потом его погрузили на повозку и увезли. Кто это был, и куда увезли, никто не знал. От этого известия Михаил не мог оправиться целую неделю. Он ничего не ел, и ни с кем не разговаривал.

– Тебе надо взять себя в руки, Чан. Надо жить дальше. Если бы Хен увидел тебя в таком виде, то не одобрил бы, – сказал Джен.

– Да, ты прав. Он не для того жил. Он погиб, спасая преданных ему людей. Он мог уйти, ведь так?

– Так, – согласился Джен. – Но он остался, и за это мы обязаны помнить его и продолжать жить.

Когда рана начала заживать, и Михаил стал выходить из дома, на одной из прогулок он спросил Джена, что делать дальше. Этот вопрос всё время мучил его, Михаил хорошо осознавал, что уйти из Китая ему просто так не удастся, а оставаться здесь уже не было никакого смысла. В то же время он понимал, что Джену тоже нужна помощь. Для ухода у Михаила имелся в запасе советский паспорт, но размышляя над случившимся, он всё больше осознавал, что воспользоваться им не сможет.

– Я и сам много думал над этим, – сказал Джен, после того, как Михаил поделился с ним своими мыслями. – Ты можешь пойти в ваше посольство, ведь у тебя есть советский паспорт.

– Нет.

– Но почему, Чан?

– Я не смогу так просто уйти. Если только попробовать сделать и тебе документы, но на это уйдёт много времени. Нет, Джен, надо искать другой выход, один я не уйду.

Джен улыбнулся и кивнул. – Тогда вот, что пришло мне в голову. Один из братьев отца работает машинистом на железной дороге, он управляет паровозом, который ходит до Харбина. Он может устроить нас своими помощниками, если его настоящий помощник согласится. В Харбине дядя договорится с другим машинистом, и мы сможем доехать до границы с Советским Союзом. Но дальше не получится. На границе состав тщательно проверяется и уже ведётся русской бригадой.

– Дальше положишься на меня, – едва не вскрикнул от возбуждения Михаил. – Я знаю эти места и хорошо ориентируюсь. Если придётся идти по тайге, то я не боюсь.

Джен воодушевился. – Но нам придётся подождать, пока мой дядя всё устроит. Думаю, на это уйдёт не меньше месяца, а может и больше. Завтра мы пойдём в депо, и дядя Го устроит нас кочегарами на маневровый. Работа тяжёлая, но зато на нас уже не будут смотреть с подозрением. Твои китайские документы в порядке, так что удача на нашей стороне.

Они проработали на маневровом паровозе два месяца, за это время Михаил привык к шуму, к пыли, к тяжёлому труду, узнал много о труде машиниста, о самой железной доро-

ге. Потом дядя Го взял их под свою опеку, и всё оставшееся время они готовили локомотив к предстоящей поездке. Оказалось, что машинист должен многое знать и уметь, понимать работу всех механизмов паровоза, вплоть до маленькой гаечки. Знать все сигналы, названия станций и разъездов, их длину. Дядя Го рассказал, что из-за старения шпал расстояние между рельсами может увеличиваться, что рельсы могут расходиться, и если не притормозить вовремя в таких местах, или на повороте, то состав может съехать с рельсов. Тормозить тоже оказалось сложным делом, которому Джену и Михаилу тоже пришлось учиться на ходу. Работа на паровозе требовала расторопности и решительности, поскольку сам паровоз, несмотря на то, что был железным, вёл себя как живое, порой совершенно непредсказуемое существо. Необычным оказалось и то, что паровоз был сделан в России, и все паровозы в депо тоже приехали оттуда. На них были русские буквы, таблички на русском языке, и машинисты хорошо знали их содержание. За это время Михаил много узнал о жизни железной дороги, проникся большим уважением к этой нелёгкой профессии. Ему было приятно осознавать, что профессия машиниста, несмотря на её трудный характер, пользуется большим уважением в Китае. А ещё он заметил, что все машинисты были очень дружны между собой, они поддерживали друг друга и могли работать в две смены, если того требовали обстоятельства. Именно на это и рассчитывал Джен, когда обращался к своему дяде за по-

мощью, и дядя Го согласился, хотя многим рисковал.

Стояла осень, с севера уже тянуло холодными ветрами. Михаил часто видел, как в высоком небе пролетают перелётные птицы. Один небольшой клин журавлей летел так низко, что было слышно их курлыканье. Эти звуки настолько разбредили его душу, что на глаза навернулись слёзы. Он провожал птиц взглядом, пока они не исчезли из виду. Это был последний той осенью пролетающий клин с журавлями. Что-то в их крике тронуло его за самую душу, он знал, что они летят из России. С первых дней пребывания в Китае Михаил остро чувствовал, как хочет вернуться туда, это чувство было для него новым, поскольку там, в России, он ни дня не проживал без воспоминаний о Японии, он бредил ею, но здесь ему снились белые берёзы, зима, иногда даже лагерь. Само слово «Россия», поэтическое и таинственное, которое произносил Вязов в беседах с ним, ему нравилось больше, чем пафосное – «Советский Союз». Вечерами в одиночестве он вспоминал людей, которые остались в России. Он много думал о своей, теперь уже, наверное, бывшей жене, осознавая, что она является одним из тех магнитов, который тянет его туда. Он понимал, что за время его странствий Варя могла найти себе другого человека, но испытывал сильное желание увидеть её хотя бы издали. О своём невыполненном задании он уже не думал. С этой работой, как ему казалось, было покончено раз и навсегда.

Наступил его последний день в Пекине. Шёл редкий для

этих мест мокрый снег, на путях было сыро, рельсы блестели от капелек таявшего снега, паровоз стоял в облаке пара, готовый тронуться в путь. Михаила трясло от волнения. Ждали, когда поднимется стрелка семафора, и раздастся свисток. До последнего ему казалось, будто что-то должно произойти, и всё отменяют, но стрелка семафора дёрнулась вверх, машинист дал сигнал, и их паровоз медленно стал набирать ход.

Поезд летел со скоростью стрелы, а путь лежал на северо-восток, в Харбин. Они работали как одержимые, не зная отдыха, словно именно от их труда зависела скорость паровоза. На следующей узловой станции дядя Го передал своих помощников дальше по этапу своему другу, как и было договорено заранее, а сам стал готовить свой локомотив в обратный путь: после короткого отдыха он и его помощник возвращались в Пекин.

И снова была дорога, мимо пролетали города и полустанки, и через два дня они прибыли в Харбин. Там подвижной состав тщательно осматривался бригадой путейцев, среди которых были и русские рабочие. Пока меняли паровоз, друг дяди Го пытался упротить нового машиниста взять его помощников. Оказалось, что это был не тот машинист, на помощь которого рассчитывал дядя Го. Машинист был русским, он долго отказывался, и уже всем казалось, что ничего не выйдет, и придётся возвращаться обратно в Пекин, как в этот момент Михаил неожиданно для себя самого попросил у машиниста закурить. Некоторое время все кто нахо-

дился рядом, растерялись, машинист внимательно разглядывал восьмое чудо света – говорящего на чистом русском чумазого китайца. Потом он звучно выругался и полез в карман за папиросами.

– Значит, домой, – заговорил машинист, втягивая дым.

Михаил кивнул, прикуривая от его папиросы. – Помоги, отец, до дому добраться.

– Да, рискованно же! Ты понимаешь, мать твою в дышло. А если проверка? Меня же могут уволить, засудить. А у меня семья, семеро по лавкам, их кормить надо. Я же в Китае, а здесь, брат ты мой, не хуже, чем у нас в тридцать седьмом.

– Дело того стоит, помоги, выручи.

– Дело, говоришь... – Взгляд машиниста был долгим и сосредоточенным, не отводил глаз и сам Михаил. Голубоглазый зрелый мужик, сухощавый и коренастый, уже седой, с характерными пышными усами и жилистыми руками, похожими на клешни, неотрывно смотрел в глаза Михаилу, пытаясь понять, кто перед ним стоит, папироска его давно потухла, а он всё втягивал из неё дым и смотрел. – Не знаю, что ты за журавель такой, перелётный, и почему тебя на север тянет, когда все на юг улетели, но раз просишь по-человечески. Хрен с тобой. От денег, конечно, не откажусь, деньги не лишние. Возьму тебя, ладно. Но только одного.

– Отец, да пойми, что двое нас. Где один там и двое. Угля много, кто искать будет?

– Одного, или никого, – твёрдо стоял машинист, поглядыва-

вая по сторонам.

– А ближе к Пограничному ты нас высадишь, где – сам решишь. И поминай, как звали.

– А как звали? – Машинист внимательно посмотрел на Михаила, прищурив один глаз.

– Миша.

– А не брешешь?

– Вот тебе крест, – произнёс Михаил и перекрестился.

– Православный? Да ещё и тёзка? Я ведь тоже Михалыч.

Когда машинист уже должен был согласиться, неожиданно вмещался Джен.

– Я возвращаюсь, Чан.

– Но почему? Машинист согласился, – удивился Михаил.

– Я остаюсь. Я должен остаться. – Джен отвёл Михаила в сторону, и всунул в ладонь Михаила свёрнутый листок. – Это адрес, по которому со мной можно будет связаться. После Хэна некому, понимаешь. Остались люди, они рассчитывали на поддержку Хэна. Не волнуйся за меня, так надо. Дядю и его товарищей могут заподозрить. Дядя Го для меня готов на всё, но я не согласен на такое. Я не хочу, чтобы из-за меня пострадали хорошие люди. Уезжай один. Прости, что так вышло.

– Ты меня прости.

Они обнялись на прощание. Джен не сдерживал слёз.

Когда осмотр состава подходил к концу, Михаил уже сидел в закутке за большим водяным баком. Дело, действитель-

но, было рискованным, его могли обнаружить при случайном осмотре, но обратного хода уже не было.

Через сутки они подъезжали к советской границе. Шёл сильный мокрый снег, было ветрено и сыро. В пути на длинных перегонах Михаил помогал кидать уголь в топку. Ладони его одеревенели, пальцы стали грубыми и непослушными, но настрой был самый боевой. Когда была возможность, он рассказывал машинисту о Советском Союзе, о том, как прошёл через лагерь, чем очень удивил тёзку. Сам машинист о себе не говорил, лишь изредка рассказывал о местах, которые они проезжали, учил, как правильно спрыгивать на ходу, если к тому вынудят обстоятельства.

– Ну, всё, Миша, – подал знак машинист во время очередной стоянки на небольшой станции. – Сейчас будет Силиньхэ. Отсюда до Пограничного рукой подать. Но тебе там делать нечего. Когда приторможу, я дам пару, а ты сразу прыгай в облако на эту сторону, и дуй в кусты, чтоб не увидел никто, иначе мне будет. Вон, возьми узелок с едой на первое время. Нож, топор, спички, – в дороге понадобится. – Машинист скинул с себя кирзовые сапоги, и приказал Михаилу их надеть. – Обувай, не спорь. За меня не беспокойся, есть запасные. А в своих штиблетах ты далеко не уйдёшь, только себя загубишь. Портянки почаще суши, так дотянешь, если бог даст.

Потом они пожали друг другу руки. Сильные мозолистые руки машиниста, словно клещи, сдавили кисть, глаза маши-

ниста блестели от накатившей слезы.

... – Будешь под Ярославлем, поклон земле русской передай от меня. Храни тебя бог.

Когда облако пара расплзлось по земле, Михаил осторожно спрыгнул с подножки и вбежал в кусты, рядом с которыми специально притормозил машинист. С непривычки земля показалась твёрдой и какой-то спокойной. Он сидел в кустах, пока поезд стоял на платформе, потом трогался и проезжал мимо него, освещая окнами вагонов придорожный щебень. Потом всё стихло, и он оказался один посреди нетронутой целины белого застеленного снегом поля. Откуда-то справа доносились звуки человеческого жилья, лаяли собаки. Миновав поле, Михаил определил направление по компасу и, поправив на плечах котомку, не спеша пошёл домой.

Еда закончилась к вечеру следующего дня. По-прежнему валил липкий снег, вся одежда промокла, и чтобы не замерзнуть, ему приходилось почти бежать. Сил на это с каждым шагом становилось всё меньше и меньше. Места были безлюдными, шла заболоченная равнина, перемежавшаяся небольшими островками леса. В этих островках он делал остановки для отдыха, разжигал огонь, вспоминая добрым словом машиниста. По расчётам, дорога должна была занять не больше трёх дней. Он знал, что без еды это время он выдержит, а воды вокруг хватало. Однажды в свете яркого солнечного дня он случайно вышел на старую дорогу, остано-

вился и долго смотрел по сторонам. Это было невероятно. Он оказался в тех самых местах, по которым их когда-то везли из Кореи на передовую. Прошло столько лет, но он ясно увидел в памяти то далёкое прошлое, когда их, совсем юных, привезли на каторжные работы в Корею. Это были те самые места, теперь уже дикие, без людей. Никаких следов бывшего пребывания японской армии, кроме заросших окопов, он не заметил, но точно знал, что это происходило именно здесь.

Чтобы окончательно не лишиться сил, он рвал траву. Попадался подорожник, он ел его с азартом, словно дикое животное, несколько раз он натёкался на большие, уже увядшие листья лопуха. Их основания были ещё мясистыми и сочными. Он ел только эти лопухи до самого вечера. Иногда ему становилось дурно, но он продолжал жевать. В конце он уже стал просто жевать и выплёвывать, по опыту зная, что это тоже насыщает. Когда силы вновь вернулись к нему, он развалился на высохшей траве, вспоминая добрым словом Тимофея. Всё, что рассказывал старик в путешествиях по тайге, пригодилось ему в этом переходе.

Когда наступило новое утро, он уже брёл строго на восток, точно зная, что скоро граница. Ему приходилось надолго останавливаться и слушать. Он вдыхал носом воздух и, медленно освобождаясь от мыслей, представлял себе тот путь, который предстояло пройти. Дорога, по-прежнему, была чистой и безлюдной, лишь однажды он явственно увидел чёрное пятно далеко впереди себя. Среди пролесков, пока-

чиваясь, брёл медведь. Ветер тянул с его стороны, поэтому быть услышанным зверем Михаил не опасался, но решив не рисковать, повернул снова на север, в надежде потом вернуться на нужное направление. Уже в сумерках, когда собирал костёр, он увидел ещё два тёмных пятна: это были волки. Хищники некоторое время постояли на месте, словно советуясь друг с другом, но, как видно, запах костра дал им понять, что жертва ещё не готова сдаваться. Потом в ночи он услышал их долгий вой. Волки подзывали на предстоящий пир своих товарищей. Михаил понял, что путешествие его становится всё опасней.

Ночь он почти не спал, поддерживая пламя костра. К утру забылся сном и очнулся, когда уже светило полуденное солнце. Его диск красным яблоком висел над горизонтом, воздух хорошо прогрелся, и было совсем не холодно. Надо было идти дальше.

Сверив по компасу направление, он тщательно проверил всю свою одежду, вытряхнул подсохшие за ночь портянки, в сотый раз поблагодарив машиниста за его царский подарок. Впереди был последний рывок. Он уже видел в своём воображении двух пограничников, на которых ещё предстояло выйти к концу дня, видел и большую чёрную птицу, кружащую над замаскированными людьми. И он вышел.

Услышав впереди окрик – «Стой, руки вверх!» – он остановился. Равнина была белой, в небе как он и предвидел, летал одинокий ястреб. Колени надломились, и уже не в силах

поднять рук, он рухнул на снег.

– Ты кто? – спросил подбежавший пограничник, одетый в белый маскировочный халат, и держа наперевес карабин. – Руки подними.

Михаил поднял глаза и произнёс: «Я русский».

***

На заставе его продержали два дня. Потом за ним приехала машина прямо из Владивостока. Вязов был в командировке, и его делом занимался заместитель майор Чичулин. Прочитав короткий отчёт, он спрятал его в папку и ненадолго вышел. Секретарь сидел за спиной и молча наблюдал за Михаилом, печатая что-то на машинке.

– Вы себя хорошо чувствуете? – спросил Чичулин, вернувшись в кабинет.

– Я в норме, – кивнул Михаил.

– А мне кажется, что вы нездоровы.

Михаил замотал головой, – стараясь держаться как можно бодрей.

– Я созвонился с вашим куратором. Илья Ильич сейчас на совещании в Хабаровске, Лев Терентьевич тоже. Мне поручено отправить вас в наш профилакторий. Вам надо подлечиться, отдохнуть. Вид у вас не важный, Михаил Михайлович.

– Спасибо, но, может, я дома отлежусь?

Чичулин дал Михаилу расписаться в его отчёте, который по форме больше напоминал протокол допроса. – Боюсь, что

это не получится.

– Это приказ?

– Можно и так считать. Вы же военный человек.

– И должны подчиняться приказам, – продолжил Михаил.

– Ну, вы всё прекрасно поняли. Через полчаса за вами придёт машина. Отдохнёте, придёте в себя, освоитесь.

– Могу я на пару часов съездить к себе домой?

– Ваша комната в полном порядке. Там наш сотрудник, присматривает, – сказал Чичулин. – Вы не волнуйтесь, всё в полной сохранности. Напишите список вещей, одежды, вам привезут.

Михаил хотел спросить о жене, но передумал. Он понял, что находится если не под арестом, то под строгим надзором.

– Вы извините, Михаил Михайлович, – словно прочитал мысли Чичулин. – Вас никто ни в чём не подозревает, просто есть обычные формальности.

– Я должен пройти карантин.

– Хорошо, что вы всё понимаете. Всегда отмечал за вами трезвость мыслей, – без тени лукавства сказал Чичулин. – Я вам приготовил бумагу. Вот, возьмите, только не всё, – сказал Чичулин, подвигая Михаилу стопку серых листов. Это для более подробного отчёта. Пока будете отдыхать, не спеша...

– Спасибо.

Чичулин, как всегда, был предельно вежлив и немногословен. Для Михаила этот человек всегда был интересен своим

неопределённым характером. Немного лысоватый, сероглазый, с чисто выбритым лицом, всегда опрятный, по сути, он представлял собой тип настоящего разведчика, способного перевоплотиться в кого угодно, и, при желании, создать любое впечатление у незнакомого человека. Иногда Михаил ловил себя на мысли, что и сам имеет подобные качества, поскольку работа накладывала свой отпечаток, и от этого сравнения ему становилось неприятно. Ему больше хотелось походить на Вязова, быть может потому, что тот оказался первым русским, увидевшим в нём живого человека. Но время Вязова неизбежно уходило в прошлое.

Пансионат оказался ведомственным, вся его территория была огорожена сплошным решётчатым забором. Конечно, там было не как в лагере или психиатрической больнице, и через решётку, при желании, можно было перелезть, но всё же, иногда Михаилу казалось, что он находится под неусыпным контролем спецслужб, правда, теперь уже советских. Размышляя об этом, он осознавал, что время, проведенное в Китае, определенным образом повлияло на его психику, и ему надо разобраться с тем, кто он на самом деле. Вернуть привычное понимание окружающих его вещей, вернуть собственное восприятие мира, который подставил ему незнакомые грани. Это заточение должно было вернуть ему прежний способ мышления, русского мышления, без которого жизнь в России теряла смысл.

Он сдружился с некоторыми ветеранами, давно облюбо-

вавшими этот уголок. Никто ни слова не говорил о своей работе или должности. Рядом с ним мог находиться как простой офицер, так и генерал, имя и отчество которого могли быть временной легендой. Они играли в шахматы, в бильярд, в карты, кто-то предпочитал настольный теннис, правда, в этой игре Михаилу вскоре уже было не с кем состязаться. Вечером он проводил время на берегу. Было холодно и ветрено, залив скоро должен был замёрзнуть, но над его поверхностью ещё кружили чайки, охотясь за рыбой. Михаил снова думал о Японии. Эти мысли вернулись к нему сразу, как только он оказался в России, и это было удивительно, словно именно русская земля, с её людьми, языком, традициями, способствовала проявлению его ностальгических чувств.

Через неделю приехал Вязов. Это было сюрпризом. К этому времени Михаил уже закончил писать отчёт, и испытывал жгучее желание поскорей вырваться из заточения и заняться делом. Несколько десятков исписанных страниц ждали Вязовского комментария.

Они продолжали отдыхать теперь уже на пару, и Михаил понял, что Вязов приехал неслучайно, как раз вовремя, скорее всего, догадываясь, что у его подчинённого обязательно возникнут проблемы с времяпрепровождением, а точнее, с одиночеством. Михаил, действительно, остро нуждался в человеческом общении, в возможности выговориться.

Ознакомившись с отчётом, Вязов некоторое время не затрагивал эту тему, видимо, сам находясь под впечатлением

от прочитанного.

– Как разведчик ты ещё не умер, – однажды сказал Вязов. – Я даже думаю, что с этого всё только начинается, Миша. Понимаешь, о чём я?

Михаил пожал плечами. Ему казалось, что про себя он знал уже всё, и даже больше, поэтому вопрос начальника немного смутил его.

... – Я нисколько не удивился, что ты нарушил мой приказ. Даже скажу, что ожидал этого. Ты ведь догадываешься, что я по телефону мог спокойно дать распоряжение на контроле, и тебя бы не пропустили к самолёту.

– Да, понимаю, Илья Ильич, – согласился Михаил, хотя, это понимание пришло к нему только сейчас. Он даже открыл от удивления рот. – Вы опять меня использовали?

– Не говори ерунды. Ты разведчик. А его главным качеством всегда остаётся решительность и способность принимать решения. При любых обстоятельствах. И ты его принял. То, что ты находишься здесь, вовсе не наказание, и тебе ещё придётся здесь побывать.

– Вы меня проверяете?

– Конечно, тебя проверяют. Всё что ты написал, будет проверяться. Дело ведь не только в тебе. Для нас очень важно не потерять твоего Джена. Этот парень вызывает много вопросов, но бросать его никак нельзя.

– Вы хотите начать с ним работать?

– Я один ничего не решаю, время покажет, Миша. А на

свой счёт потерпи, ведь ты боец, не так ли?

– Я не знаю. Уже не знаю. Что-то сломалось внутри.

– Ты меняешься, как и каждый из нас в своё время. Слабый человек, неподготовленный, может раскиснуть, даже заболеть психически, не выдержав перемен, но ты не из таких. Сейчас твоя задача наблюдать за собой как бы со стороны. И тогда всё постепенно наладится, вот увидишь. И любовь вернётся, и интерес к жизни, но конечно, это будет уже что-то новое для тебя. Ты стал взрослым, Миша, я бы сказал, матёрым. Мне даже страшно находится рядом с тобой. Я не шучу.

– Ну, что вы говорите? Это я вас боюсь.

Они рассмеялись.

– Считай, что мы обменялись любезностями, Миша.

Они ходили по заснеженным аллеям, с деревьев то и дело падали мокрые хлопья снега, попадая за воротник. Вязов даже вызвал Михаила на дуэль, и они поиграли в снежки.

– Я здесь благодаря вам? – спросил Михаил, когда Вязов вернулся к отчёту.

– Основной вопрос, который пока остаётся неясным, собственно из-за которого тебя здесь держат, это твой невероятный уход. Он, действительно, не укладывается в голове даже у меня. Как китайские спецслужбы могли позволить вам уйти из города. Эта идея с паровозом проста как наши три копейки и вместе с тем гениальна. Событие на углу Серебряной улицы и Ванфуцзин, подняло на ноги всю китайскую

разведку. Китайцы быстро сообразили, что человек, покинувший группу, и гость Изящной, одно лицо. На самом деле они сильно испугались, что на них могут повесить гибель нашего агента, особенно после того, как одному из его связанных в присутствии чиновников вручили награду. Они думали, что после этого вся агентура окажется в их руках, но не предвидели твоего появления. Почему ты остался для них незамеченным, мне и самому не ясно. И это когда в Пекине даже дворники и извозчики служат в разведке. Китай захлестнула шпиономания, полагаю, ты обязан был это заметить.

– Заметил, – согласился Михаил.

– Вот и выходит, что тебя выпустили как перевербованного агента, а если это так, то твоё пребывание здесь...

– Меня должны были спрятать в тюрьму?

– Ну, не совсем так, но близко. Так что давай подождём, пока наверху разберутся. Заодно изучат твой роман.

– А что с бумагами Ли Вея? Неужели он зря собирал всё?

– Зря ничего не бывает, Миша, ты же знаешь. С ними работают. Скажу по секрету, в Москве серьёзно озадачены, ты всех переполошил, и кое кого поставил в трудное положение. Наверху идут серьёзные разборки.

– Связанные со сдачей агентуры?

– Именно так.

– Мне не стоило возвращаться?

– Тебе не стоит потакать себе, это твои чувства сейчас го-

ворят. Ты, наверное, переживаешь утрату Ли Вея, и думаешь, что больше некому. Это не так, Миша, и ты это должен понимать. Утрата агентуры многое ставит на место, конечно, придётся многое начинать с нуля, но главное, по-новому. Новое время, как видишь, требует совершенно новых подходов, а их пока нет. И твой пример это показал. Но ты молодец, и прими от меня самую искреннюю благодарность. Своим возвращением ты разворошил тлеющие угли.

Михаил пожал плечами, испытывая неловкость от похвалы. Сам он не чувствовал себя героем, понимая, что всё, что он делал, было продиктовано желанием выжить:

– Я до сих пор не могу осознать, как всё получилось. Мне повезло?

– Да, на первый взгляд кажется, что это исключительное везение, как в лотерее. Но я не считаю это случайностью. Тебя вело твоё сердце, а в рамках логики китайской разведки это оказалось непредсказуемо. Они просто не там караулили. Они, действительно, ждали тебя на подступах к посольству, их люди были вокруг советских специалистов, они знали о тайнике и следили за ним круглые сутки. Там было задействовано сотни человек. Трюк с твоей болезнью они, конечно, быстро распознали, но события разворачивались слишком быстро. Ничего Миша, скоро всё уляжется, а пока, набирайся сил, желаний, у нас много работы, мы ещё с тобой...

– Повоюем?

– Нет, мы с тобой ещё сварим ухи. Да такой, что ты паль-

чкики оближешь вместе с тарелкой.

Возвращение.

После отъезда Вязова Михаил пробыл в пансионате ещё полтора месяца. Он уже ни о чём не переживал, а просто ждал, когда его отпустят. Он катался на лыжах с горок, лепил, по примеру других своих коллег, снежных баб, и это настолько благотворно действовало на его нервную систему, что время пролетело как одна неделя. Лишь в последнюю ночь перед отъездом он снова впал в переживания, но на этот раз относительно своей будущей жизни. Когда приехал автобус, он уже собрал свои нехитрые пожитки, сдал на вахту ключ от комнаты и сидел в гостиной в ожидании завтрака. Война была войной, а обед по распорядку.

По приезду в город, он сразу кинулся в адресное бюро. Он хотел видеть Варю. Желание было настолько острым, что он едва выстоял у окна очередь из трёх человек.

Варя, по-прежнему, жила в общежитии для учителей, и прибыв туда, он едва не проскочил проходную.

– Вы куда, молодой человек! Сюда посторонним нельзя, – язвительно заявила вахтёрша, отставляя вязание. – У нас вход посторонним категорически запрещён. Говорите фамилию и ждите, – словно отрубила она. Спорить было бесполезно.

– Мне Русакову.

– Ах, вам Варечку, из семнадцатой. Что-то поздновато вы, товарищ, не знаю, как там вас. – Вахтерша оставила вязание, уставившись из-под очков на незнакомца. – Зря теряете время. Пропадали неизвестно где, – непонятно развивала свою мысль вахтёрша, как будто специально испытывая терпение посетителя. После долгой паузы она не выдержала. – У неё, между прочим, свадьба скоро. И жених хоть куда, не в пример некоторым.

Михаил растерялся. Он, конечно, допускал, что подобное может произойти, и даже смирился с тем, что Варя уже могла быть замужем, но произнесённое «скоро», выбило его из равновесия. Он впал в замешательство, не зная, как ему вести себя дальше.

– Вам лучше не мешать её жизни, – тихо сказала вахтёрша, словно почувствовав в поведении Михаила угрозу для её постоялицы. – Ну, разве вы не видите, что не пара ей. Уходите, прошу вас, молодой человек. Уходите, – уже почти кричала она. Этот крик и выдернул Михаила из забытья. В этот момент пришли слесари, и пока она проверяла у них документы, Михаил быстро написал записку только с двумя словами: «желаю счастья», и незаметно положил её в ячейку с номером «семнадцать» общего почтового ящика, надеясь на то, что вахтёрша ничего не напутала. После этого он вышел на улицу и, подгоняемый порывами ветра, пошел домой.

Он даже не запер за собой дверь. Стоя посреди комнаты, его охватило странное чувство. Это был его дом, но что-

то в нём уже было другим. Он глядел на предметы и первое время, будто не видел их, они для него ничего не значили. Но постепенно из памяти словно выплывали знакомые ощущения, мысли, слова, произнесённые когда-то, связанные с этими предметами, и постепенно очертания вещей стали чёткими, а сами вещи словно ожили. Это было новым для него и необычным. Осознав этот душевный опыт, он понял, что это действительно его дом, и он окончательно вернулся. Он открыл окно, несмотря на мороз, и в чём был, лишь скинув обувь, завалился на кровать. Незаметно он уснул. Потом сквозь сон услышал, как скрипнула дверь, как по полу кто-то прошёл. Ещё не открывая глаз, он услышал частое и глубокое дыхание. Михаил открыл глаза и увидел перед собой лицо Вари.

– Я не люблю его, – были первыми словами её. Он взял её ладони и улыбнулся. – Ты всё же пришла. Прости, что заставил тебя страдать. У меня не было выбора.

– Ничего не говори, это всё в прошлом, – сказала она, прикрывая его губы гладкими, и, как всегда, прохладными пальцами. Она опустила на него свои мягкие волнистые волосы, его затопило волной блаженства, и весь мир вдруг исчез для него, остались лишь эти локоны и нежное прикосновение горячих сухих губ.

Потом они лежали, прижавшись, друг к другу, и тихо говорили.

– Я так боялась, что ты вновь появишься, – призналась

она.

– А я хотел, чтобы ты забыла меня, навсегда.

– Почему?

– Потому, что я не принесу тебе счастья.

– Так не говорят в русском языке.

– Я же не русский.

– Для меня это не имеет значения. Ты для меня просто человек, которого я люблю. Я счастлива, Миша. Ты давно сделал меня счастливой. Я люблю тебя.

Когда наступило утро, он снова проснулся в своём доме, где всё было по-прежнему, Варвара поливала высохшие цветы на подоконнике, за окном щебетали синицы в предвкушении тепла, а он крутил ручку радиоприёмника в поисках любимой волны. Во время этих поисков он ненадолго задерживался на японской волне, и украдкой слушал голос своей родины. Когда Варя готовила на кухне суп, он стал повторять слова припева знакомой довоенной песни. В какой-то из моментов его застала за этим занятием Варя. Держа в руках кастрюлю с едой, она на секунду она растерялась.

– И ты понимаешь, что там говорят? – спросила она, накрывая на стол.

– Ни слова, – соврал Михаил, наблюдая за реакцией жены, и делая звук тише. – Тебе нравится, как звучит японский язык? – спросил он немного волнуясь.

– Да? Разве это японский?

– А какой? По-моему, японский.

– А мне кажется, что это корейский. Я думала, ты лучше разбираешься в восточных языках.

– Почему ты так думала? – спросил Михаил, подсаживаясь к столу. – Я даже палочками есть не умею. Гляди, как я орудую ложкой. Как заправский русский Ваня. У меня и имя почти такое, Миша.

– Правда? Ну, полагаю, орудовать ложкой любой сможет.

– А вот и не любой, если не иметь опыта, то её можно проглотить.

Они шутили и смеялись, незаметно приглядываясь друг к другу, словно узнавая, а когда пришла ночь, он снова услышал её волнительное дыхание и удары сердца, вновь почувствовал знакомый и влекущий запах волос, и уже не думал какой он национальности, его родина была там, где билось это сердце, заставляя его гореть и таять. Проснувшись утром, Михаил снова увидел свет, белые стены, голубое небо в окне, рядом он чувствовал прикосновение дорогой ему женщины, осознав, что он снова дома, и ради этих мгновений стоило возвращаться, и даже больше, стоило жить.

Наконец, пришла весна, вместо снежных заносов и навалов вдоль тротуаров появились лужи. С крыш капала вода, а воздух был наполнен ароматами пробуждающихся растений. По двору бегали дети, тягая за собой на веревочках игрушки – трактора без гусениц, военные «катюши» и просто машины. Девочки возились с куклами, и на высохших островках асфальта мелом рисовали квадраты для классиков. Так вы-

глядела обычная мирная жизнь.

Приходя с работы, Михаил садился на лавочку у подъезда и подолгу наблюдал за детьми. Картина так завораживала, что он забывал о своих делах, о том, кто он и для чего здесь. Это была прекрасная картина жизни. Вокруг было полно детворы, многие из них выросли на его глазах. Но среди них, по-прежнему, не было его малыша. Один забавный толстощёкий мальчуган в маленьких кирзовых сапожках катал по лужам танк и всё время норовил выстрелить из него в Михаила.

– Что ты делаешь! Тимофей, – закричала из открытой форточки мать.

Михаил очнулся от своих мечтаний, и вспомнил.

На следующий день он взял отпуск за свой счёт, и уехал во Врангель. Жене он сказал, что соскучился по живой природе и хочет немного побыть один, и в его словах была правда.

Всю дорогу до Находки он не находил себе места. Ему достался последний вагон и последнее купе. Вагон болтало во все стороны, а он думал о Тимофее. Он не видел его несколько лет, и неожиданное воспоминание вызвало в нём чувство вины и тревоги. Были, конечно, командировки, была обычная суета, связанная с домом, с работой и женой и её проблемами на работе. Эта суета, заполнявшая всё его сознание и не позволявшая хоть на минуту оторваться от этой текучки, не давала увидеть жизнь такой, какая она была на самом деле. Впрочем, Михаил не знал, какой должна быть настоя-

щая жизнь, он просто находился в ней, ехал в поезде и желал всем сердцем снова увидеть деда Тимофея, моля бога, чтобы с ним всё было в порядке. Хотел разделить с ним радость от пробуждения природы, увидеть зелёную тайгу, утонуть в её бескрайнем пространстве, и даже, поглядеть, что стало с его бывшим лагерем. Обо всём этом размышлял он, сидя перед окном в купе.

Вместо дома, где жил Тимофей, он увидел лишь яму от погребца и разваленную печь. Михаил стоял на солнцепёке в самый полдень, не решаясь признать факт за действительность.

– Вы кто ему будете? – услышал он оклик из-за спины. Рядом стояла немолодая женщина, державшая за руку ребёнка лет восьми, который всё время пытался вырваться. – Стой на месте, окаянный. Погоди, дам тебе ремня, вот придём домой, – отчитывала она мальчугана. – Дак, не услышала. Вы ктось ему будете? Не Михаил ли? – снова прищурившись, спросила женщина.

Михаил молча кивнул головой.

– Правда ли? Я думала, что вы русский. Имя-то русское. Сами-то кто будете? Из каких?

– А как вам хочется, мать, так и считайте.

– Ну и ладно. Мне всё равно. Лишь бы человек был. Пойдём сынок. Хорошо, что ты приехал. Тимофей для тебя оставил кое-что.

– А сам он где? – всё ещё не соображая, что происходит,

спросил Михаил.

– Так помер Тимофей. Уж полгода как помер. Схоронили его. Старый был человек, одинокий, вот смерть его и прибрала.

Михаил попросил тетку Нюру показать его могилу. Она согласилась, но сказала, что покажет потом, а сначала отдаст вещи.

Жила она в ветхом маленьком доме, собранном, судя по внешнему виду, из остатков лагерных барачков.

– А вы-то сами кто будете? – спросил Михаил, заходя в дом.

– Зверькова я, – тихо ответила женщина. – Муж мой здесь работал, а я в Козьмино работала на рыбном заводе, пока он в лагере сидел. А сейчас вот здесь живу.

Михаил понял, что это жена его бывшего командира отряда, но о своей догадке почему-то промолчал.

– Мне оно ни к чему, – объяснила тётя Нюра, снимая со шкафа брезентовый мешок. – А там гляди сам, что с ним делать. Вот его вещи-то.

Тётя Нюра посадила Михаила за стол, а сама вытащила из-под умывальника наполненное ведро и вышла из дома, оставив его одного в комнате.

Михаил долго не решался развязать мешок. Вещи, лежащие в нём, могли вызвать неизвестные чувства. Ему было и стыдно и грустно. Когда он развязывал узел и вынимал вещи, ему показалось, что сейчас в памяти всплывут вос-

поминания, и он обязательно расплатится, но ничего этого не произошло. Он выложил на стол небольшой альбом с фотографиями, немного поржавевший японский штык-нож, несколько десятков гильз в полотняном мешочке, порох в фабричной упаковке, и с десяток свинцовых пуль. Там же в отдельном мешочке была и дробь. Была там ещё стертая на одну треть серебряная ложка, алюминиевая кружка, кожаная портупея казачьего образца и мешочек с тем самым белым порошком, благодаря которому дед Тимофей вытащил его с того света. Глядя на все эти предметы, он испытал чувство благодарности к старику. Смерть – естественна для любого человека. И дело не в том, чтобы люди просто помнили его, а в том, чтобы эта память помогала им видеть себя, свои поступки и ту дорогу, по которой ведёт их жизнь. Он вдруг осознал, что стал свидетелем настоящего чуда, а оно заключалось в простой вещи, в том, что его жизненный путь пересёк путь Тимофея, в том, что они встретились. Таким же чудом была его встреча и с Ли Веем, и с Вязовым, со всеми людьми, которых он когда либо встретил на своём жизненном пути. И всем им он был бесконечно благодарен за то, что они когда-то не отвернулись от него при встрече. Но Тимофей сделал несравненно большее, он вложил в него русскую душу, и научил с её помощью видеть мир, природу, людей. Михаил не знал ещё, чем русская душа может отличаться от другой души, но твёрдо знал, что душа эта принуждает его всё это любить и не требовать ничего взамен.

На одной из страниц альбома его привлёк старый снимок, на котором были изображены два молодых человека. Михаил не сразу понял, кто это. Но взглядевшись, он узнал двух своих учителей Тимофея и Ли Вея. Оба они были молодыми и стояли вытянувшись, с прямыми спинами, и без улыбок спокойно и сосредоточенно вглядывались в камеру, словно в него самого. Этот снимок был единственным, где они были вдвоём. Ли Вея он больше нигде не увидел. Особенное впечатление на Михаила произвела фотография, где Тимофей сидел на резном стуле в казачьей форме с шашкой, а рядом, немного позади, – удивительной красоты женщина в платке, в белой приталенной кофте и длинной, до земли, юбке. Оба лица были спокойными, и ясными. Михаил не мог не признать, что даже через снимок испытывает притяжение к этим лицам.

На последней странице он обнаружил небольшой пожелтевший конвертик. Он подумал, что это письмо, быть может, очень старое, и что читать его совсем не следует. Но всё же вскрыл конверт, там лежал крестик Тимофея, а точнее Ли Вея. Михаил, не размышляя надел его, как бы сплетая оба креста в одно целое.

Ближе к вечеру они сходили на могилу Тимофея. Деревянный крест уже успел потемнеть, но стоял ровно. Никаких надписей на нем не было. Тётя Нюра оставила Михаила одного, предупредив, что когда он вернётся, она его накормит ужином.

Оставшись один он снял кепку и произнёс. – Здравствуй Тимофей. – От сказанных слов грудь его всколыхнулась, и по щекам потекли слёзы.

Переночевав в доме тёти Нюры, следующим утром Михаил собрал необходимые вещи, заплатил хозяйке за продукты, которые она собрала ему в дорогу, и отправился в тайгу. Он знал, что там, среди зелёного безмолвия он снова встретит Тимофея. Ведь умирает лишь тело, а душа, – она сливается с тем, что любил человек при земной жизни, чём жила его душа. – Я вернулся, Тимофей.

Письмо.

Однажды в дверь постучали. Михаил только что вернулся из очередных курсов переподготовки и ждал, когда вернётся с работы Варя. Он открыл дверь, за порогом стоял незнакомый молодой человек.

– Вы – Миша? Я не ошибся?

Михаил кивнул, по привычке заглядывая гостю за спину.

– Там никого, – спокойно произнёс гость, задумчиво проходя за порог. – Я от Володи Иванова.

Эта новость встряхнула Михаила. Он закрыл за гостем дверь и увеличил громкость приемника.

Гость представился Николаем, он никуда не спешил, и Михаил пригласил его за стол. На кухне он быстро нагрел на керосинке чайник, потом они молча пили чай с баранками.

– Вы такой, каким мне обрисовал вас Володя, – начал издалека Николай. – Я знаю, где вы работаете. Мы с вами коллеги. Всё так изменилось, не правда ли? – странно начал разговор гость.

Михаил ухмыльнулся и кивнул.

– Чай откуда? – спросил Николай.

– Чай из Грузии, – ответил Михаил, разумеется, соврав. Чай был из Китая.

– Странно. У нас на целине грузинский чай совсем другой вкус имеет.

– Грузия большая, – многозначительно ответил Михаил, пожимая плечами.

– Он передал вам письмо, – тихо произнёс Николай и медленно достал из кармана небольшой конверт.

– Почему не почтой?

– Это вы у него потом спросите. Можно, я пока напротив окна постою? У вас курить можно? Я открою форточку, вы напротив?

Гость подошел к окну и посмотрел вниз. Михаилу стало смешно от такой конспирации, но он не подал виду. Распечатав конверт, он едва не вскрикнул. Письмо было написано на японском языке. Он что угодно мог предположить, но не этого. Письмо было коротким и плохо составленным, в стиле Изаму, он так и не освоил как следует грамоту.

«Дорогой, Миша (Синтаро), благодаря случаю, пишу тебе весточку. Прости за плохой стиль, ты знаешь, что с грамотой

у меня кое-как. Должен сообщить кое-что важное для нас обоих. Слать почтой такое письмо я побоялся, поэтому воспользовался услугой Николая, он вполне надёжный парень, я ему доверяю, но и здесь, как видишь, приходится дополнительно подстраховываться. Если у тебя есть желание, можешь так же написать мне с ним. Недавно от надёжного источника я узнал, что скоро, может через полгода, планируется наша с тобой командировка. К сожалению, не узнал, куда точно, но подозреваю, что в Японию. Ожидается серьёзная подготовительная работа, курсы по языку, сейчас для нас разрабатывается легенда, ну и всё остальное. Для меня это крушение всего. Ты знаешь, что я не патриот нашей с тобой родины, но и оказаться на ней в роли диверсанта я не смогу. Думаю, что ты разделяешь мою мысль. Я готов на всё, чтобы избежать этого. Заболеть, сесть в тюрьму за драку, проиграть чёрту... Лишь бы не это. Советую тебе подумать над моими мыслями. Кстати, я недавно вступил в партию, и теперь у меня на руках путевка на целину. Считай, что я уже там. А работы для нашего брата везде хватает. Между прочим, казахи, как и японцы, тоже азиаты. Я этого не знал. Так что, мне там будет хорошо. Удачи тебе и крепкого здоровья. Твой друг Изаму, а лучше – Владимир».

Когда Николай ушёл, Михаил уже едва справлялся с эмоциями. Мир, в котором он всё это время находился и к которому уже успел привыкнуть, опять рушился как карточный домик. Ему не было страшно расстаться с привычной

обстановкой, людьми, своей отдельной комнатой, друзьями; он боялся признать, что Япония, по-прежнему, живёт в нём, а та страна, которую он оставил пятнадцать лет назад его не примет. Он был готов на какие угодно условия – быть рудокопом, дворником, даже рикшей или разносчиком еды, но не шпионом. Изаму был прав, предлагая затеряться в глубинах российских просторов, лишь бы не оказаться предателем. В то же время, Михаил прекрасно понимал, и опыт работы позволял это, что система просто так не отпустит, что зайдя в неё однажды, навсегда становишься её частью, послушным механизмом. Этого Михаил всей душой стремился избежать, но пока не видел выхода, точнее, в этом пока не было большой необходимости. Работа не давала скучать, регулярно встряхивала, в общем, было интересно жить. И вот сейчас эта система могла потребовать от него жертвы. Наконец-то! Втягивая в себя дым очередной папиросы, он понял, что вся его шпионская деятельность: заброски и внедрения, были лишь прелюдией к главному действию, собственно, на что его и затачивали словно лезвие все эти годы. Отказаться от себя, своих принципов и пристрастий, и принести себя в жертву. Но чему? Да, была Америка, колонизировавшая его страну, были порабощенные японские люди, согнувшие головы перед американской оккупацией, но была и другая Япония, внутренняя, невидимая никому, кроме самих японцев. Из неё, собственно, и вышел человек с именем Идзима Синтаро, сын своих родителей. И предателем предстояло

быть именно по отношению к ним, и тысячам других таких же простых японцев. Он уже видел себя в окружении этих лиц, и не знал, куда спрятать глаза. Одного мгновения стыда и страха хватило, чтобы перечеркнуть все его поступки и убеждения. Всё оказывалось ложью на чаше весов, где по другую сторону была его родина. Не в силах справиться со страхом будущего позора, он уже задумал страшное, открыл окно и встал на подоконник. Третий этаж был не так высоко и, может быть, это его остановило. Потом он вышел из дома и направился в сторону порта. Он даже не знал, для чего он туда идёт, но ноги сами несли его к воде. Оказавшись на кромке берега, он уселся прямо на песок и, обхватив плечи руками, надолго ушёл в себя. Из состояния транса его вывели негромкие всплески воды. Рядом ходила чайка, совсем не обращая на него внимания. Она крутила головой и подбрасывала клювом кусок высохшей морской капусты. Подлетела ещё одна чайка, и между птицами завязалась драка. Эта потасовка отвлекла его от тяжёлых мыслей, он швырнул в них камнем. Они стали летать над ним и кричать. Пришлось убираться по добру по здорову, накрывая голову руками. Поднимаясь от кромки воды, он заметил в стороне группу людей. Там, видимо, шла пьяная разборка. Сначала он хотел пройти мимо, но одна из фигур показалась ему знакомой. Те же узкие плечи, красная физиономия, небольшой живот, и неуклюжие движения ног. Драки не было, просто выпившие мужики о чём-то бурно спорили.

Ну конечно, это был Трофим, вернее Трофимов Сергей, его друг из Снегирихи, работавший в бригаде взрывников. Они не виделись почти семь лет. Трофим едва не раздавил его в своих объятиях, и долго тряс, словно пустой мешок, выбивая из него своими маховиками всю накопившуюся хандру.

– Миха! Ну, не хрена себе? Миха, ты? Я не верю своим глазам, – рычал Трофим. – Но если это ты, то почему такой грустный? Это надо срочно исправить. Ты не о чём не догадываешься?

Михаил пожал плечами, продолжая улыбаться, понимая, что Трофим валяет дурака.

– Ты это брось, свои восточные хитрости. Встретились два боевых товарища... За это полагается... Ну, шевели копытамию. За это полагается... вы – пить! Конечно, выпить! Как говорится, поступило предложение наполнить бокалы! – Трофим, как всегда, не отличался красноречием, но был искренним, и не скрывал радости от встречи. Они оставили дружков на берегу и пошли в ближайший ресторан пропить последние деньги Трофима. Через час Михаил уже едва водил зрачками, тыкаясь, словно слепой щенок, пьяным лицом в богатырские кулаки своего старого друга. Домой их привезло такси.

Утро застало их в глубокой лёжке на полу. Варвара уже ушла на работу, оставив угрожающую записку на столе. Трофим на маленьком коврикe, по-детски подложив ладошки

под толстые щёки, храпел во всю глотку, сотрясая стены коммунальной квартиры.

– Сколько мы выпили вчера? – спросил Михаил, после того, как они окончательно проснулись, и сидели напротив окна, тупо глядя в никуда.

– А хрен его знает, Миха, – улыбаясь во весь рот, ответил Трофим, роясь в кармане брюк. – Я сам болею. И как говорится, есть предложение восполнить пробелы памяти. Не сходить ли нам за пивом? У тебя деньги есть?

Они просидели до обеда, дождавшись, когда пришла жена и, действительно, устроила им разнос. Потом они сидели на лавочке и курили. За этим слабо отрезвляющим занятием Трофим рассказал, как оказался во Владивостоке. Он, по-прежнему, работал взрывником на руднике, на севере Приморья, а сюда приехал с желанием дать жизни жару, и показать «наших», из-за чего пришлось пропить все деньги.

– Так что, бросай свою работу, и приезжай к нам, на рудник, – в десятый раз, заканчивая разговор, предлагал Трофим, не в силах встать со скамейки. – Рудник «Дальний». Запомнил? «Дальний».

Когда Трофим уковылял в поисках своих покинутых товарищей, пообещав вскоре вернуться, Михаил закурил ещё одну папиросу и задумался. Что-то в рассказе Сергея показалось ему необычным, и даже таинственным, гораздо большим, чем просто темой дикого заработка. Да и встреча их на пустынном берегу Амурского залива уже не выглядела слу-

чайной. Он и до этого слышал о проблеме этого рудника, но то была информация закрытого содержания, не для всех. Ещё при подготовке к китайской заброске он соприкоснулся с темой урана и его добычи. Руды этой катастрофически не хватало в Советском Союзе, особенно если учитывать далеко идущие планы в ядерной энергетике. Рудник «Дальний» как раз и был той секретной точкой на карте, где добывали урановую руду. Не её одну, разумеется, но один из рудников этого удалённого района добывал именно урановую руду, и вокруг неё существовали какие-то проблемы. После письма Изаму Михаил понимал, что мирное пребывание его в Союзе – это уже вопрос времени, и если он не изменит свою жизнь коренным образом, то все предсказания друга могут сбыться, а этого он допустить не мог. Рудник «Дальний» мог стать местом, где ему можно было спрятаться и затеряться. Пройдёт время, и о нём забудут. Жизнь всё ещё продолжалась, вырисовывая перед ним очередной крутой поворот, в который надо было ещё правильно вписаться.

Всю неделю он провёл в глубоких раздумьях. Жена приходила с работы поздно, уставшая, и вся его молчаливая игра не могла не действовать ей на нервы. Последний год был не самым тёплым в их жизни. Михаил видел, как они понемногу расходятся в стороны, виной тому была и работа, как его, так и её, его нескончаемые командировки по краю, и, быть может, и то, что они по-прежнему делили на двоих одну комнату. Варвара стала жёсткой, иногда даже властной.

Казалось бы, такие простые вещи, как громкое жевание во время еды, или стук чайной ложки о стакан, или непривычный храп могли вызвать в ней раздражение. Он понимал, что кроме простых бытовых трудностей их семейную жизнь омрачает одна невидимая – у них не было детей, а значит, это была неполноценная, не настоящая семья, а лишь её подобие. Другим поводом для возникновения конфликтов, по-прежнему, было то, что они не были расписаны, и если Варя не поднимала этого вопроса, то это не значило, что она о нём не думала. Было ещё немало невидимых камней, о которые спотыкалась их дружная когда-то семья. Любил ли он её? Несомненно. Михаил любил жену всем сердцем, жалел, угождая ей в любом капризе, но помочь ей разрешить накопившиеся душевные проблемы он не мог, и быть может, потому, что не знал её русской души. Он понимал, что, сколько бы ни прожил здесь среди русских людей, все они для него, по-прежнему, оставались непонятными, в том числе и Варя. Любила ли она его? Или это была привычка? Один из его сослуживцев сказал однажды, что женщина вынуждена сдавать себя в аренду, с одной лишь целью – родить для себя ребёнка. Мысль эта была в его понимании циничной и, вместе с тем, до простоты верной. Варя по природе своей была матерью и хотела иметь детей. Но и он мечтал о сыне. И теперь, оказавшись в лавине проблем, он видел, как рушится его привычный мир, как уплотняется даже воздух, окружавший его, где каждый шаг и каждый вздох даётся всё тяжелей.

Но он не паниковал, а просто продолжал наблюдать, как когда-то советовал Вязов. Наблюдал и ждал, и даже не удивился, когда однажды в телефоне услышал его голос: – Приходи, есть тема, которую надо обговорить, – сказал Вязов коротко и повесил трубку.

Его начальник сидел в том же кабинете, но на его двери вместо фамилии и инициалов висела лишь табличка с номером. Это нововведение говорило о том, что время действительно изменилось. Сам Вязов, седовласый с большими залысинами уже не выглядел статным офицером как когда-то, одно оставалось в нём неизменно – его ясный взгляд и продуманность каждого слова.

– Хорошо, что пришёл, – сказал вместо приветствия Вязов. Михаил долго рассматривал своего начальника, ловя себя на мысли, что время поработало не только над вещами, но и над людьми. – Сходим сначала пообедаем, а потом решим, как жить дальше.

Начало разговора заинтриговало Михаила. Пока шли по коридору, пока стояли в очереди с подносами, Вязов задавал обычные житейские вопросы, спрашивал о жене, о работе, о здоровье. Михаил поймал себя на мысли, что сам он о Вязове почти ничего не знает, кроме того, что жену его зовут Марья Сергеевна, что она китаянка, и прекрасно готовит. Потом они молча съели свой обед, после чего вышли на улицу.

– Ты видишь, что всё меняется, – начал Вязов издали. Михаил молча кивнул. – Терентьича на пенсию проводили.

Слышал?

Михаил удивился. Его не вызывали на ковер больше года, доклады он всё время подавал на стол своего начальника, а им был Вязов, поэтому уход Льва Терентьевича для него был новостью. Услышав её, он почему-то загрузил.

– Ладно, не переживай. Всех когда-нибудь спишут, – отшутился Вязов. – Хотя нашего брата держат до последнего, так что на скорый отдых не рассчитывай.

– Что случилось? – спросил Михаил, понимая, что Вязов умышленно тянет время.

– Я уйду из внешнего отдела, – сказал он коротко.

– Или переводят?

– Нет, на этот раз я уйду сам и рад этому.

– Но, что случилось?

– Какой же ты упрямый, Миша. Сам что ли не видишь?

– Это из-за бирки на двери?

Они оба расхохотались.

– Ладно, шутки в сторону, перерыв скоро закончится, а новый начальник сердится, когда подчинённые где-то бродят. Прошли сильные изменения внутри нашего ведомства, много молодых появилось, а это всегда связано с ломкой дров. Ну, и вот. С Китаем, сам видишь, что получилось. Туда сейчас ходу нет, того и гляди кулаками грозить начнём. У нас Япония, Миша, замаячила. Наш ближайший сосед, а мы ничего не делали там со времён окончания второй мировой войны, а то и больше. Надо налаживать связи, а у нас нет

даже мирного договора с этой страной, декларация от пятидесяти шестого года не в счёт. Дело это, разумеется, важное, но боюсь, что кто-то хочет прыгнуть через весь лестничный марш. В общем, параллельно с формированием японского дипкорпуса, у нового руководства есть планы по созданию новой агентурной сети в этой стране. И как можно скорее. Как ты понимаешь, одно без другого быть не может. Что молчишь?

– А что говорить? Вы ведь ещё не всё сказали.

– Но тогда, слушай дальше. Как уже сказал, я уйду из внешней разведки. Это не бегство, Миша. Просто, мне не нужна карьера, а кто-то о ней мечтает, и ради бога. Внутренние дела тоже обязывают трудиться, не покладая рук, да что тебе рассказывать. А говорю я тебе это не потому, что сам попал в непростую ситуацию, а потому, что когда-то дал тебе слово, что ты не будешь работать против своей исторической родины. И нарушать это слово не собираюсь.

– Да, я не забыл этого, – подтвердил Михаил. После этих слов ему даже стало легче дышать, но вместе с тем, появился страх перед неизвестным, о котором Вязов ещё не успел сказать. Больше всего его поразило совпадение – звонок Вязова и письмо от Изаму, свалившиеся на него почти одновременно.

– Конечно, мне удобно продолжать работу с тобой, и поэтому, если ты не против.

– Я не против.

– Тогда не перебивай. Прежде всего, тебе надо написать заявление о переходе в другой отдел, в мой будущий отдел, и все твои бумаги лягут в архив. А второе, найти интересное для себя направление и начать работать. Я могу кое-что тебе предложить, но, может, у тебя самого что-то есть на примете?

– Кажется, есть, – стараясь быть как можно сдержанней, сказал Михаил, чувствуя, что из него выходит накопившаяся тяжесть.

– Тогда завтра с подробным описанием планов и задач. На ковре мы не должны мычать как коровы, так что, приходи пораньше, обсудим.

Когда на следующий день Вязов выслушал Михаила и прочитал изложенный им на бумаге план, то первая реакция слегка огорошила его, если не сказать больше.

– Выброси это в урну, – сказал Вязов.

– Но, Илья Ильич? Я всю ночь сидел, глаз не сомкнул.

– Вот именно, «я». Выброси, сказал. Порви и выброси. Хотя погоди, лучше я его спрячу в сейф. А теперь послушай. Ты молодец, что увидел эту проблему, и грамотно её изложил. Её и раньше поднимали, но надеялись на китайские рудники. Однако, на китайцев где сядешь, там и слезешь. Может оказаться, что мы в самое вовремя с тобой, Миша. После обеда я иду к главному, и там вскользь затрону эту тему, что называется, закину удочку, и по ходу разговора, а он непременно возникнет, предложу твой вариант. Тебя я

называть не буду, но скажу, что есть подходящая кандидатура, уже готовая к работе. Рудник «Дальний» это же наше поприще. Главный всё это обдумает, а потом, через пару дней вызовет меня, и озадачит, словно это его идея. А нам это и нужно. В общем, готовься. Мосты не сжигай, но долгов, желательно, чтобы не оставалось.

Когда Михаил вернулся домой, Варя сидела за журналами, было начало учебного года, и ей приходилось до полуночи сидеть над ними, вписывая фамилии в предметные разделы. Она уже не работала с начальными классами, а вела отдельные предметы – русский язык и литературу. Классов было много, и школа всё больше поглощала её. Он не стал её отвлекать и сел пересматривать газеты. Делал он это осторожно, стараясь не шелестеть бумагой. В последнее время они мало разговаривали и почти не выходили вместе в город. Михаил ещё не знал, как начать разговор о возможном переезде, но тема вынуждала его всё время об этом думать. Жена словно считала с его лица эти мысли и начала первой.

– Опять в экспедицию зовут? – с иронией в голосе спросила она.

– А как ты догадалась? – Михаил даже растерялся и поэтому на агрессию ответил тем же.

Жена пожала плечами, давая понять, что все, что ей нужно, она уже выяснила, и снова уткнулась в журнал.

Потом они молча поужинали приготовленной Михаилом рыбой. Он привычно ел руками, а потом вытер пальцы по-

лотенцем.

– Это для чистых рук, – неожиданно взвилась жена.

– Ну, извини, я не знал, – соврал Михаил, вытирая уже уголки рта тем же полотенцем. – Я потом постираю, не волнуйся.

Это взорвало Варю ещё больше, она отбросила вилку и выскочила из-за стола.

– Всё ты знаешь! Все нормальные люди едят вилками и ложками, а мой – деревяшками, как нерусь. Она замолчала, и вдруг расплакалась.

Его не обидело брошенное в сердцах «нерусь». Он порой по десять раз на дню слышал это в тех или иных формах в свой адрес. Жена не смогла произнести – «мой муж». Было время, когда она говорила: «мой муженёк» и никого не стеснялась, но то время как-то незаметно ушло, и от этого на душе было пусто.

– Спасибо, – сказал Михаил, как можно сдержанней, вставая из-за стола. Конечно, ужин был немного испорчен, но по опыту последних месяцев он знал, что впереди ещё ждёт десерт. Он не хотел продолжения и решил выйти на свежий воздух. Он даже подумал предложить ей прогуляться, но слова жены прервали его сборы.

– Мне недавно попался в руки твой паспорт, – неожиданно сказала она.

– Ты рылась в моих вещах? – спросил Михаил, ещё не понимая, к чему может клонить жена.

– Рылась. Под кроватью пыли – хоть картошку сажай, – бросила жена.

– Чемодан лежал в шкафу, – спокойно продолжал Михаил, понимая, что это лишь раззадорит Варю.

– Я не помню, где лежал твой пыльный чемодан. Помню что в паспорте я не нашла печати.

– Какой? – Здесь Михаил оказался в окончательном тупике, не зная, к чему ведёт жена. Сцены подобные этой происходили не раз, но заканчивались ничем, здесь же Варя оставлять тему, похоже, не собиралась. Он чувствовал, что в ней начали разгораться тлеющие угли.

– Однажды я тебя спросила, есть ли у тебя жена. И не к ней ли ты уезжаешь. Хотя ты всё время куда-то уезжаешь и, наверное, не помнишь этого. Но я не забыла. Тебя потом не было почти год, – начала жена. Её большие воспалённые глаза уже были наполнены слезами и, глядя в них, Михаил явственно почувствовал, как теряет не только контроль над собой, но и силы. Глаза были словно провод, по которому утекала его энергия. Против этого взгляда он был беззащитен. – Ты тогда сказал, что едешь к ней.

Михаил опустил на стул и тяжело вздохнул.

– Но это так давно было! Варя, при чём тут старые дела? Я всё забыл, и мы решили больше не вспоминать об этом!

– У тебя в паспорте нет печатей. А это значит, что ты никогда не женился и не разводился.

Михаил молчал. Доводы жены были вполне естественны,

хотя и вредные для обоих. Она словно пыталась разбудить в себе злую собаку, готовую сорваться с цепи.

... – Ты мне врал. Я выросла в детдоме и привыкла говорить правду. Я не могу терпеть, когда лгут. После этого я даже думать о тебе не могу.

– Прости, пожалуйста. Так вышло, понимаешь. Давай забудем об этом.

– Но почему ты не скажешь всё как есть? Кто ты, почему уезжаешь, к кому? У тебя кто-то есть?

– Да есть, – соврал он. Варя бросилась из комнаты, опрокинув стул, но Михаил перехватил её, сгрёб в охапку и едва ли не бросил на кровать. Она уже не могла сдерживать рыдания, это было состояние, близкое к истерике, и Михаилу потребовалось много усилий, чтобы удержать её.

– Ты опять соврал! Я так больше не могу.

– Прошу тебя, успокойся, – твердил он, с трудом удерживая её в руках. Ты только не плачь. Хотя плачь, конечно, плачь. – Он посадил её себе на колени и стал тихо покачивать. Незаметно она успокоилась. Потом, когда слёзы её высохли, а лицо всё ещё оставалось горячим, он нежно поцеловал её в горячий висок. Она открыла ему своё лицо, губы её были очень горячими, а глаза растерянными. С женой что-то произошло, словно внутри неё кто-то произвел особую настройку. Она с жаром обняла его, словно проникла в него своей плотью. Она стала рассказывать ему о своих переживаниях, трудностях на работе, связанных с тем, что у

них неопределённые семейные отношения, о том, что из-за постоянной работы она превратилась в кусок железа и видит это, но ничего не может с этим поделать. О том, что за последний год к ней несколько раз приставал коллега по работе, думая, что она незамужняя женщина, что отчасти и было на самом деле. Она говорила, пока слёзы её не высохли, а потом не отпускала до того момента, пока у обоих уже не кончились силы, и всё, что было у каждого внутри, они отдали друг другу без остатка. Это было словно взрыв, прорыв накопившихся за долгие годы обид и внутренних несогласий.

– Мне кажется, такого никогда не было со мной, – сказала она, тихо поднимаясь среди ночи. Она накинула на плечи его рубашку, достала из нагрудного кармана сигареты и закурила. Он знал, что жена его иногда курит, но ничего не говорил, ведь за ним этот грех тоже водился. – Знаешь, нам надо разойтись, – произнесла она спокойно и тихо.

– Варя, что ты такое говоришь? – Слова жены огорошили его.

– Не перебивай меня, прошу. Из нас никто не виноват, я это знаю. Мы прожили столько лет, но каждый своей жизнью. Мы держимся за прошлое, больше нас ничего не связывает. Ты был хорошим мужем и любил меня, да и до сих пор любишь, наверное.

– А ты?

– Я не знаю. Когда тебя нет, мне плохо, я схожу с ума. Но когда ты рядом, мне хочется делать тебе больно. Я не знаю,

почему. Иногда на улице я ловлю взгляды людей. Они и раньше были, но я не обращала на это внимания.

– Тебе стыдно за то, что я азиат?

– Мне не стыдно, но я чувствую как меня уязвляют эти взгляды. Да бог с ними, с людьми. Всё гораздо серьёзнее Миша.

– Ты переживаешь, что у нас нет детей?

– Да, наверное, и иногда я думаю, что это мне в наказание за то, что я тебя полюбила. А теперь... Прости меня Миша.

Она снова кинулась к нему и долго не могла выплакаться.

... – Я не знаю, кто в этом виноват. Может ты, может я...

Но что это меняет? Мне уже много лет, вокруг столько детей, а я одна. Мне почему-то стало жаль прожитые годы. Я никогда раньше не думала над этим, а недавно подумала, что прожила их зря. Молчи только, не перебивай. Конечно, это не так, и я знаю, что ты меня не бросишь, и будешь терпеть до последнего. Но ведь это неправильно, и мне уже нужно больше, я чувствую, во мне что-то живёт, как зародыш и просится наружу, но я его не могу выпустить. Я всё время думаю об этом. Тебя подолгу не бывает дома, а когда не спишь всю ночь, ждёшь, думаешь, а потом к утру, вдруг забудешься сном... Боже, как я устала ждать. Однажды я подумала, что у нас никогда не будет детей. Тогда во мне что-то проснулось неприятное, я стала придираться к тебе, появилось даже желание властвовать, мстить, оно и сейчас внутри меня сидит, и от этого так противно. А ты всё сносишь, стараешься не

замечать, и я злюсь ещё больше. Но так нельзя.

– Я виноват перед тобой Варя.

– Да за что же? Я чувствую, что у тебя тоже что-то происходит, но понять тебя невозможно, и от этого я схожу с ума, становлюсь стервой. Иногда мне так стыдно за свои слова и поступки, но сделать ничего не могу. Я даже стала тебя тихо ненавидеть, особенно когда ты все мои придирки переводишь в шутку. Ты как с другой планеты. Иногда мне кажется, что ты лазутчик. Да, не удивляйся. Я даже хотела пойти в соответствующие органы. Боже, что это за чушь. Мне противно даже думать об этом.

Михаил уже подумал признаться ей, кто он, откуда, его охватило нестерпимое чувство вины и жалости, но жена вновь прильнула к нему и стала целовать его так неистово, словно эта ночь у неё была единственной и последней. Наутро она была спокойной и молчаливой. Из дома они вышли вместе, и со стороны казалось, что ничего не произошло. Перед тем как разойтись в разные стороны, она сухо улыбнулась, словно извиняясь за свою ночную слабость и пошла на остановку, ни разу не оглянувшись. Он провожал её взглядом, внутренне понимая, что всё, что произошло ночью, не случайность, и такого с ними уже больше не будет. Несмотря на тяжёлые мысли, он был благодарен Варе, и прежде всего за то, что она нашла в себе силы признаться и себе и ему, что нельзя держаться за прошлое.

Как и предсказывал Вязов, их вскоре вызвали на ковёр.

Всю неделю перед этим Михаил провёл как на иголках. Не выходило из головы письмо Изаму, отношения с женой становились всё более сухими, хотя после той последней ночи она стала до необычности спокойной и даже осторожной. Она избегала резких слов, не стало упрёков, словно он был идеальным мужем, что, конечно, не соответствовало действительности. Когда он сообщил ей о предстоящем переезде в глубинку, она молча кивнула, хотя лицо её немного покраснело. Новость застала её врасплох.

– Конечно, уезжай, может, так будет лучше для нас обоих, – сказала она тихо.

Михаил молчал, смотрел в окно, не зная, как продолжать разговор. Было ещё одно «но», о котором его язык не поворачивался говорить. – Мне придётся выписаться из квартиры, сказал он, потупив взгляд.

– Я всё поняла. Я поняла Миша. Мы ведь не расписаны с тобой, и после того, как ты уедешь, мне придётся съехать отсюда. Можешь не волноваться, мне и самой давно надо было это понять. Время пришло, как видно.

– Я договорюсь с машиной, помогу тебе.

– Прошу тебя, не волнуйся, у тебя своих дел хватает. Я как-нибудь сама справлюсь.

– Ну, зачем ты так?

Жена ничего не ответила. Едва сдерживая эмоции, она собрала портфель и пошла на работу. Его тоже ждали дела, но весь день он провёл в тяжёлых мыслях об их внезапно обо-

рвавшейся семейной жизни. Они больше не были мужем и женой, но при этом между ними появились простые человеческие отношения, Варя стала уважительно относиться к его делам, перестала срывать на нем злость и обиду, словно смирилась. Вскоре она переехала в общежитие для педагогических работников. Не без помощи Вязова ей предоставили маленькую, но отдельную комнату на первом этаже. Когда Михаил прощался с нею перед тем как уехать, она сидела на голой кровати и смотрела в запыленное стекло. За окном тянулся унылый осенний пейзаж со стройкой. Шло новое строительство.

– Вот всё и разъяснилось, – удовлетворённо произнёс новый главный, складывая бумаги в папку. Михаил и Вязов сидели по другую сторону стола и переглядывались. – Ваши выводы по рудному делу нашли подтверждение, Илья Ильич. Признаться, не думал, что из такого простого вопроса, как невыполнение плана, может выплыть такая серьёзная тема для работы. Да-да, здесь тянет на целое расследование. Мне прислали статистику по урановой руде на этом руднике, и вышло интересное наблюдение. Сознвайтесь, как у вас так вышло? На одной интуиции поймать такого кота за хвост вряд ли получится.

– Вы преувеличиваете, Николай Антонович. Случайное совпадение, не больше. К тому же, это теперь моя основная тема.

– Да-да. Уран сегодня для многих отделов нашего ведомства стал основной темой. Но всё равно, сознайтесь, что идея принадлежит не вам.

Вязов сделал непонимающее лицо, поглядывая на своего подчинённого.

... – Мы все здесь непростые люди, Илья Ильич. Это я про вашего подопечного. Прошёл Корею, Порт Артур... Мне ведь хватило ума заглянуть в личное дело товарища Ван Куан Ли. Если человека посылали в Новосибирск на конференцию по делам атомной энергетики, то, наверное, не случайным выглядит ваше предложение. Что, угадал, чья идея?

Михаил улыбнулся и бесхитростно почесал затылок.

– Было дело.

– Вот и я о том же. Эх, Михаил Михайлович. И стоило наводить конспирацию? Не проще ли было сразу с соображениями ко мне. И время сэкономили бы, и... А впрочем, вы тоже не лыком шиты, полагаю. Кто его знает, этого нового начальника. Я ведь у вас человек новый, неизвестный, а вам работать надо, дело делать. Давайте забудем об этом. Одно не пойму, какой вам смысл уезжать из города, да в такую глухомань. Я, конечно, человек новый здесь, людей здешних не знаю... Так что, заранее прошу извинить меня за излишние подозрения, но согласитесь, странно для молодого человека. Я ведь правильно понял, что именно вы хотите работать над этой темой? Угадал? Ладно, решено. Поезжайте в этот «Дальний», там действительно надо разобраться, что и по-

чему. Место для работы уже подобрано, с жильём тоже разберёмся со временем. Пока на первых порах в общежитии поживёте. Вообще, этот посёлок нуждается в присмотре, так что перспектива вам обеспечена.

– А почему фотографом? – спросил Вязов.

– А как ещё, по-вашему? – даже рассмеялся Барабанов. – Вы же сами эту мысль мне подкинули на днях. Или я путаю?

Вязов рассеянно пожал плечами.

... – Ох и лиса же вы, Илья Ильич. Гляжу, мы сработаемся с вами. Конечно фотографом. Все местные сплетни, новости, людей. Всё надо узнать, прежде чем в пекло к чёрту лезть. Надо ведь всё по правилам сделать. Сначала профессию освоить, хотя, гляжу, у вас она уже есть.

– Не понял? Это вы о чём? – спросил за Михаила Вязов.

– Ну как же. У нас, можно сказать, готовый машинист тепловоза, через весь Китай проехал, а на руднике это, что ни говори, одна из первых профессий. Конечно, можно было бы и сразу оформиться на рудник, но спешить не будем. Сначала место подготовим, а уж потом. Так что собирайтесь, оформляйте новое дело и с богом.

Выйдя из кабинета Вязов облегчённо вздохнул. – Ну, как тебе, Миша, наш новый?

– Сам он ещё тот лис.

– Это хорошо! Именно такие люди и должны работать в разведке. Проницательные и когда надо прямые. Да, ловко он нас раскрыл. Как двоечников. Но если бы мы ему не по-

могли, то вряд ли.

Они вышли из здания, и через десять минут уже гуляли по парку.

– Ты сегодня что-то неважно выглядишь, Миша. Вчера тоже хмурной был. Случилось что? Хотя, можешь не отвечать. И так всё понятно. С Варей, наверное.

– Вроде того.

– Ничего-ничего, всё это на пользу. Перемелется, мука будет. Да, сегодня вечером прошу ко мне.

– Праздник у вас? – спросил Михаил, уже ища в уме способ, чтобы вежливо отказаться от приглашения.

– Он ещё спрашивает. Ты забыл, что в этом году как пятнадцать лет в Советском Союзе.

– Признаться, я и не думал, Илья Ильич.

– А думать надо. Это событие надо непременно отметить, так что вечером ко мне. И жена моя давно не видела тебя, так что прошу любезнейше не опаздывать. Уха ждать не будет. Уедешь в свою Тмутаракань, когда ещё посидим, по душам поговорим.

Напоминание о круглой дате сильно смутило Михаила. Действительно, это была целая жизнь, Михаил вдруг увидел, что его жизнь в Японии и в России почти сравнялись по количеству лет. Он поёжился от холода и, глядя вслед уходящему Вязову, подумал, что его много связывает с этим ставшим уже родным за эти годы человеком. Оказывалось, что держит человека не сама земля, вернее не только она, но и

люди. В них он находил себе убежище и радость. Теперь все его воспоминания о Японии хоть и вызывали чувства грусти, но всякий раз заглушались насущными делами здесь, в России. Он не хотел себе признаваться, но выходило так, что японского в нём становилось всё меньше и меньше, и вместе с этим, его всё больше одолевало желание увидеть свою родину. Напомнив ему о пятнадцати годах, прожитых в Советском Союзе, Вязов, того не желая, вновь разворошил тлеющие угли непреходящего желания – вернуться домой. Михаил поднял воротник пальто и пошёл в сторону дома, где его ждала пустая комната. Там уже ничего не было, кроме матраса и чемодана, да и сам вопрос пребывания его в этой комнате уже был решённым, ценой вопроса было время.

В гостях у Вязова было хорошо. Было странно видеть в доме у русского человека много восточных предметов, в том числе и книги, но более всего Михаила уже в который раз поразила хозяйка дома Анна Сергеевна. Несмотря на своё русское имя, она была китайкой. Это была странная пара, во многом необычная и в то же время очень гармоничная. Первая встреча с этой женщиной состоялась ещё в разведшколе, где Анна Сергеевна преподавала восточные языки. История их семейной жизни для него была загадкой, он лишь знал, что этих людей очень давно связала общая работа в Порт-Артуре, и Анна Сергеевна несколько лет работала в Китае. У Вязовых не было детей, и, Михаилу иногда казалось, что Вязовы выбрали именно его для этой роли. Осознавая это, он

всячески отталкивал от себя эту мысль, и в то же время принимал её в благодарность этим замечательным людям. Он и не скрывал от себя, что любил и Вязова, и его жену, и был к ним привязан, словно приبلудившийся щенок. Может, так оно и было на самом деле, но мысль эта нисколько не огорчала его, видимо, так распорядилась судьба.

Прощались у подъезда. Было холодно, колючий ветер трепал седую прядь Вязовских волос, тот, казалось, не замечал холода, стоял прямо, молча оглядывая безлюдную улицу: деревья давно стояли голыми в ожидании снега, и лишь большой дуб посреди двора шумел не опавшей листвой. Михаил, как обычно, ждал последнее напутствие: это было традицией, оставлять напоследок что-то особенное. Вязов не изменил себе.

–Как приедешь, дай телеграмму. В этот же день. Всё понял? Закончишь с формальностями, и на почту. Усёк?

Слова показались странными для Михаила. Это было слишком просто, банально, для самой важной инструкции, и в то же время неожиданно.

–Ладно, пожав плечами, произнёс разочарованно Михаил, при этом ловя в глазах собеседника искорки скрытого лукавства: Вязов что-то не договаривал. – А в чём дело, Илья Ильич.

–Ни в чём, я сказал, ты услышал. Всё. Лёгкой дорожки тебе Миша.

Они пожали друг другу руки, и Михаил, ёжась в воротни-

ке пальто, побрёл на свою квартиру, где оставался один матрац и собранный чемодан. Эту ночь он не спал.

Дальний.

Он ехал в автобусе на север, иногда закрывая глаза и видя перед собой всю свою жизнь. Куда я еду, зачем, и от чего спасаюсь? – Задавал себе в сотый раз вопрос Михаил и не получал ответа. Что-то нелепое, неправильное было в его расставании с прошлым.

– Молодой человек, вам выходить, – сказала звонкая попутчица, – Дальний.

Михаил рассеянно кивнул и пошёл к выходу. После душевного автобуса воздух нового места показался ему не просто прохладным, а обжигающе холодным и каким-то прозрачным. Проникновение этого воздуха было таким внезапным, что Михаил даже встал в ступор. Всё, что его окружало, было неестественно прозрачным и чистым. Был конец ноября, и сопки вокруг были покрыты белым ослепительным снегом. Где я, куда я попал? – растерянно спрашивал себя Михаил, оглядываясь по сторонам. – Это тоже Россия?

Вокруг были горы, а у их подножья рассыпался горящими угольками окон рабочий посёлок, с необычным названием – Дальний. Солнце висело низко, почти касаясь сопки, и казалось, что окна не светятся отраженным светом, а горят своим собственным ярко оранжевым огнем – такой был необычный эффект. Он пошёл наудачу по улице, и сразу же столкнулся

с новым для себя явлением – с ним все здоровались. Все, кто проходил мимо, кивали ему и громко здоровались, словно он жил здесь всю свою жизнь. Ещё в автобусе он наметил для себя манеру поведения на новом месте – быть незаметным, неизвестным, словно он тень, но все его помыслы рассыпались от первой же улыбки проходящего мимо мальчишки; это было вторым потрясением, которое он испытал после того, как вышел из автобуса. «– Где я? Куда я попал? Неужели это Россия?»»

Дорога привела его к поселковому совету, где он без труда нашёл отдел кадров и паспортный стол и, несмотря на то, что уже был конец рабочего дня, его быстро поставили на учёт и даже нашли рабочее место, как и предполагалось, не на руднике, а в самом посёлке. Поначалу предложение его даже рассмешило, но потом он в очередной раз признал, что ничего более удачного и быть не могло.

– А что? – даже обиделась женщина, в бюро по трудоустройству. – Фотограф у нас хорошо зарабатывал, пока не спился.

Доводы о спившемся фотографe Михаилу очень понравились. Правда, от чего он спился, выяснять Михаил не стал. Получив ордер на вселение в общежитие, он улыбнулся женщине, и пошёл искать почту. Со слов первого встречного он без труда нашёл почтовое отделение: за стойкой сидела симпатичная русоволосая, немного рыжеватая девушка, глядя на которую, Михаил подумал, почему-то о Варе. Он составил

текст телеграммы, как и обещал, не скупясь на знаки препинания и деепричастия, заплатил, и уже собрался уходить, но девушка неожиданно окликнула его:

– А вы случайно не Ван Куан Ли?

Михаил растерянно кивнул.

– А вам письмо.

– Какое письмо? – Михаил растянулся в нелепой улыбке, протягивая руку.

– До востребования. Нужны документы... Паспорт у вас есть? Или удостоверение какое-нибудь.

Не скрывая изумления Михаил полез за паспортом. – Разумеется.

Почерк был Вязова. Михаил едва сдержался, чтобы не разорвать конверт на глазах у девушки. Выйдя на улицу, он огляделся, осторожно разорвал конверт и стал бегло читать. Потом прочитал ещё два раза медленно, вчитываясь в каждое слово: «Здравствуй Миша. Поздравляю с прибытием на новое место, но это чепуха. Решил сделать тебе сюрприз, так сказать, привести в чувства. От надёжного источника узнал, что твоя жена посещала женскую консультацию, она беременна. А ты балда этого не заметил. Извини, что не сказал, как это делают нормальные люди. Думаю, поймёшь. Понимаю, что с Варей у тебя сложно, раз не сказала сама, но ты на неё не обижайся. Она женщина, и это её оправдывает, и у неё это первый раз. Вопрос буду держать под контролем, когда надо, дам знатью. А пока привыкай, осваивайся, рабо-

тай. До встречи. Вязов.»

Что-то изменилось в окружающем пейзаже, снег стал ярче, словно с глаз спала пелена. До этой минуты тело его словно спало, находилось в забытьи, но после прочитанного всё разом изменилось, новость перекрывала всё. Своим письмом Илья Ильич совершил очередной трюк с его сознанием, заставил светиться, даже гореть. Окружающий мир показался близким, знакомым, но что именно в нём, он понять не мог, это ускользало от понимания, но, несомненно, было связано с письмом. Михаил вспомнил Тимофея. Старик однажды рассказал о том, как лошадь долгое время возвращается в то место, где родилась, но когда приносит жеребёнка, становится привязанной к нему, и уже не убегает. Осознание этого скрытого природой механизма вызывало волнение, и вместе с тем, радость. Что-то раз и навсегда установилось в его душе. Он поёжился от непривычной свежести воздуха и побрёл по натоптанной тропинке, потом почему-то сошёл с неё и пошел по целине. Он не знал, каким будет его пребывание на этой земле, и как его примут люди, ведь, по сути, он был разведчиком, шпионом, человеком с чужим именем, но был уверен, что судьба ведёт его так, как требует сердце. Он не думал, что именно здесь ему предстоит вырастить своих сыновей, и что когда-то он снова испытает чувство любви к женщине, к другой женщине, и оно захлестнёт его на многие годы. Он шёл вдоль натоптанной пешеходной дорожки по свежему пушистому снегу и улыбался проходившим ми-

мо людям, они тоже улыбались ему и его странной причуде – улыбаясь идти по нехоженной тропе.

Кто-то долго и настойчиво тарабанил в дверь. После красной лампы проявочной комнаты все предметы выглядели тёмными, но по силуэту в проёме двери Михаил сразу определил знакомые очертания: высокий, прямой, поджарый, это был Вязов. Илья Ильич несколько секунд стоял в дверях, словно раздумывал, входить или нет. Оглядев с улицы внутреннее пространство фотоателье, он всё же вошёл. Они обнялись. Потом Михаил сделал снимок на память, после чего они пили чай в тесном чуланчике, где хранилось запасное и вышедшее из строя оборудование, и где стоял приспособленный для отдыха маленький столик с электроплиткой. Вязов нахваливал пряники, хотя, для них требовались, как он выразился, попробовав на зуб первый попавшийся, кусачки. Для чая обычно времени не хватало, да и пить его в одиночку Михаил не любил, но что-нибудь сладкое к чаю держал всегда.

– Следующий раз приеду, смени, пожалуйста, пряники, – шутливо попросил Илья Ильич, внимательно рассматривая своего бывшего подчинённого. Оба они дружно рассмеялись, Михаил пообещал, что будет раз в месяц менять пряники, а там уж кому как повезёт. Перед этим они повесили табличку «проявка», и Вязов на целый час погрузился в чтение рукописей, которые Михаил собирал в течение полуго-

да. Это была как всегда кропотливая, нудная работа – отчёт о том, что происходило в жизни посёлка и рудника, и где искать концы потерянных ниток: прежде всего контору волновало золото. Другим важным вопросом оставалась руда, точнее, содержание в ней урана, так необходимого атомной промышленности.

– По руднику не много, – посетовал, откладывая тетрадь Вязов. – Но оно и понятно, сидя в фотоателье много не накопаешь. Но кое что ты всё же наскрёб Миша. А как тебе удалось вычислить начальника химлаборатории?

– Вы помогли Илья Ильич. Последний разговор по телефону помните?

– Ну да, контейнер с ртутью. Да... Вот так всю жизнь проживёшь, и не узнаешь, что золото можно извлекать с помощью ртути. Ты это сам догадался, или надоумил кто? Хотя, что это я... Ты же спец в таких вопросах. Как никак... Между прочим, того, кто его вёз так и не нашли. Но он был из местных, ваших. Где-то на полустанке спрыгнул, и в лес. Видать охотник. Кстати, как у вас с этим делом обстоит? Хорошо бы поохотится, самое же время. Изюбри не ревут ещё? Мечта моя заветная, поглядеть, как эти зверюги себе молодых маток собирают в гаремы. Ну да ладно, успеется.

– Конечно, сходим, Илья Ильич, – спохватился Михаил, уловив нотки печали в голосе своего начальника. – У меня уже ружьё имеется.

– Ну, с этим мы непременно, когда ты здесь все тропы

освоишь, а пока так, прогуляемся на досуге. Лето вот-вот закончится. А сопки здесь красивые. Согласись, что Приморье осенью неподражаемо.

Михаил нехотя кивнул, потупив взгляд.

– Чего загрустил? Аж тоскливо стало от твоей кислой физиономии.

– В Японии тоже красиво осенью.

– А... Всё скучаешь по родине. Это хорошо.

– Почему же? Что хорошего в скуке. Вы непонятно говорите.

– Если скучаешь по родине, значит сердце ещё живое. Не переживай Миша по прошлому, у тебя ещё целая жизнь впереди.

– Смогу я когда-нибудь вернуться туда? Илья Ильич...

– Об этом лучше не думай, – тихо, но властно произнёс Вязов. – Пока здесь твоё место. Мы все Миша с других планет, а живём вот, на этой грешной земле, как бог повелел. Так мой отец говорил, царство ему небесное. Давай лучше вернёмся к делам. Зыков фамилия того прыгуна, и его мы, конечно же, поймаем, не та птица, чтобы улететь, а вот как твоего химика прищучить. Не дурак же, если такое придумал, в старой штольне амальгаму отливать. Значит и подельники имеются. В общем, на днях сюда прибудет бригада наших людей, ты с ними на контакт не иди, но, в случае чего они к тебе обратятся. Чайком их попоишь. Только пряники сменить не забудь.

– О чём вы говорите...

– Ладно, ладно, это я так, пошутил над тобой. Я ведь тебе главного ещё не сказал Михаил Ван Куан Ли. Ну, догадывайся. Ты же умеешь это делать, ты же разведчик.

– Это не честно, Илья Ильич, – заволновался Михаил, разглядывая Вязова с ног до головы. Как я могу догадаться?

– Ну спроси тогда меня о чём-нибудь, например о Варе, – предложил Вязов как-то по-особому улыбаясь. – Варю не забыл ещё, жену свою?

Михаил вздрогнул при упоминании о Варе, хотя думал о ней каждый день и непрерывно.

– Что с ней? Она здорова?

– Ничего, здорова, ещё как здорова, – продолжал темнить Вязов, всё больше расплываясь в улыбке.

– Илья Ильич, так не честно, вы тянете жилы из меня. Что с ней?

– Варя на восьмом месяце, родит скоро. Считать, надеюсь, не разучился?

Михаил вскочил со стула и заходил по комнате. Вязов тоже встал, и с силой стал трясти Михаила за плечи. – Ты скоро станешь отцом, понимаешь! Здесь твоя земля Миша! И теперь ты уже никуда не денешься от неё, никуда.

Уехал Вязов на последнем автобусе, пообещав сообщить, когда родит Варя. Михаил не находил себе места, порываясь поехать вместе с ним, но Вязов строго осёк его, напомнив, что впереди событий бегут только собаки и сплетники, но

пообещал звонить раз в неделю, по понедельникам.

Варя родила точно в срок, который высчитал Михаил, ориентируясь на тот самый последний день их совместной жизни, когда они ещё были вместе. Он часто вспоминал ту последнюю ночь, прокручивая в памяти слова и мысли, которыми делились они, сидя напротив окна. Было странным, как память могла сохранить всё до мелочей из прошлого, которое на самом деле было совсем недавно, но в то же время казалось бесконечно далёким, словно происходило в другой жизни. Какой могла быть их будущая встреча, Михаил ещё не знал, но твёрдо верил, что жизнь его в самом начале, и эта мысль была наиболее странной и удивительной. Он столько прожил и пережил в этой жизни, и казалось, что ничего нового она не преподнесёт, но Вязов оказывался прав, жизнь только начиналась.

Его самым большим удивлением было то, что Варя родила двойню, двух мальчиков. «У тебя пацаны, ты слышишь, балда ты стоеросовая! – Кричал в трубку Вязов. – Двойня! Двух парней родила для тебя». Михаил слушал, голос держа перед собой трубку, и плакал, повторяя в сотый раз имя Вари. В эти мгновения он впервые в жизни был счастлив, и когда возвращался с переговорного пункта, почему-то видел перед собой не только её, но и Ядвига, и Йошико. Они были перед ним такие, какими он помнил их в той прошлой жизни, и которая пролетела перед ним как одно мгновение, и вылилась в эту неожиданную радость.

Он бегал на переговорный каждый день, выпытывая у Вязова все подробности. Тот, разумеется, скоро психанул, и пригрозил бросать трубку, если Михаил будет так несдержан и сентиментален. Однако дал добро на поездку, и сообщил когда можно приезжать за Варей. План её переезда в Дальний был разработан самим Вязовым, и разумеется, держался в строгой тайне.

– Не волнуйся, всему своё время, – успокаивал в трубку Илья Ильич. – С Варей всё хорошо. На работу ещё не вышла... Сидит с малышами... Устаёт? А как ты хотел? Да у неё там целая бригада тимуровцев, двадцать пять помощников. Ты что, забыл, кем она работает? Ей даже подержать их не дают. Там даже график составлен, и очередь расписана на месяц вперёд. Не волнуйся, дети уже взрослые, это же седьмой класс. Лучше тебя и меня знают как детей пеленать. Ладно, всё, давай приезжай.

План Вязова был прост. Михаил брал личную машину Вязова, ту самую, на которой его когда-то вёзли в аэропорт во время китайской командировки. И на ней он должен был как бы перевезти Варю с детьми на новую квартиру. Конечно, для Вари это была неожиданность, и сам приезд Михаила вызвал у неё лишь смущение и тревогу, но стремительность и уверенность в действиях не дали ей усомниться, что за всем этим кроется подвох. Варю выселяли из общежития, где по уставу не разрешалось проживать с детьми. К этому обстоятельству Вязов разработал целую операцию, и даже

показал Варю, как старый сослуживец её бывшего мужа, её новое место жительства. Это, конечно, было цинично, обманывать молодую женщину, но Вязов оправдывался тем перед своей совестью, что коммуналка, куда предполагалось вселить Варю с детьми, была тесной и неудобной, без ванны, хотя и с санузлом, но ужасными соседями и шумной улицей за окном. А выбирать Варю не приходилось.

Когда Михаил грузил вещи в машину, Варя молча стояла на пороге, покачивая коляску, где посапывали два толстощёких карапуза, Петя и Михаил. Отличить их было невозможно. Варя ревностно оберегала детей, лишь один раз, перед кормлением, позволив Михаилу взять их на руки. Оба, словно две капли воды, напомнили ему о том, кто он есть на самом деле – чужак с другой планеты, кого судьба забросила далеко от родных берегов, но подарила этих замечательных детей. Конечно, это были его дети, роднее которых на этой земле, пусть чужой, у него не было, и наверное, не будет, и Вязов оказывался прав, когда сказал, что теперь его Родина здесь, и пора перестать грезить о прошлом. Михаил ещё не знал как сложится их прерванные с Варей отношения, но был уверен, что дети всегда будут при нём, чтобы не произошло. Топливный бак автомобиля был залит доверху, и когда Варя села на заднее сидение, обложив себя детьми и вещами, Михаил глубоко вздохнул, и как однажды в далёкой юности, тихо произнёс – всё будет хорошо, положишься на меня.

Варя опомнилась только когда они выехали из города; всё

то время, пока они курсировали по наполненным городским улицам, она спала.

– Куда ты меня везёшь? – властно и сухо спросила она, разглядывая пейзаж за окном: там уже тянулись поля и перелески.

Михаил долго молчал, подбирая правильные слова, опасаясь, что это может вызвать истерику, на которую его бывшая жена была вполне способна: – Не волнуйся Варя. Мы едем ко мне. Ты же не сможешь представить, чтобы я допустил твою жизнь в той мышинной норе, которую тебе предоставила твоя школа.

– Ты всё это подстроил? – так же сухо, но уже без ноток тревоги, спросила Варя.

– Нет, что ты Варя, я бы до такого не додумался. Правда есть один мудрый человек... Очень давно, наверное в другой жизни, один человек мне сказал...

– Ну, что же ты замолчал? – Варя по-прежнему была сдержана, голос её был тихим, но холодным. – Кто ты, скажи хоть сейчас. Что ты за человек?

Михаил понял, что скрывать себя уже не может, и время его прошлых тайн закончилось. – Я работаю в органах госбезопасности.

Варя долго молчала, разглядывая бывшего мужа в зеркало заднего вида:

– И как давно?

– Всегда.

– Это государственная тайна, я полагаю, – с долей иронии произнесла Варя, всё так же сверля его своими большими глазами, в которых неожиданно стали появляться отголоски той далёкой Вари из прошлого.

– Это тайна, разумеется, – спокойно и с облегчением выдохнув, произнёс Михаил. – Прости, что не сказал сразу. Так было надо.

– И ты прости, – безучастно произнесла Варя после недолгой паузы, и отвернулась. Из её слов Михаил вдруг понял, что прошлого им не вернуть, как не старайся, но на руках у неё и у него были дети, и этого было достаточно, чтобы видеть будущее светлым и радостным.

Уже затемно они въехали в посёлок, делая по пути короткие остановки, чтобы перекусить и перепеленать детей. На удивление Петька и Мишка в дороге вели себя достойно, как и подобало сыновьям разведчика, и почти не плакали. Варя пообещала молчать о том, с какой целью Михаил переехал в Дальний, а он пообещал, что не будет мешать её личной жизни, если она появится, с условием, что дети будут их общей заботой. Варя согласилась. Пунктом прибытия была отдельная квартира на углу школы, где Варе предстояло жить первое время, и работать в должности завуча. К этому приложил усилия сам Вязов, который уже ждал у порога школы вместе с директором, с большим букетом полевых цветов. После недолгой церемонии вступления Вари в новую жизнь, он отвёл Михаила в сторону, чтобы попрощаться, и вручить

ему новый документ. Это было удостоверение внештатного сотрудника милиции, и корочки машиниста мотодрезины. С этого момента Михаил Ван Куан Ли уже был не фотографом, а горняком, который в свободное от работы время, обязан был следить за порядком. Жизнь продолжалась.

Последнее задание.

Командировка была на Курильские острова, на Кунашир. Ради этого пришлось взять отпуск за свой счёт, оставить дела, которых всегда было невпроворот, забыть о браконьерах. Дело было необычным, и если бы не его дружба с Володькой, который теперь работал на Курилах, то, скорее всего, нашли бы кого-то другого. Но Изаму категорически настоял, чтобы прислали именно его.

До Курил летали самолёты, но их движение всегда затрудняла непредсказуемая погода на островах, отчего рейсы часто откладывали. Поэтому Михаил решил добираться по воде из Находки. Сухогруз, на котором для него было зарезервирована каюта, уже стоял под погрузкой. На острова всегда было что везти, и ждать окончания погрузки пришлось несколько часов. В порт Михаил приехал загодя и, чтобы не терять времени даром, оставив в каюте вещи, решил прогуляться по берегу, не удаляясь слишком далеко от своего теплохода. День был солнечный, но слегка ветреный. У моря было много гуляющих, люди кидали в воду камни, пугая везде-

сущих чаек, рыбаки, в основном мальчишки, ловили мелкую рыбу у самого берега. Михаил купил конфет и с удовольствием поедал их, наслаждаясь беззаботным временем. Что его ждало на Кунашире или Итурупe, он про это думать не хотел и по привычке наблюдал за происходящим, и радовался хорошей погоде. Вскоре его внимание привлекла и даже удивила группа людей. Недалеко от берега столпились несколько человек с восточной внешностью. Когда Михаил проходил мимо, то краем уха уловил знакомую до боли, и в то же время резанувшую по уху речь. Это были японцы, группа туристов, и встречать их раньше в Находке ему не доводилось. Михаил остановился и стал подслушивать их разговор. Как не странно, говорили о том, где находится туалет. Это было вполне естественно для любого человека, тем более для иностранца. И речь японцев, и их непривычный, немного растерянный внешний вид разволновали Михаила. За столько лет он первый раз вот так, с глазу на глаз, столкнулся со своими земляками. Один из туристов, молодой мужчина, пытался говорить по-русски, останавливая прохожих, и у него это неплохо получалось. Скорее всего, это был любитель языка или студент, и всё же, его речь вызывала у прохожих лёгкое недоумение и смех. Но слушать его было интересно и даже забавно, хотя сам говорящий не видел себя смешным и был предельно серьёзным. Первой мыслью Михаила было подсказать ему нужную фразу, но его опередили. К группе подошла невысокая темноволосая девушка необычной внешне-

сти, – именно это бросилось в глаза Михаилу. Он догадался, что она переводчица этих туристов, – её правильный японский это выдавал. Конечно, она говорила с небольшим акцентом, но без явных ошибок.

– Вы переводчица? – спросил Михаил на японском, уловив подходящий момент. – Не знал, что у нас готовят таких хороших специалистов. – Конечно, он мог сказать эти слова и на русском, но ему хотелось произвести впечатление. Девушка немного растерялась, как впрочем, и стоящие рядом туристы.

– Вы японец? Вы говорите на японском. Вы из какой группы? – откровенно удивилась девушка.

– Я сам по себе, – перешёл на русский Михаил, тем самым подразнивая своих соотечественников. – У меня нет национальности, – немного смутился Михаил. – Хотелось произвести эффект на хорошенькую переводчицу. Я жду теплохода.

Девушка звонко рассмеялась и закивала. – А... Вы прекрасно говорите, у вас нет никакого акцента. А ну, рассказывайте, кто вы, – шутливо потребовала она, машинально поправляя чёлку.

– У вас тоже неплохо получается, – ушёл от вопроса Михаил, откровенно любясь девушкой. – Вы, правда, хорошо говорите, приятно слушать ваш голос.

Они некоторое время молча смотрели вдаль, словно именно там вместо чаек летали их вопросы друг к другу.

– Первый раз вижу у нас туристов из Японии, – произнёс Михаил, понимая, что пауза слишком затянулась, а у него есть что спросить. Как видно и у девушки были вопросы к незнакомцу.

– Что вы. Мы уже не первый год работаем с Японией. Мы живём в семидесятых.

– Это верно, – кивнул многозначительно Михалыч. – Ну и как? Хорошо себя ведут?

Девушка рассмеялась. Её внешность действительно была необычной. С виду она казалась русской, но приглядевшись, в ней можно было различить что-то восточное. Незаметная горбинка на небольшом аккуратном носике, слегка раскосые, но довольно большие глаза, и едва различимая припухлость верхнего века говорили о том, что в ней текла восточная кровь.

– У вас среди родителей никого нет? Я имею в виду... – Михалыч глазами указал на двух молодых японских женщин, стоявших неподалёку, и не скрывавших своего любопытства.

– Вы про японцев? – Девушка рассмеялась и закивала. – Да. А разве не заметно? Мне все говорят про мою внешность. Меня и в университет взяли, можно сказать без конкурса.

Девушка снова рассмеялась, элегантно поправляя свои роскошные темные и длинные волосы.

– Откуда вы? – спросил неожиданно для себя Михаил. – Ваше лицо мне кажется знакомым.

Переводчица как-то странно посмотрела на него, словно заподозрила в чём-то, и не на долго ушла в себя. Было заметно, что вопрос заставил её переживать.

– Мой отец. Он был японским военнопленным. Не знаю, зачем вам всё это рассказываю. Странно, не правда ли? Я вас не знаю и вы меня, и такие вопросы.

Горячая волна прошла по телу Михалыча.

– И что с ним? Он жив?

– Нет, он умер.

– Но ваша мама русская? – спросил он. – Я не ошибся?

– Нет, не ошиблись. Моя мама полька.

– Что с ней? Она жива? – спросил Михаил, стараясь держаться как можно спокойнее. Он сжал зубы, чтобы не сказать лишнего.

– Она умерла. Меня папа воспитывал, не родной.

– Он жив?

– Да, жив.

К ним торопливо шёл молодой человек:

– Аня! Ну что же вы? Ваша группа расползлась по всей Находке, а вы болтаете неизвестно с кем.

Это был ещё один переводчик, невысокий коренастый парень, кучерявый, рыжеватый, с насмешливым и пытливым взглядом. «Это точно кагебешник» – подумал Михаил, ощутив на себе его пристальный взгляд. – Вы нас задерживаете, Анна Михайловна.

– Всё, бегу, Николай Анатольевич. Вы извините, пожалуйста-

ста, мне пора, – сказала она смущённо. Что-то её, тем не менее, держало.

– Ну, разумеется, работа требует, – кивнул Михаил, не сводя взгляда с девушки.

– Вы так странно смотрите на меня. Кто вы? Я могу вас знать? – спросила Аня.

Михаил замотал головой, но потом понял, что его могут неправильно понять и стал кивать.

Девушка рассмеялась, и, ускоряя шаг, и всё время поворачиваясь в сторону своего случайного собеседника, пошла к своему коллеге.

– Удачи вам.

– И тебе, дочка, – мягко произнёс Михаил. – Саё: нара, до свидания.

У него было чувство, что он парит. Он ничего не слышал вокруг, не видел земли, по которой ступал. Это была невесомость. Возвращаясь к своему теплоходу, он в который раз повторял имя девушки, словно опасаясь его забыть. Но как бы он смог его забыть. Это была она, его дочь. Он улыбался так, что встречные люди останавливались и растерянно кивали, словно знакомому. И Михаил кивал им вслед, испытывая жгучее желание поделиться самой дорогой для него новостью. Ведь это была она, его родная дочь. Конечно, у него была возможность отыскать её, это было совсем несложно, но об этом он ещё не думал, он просто наслаждался радостью, переполнявшей его. Он столько прожил в России, и как

ему всё время казалось, в одиночестве и в ожидании. У него были дети, да не один, а целых три, и все они держали его на этой земле, и не давали впадать в уныние, но радость от их обретения уже не казалась такой яркой. С этого мгновения в нём что-то поменялось, он снова вспомнил о той, что подарила ему любовь в далёком лагере, это было словно вчера. Он почувствовал, как от этого воспоминания тепло разливается по всему телу, ему вдруг показалось, что Ядвига видит его. Он поднял к небу глаза и поблагодарил её за эту встречу.

До Кунашира добрался без приключений, немного укачало с непривычки, но после ледяного душа всё прошло, и оставшуюся часть похода Михаил провёл за бильярдом. Конечно, играть в морской бильярд было не так захватывающе, как в обычный, но когда нет выбора, будешь играть и консервными банками. Здесь же вместо привычных шаров были отполированные шайбы – тоже ничего. Хотелось и в теннис порезаться, но соперников не нашлось.

В порту Южно-Курильска его никто не встречал, что было оговорено заранее в целях конспирации, да и точного времени прибытия сухогруза Володька мог и не знать.

Зайдя в ближайший магазин, Михаил спросил разрешения воспользоваться телефоном. Заведующая согласилась не сразу, но перед обаянием незнакомого мужчины привлекательной восточной наружности устоять не смогла. Изаму словно сидел на телефоне, и уже через полчаса подкатил на выдавшем виды служебном УАЗике прямо к дверям магази-

на. На самом деле, он с самого утра ждал звонка и не выходил из дома ни на минуту, боясь его пропустить. Они не стали обниматься. Увидев через открытое стекло озабоченное лицо друга, Михаил нырнул в открытую дверцу, и они поехали с глаз долой. Уже с первых минут Михаил ощутил в душе давно забытое волнение, – конспирация всегда вызывала в нём смешанные чувства. С одной стороны, он понимал, что может быть опасно, с другой, он точно знал, что это игра, и дело всё только в том, кто передвигает фигуры по игровому полю, сама фигура, или кто-то неизвестный.

Проезжая посёлок, они сделали круг по местным достопримечательностям – заехали на самое высокое место, чтобы полюбоваться видами, – действительно было красиво. Воздух был чистым и прозрачным, море плескалось как будто у самых ног, словно голубая скатерть. Стояла на редкость тихая безветренная погода, и до горизонта можно было видеть плывущие рыбацкие суда, всюду кричали чайки.

– Что, как там твоя тайга? Всё так же, участковым работаешь? Браконьеров ловишь? – спросил Изаму.

– А куда я от них денусь. Тебе море, мне тайга, оба при деле.

Они посмеялись.

– Да, интересно сложилось, у тебя лес, у меня море. А воруют одни и те же – браконьеры.

Они рассмеялись.

... – Потом как-нибудь мы с тобой к сивучам сплаваем, на

север, – пообещал Изаму. – Бесподобное зрелище, уверяю тебя.

– А на машине нельзя? – несколько озадаченный, спросил Михалыч. – Укачивает меня на море.

– Это пройдёт, – беззаботно махнул рукой Володька. – Меня тоже укачивало сначала.

– Не ври.

– Уж и соврать нельзя. Ладно, давай посидим, о деле поговорим, – предложил Владимир, подбирая камень побольше, чтобы сесть на него.

– Что, вот так, с корабля на бал?

– А что? Ты хотел, чтобы тебя сначала в ресторан повели, икрой покормили.

– Да, – рассмеялся Михаил. – Ты угадал. И попробуй отвертеться от этого!

В общих чертах Михаил уже знал, с какими проблемами столкнулся его друг, но то, что предложил Володька, его не просто удивило, а буквально шокировало.

– Ты спятил, Изаму, – закричал Михалыч на японском языке, вскакивая со своего камня. – Ты предлагаешь мне внедриться в какую-то банду? И строить из себя японского мафиози, который на самом деле шпион? Я от тебя такого не ожидал.

– А ты думал, зачем ты здесь? – так же на японском жёстко спросил Володька, не моргая, уставившись на друга. – Я пригласил студента на практику? Или выдавшего виды разведчи-

ка для серьёзного дела? Ты-то сам как на это смотришь? – У нас возникли проблемы, Миша, – перешёл на русский Изаму, – серьёзные проблемы, и поверь, никто не стал бы тебя беспокоить, и отрывать от спокойной жизни, если бы не эти проблемы. Одно дело, когда артели нелегально сбывают свою продукцию на материк, и мы тут сами как-нибудь, а другое дело, когда исчезают секретные карты. У нас, конечно бардак на островах... Тут бригадир артели это царь и бог, но это внутреннее дело, и как-нибудь решится. Но они уже ищут контакта с японцами, с их рыбной мафией. В море ведь все друг друга знают. Ты и глазом не успеешь моргнуть, как они снюхаются. Простые топорные методы здесь не работают. Пограничники каждый день кого-то ловят, но они не могут держать под контролем весь островной шельф. А ты знаешь, какой он огромный? И поверь, там японских шхун на порядок больше чем наших сейнеров. Мы каждый год ловим до полусотни судов самых разных мастей. Но они сюда не загорать едут, они рыбу ловят в наших водах, и не только. Нам с тобой придётся иметь дело с японскими браконьерами. Не правда ли, забавно, – рассмеялся Володька, разводя руками.

– Мне не смешно, Володя.

– Да, и мне, Миша, не смешно. Мы с тобой оба японцы, и должны бороться с обычными японскими рыбаками, прикидываться бог знает кем, искать каких-то шпионов. Не находишь в этом нечто противоестественное?

– Нахожу, – обиженно ответил Михаил, отвернувшись. Он

всю дорогу мечтал, что встреча с другом позволит ему говорить на родном языке, но Володька как всегда проявил чёрствость и упрямство.

– Всё бы ничего, Миша. Но пока острова принадлежат нам, мы за них отвечаем, и их надо охранять. От своих браконьеров, от соседей, не важно. Люди должны понимать, что у островов есть защита. А психология людей проста – сторожа нет, значит, бери что унесёшь, устраивай свалку, пока не видят. Это у любой нации так. Так всегда на чужой земле. Если на это не обращать внимания, то через десять лет здесь не то, что краба, малька корюшки не останется. Ты сети их видал? Ими всё дно завалено. Там ячея с палец, а длина в километры. Конечно, рыба в любом случае всё равно пойдёт на стол, её съедят, и нам с тобой, не всё ли равно где, хоть за японским столом, хоть за нашим. Хотя, куда не глянь, везде оказываются наши.

Они оба рассмеялись и, не сговариваясь, дружно поднялись.

... – Ладно, хватит кусать друг друга, надо привыкнуть, – выдохнул Изаму. – Извини, что перешёл на русский, тема непростая, да и нервишки пошаливают от всего этого. Я тоже думал о том, чтобы потренироваться с тобой, думаю, что у нас ещё будет такая возможность. Да и дело будущее требует именно этого. Ну и воздуха понюхать нашего островного, людей узнать, мне тоже надо понять, на что ты годен, а на что нет.

– Ну, знаешь...

– Не буду, не буду. Поживёшь пару деньков, на рыбалку скатаемся в море, а потом будем думать, – предложил мировую Владимир, неожиданно заговорив на родном языке, при этом лукаво улыбаясь. – Что и вправду, как голым в баню бежать. Успеется. Поехали, покажу тебе твои апартаменты, где ты будешь незаметным, отоспишься там за всю жизнь. Холодильник я забил до отказа.

– Пивом?

– Ты же не употребляешь? Или начал?

– Вот ещё. Я думал, ты для себя.

– Ну конечно, там половина холодильника забита пивом.

– А другая, наверное, икрой.

– А ты как хотел? Икрой мы огороды удобряем, её у нас много, снова заговорил по-русски Володька. – Пивом мы руки моем, когда сырой воды не хватает, у нас даже своя пивоварня есть. Пиво такое, что не оторвёшься. Но сначала дело, а потом пиво.

– Сначала икра, потом дело, потом пиво, – закончил спор Михалыч.

Они ещё прокатились по местным дорогам, и даже умудрились застрять в размытой дорожной канаве, потом, вымазанные в грязи, заехали к пограничникам, где Владимир познакомил гостя с командиром заставы. Они договорились встретиться на следующий день, а до этого капитан пообещал подготовить плацдарм для будущих действий и собрать

все материалы, касающиеся этого необычного для Михаила задания.

Апартаменты оказались простым вагончиком на окраине посёлка, каких на острове и в самом Южно-Курильске было великое множество, его хозяин был в море. Днём этот вагончик нагревался как сковородка, а ночью остывал, поэтому нормально выспаться, за всю жизнь, Михаилу так и не удалось. По этой причине он приготовил соответствующий набор словосочетаний в качестве приветствия своего друга, но почему-то при встрече забыл про него. Володька подкатил неожиданно, когда Михаил умывался из ручной колонки, вода была холодной и чистой, отчего все ночные кошмары быстро улетучились, а от утреннего свежего ветерка поднялось настроение.

Володька привёз с собой завтрак, состоявший из крабов, слегка разбавленных морской капустой, с мидиями, гребешками, и ещё чем-то очень вкусным, обитающим под водой. Поглощая с аппетитом всё это, Михаил то и дело поглядывал на друга, пытаясь определить по реакции его лица, насколько полезна такая еда.

– А мне всё это уже вот где, – пожаловался Володька, глядя, с каким аппетитом его друг поглощает пищу. – Борща бы нормального, из квашеной капусточки, да со сметанкой.

– Да с салцом, – добавил Михалыч.

Они дружно рассмеялись.

– Ну, всё, оставь на вечер, а то работа уже не в радость

будет.

– На сытый желудок всё в радость, – пробурчал с набитым ртом Михаил, вытирая руки о штаны. – Ладно, поехали к шефу.

Они снова рассмеялись, припомнив недавнюю комедию, примерно про таких же засекреченных агентов, как они. Михаил быстро переоделся в приличную одежду, в дороге на этот раз обошлось без приключений, они легко преодолели вчерашнюю канаву, на заставе их ждали командир заставы и, несколько отстранённый от происходящего мужчина в сером костюме.

Командир, уже немолодой капитан по фамилии Сапожков, радушно пригласил за стол.

– Спасибо Михаил Михайлович, что согласились поработать у нас, – начал осторожно Сапожков. – Вы, наверное, уже кое о чём осведомлены от Владимира Ивановича, и я могу повторяться, но делу это не повредит. Вы уже, наверное, в курсе, что у нас происходит?

– В общих чертах.

– Да, конечно. У нас очень серьёзная сложилась ситуация. Рыбы много, ловят её все, кому не лень, даже с Тайваня заходят, не говоря уж о корейцах или китайцах. А про японцев я вообще молчу, они как дома здесь. Бывали годы, когда до сотни их шхун ловили. Как правило, с полной конфискацией.

– Жалуются?

– Кто? Японцы? Разумеется, но это мало что меняет. У них же действуют страховки, поэтому капитаны не очень боятся терять своё имущество, даже в выигрыше остаются порой.

– И вы их просто так отпускаете? После задержания? – спросил Михаил, не совсем понимая суть происходящего.

– Кого отпускаем, а кого и осуждаем, если злостный. Простых рыбаков отпускаем, а капитанов, или владельцев судов можем и посадить на пару лет. Тут ещё одна проблема. Наметилась тенденция, некоторые наши артельщики ищут связи с соседями.

– Вы говорите о японских рыбаках? С ними? – поинтересовался Михаил.

– Ну, не совсем так. Японские рыбаки, конечно, не против половить у наших берегов, но вряд ли они станут для этого договариваться с нашими браконьерами.

– А почему вы их не поймаете? Браконьеров, я имею в виду.

– Мы за ними наблюдаем и когда надо ловим. Но свято место пусто не бывает. Поймаем одних, появляются другие. Нет, всё это мы уже проходили. Пусть себе ловят, рыба-то всё равно к нам идёт. Конечно, надо наводить порядок, но для этого одних пограничников недостаточно. Здесь проблемы другого характера, связанные с нашей отрезанностью от Большой земли. Но мы не станем углубляться в эти проблемы.

– Да, лучше к делу, – вставил свой голос Владимир, обращаясь к человеку в сером костюме. – Товарищ Климов, просветите гостя.

– Дело в том, – начал тот, обращая взгляд на Михалыча, – что в одном научно-исследовательском институте в Южно-Сахалинске пропали секретные карты. Над ними работали несколько лет, собирая сведения со всего сахалинского шельфа, включая и острова. Это и геология, и рыбные миграции, в общем всё.

– Как же так получилось? – наивно спросил Михаил, поглядывая то на своего друга, то на Климова.

– Ну, проспали. Но мы работаем, ищем, и уже есть положительные результаты. Собственно, поэтому мы и сидим здесь и говорим на эту тему, – сказал Климов, листая блокнот. – Мы перебрали всех, кто мог иметь отношение к этим картам, и вышли на некоего Виктора Вайновского, который в настоящий момент находится здесь на Кунашире. Приехал полтора года назад, уволившись из этого института, быстро разобрался в местной политике, и теперь уже бригадир одной из артелей. Мы за ним наблюдаем, пока зацепиться не можем. Работает хорошо, в артели порядок, но есть кое-что. Некоторые наши рыбаки не прочь сбыть свой улов соседям, а японцы как раз в этом заинтересованы, их рыбный бизнес набирает обороты, неслучайно они плывут к нам без страха. Некоторые из них готовы скупать у наших рыбаков продукцию, в основном предпочитают крабов, они в цене у япон-

цев, и икрой не брезгают. Вот за Вайновским этот грешок и водится, но ни разу не попадался, так сказать, с поличным. Одни сплетни, а в бригадах, как вы понимаете, круговая порука, друг за друга стеной. За руку поймать непросто.

– А чем же они расплачиваются? Я имею в виду, соседи, – спросил Михаил.

– Интересный вопрос. На островах известный дефицит товаров повседневного спроса, вот этим товаром и рассчитываются. Одежда в основном. К сожалению, многие наши граждане легко подвергаются влиянию. Но мы отклонились от темы. С ними, конечно, будут проводить работу, и она уже проводится. А применительно к нашему делу, мы решили сделать вот что.

– Ловля на живца, – вставил Владимир.

– Именно так, Владимир Иванович. Ваша идея в самый раз. Кстати, практически каждая вторая японская шхуна имеет целью сбор данных, то есть, шпионит, попросту говоря. Мы недавно одну пойманную шхуну обследовали, нашли очень современный гидролокатор для обследования дна. Наш шельф как магнит, поэтому соседей сюда и тянет. И, конечно же, они любыми путями стараются установить, что называется, тёплые отношения с нашими рыбаками. Вайновский на это клюнул.

– Кто же его приманил? – поинтересовался Михаил, постепенно вникая в суть сложившейся проблемы.

– Есть у нас один японский капитан. Мы его больше дру-

гих ловили в наших водах. Он даже срок отбывал, полтора года общего режима, на Сахалине. Условия, кстати, у него были неплохие. И там мы с ним провели работу в нужном направлении.

– Завербовали? – едва ли не воскликнул Михаил.

– Не совсем так, но, нашли слабые места, расположили. У него вообще интересная история, но об этом как-нибудь в другой раз. Проживает он в Нэмуру, на Хоккайдо, это совсем рядом. Кстати, за последние несколько лет этот рыбацкий посёлок превратился в настоящий город. И всё благодаря нашей рыбе. Так что, без работы наш капитан не остался, хотя к таким, кто отсидел в нашей тюрьме, японские спецслужбы лояльности не испытывают, так сказать, особенно внимательны. Короче говоря, он снова ходит в море, и снова мы его поймали, но на этот раз уже не стали наказывать строго.

– Начали вести игру, – вставил Изаму.

– Именно так, Владимир Иванович.

– Внутренний агент? – не скрывая удивления добавил Михалыч, улыбнувшись.

– Образно говоря, да, – согласился Климов.

– Что значит, внутренний агент? – спросил Сапожков, до сих пор молчавший, обращаясь к Михаилу.

– Это я так, про себя. Вспомнил один китайский трактат о вербовке агентов.

– До агента далековато, конечно, но... С паршивой овцы, как говорится... – Вставил реплику Климов.

– Ну, зачем же так? Человек всё же, – недовольно перебил Михалыч.

– А вы думаете, они здесь как туристы, с удочками? Надо вам немного пожить здесь, впрочем, извините, если показался грубым, – произнёс Климов. – Давайте лучше к делу. Хорошо? Ну вот. Капитан Тору и вправду интересный человек. Сначала мы отобрали у него сети и улов, так сказать, пожурили, что дало мало эффекта. Потом он снова попался, и тогда пришлось ему посидеть на наших нарах. Потом он немного исправился, но соблазн велик. Он несколько раз уходил от нас, но мы его снова поймали. Последнее время мы часть улова не забирали, только то, что он у нашего берега брал – крабов, трепангов. Это сразу в море возвращается, если ещё живое, а сети вообще не трогаем. В общем, он стал и сам меньше наглеть, но всё равно, пасётся постоянно. Кстати, сейчас он у нас в гостях.

– Вы шутите? – ещё больше удивился Михаил, в недоумении поглядывая на своего друга. Володька сидел безучастно, даже равнодушно, пропуская всё мимо ушей, словно зная об этом.

– Мы его снова задержали. Это я так, образно, – продолжал Климов.

– Ааа...

– Ну, так вот. А, может, товарищ Сапозжков нам кофейку, с цикорием? А то я смотрю, Владимир Иванович скоро уснёт. Все посмеялись и на кофе согласились. Климов между тем

продолжил:

– Этот Тору, у него шхуна, за которую ему ещё надо расплачиваться несколько лет, металлолом, конечно, но довольно быстроходная. И вот, он нам сообщил пару месяцев назад, что Вайновский захотел с ним сотрудничать. Тору сказал ему, что его кроме крабов и моллюсков больше ничего не интересует, и тот согласился. Они провели пару сделок...

– Но тогда, у Вайновского должны быть сообщники, – перебил Михаил, всё больше удивляясь.

– Разумеется. Я же говорил, что в бригадах круговая порука, и где один, там и все. Дело дошло до того, что Тору стал приплачивать отдельно Вайновскому валютой.

– Но если выйдет, что карты не он украл, то выходит, что мы его подвели к незаконной деятельности. Поймали бы сразу, другой срок. За валюту ведь у нас не жалуют.

– Вы правы, Михаил Михайлович. Но ведь, его никто не тянул на это преступление. И потом, другим будет неповедно, а дурной пример, сами знаете, заразительный. К тому же, у нас уже нет сомнений в том, что карты у Вайновского. В прошлом месяце Вайновский невзначай при обмене товаром предложил Тору кое-что поинтересней, намекая, что это может заинтересовать серьёзных людей. Тору человек не глупый, и сразу передал нам этот разговор, и одно только это говорит о том, что Тору не связан с японскими спецслужбами. Он обычный рыбак, причём не на хорошем счету у своих пограничников. Только после его сообщения мы предложи-

ли ему расплачиваться с Вайновским валютой, долларами. Так сказать, раззадорить. И Вайновский с удовольствием их взял. Теперь у нас есть повод прижать его к стене, но он, конечно, будет стоять до последнего, поскольку карты это уже не валюта, а их ещё надо найти, просто так он их не отдаст.

– Но почему не устроить в его бригаду своего человека? Сделать обыск судна, в конце концов.

– Мы уже думали над этим, Михаил Михайлович. Это непросто. Для этого надо кого-то увольнять, а повода нет, да и подобрать такого человека среди местных непросто, время нужно, а его у нас нет. Если мы ошибёмся, и он поймёт, что за ним следят, то думаю, он уничтожит карты, или сдастся за контрабанду, а может и к японцам попросится, такое случается иногда. Это очень неглупый человек. По профессии он, кстати, ихтиолог, в юности мореходка, о рыбах знает всё, если не больше. План выполняет на двести процентов, ещё и на сторону хватает. Жаль, такой человек талантливый... Короче говоря, наш японец заупрямился, вроде как не его уровень. Но пообещал Вайновскому, что поговорит с нужным человеком, и тогда...

– И тогда мы попросили прислать тебя, Миша, – снова перебил Владимир. – Я и сам хотел попробовать, но Игорь Петрович категорически против.

– Ну, неужели непонятно? – Вставил Климов. – Вас могут опознать, пусть не сам Вайновский, но люди вас в посёлке знают, поэтому...

– Уже не спору, – поднимая руки, произнёс Владимир.

– Думаю, для вас, Михал Михалыч, уже всё ясно. На вас вся надежда, так сказать. Мы приготовили для вас документ на имя Хитоси Ямагути, несколько визитных карточек, для убедительности, и на всякий случай деньги, это доллары. Но в руки их не давайте, это «куклы». Вам придётся побыть начальником департамента развития промышленности Хоккайдо. Удостоверение сделано с оригинала, только фотография чужая, в смысле, ваша. Пришлось потрудиться, чтобы состарить, думаю, подозрений не вызовет, но в руки лучше не давать.

Михалыч повертел удостоверение в руках, посмотрел визитки, и сунул в карман ветровки.

– А Тору? С ним вы говорили? Одно дело крабов сбывать, другое в шпионов играть. На его месте я бы ещё покапризничал, – рассмеялся Михаил. – Давайте его лично спросим? Сам-то он готов?

От этих слов Сапожков даже открыл рот, а Климов недовольно насупил брови. – Спросить, конечно, можно, но думаю, что у Тору мало выбора. Ладно, давайте спросим.

Они выпили по чашке кофе из цикория, который входил в рацион питания каждого пограничника на заставе, а затем сели на катер и с ветерком прокатились в отдалённую бухту, где на якоре стояла небольшая невзрачная рыбацкая шхуна с названием «Цуки Мару», что обозначало «Луна». На борту дежурили два пограничника. Когда группа поднялась на

борт, один из бойцов доложил Сапожкову обстановку. Происшествий не было, команда отдыхала. Действительно, трое рыбаков играли в карты, а капитан у себя в каюте смотрел телевизор. Михалыча сразу взволновала японская речь, которая доносилась с экрана, он едва не провалился в него. Было очень интересно, показывали фильм про эпоху самураев.

Капитан с явным недовольством выключил телевизор, но тут же на его лице появилось выражение восторга и растерянности. Это был немолодой сухощавый человек обычного роста, какими бывают японцы, стриженный под «ёжик» и почти седой.

Сапожков заговорил на японском, стараясь дать понять, что проблема, с которой они все столкнулись, должна благополучно решиться, и в этом немалая роль отводится самому Тору. Тогда для него появится возможность не только избежать конфискации судна, но и вернуться домой.

– Вы поймите, господин Тору, – продолжал убеждать Сапожков, поглядывая на товарищей, которые то и дело подсказывали нужные слова. – Мы вас ловим уже не первый раз, и всякий раз вам сходит с рук ваши проделки. Конечно, мы вам признательны за содействие, но надо идти дальше. А просим немного. Вам надо свести Вайновского с человеком из спецслужбы. Чтобы у Вайновского была уверенность, что он тот, кому можно продать то, что он хочет продать.

– Но я не сотрудничаю с нашими спецслужбами. И не желаю этого. Я от них уже хлебнул однажды, мне хватит, – за-

упрямился Тору. – Я простой рыбак, а не шпион. Вы меня скорее сделаете шпионом.

– Да нам и не нужна ваша спецслужба, поймите это, наконец, и как шпион вы нам не нужны.

– Что же вы хотите от меня? – моргая спросил Тору.

– Вы покажете Вайновскому нашего же человека, он будет думать, что это ваш человек из Японии. – Вот его, – Сапожков указал жестом на Михалыча. Конечно, Михаил понимал, что в этом деле ему придётся что-то делать, но роль японского агента вызывала в нём лёгкую растерянность. Он даже привстал. Тору тоже приподнялся, и так вышло, что они поприветствовали друг друга таким необычным образом.

– Хай, – коротко кивнул Михаил. Тору тоже кивнул, неловко протягивая руку.

... – Помогите нам, господин Тору, – тихо попросил Михаил.

Услышав просьбу, Тору растерялся ещё больше. – Вы японец? Вы настоящий советский японец? – переспросил Тору.

– Нет, я советский китаец, но хорошо владею японским языком, – соврал Михалыч, ещё не совсем понимая, что от него требуется говорить. Но внешнее спокойствие присутствующих подсказывало, что он сказал то, что нужно. – Помогите нам, и вас отпустят, – пообещал Михалыч, поглядывая на Сапожкова. Тот незаметно кивнул. – Для вас не будет большого риска. У Вайновского нет повода недоверять вам. Вайновский проходимец, готовый продать что угодно, даже

свою Родину, он предатель. Мы вас не просим продавать вашу Родину, просто посодействуйте нам. И мы своё слово сдержим. Вы покажете меня, представите как человека, которому интересно сотрудничать с Вайновским. Мы только прокатимся, и вы меня представите. А там видно будет. Вы ничего не теряете и почти не рискуете.

– Вот именно, почти, – прошептал почему-то Тору, словно они были хорошими друзьями. – Мне надо подумать, – сказал Тору, сердито усаживаясь в свое рабочее кресло и очень наигранно отворачиваясь. Все присутствующие поняли, что Тору будет думать. Они тихо вышли из каюты и дружно рассмеялись.

– Почему вы смеётесь? – возмущённо закричал Тору, выскочив из каюты.

– А чего тут думать? – удивлённо воскликнул Владимир. – Ему предлагают хорошую сделку, а он рядится как барышня в наряде. – Ты мужчина, или кто?

Тору сделал обиженное лицо и задумался, но потом снова поменял маску. – Я хотел поторговаться, но вижу, что вас не перехитрить. Ладно, согласен. Но сначала я продам свой улов, мой лёд скоро растает, и тогда рыба испортится. И вы мне отдадите сетки, которые забрали весной. Это не мои сетки, мне их дали в долг.

– Хорошо, – согласился Сапожков, хватая руку японца. – Но сначала дело.

– Нет. Сначала рыба и сети, а потом дело.

– Ладно, будем бросать жребий, – рассудительно предложил Сапожков. – Орёл ваш, «решка» моя. – Тору ещё не успел дать согласие, как монетка звякнула по палубе и показала «решку». Тору тяжело вздохнул и обиженно отвернулся.

– Всё по-честному, – так же обиженно произнёс Сапожков, поднимая монетку. Он передал её Михалычу, и тот с удивлением обнаружил на ней две «решки». Михалыч даже не поверил своим глазам, монета была как настоящая. Внимательно приглядевшись, он обнаружил едва заметный шов посередине. Две монеты предварительно сделали тоньше, а затем склеили. У кого-то хватило фантазии для такого простого трюка. Ему стало жаль японца, но дело было сделано, причём с блеском. Сапожков был ещё тем лисом. Гарантией того, что Тору исполнит своё обещание и не сбежит, были документы на шхуну, включая купчую, и прочие бумаги, изъятые при задержании. Тору явно опечалился, когда узнал, что вернуть их прямо сейчас не удастся, но оспаривать эти действия не мог.

Договорились, что как только Тору встретит в море Вайновского, а это непременно произойдёт, когда он будет проходить отмель Палтусова, где последнее время работала его бригада, они обменяются товаром, а потом Тору скажет, что есть человек, который готов к встрече и разговору. После этого останется только ждать условного сигнала по рации.

На том и порешили. Тору уходил в море, предвкушая, что

скоро вернёт свои очень дорогие сети и документы, он был в приподнятом настроении, о чём говорил не совсем ровный ход его шхуны и громкая песня о какой-то луне над Токио.

– А ты, оказывается, психолог, – задумчиво сказал Владимир, когда они остались вдвоём. – Ты явно ему понравился, несмотря на то, что китаец.

– Брось. Всё он понял. Я и не собирался пудрить ему мозги.

– Ты, правда, молодец. Просто, ты вёл себя как обычный человек.

– А я и есть обычный человек, – усмехнулся Михаил.

– Нет, ты не обычный человек, если вёл себя как обычный человек. Ты необычный.

Они расхохотались, хлопая себя по коленям.

– Даа... Ай, да Пушкин, сукин сын, – произнёс с восторгом Володька.

Михалыч некоторое время раздумывал над случившимся, пока они сидели в вагончике, и смотрели в открытую дверь на вечерний пейзаж с морем, чайками, рыбацкими лодками, бороздившими акваторию залива, – было действительно красиво и по-особенному умиротворённо.

– Странно мне всё это, Изаму.

– Зови меня Володей. Когда ты называешь моё японское имя, я вздрагиваю.

– Вот и я о том же. Хожу и спрашиваю себя, кто я на этой земле? В зеркало посмотрю, вроде, японец, а начинаю гово-

речь с кем-нибудь, сразу русским становлюсь. Неужели в одном человеке всё это может уживаться?

– Будь собой, Миша, у души нет национальности, и никаких угрызений совести и переживаний не будет. Уверяю тебя.

– Ох, уж это твоё «уверяю». Ты что, другой формы убеждения не знаешь? Всю жизнь только и уверяешь меня.

Они снова рассмеялись, после чего Владимир поднялся, собираясь уходить.

– Прости, пожалуйста, меня жена, наверное, обыскалась. Обещал ей помочь обои поклеить. Второй год живу, а руки не доходят. Квартира ведомственная, в ремонте нуждается. Хочу тебя пригласить, жена уже неделю зудит, когда Миша придёт, когда Миша придёт. Детьми похвастаться, а стыдно.

– Езжай, клей свои обои. Я не девушка, чтобы за мной присматривать. Еды у меня на неделю, если что, сам раздобуду.

– Э... Только вот этого не надо. От дома далёко не отходи, не дай бог, кто из местных узнает тебя. Здесь же все рыбаки. Мало ли. Бережёного, Миша, бог бережёт. Завтра я под каблуком побуду, а вечером приеду, ты уж потерпи. Понимаю, что непривычно тебе одному здесь, но ради дела потерпи.

Тору объявился в эфире с условным сигналом через три дня на общей волне, которой пользовались все, кто находился в местных водах. Где он был и что делал, выяснять не стали, одно было понятно, на месте он не сидел.

Они вышли в море, и пошли на юг. До «Цуки Мару», пришлось идти несколько часов.

– Мы договорились встретиться южнее отмели Палтусова, – сказал чем-то недовольный Тору при встрече. Он всё время оглядывался по сторонам, словно боялся, что его могут подслушать.

– Это же залив Измены, – с удивлением произнёс Владимир, поглядывая на Сапожкова и Климова.

– Неплохое начало, – ответил пограничник. – Ближе не могли договориться?

– У вас государственная соляра, а у меня своя, я и так в растратах. У нас топливо подорожало в очередной раз. Кто мне оплатит путешествие до Южно-Курильска и обратно?

– Вам зачтётся, – нашёлся Сапожков. – Ладно, давайте продумаем всё до мелочей. Вайновский и его братия придут не раньше завтрашнего утра, мы в это время будем вне пределов видимости, – Сапожков указал на карте место, где будет ждать его катер. – Ваша задача – познакомить его с господином Ямагути. Что будет дальше, мы пока не знаем, поэтому торопить события не будем. На всякий непредвиденный случай, дайте СОС по своей радиации, мы будем настроены на вашу волну. Если всё пройдёт успешно, мы вам компенсируем расходы на топливо.

– Ваша солярка плохая, – недовольно пробурчал Тору. – Лучше отдайте мне моё имущество, куда я от вас денусь.

– Нет, не пойдёт, – уклончиво произнёс Сапожков. – У

нас нет гарантии, а чтобы она была, мы на время заберём одного из членов вашей команды. Всё равно бездельничать будет. Думаю, что ему понравится на нашем корабле. Кашей его накормим флотской.

– Это не честно, – заупрямился Тору, растерявшись. – Как я буду смотреть ему потом в глаза?

– Ничего, потерпите. Крабов ловили наших и смотрели, хотя знали, что подставляете своих людей. Ничего с вами не случится, и с вашим рыбаком тоже.

– Может, не стоит этого делать? – спросил неуверенно Михаил, поглядывая на приунывшего Тору. – Всё же, живой человек. Что они со мной сделают? Не станут же они меня сбрасывать в воду, если что случится.

– Не знаю, не знаю. – Сапожков задумался, поглядывая на товарищей. – Нет у меня уверенности в японском честном слове. Японские рыбаки, это такой народ... По своему опыту скажу, что живой залог лучшая гарантия. Да и по-честному всё – вы у них, а он у нас. Ну что, решайте, Тору, – перешёл он снова на японский. – Кого даёте нам? Мне больше нравится Кавагути. Кавагути, ты картошку жареную ел когда-нибудь?

Кавагути, молодой парень с длинной прямой чёлкой, как у девушки, не скрывая улыбки, неуверенно последовал за пограничниками, по его улыбке было видно, что он не раз имел дело с советскими пограничниками. Михаил остался на шхуне среди японцев, перед расставанием он уединился с Вла-

димиром.

– Попрошу тебя, – тихо сказал Михаил.

– Ты как навсегда расстаёшься, – взволновался Владимир.

– Да кто его знает, Володя. Я за японца почему-то спокоен, мне Вайновский покоя не даёт... Ты же знаешь, как ведёт себя крыса, когда некуда бежать.

– Ты прав, конечно, от него всего можно ожидать.

– Дочку я встретил недавно. Случайно, прямо перед отплытием к тебе. Свою дочку.

Володька до предела расширил глаза.

... – Не удивляйся. Это дочь моей Ядвиги, царство ей небесное. Звать её Анна Михайловна.

– У неё твоё отчество?

– Не уверен, что так. Ты Векшанского помнишь? Начпрода. Он воспитал её. Может, его тоже Михаилом звали.

– Ну, дела. Одни Миши кругом.

– Россия, страна медведей, должен привыкнуть. Так вот, если со мной что-то произойдёт... Ну мало ли чего. Найди её в Находке, она с японскими туристами работает, переводчицей. Вот такая история.

– Кто бы поверил. Та самая медсестра? Дочка – переводчица...

– Та самая, Володя. Не забудешь?

– Как тут забыть. Сделаю, но всё будет хорошо, уж будь уверен.

Они снова рассмеялись, поймавшись на любимой фразе

Изаму-Володьки, потом обнялись, и Михаил остался один.

Когда пограничный катер исчез из видимости, они тихим ходом пошли на юго-восток, в сторону отмели Палтусова, где была назначена встреча. В эту пору многие рыбаки предпочитали крутиться вокруг этой отмели.

Тору стоял за штурвалом шхуны, поглядывая на своего гостя, Михаил молча размышлял о предстоящем деле. Перед этим, ещё на берегу, ему подобрали часы, японскую одежду, сменили брюки, рубашку, нижнее бельё. Одежда была в пору, но непривычная ткань делала движения скованными, а ботинки немного жали. «Ну и влип ты, парень», – подумал Михаил, – осматриваясь на новом месте. Тору то и дело косил взгляд на нового члена своей команды.

– Вы думаете, что я согласился ради своего имущества? Ведь так? – спросил Тору, не отрываясь от курса. – Все думают, что у японцев в голове лишь деньги. А что же ещё? Жить в Японии нелегко.

– А где легко?

– Я не знаю. Может, есть такое место.

– Где-нибудь под пальмами?

Они рассмеялись. Потом Тору неожиданно предложил выпить по чашечке саке. Передав штурвал одному из помощников, он повёл Михаила в свою каюту. Это было удивительно, сидеть со своим соплеменником и говорить о посторонних вещах, словно нет ничего общего, при этом каждый боялся сказать лишнего. Незаметно Тору расслабился, язык

его всё больше развязывался, он стал хулить свою пограничную службу, понимая, что это не выйdet за рамки разговора, потом перешёл на политику, а в конце стал ругать правительство, за то, что они не могут решить проблему северных территорий. Михаил внимательно слушал, время от времени потягивая sake из чашечки.

– А вы не любитель, вижу.

– Не особо, – сознался Михаил, вежливо улыбаясь. – Но ваше sake мне нравится. Правда, очень хорошее sake.

Тору понравился комплимент.

– Поскольку вы не японец, открою вам секрет, – сказал Тору, подливая в пустые чашечки. – Он поможет завтра. Японцы избегают рукопожатий. Держитесь независимо, будто вас ничего не касается, и делайте недовольное лицо всё время, словно вас подняли из-за стола и не дали доесть вкусное блюдо. Но не брезгуйте, если станут угощать. В Японии любят что-нибудь вкусное, особенно морское. Будьте неопределённым в разговоре, и ни в чём не давайте своего согласия сразу. Японцы всегда долго думают.

– Это мне известно.

– Откуда вам известно? Вы же китаец. Или это неправда?

– Неправда.

– Не люблю, когда меня держат за осла.

– Ты же не сильно обиделся? – перешёл на «ты» Михаил.

– Совсем нет. – Тору снова налил sake в чашечки и поднял свою. – Не знаю, кто ты, но по глазам вижу, что жизнь ты

повидал сполна. Давай за это и выпьем.

Они кивнули друг другу и не чокаясь выпили. Михаил пригубил, а Тору выпил до дна.

– За жизнь, – произнёс японец на русском языке.

– Ты говоришь по-русски? – удивился Михаил. – Наверное, жизнь заставила?

– Она заставит. – Тору пронзительно посмотрел на своего гостя, потом снова налил в свою чарку, поскольку чашечка гостя была полной. – Я сидел в вашей тюрьме. Только молчите об этом. Я всё слышал, как вы с вашим капитаном спорили. Спасибо, что были на моей стороне. Мне было приятно.

– Я не был на вашей стороне, просто, не люблю, когда кого-то принуждают что-то делать против воли, особенно используя слабые места.

– Так устроена жизнь, – вздыхая, произнёс Тору уже на родном языке.

– Хорошо сказали.

– Откуда вы так хорошо говорите по-японски? И тот, другой, что уплыл. Вы говорите как обычные японцы. Я слышал, как вы разговаривали перед уходом. Не удивляйся, у меня очень острый слух.

– Это лучше не трогать.

– Вы не знали, что у вас есть дочь?

– Знал, но не видел никогда.

– Простите. – Тору опустил голову. – Мне кажется, у нас очень похожие судьбы, я тоже любил одну русскую женщину,

но об этом никто не знает. Только вы. У неё есть ребёнок, от меня, мальчик.

– Спасибо, – ответил Михаил и слегка наклонил голову в поклоне. Они просидели в молчании некоторое время, после чего Тору показал пустующее место Кавагути. Михаил скинул туфли и поверх одеяла, в чём был, завалился на койку. Первое время он размышлял над разговором, в голове крутились невысказанные слова, которые он хотел произнести, но почему-то не произнёс, потом он забылся сном.

– Вставайте, господин Ямагути, подходят, – услышал Михаил сквозь сон. Он быстро поднялся и пока небольшой рыболовецкий траулер подходил к борту успел привести себя в порядок.

Как выяснялось, это было такое же японское судно, только конфискованное и переданное в собственность одному из рыболовецких колхозов. Судно было одномачтовым. Высокая рубка занимала почти половину его длины и располагалась в передней части судна, сверху рубки находилась палуба, откуда капитан мог наблюдать за работой всего экипажа. От основания мачты в сторону кормы выходила наклонная грузовая стрела, на которой висели, а точнее просыхали рыбацкие снасти. На корме один из рыбаков поливал палубу из шланга, смывая в море остатки улова. На борт поднялись три человек, среди них был и Вайновский, молодой мужчина лет около сорока в очках, довольно плотный и тщательно выбритый. С собой они подняли на борт несколько ящиков

с продуктами рыбного производства, для обмена.

– Это господин Ямагути, – представил Тору своего гостя. Вайновский подошёл почти вплотную и без смущения посмотрел в глаза Михаилу. Он нисколько не волновался и вёл себя непринуждённо, словно каждый день общался с японскими агентами. – Давай к делу, что ли? – Предложил Вайновский.

Михаил безучастно кивнул, делая недовольное лицо.

В то время, пока на юте на фоне обмена товарами происходило общение двух команд, они уединились на полубаке. Было件нятно, что Вайновский не заинтересован в том, чтобы его планы были известны кому-то ещё.

– Итак, что вас интересует? – спросил Вайновский, поглядывая то на Тору то на Ямагути.

– А что вы можете нам предложить? – с лёгкой иронией ответил вопросом на вопрос Михаил, – переведя взгляд на Тору, как бы ожидая его перевода. Внутренне ему было немного смешно и неловко от того, как вел себя его соотечественник. – Если крабовые клешни, то это не по моей части.

– А что по вашей части? – не сдавался Вайновский, начиная немного нервничать.

– Вы считаете, что ваш вопрос корректен? Если у вас нет ничего, кроме красной икры, то давайте закончим этот разговор. – Михаил поймал взгляд Тору. Тот безучастно перевёл, и молча ждал, что ответит в этой шахматной игре Вайновский.

– Я должен убедиться, что вы именно тот, кто мне нужен, – наконец, произнёс Вайновский.

– Кто же вам нужен? – усмехнулся Михаил-Ямагути, оглядываясь по сторонам, словно где-то поблизости можно было найти человека, которого искал Войновский. – Вы отнимаете у меня время, господин Вайновский, так, кажется. Давайте скажем друг другу «до свидания» и забудем друг о друге, – предложил Михаил, всё больше раззадоривая Вайновского. На юте, между тем, уже происходило очередное братание, кто-то из рыбаков откупорил спиртное.

– Вижу, разговора не получается, – не выдержал Вайновский, крепко сжимая пальцами поручень борта. – Придётся мне искать другого человека.

– Может, я всё-таки смогу вам чем-нибудь помочь в этом деле? – спросил Михаил, лукаво улыбнувшись. – У меня много друзей.

Вайновский тяжело вздохнул и опустил голову.

... – Так и быть, я слегка помогу вам, произнёс Михаил-Ямагути, доставая свои документы, и вынимая из них визитку, и протягивая её Вайновскому. – Я представляю одну серьёзную организацию, нечто вроде службы экономической стратегии. Департамент, которым я руковожу, занимается, в частности, исследованием морского дна. В первую очередь, нас интересует всё, что касается прибрежного шельфа. – Михалыч намеренно не стал произносить слова вашего, используя слово «прибрежный», тем самым, давая понять, что

сам он считает, что шельф на самом деле принадлежит Японии, а не России.

Когда Тору перевёл, Вайновский резко преобразился, глаза его оживились. Он некоторое время внимательно рассматривал визитку, потом вернул, желая заполучить документы господина Ямагути, но остался с пустыми руками.

– У меня есть то, что вам может быть полезным, – едва сдерживая себя, произнёс Вайновский.

– Могу я поинтересоваться, что это? Если это чертёж подводной лодки, то вы не по адресу. Мы не военная организация. Нас интересует экономика, в первую очередь ресурсы.

– У меня нет чертежа подводной лодки, – сказал Вайновский, дождавшись, пока Тору переведёт предыдущую фразу.

Они посмеялись. Михаил даже панибратски похлопал Вайновского по плечу и заговорил на ломанном русском языке, чем вызвал немалое удивление Тору. Но Вайновский, как будто, был готов к такому обороту. Этот ломаный русский Михалыч услышал на берегу в Находке, и теперь с благодарностью вспоминал того японца, который, сам того не желая, бесплатно преподавал очень ценный урок.

– Наконец-то, вы раскрыли себя, господин Ямагути.

– Вы удивлены, что я владею русским? – Михаил немного затушевался, но внутренне был убеждён, что сделал правильный ход. Во-первых, ему не хотелось втягивать Тору в содержание предстоящего разговора, во-вторых, он хотел немного обострить ситуацию, чуть ускорить развитие дела, и

его исковерканный русский как раз был кстати. – Мне нравится ваш язык, ведь мы соседи, и должны ладить, хотя... – Ямагути сделал многозначительный взгляд на море, намекая на что-то несправедливое. – Но если мой русский вам режет уши, давайте снова вернёмся к услугам господина Тору.

– Потерплю, – отрубил Вайновский.

– Ну что же, – медленно и отдельно начал Михалыч, – давая условленный сигнал Тору удалиться. – Тогда перейдём к делу. Вы покажете мне свой секрет? Или это секрет?

– У меня есть карта шельфа.

– А поподробнее можно? У нас тоже есть подобные карты.

– Это очень подробная карта, над ней работал целый институт, она содержит данные геологии, биоструктуры региона, включая точное описание миграций рыбы, птиц, млекопитающих, моллюсков, расположение подводных вулканов... В эту карту включены месторождения нефти, газа... Повторю, что над картой работал целый институт.

– Нефть, говорите... Вы представляете, насколько серьёзным выглядит ваше заявление? Такие вещи хранят в прочных сейфах, а вы хотите вынуть её из-за пазухи. Если я не ошибаюсь, по вашим законам вам грозит статья – измена родине. Вы не боитесь?

– Боишься волков – не ходи в лес. Боялся бы, не разговаривал бы с вами.

– Мне поверить вам на слово? Или вы всё же покажете хоть часть этого документа.

– Не сейчас. Вы за кого меня принимаете? – усмехнулся Вайновский. Некоторое время он бесцеремонно и внимательно вглядывался в лицо собеседника, словно пытаясь прочесть в нём подвох. Михаил понимал, что карту Вайновский держит при себе или где-то поблизости. Если на траулере, на котором он подошел, то найти её за короткий срок будет непросто, даже невозможно, а если карта при нём, то тогда есть вероятность, что Вайновский для подстраховки вооружен, и любой неверный шаг может спровоцировать его на применение этого оружия.

... – Хорошо, господин Вайновский. Поступим так. Вы сейчас назначите точное место и время будущей встречи и назовёте сумму, которую вы хотите за ваш документ, а я со своей стороны озвучу её кому следует. Но в следующий раз вы покажете мне ваш документ, потому что со мной будет ещё один человек, специалист. – Михаил рисковал, поскольку такого человека, кроме Изаму у него не было. Но риск этот оправдался. Вайновский сразу начал настаивать на том, чтобы они были одни, не считая Тору и его команды. Здесь Вайновский, конечно, показал себя плохим практиком, принимая всё на веру. Но в этом, скорее всего, была заслуга того, кто задумал операцию, в данном случае, его друга Володьки и Климова. После того как Вайновский назвал сумму, Михаил сделал вид, что очень удивлён, но после долгой паузы всё же кивнул: – Хорошо, будь, по-вашему. Но учтите, пока я не увижу карты, денег вам не выдать.

– Ладно, по рукам, – сказал Вайновский, протягивая свою ладонь.

– Хай, – коротко ответил Михалыч делая неглубокий поклон и держа руки за спиной. И лишь когда Вайновский потерял надежду на рукопожатие, он словно опомнился и протянул руку. Самому ему делать этого совсем не хотелось, но узнать своего противника, пусть даже через рукопожатие, было необходимо. Ладонь Вайновского была сухая, а пальцы и сама кисть до удивления мягкими. Это была странная рука без видимых признаков силы, сжать которую, тем не менее, Михалычу не удалось.

Следующая встреча должна была состояться через день в промежутке между тремя и пятью часами дня. За это время Вайновский должен был успеть разгрузить улов на базе и заправиться. Всё шло своим чередом, но после отшвартовки произошло непредвиденное – на горизонте показался пограничный катер – сторожевик. Тору мгновенно среагировал, дав команду – «полный ход». Шхуна, несмотря на свой изношенный вид, сразу набрала скорость и помчалась в сторону Японии. Траулер с русскими рыбаками медленно пошёл на запад. Сторожевик некоторое время преследовал шхуну, но потом отстал, поняв, что догнать её не удастся.

– Что мне делать? – спросил Михаил, когда шхуна пошла уже своим обычным рабочим ходом.

– Пока не знаю, – угрюмо ответил Тору, взглядываясь в горизонт. – Мы уже в японских водах. Обратно я не пойду,

топливо на исходе.

– Значит, я нарушил границу? Зачем вы стали убегать?

– А что мне было делать? Если бы я остался, то ваши бандюки могли бы заподозрить неладное.

– Но это не Сапожков. Это другой катер. Надо выйти с ними на связь. Они ещё не так далеко.

– Поздно, нас уже засекали на радаре японские службы. – Тору сбросил обороты и шхуна легла в дрейф. Когда Михаил вновь обратился к нему с вопросом, что делать дальше, тот молча сидел на полубаке и курил, глядя на воду за бортом. – Вы сойдёте со мной на берег, – неожиданно произнёс Тору. – Накинете рабочий плащ Кавагути, никто не заметит.

– Но это же опасно, вы рискуете.

– Не бросать же мне вас за борт. Я выйду на связь и доложу, что у нас всё в порядке, пограничным службам нет повода подозревать меня. Кроме рыбы у нас ничего нет, какой им резон сомневаться в моих словах. Не помню, когда они последний раз проверяли мою шхуну. Переночуете в моём доме, а послезавтра мы снова выйдем в море. Вот только, что сказать родителям Кавагути. Скажу, что он перешёл на время к другому капитану, у нас так иногда происходит. Но вам придётся быть незаметным, у нас все друг друга знают в городе. Представлю вас своим компаньоном. Вас как зовут?

– Меня зовут... – Михаил вынул свои фальшивые документы и задумался. Перед ним стояла дилемма, сказать правду или в который раз соврать. – Синтаро, – произнёс ти-

хо Михаил, оглянувшись по сторонам и протягивая корочки Тору. – Спрячьте их, на всякий случай. Пока я буду у вас гостить. – Он почувствовал удовлетворение от того, что назвал своё настоящее имя. – Когда-то меня называли Синтаро.

– Не волнуйтесь. Мои ребята и звука не произнесут о том, что видели. Мы как одно целое. В море по-другому нельзя, – произнёс Тору, пряча у себя в куртке документы, даже не заглянув в них.

– Спасибо тебе, Исао.

– Не стоит, Синтаро.

В первые секунды он ничего не почувствовал, и когда ступал с трапа на берег, и когда шёл по шуршащей гальке мимо рыбацких лодок. Рядом суетились рыбаки, кто-то спорил по поводу чужого улова, чинили снасти, выгружали рыбу. Здесь же под погрузкой стояли небольшие грузовики, суетились перекупщики. Всё было оживлённо и вместе с тем буднично и спокойно.

– Так всегда у вас? – спросил Синтаро, бросая взгляд на жизнь вокруг.

– А у вас разве не так?

Михаил покачал головой. Ему вдруг стало стыдно за то, что у них всё совсем по-другому: с волокитой, неразберихой, и обязательно с теми, кто умудряется из этого сделать выгоду; с теми, кто привык не работать, а только делать вид.

– Так, – солгал Синтаро, пряча глаза.

После того, как Тору продал русский улов, они молча по-

шли по улице, неширокой, обставленной небольшими, но уютными домами с невысокими изгородями, за которыми творилась обычная мирская суэта. Тору то и дело здоровался, отмахивался от лишних вопросов, иногда шутил невпопад, лишь бы не выдавать своего волнения. Михаил шёл рядом, и с каждым шагом ему становилось всё труднее идти и дышать, словно выброшенной на берег рыбе.

– Что с тобой? – спросил Тору, остановившись. – На тебе лица нет.

– Ничего, это пройдёт, – сказал Михалыч. – Давно не стоял на родной земле, разволновался.

Тору остановился и огляделся. – Значит, ты не соврал, назвав своё имя?

– Не соврал.

Тору жил неподалёку от гавани. Все, кто жили рядом, во многом зависели от моря. Его дом был небольшим, с потемневшими от времени стенами, и очень низким, как показалось сначала Михаилу, правда, зайдя внутрь, он почувствовал тепло и уют.

Тору сказал, что его гость занимается поставками рыболовных снастей, и приехал из Раусу. Не задавая лишних вопросов, хозяйка удалилась на кухню.

Ужинали молча. Лишь изредка Тору восклицал по поводу очень вкусного блюда, позволяя себе наполнять знакомую по форме чашечку. Он не настаивал, когда его гость лишь пригубливал, но был искренне рад, когда они выпили до дна.

Это был тост за родителей, его предложил Синтаро.

– Почему ты не расскажешь мне свою историю? – спросил Тору, когда хозяйка удалилась. – Для Михаила было понятно, что так заведено. Японские женщины чувствуют, когда мужчины должны поговорить наедине.

– Это очень длинная история, Исао, – тихо произнёс Синтаро. – Я не могу тебе всю её рассказать, хотя очень этого желаю.

– Ты сильно переживаешь?

– Да, сильно. Я не могу поверить в то, что происходит, как будто это сон. После таких снов сердце готово выскочить из груди.

– Мне знакомо это, – кивнул Тору. – Когда я вернулся из заключения, то несколько дней ходил как в бреду, и со мной никто не здоровался. Меня не замечали, словно я был тенью. Но потом всё вернулось. Через год. Может, и с тобой так будет.

– У меня нет столько времени.

– Что, тебя тянет обратно? Ведь ты же на родной земле.

– Не знаю, но я обязан вернуться. Извини.

Тору понял, что позволил себе лишнего и тоже извинился. После этого в тот вечер они уже ни о чём не говорили, если не считать мелких бытовых тем.

Весь следующий день Михаил решил провести в путешествии по городу. В этом не было ничего опасного для него, если не считать волнения, с которым он вышел из дома. Го-

род жил своей обыденной жизнью, люди не замечали его, от чего вспоминались слова Тору. Михаил понял, что это зависит не от людей, а от него самого. Вернувшись во второй половине дня, он уединился в маленьком саду. Непроизвольно глаза наполнились слезами. В этих слезах была горечь осознания того, что жизнь его пролетела как одно мгновение, и все, что окружало его на родной земле изменилось настолько, что вызывало в нём отчаяние. Он понял, что вернуть прошлое уже не в силах, и прежде всего, потому, что он не способен на обман самого себя. Это была его родина, но он уже принадлежал другой жизни и другой земле.

– Спасибо тебе, что взял меня, – произнёс Синтаро, когда к нему подсел Тору.

– У тебя слёзы? Могу я помочь тебе?

– Увези меня, пожалуйста, и чем скорее, тем лучше. Я боюсь.

– Чего ты боишься?

– Боюсь не вернуться обратно. Увези меня.

– Хорошо Синтаро. Завтра мы отправимся обратно. Рано утром.

Ночью пошёл дождь. В эту ночь Синтаро не сомкнул глаз, наблюдая за тем, как вода стекает по оконному стеклу. В доме было тихо, но он почему-то был уверен, что хозяин тоже не спит. Потом ему стало душно, он не знал, как открыть окно, и вышел на крыльцо, стараясь передвигаться как можно тише. Там он неожиданно столкнулся с Исао, тот сидел на

ступени и курил.

– Почему ты не спишь? – спросил Исао. – Если твои глаза будут воспалёнными, то Вайновский может что-нибудь заподозрить.

– Не думай о нём, он того не стоит. О предателях вообще не говорят.

– Я такой же предатель как Вайновский.

Синтаро долго глядел на то, как Исао молчит и курит. Сказать было нечего, он всё понял. Исао должен был сдать его властям, но он поступил, как повелело сердце, и потому переживал, увидев свой поступок со стороны. Он испугался оказаться изгоем, испугался тайны, которую отныне ему придётся хранить в себе. Так же, как и самому Синтаро.

– В сорок пятом году я попал в лагерь, меня осудили на пять лет, – тихо начал Синтаро.

– Ты сидел в России?

– Да, работал, валил лес. А попал туда, потому что... Ну, в общем, это не имеет отношения к тому, о чём я хотел сказать. Думаю, ты поймёшь меня. Там, в лагере я полюбил одну женщину. Она была старше, на много старше. И она меня тоже полюбила, а может, пожалела, но теперь это уже не так важно. Она была старше, намного старше, но для меня это не имело никакого значения тогда, да и сейчас. Русская женщина... наверное, ты сможешь понять это.

– Её дочь ты встретил?

– Её. Эта женщина спасла мне жизнь, я мог умереть там,

но она меня спасла. Я грезил вернуться во чтобы то ни стало домой, сюда. Был ещё старик один. Он принял меня как сына, хотя японские солдаты убили его жену, замучили на его глазах. Я его тоже любил. Потом я полюбил Россию. Не знаю как это вышло, я даже не заметил, как она вошла в меня. – Синтаро надолго замолчал, по новой переживая прожитую жизнь. – До этого в Японии, я любил одну девушку из Хиросимы. – Михаил замолчал, и обратил свой взгляд на Торо, тот понимающе кивнул и вздохнул. – Мне семнадцать было тогда, семнадцать лет. Мы хотели пожениться. И Японию тоже любил, хотя она меня не пожаловала, сослав на каторгу. Но я всё равно любил её, и продолжаю любить, и в то же время люблю Россию. Там сейчас мои дети.

Синтаро заглянул в глаза Исао.

– Как ты думаешь, я предатель?

– Ты не предатель. Прости меня, я испугался. Твоя история научила меня, спасибо тебе.

– Не за что.

Они ещё некоторое время помолчали, потом Исао поднялся и пошёл в дом: – Завтра рано вставать. Я разбужу тебя в семь часов. Мне надо заправить «Цуки Мару» топливом, наша «Луна» просто так не поплывёт. Так что, спи, пока не вернусь.

Команда уже была в сборе, опытный Кайташи, ровесник Исао, копошился с дизелем, а Минору, ровесник Кавагути, перекладывал снасти. Почти всё было готово к отплытию.

Их встретил свежий встречный ветер. Исао сначала переживал, что из-за этого ход шхуны будет замедлен, и потребуется больше топлива, чем он запланировал, но когда солнце поднялось над горизонтом, ветер ослаб и стал дуть уже со спины. Капитан повеселел, а вместе с ним и вся команда, включая Михаила. Несмотря на то, что спал он не больше двух часов, настроение было бодрое. В три часа капитан заглушил двигатель и лёг в дрейф. Для Михаила было непонятно, как Исао мог точно знать, что они пришли в то самое место, но когда на горизонте появилась точка, все сомнения отпали.

– Где твои пограничники? – спросил нервно Исао, поглядывая на приближавшийся траулер. – Что намерен делать? У тебя есть план?

– Плана нет, – сухо ответил Михаил. – Посмотрим.

– У вас русских всегда так, – недовольно высказался Тору. – Сначала делаете, потом думаете.

Синтаро усмехнулся, – щурясь от бликующей поверхности моря:

– На авось. Это называется «действовать на авось».

Тору недовольно отвернулся, угадать его мысли было невозможно, но то, что он волновался, это было видно. Когда суда поравнялись бортами, то несколько минут ничего не происходило, словно они приняховались друг к другу, опасаясь подвоха. Члены команд молча стояли каждый у своего рабочего места, в любую секунду готовые к непредвиденной

ситуации. Наконец, один из рыбаков «Запасного», так назывался русский траулер, словно узнав своего старого знакомого, крикнул:

– Кайташи, что за соляру ты залил? Дышать нечем. – Парня, как будто, не волновало, что Кайташи и половины слов не разобрал, но все дружно рассмеялись. Кайташи кинул швартовочный канат.

– Деньги при вас? – спросил Вайновский, оказавшись на борту «Цуки Мару». – У нас мало времени, рыба ждать не будет, и пограничники тоже.

– Ну, зачем же так спешить. Мы ждали вас столько времени, хотели угостить ваших друзей. Прошлый раз вы нас угощали, теперь мы, – Михаил учтиво показал в сторону общей каюты, где уже суетился Минору, разливая по чашечкам sake. – Не часто выпадает возможность поговорить с человеком из другого племени, но жизнь то у нас одна, не правда ли?

Вайновский долго стоял в раздумьях, явно не рассчитывая на японское гостеприимство. – Сначала покажите деньги, – сухо потребовал он, оглядываясь по сторонам.

– Ну что ж, деньги, значит деньги, – согласился Михаил, пожимая плечами. Пройдя в каюту капитана, он достал непромокаемую сумку на молнии, и ненадолго расстегнул её, при этом, по примеру Вайновского, тоже оглядываясь по сторонам. – Признаюсь, здесь не все, вы слишком большую сумму назвали. Если ваши карты действительно этого стоят,

а я должен ещё в этом убедиться, то за этим дело не станет. Мы заинтересованы в сотрудничестве с вами, господин Вайновский.

– Ладно, вы правы по своему, – наконец согласился Вайновский, поглядывая на повеселевших товарищей. – Будь по-вашему.

– Зовите, зовите своих товарищей, дело никуда от нас не уйдёт, разве не так? – успокоил Михаил – Ямагути. Буквально за несколько минут до швартовки у него возникла идея усадить всех за один стол, для этого потребовалось извлечь из холодильника Тору все запасы еды, в том числе и приправленное саке. Тору ещё не знал, во что выльется это предприятие, как и сам Синтаро, но с появлением этой неожиданной идеи он заметно повеселел, что было крайне важно для предстоящего дела. Да и сам Синтаро почувствовал особый импульс в теле. Это было состояние игры, и куда она могла вывести, уже было не так важно. Когда все были в сборе, заполнив всю кают-компанию, Синтаро попробовал одно из приготовленных лакомств, а потом предложил Вайновскому уединиться.

– Вы брезгуете нашими рыбаками, Ямагути? – спросил недовольно Вайновский.

– Дело не в брезгливости, а в соответствии. Мне просто не положено сидеть там. И вы это прекрасно знаете, – подыграл Михаил. – Предлагаю ознакомиться с картой.

– Там не одна карта, Их несколько.

– Почему же вы сразу этого не сказали?

– Вы откажетесь?

– Мы, японцы, не любим неожиданностей. У нас принято долго думать и проверять, и в этом нет ничего постыдного. Как у вас говорят, спешка нужна...

– Вы будете их смотреть? – нервно перебил Вайновский, остановившись у борта.

– Разумеется.

– Но сначала деньги, – потребовал Вайновский, когда они остановились, чтобы шагнуть на другое судно.

– Нет, – рассмеялся Михаил. – Сначала карты, мне же надо на них посмотреть. Вы что, чего-то опасаетесь? Что из-за угла выскочит подводная лодка, и тогда...

– Хорошо, будь по-вашему, – выдохнул Вайновский. Они перешли на палубу «Запасного», который во многом повторял очертания «Цуки Мару», разве что краска была поновей. Вайновский вновь остановился, словно преодолевал незримый внутренний барьер, было заметно его волнение; Синтаро не торопил и терпеливо ждал. Они спустились по крутой железной лестнице в жилой отсек, Вайновский завел его в одну из кают. Это была одноместная каюта с иллюминатором, под которым был небольшой стол, с двумя стойками, смонтированными в пол. В каюте было чисто, и немного душно от спертых запаха пота. На столе лежал вахтовый журнал, газеты, тетрадь, несколько фотографий, которые Вайновский сразу же убрал в шкаф, на полу лежала па-

ра гантелей, там же, под столом покоилась пачка старых газет. У правой стены находилась лежанка, наспех заправленная клетчатым одеялом, стена напротив была приспособлена под встроенный шкаф, откуда Войновский достал туго завязанный брикет, какие обычно сдают в макулатуру, и таких брикетов в шкафу было не меньше десятка, пожелтевших и пыльных. Газета на столе была развёрнута, словно её недавно читали, как догадался Михаил, – для видимости. Действительно, в плавании, долгими вечерами другого занятия, кроме как читать старые газеты, на судне найти трудно. Это был очень хитрый, и в то же время, простой ход. Секрет лежал под носом. Развязав один из брикетов, Вайновский стал разворачивать газеты, в них прятались ватманские листы четвёртого формата. Михаил сразу оценил это оригинальное решение – перед тем как украсть карты, Вайновский порезал их на части, в соответствии с размером газеты, рассортировав их по нескольким экземплярам, при этом уголки этих листов он склеил с самой газетой, чтобы листы случайно не выпали, даже если эти газеты разбросать. Под видом старой подшивки он и вынес их из института, и вероятнее всего, привёз на остров.

– Все листы пронумерованы, десять карт, по двенадцать листов в каждой газете. Всё смотреть не будем, – недовольно произнёс Вайновский, вынимая два листа из первой попавшейся газеты, и бросая их на стол.

– Это оригинал? – спросил Михаил, заглядывая в карту.

Он стал внимательно осматривать листы, пробуя их соединить друг с другом, умышленно низко наклонившись к столу. — А это что? — указал он пальцем в одну из точек. — Это знак соответствия с другим листом? — В каюте было темно, и Вайновский низко наклонился, чтобы разглядеть то, на что указывал Михаил, при этом сняв очки. Михаил какое-то мгновение рассматривал голый затылок, а потом что было силы ударил ребром ладони в основание черепа, и тут же обхватил рукой за шею, делая удушающий прием. Но Вайновский оказался на удивление крепким человеком, он сполз со столика на пол, а затем, оттолкнувшись ногами от стенки, придавил Михаила всей массой, неожиданно оказавшись сверху, одновременно высвободившись от захвата. Его глаза, странные и нелепые от того, что были без обычной оправы, растерянно смотрели на Синтаро, лицо его было бледным. Всей массой своего тела он навалился на противника, пытаясь подобраться цепкими пальцами к горлу. На секунду он ослабил хватку и полез в нагрудный карман куртки. У Синтаро не было сомнения, что там было оружие, в это время левая рука Синтаро нащупала одну из гантелей. Он со всего размаха ударил Вайновского в ухо, Вайновский качнулся в сторону, а потом завалился набок. Михаил вскочил, мгновенно перевернул его на живот, стянул с него ремень и туго связал кисти рук, потом сдёрнул с койки простыню и, порвав её на ленты, сделал верёвку, которой связал ноги. Остатки пошли на кляп.

Переведя дух, он поднялся на палубу и прислушался к происходящему: у Тору продолжалось братание. Он незаметно скинул швартовочный канат с кнехта, а потом так же бесшумно прошёл в рубку. Там у штурвала в наушниках спиной к нему сидел молодой паренёк и, наверное, слушал радио. Михаил спрятался за переборку и стал ждать. Через минуту борта судов разошлись, и между ними образовалась небольшая брешь. Сердце стучало в висках как отбойный молоток. Даже борьба с Вайновским так не измотала, как это ожидание. Его буквально трясло от волнения. Неожиданно парень вскочил и отбросил наушники. Михаил мгновенно среагировал. Подскочив к нему со спины, он подсёк его колени, надавив на них ступнёй. Парень опустился на пол, Михаил ухватил его за волосы и повалил как куклу.

– Только не рыпайся, – произнёс он прямо в ухо. Если крикнешь, убью. – Михаил приставил к его виску пистолет, который нашёл в нагрудном кармане Войновского. Это был маленький дамский пистолет, очень похожий на зажигалку, но выяснять, что это было на самом деле, он не стал. – Слушай меня сынок. Вайновский работает на японскую разведку, я здесь, чтобы его арестовать, – произнёс он негромко. – Тебе ничего не будет, если поможешь мне.

Траулер уже успел отойти на приличное расстояние, и была гарантия того, что никто не захочет прыгать с борта на борт. При этом Михалыч полагался на то, что у Тору хватит ума подыграть. Так оно и вышло. Когда обнаружилось,

что «Запасной» отшвартовался, все стали бегать по палубе и кричать. В это время «Цуки-Мару» дала задний ход и отошла ещё дальше. Не полагаясь на этот запас пространства, Михаил спросил у парня: – Кто в машинном? Остался кто-нибудь на судне?

– Нет там никого, – с трудом произнёс парень, поскольку положение его головы было очень неудобным. – Только я один на «Запасном».

– Послушай меня. Как тебя зовут?

– Миша.

– Замечательно, я тоже Миша, фамилия моя Куан Ли, отчество Михайлович. Мы с тобой тёзки. Ты обязан мне помочь. Твоим дружкам ничего не будет, обещаю. Если сотворишь глупость, то пощады не жди, надеюсь, ты понимаешь, что я не шучу. Я могу уложить всю вашу команду, но тогда кто-то обязательно погибнет. А я не хочу, чтобы наши ребята гибли из-за какого-то подонка и предателя.

– Витёк – предатель?

– Да, ваш Витёк оказался предателем. Он похитил секретные карты, и хотел продать японцам. Они в каюте Вайновского, потом покажу.

– Что мне делать? – спросил парень растерянно, когда Михаил немного ослабил захват.

– Нам надо отвести судно на безопасное расстояние и выйти из этого сектора. Здесь могут проходить японцы, и тогда у нас появятся проблемы. Сделаешь? Не подведёшь?

Паренёк растерянно кивнул. – Давай сынок, действуй, – скомандовал Михаил, поднимая свою жертву с колен. Он знал, что сильно рискует, но риск этот был оправдан. Оставалось только ждать. Траулер вздрогнул. Испуганно поглядывая на Михаила, парень перевёл ручку управления на полный ход, и они стали быстро отдаляться от «Цуки Мару». Михаил одобряюще кивнул, а потом снова спустился в каюту. Вайновский, по-прежнему, лежал на полу, и всё ещё был без сознания. Ухо его было синим от удара, но крови было немного. Михаил пощупал его пульс, потом собрал раскиданные газеты, сложил их обратно в брикет, с которым вернулся на капитанский мостик.

– Ты радировать сможешь? – спросил Михаил, пытаясь разглядеть, что происходит на борту у Тору.

– Так я радист. А кому радировать?

– Нашим, конечно.

– На общей волне?

– Да, на общей, капитану Сапожкову.

– Это на «Сторожевой»?

– Да на «Сторожевой». Рыбу поймали, икра в полной сохранности. Всё понял? Давай, действуй Миша.

Михалыч уже не сомневался, что этот парень его не подведёт, он принял штурвал, продолжая идти заданным курсом. Судно немного повиляло, но постепенно выровняло ход, позади в четверти мили, тем же курсом шло «Цуки Мару». Дело было сделано, он возвращался домой, в Россию.

Поезд дружбы.

Он не часто оказывался в городе, и всякий раз делал это с большой неохотой. Из чистого воздуха, тишины – да в пыльные шумные улицы. Всякий раз, оказываясь среди шума и толкотни, Михалыч замечал, как меняется его настроение и отношение к происходящему – всё казалось нарисованным и выдуманым, но не настоящим.

В этот ранний час вокзал был пустынным, на лавочках сидели работники вокзала и о чём-то беседовали; у кассы стояли несколько человек в ожидании открытия заветного окна. Он занял очередь и вышел на перрон. На первом пути стоял длинный состав, и первое, что его поразило, это спящие вокруг азиаты, в основном, молодые девушки. Это были японцы. Сначала Михалыч ничего не понял – почему, откуда, куда... Целый состав японских студентов. Это было так необычно, что он даже забыл о билетной кассе и очереди.

– Кто такие? – спросил он у милиционера армянина, скупавшего до этого. Вместо ответа милиционер сказал: – Здесь нэльзя находытця. Прощю покинут тэрриторью пэрона.

– Это почему нельзя? – лукаво спросил Михалыч, озираясь по сторонам. – Где написано, что нельзя?

Его задело необоснованное предложение блюстителя порядка, пусть даже с горячей кавказской кровью.

– Нэльзя. Нэ видыщ, иностранци. Ваши докумэнты.

– А... Ну если так, то, пожалуйста.

Михалыч протянул ему свое удостоверение. Восточный страж с удивлением взглянул на него и с недовольной физиономией вернул.

– Это студэнты из Японии. Дэлэгация в Москву, будут на поездэ ехат по нашей странэ.

Михалыч уже не слышал того, что говорил милиционер, а лишь пытался охватить взглядом весь длинный перрон, который незаметно наполнялся японской молодёжью.

– Но как? Как это может быть? – спросил он, понимая, что и сам милиционер вряд ли знает правильный ответ.

– Перэстройка, газеты пишют, – коротко ответил милиционер, почему-то вздохнув.

От происходящего Михалыч растерялся, в горле пересохло. Повсюду он слышал знакомую до боли речь, родной язык, девушки восторженно кричали из открытых окон вагонов своим подружкам, бегающим по перрону, все фотографировались, смеялись и улыбались. Здесь же в нерешительности толпились и русские студенты, скорее всего возвращавшиеся с практики. Судя по множеству холстов и этюдников, которыми был заставлен перрон, это были будущие художники. Милиционер пытался воспрепятствовать общению молодёжи, но было видно, что его никто не боялся и не слушал. Кто-то из них уже подошёл вплотную к окнам и напрямую общался с японскими девушками, те словно ягоды, красные от волнения и радости, выглядывали из открытых окон и что-

то восторженно говорили и смеялись. Рядом на перроне под ногами студентов крутился рыжий остроухий пёс неопределённой породы, вероятно принадлежавший одному из студентов, загорелому парню с фотоаппаратом в руках. Тот снимал японок, которые с удовольствием позировали и бросали собаке лакомства. Пёс ловил угощение на лету, не обращая внимания на хозяина, тому, вероятно, это нравилось. Неожиданно он дал команду, и собака почти без разгона махнула прямо в окно. Это было так неожиданно, что всё купе взорвалось криками восторга. Окно было на большой высоте, но пёс так легко преодолел её, словно до этого проделывал трюк каждый день. Трудно было сказать, что собака делала внутри, но через минуту она выскочила из вагона, уже из двери, а вслед за ней высыпали и несколько девушек. Пёс бесцеремонно бегал вокруг них как самый закадычный друг, лаял, ластился и даже исполнял команды. Хозяин брал из рук девушек лакомство, и клал его на нос собаки, та ждала команды, и так могла сколько угодно держать на носу это лакомство, при этом парень отходил на несколько метров, делая вид, что забыл про неё, а она недвижимо сидела и ждала. Девушки взрывались в эмоциях не в силах пережить этой драмы, им казалось, что это невозможно – столько ждать, но собака ждала, даже не виляя хвостом. Самый большой восторг был, когда она слышала команду, и кусочек мгновенно исчезал у нее в пасти. Делала она это виртуозно, и публика ещё больше взрывалась в восторге. Михалыч так увлёкся

зрелищем, что не заметил появления руководителя всей этой делегации, это была рослая блондинка, судя по поведению опытная и жёсткая, она стала громко отдавать распоряжения на японском языке, что пора собираться, и скоро поезд тронется. Молодёжь стала стекаться у своих выходов, кто-то махал руками, прощаясь, а некоторые даже плакали. Было удивительно видеть, как за какие-то полчаса молодые люди успели сблизиться и подружиться. Парни пожимали руки, девушки обнимались и обменивались адресами, и никто им в этом не препятствовал. Это было необычное зрелище, потрясшее Михаила до глубины души.

– Откуда они, дочка, – спросил он, когда блондинка проходила мимо.

– Студенты из Японии в Москву, поезд дружбы через всё страну, – ответила она заученно и не останавливаясь. Она скрылась в здании вокзала и через минуту вывела оттуда ещё несколько студенток, журила их, а те явно чувствовали себя виноватыми.

Потом раздался гудок, люди мгновенно растворились в вагонах, перрон опустел, остались лишь несколько студентов художников, всё ещё общавшихся у окна. Там же крутился рыжий пёс по кличке Барик, с которым, вероятно, успели познакомиться все.

Когда состав ушёл, стало до необычности тихо и тоскливо, на перроне всё ещё находились художники, обсуждавшие произошедшее. Похожий на красного волка пёс Барик, как

ни в чём не бывало, крутился рядом, по привычке выпрашивая у девушек что-нибудь вкусное. Михалыч немного понаблюдал, а потом пошёл в кассу, там была его очередь, и быть может, давно прошла.

«Что же это было?» – спрашивал сам себя Михаил, идя от вокзала с купленным билетом, и обдумывая минувшее событие. Он понимал, что это была не просто случайная встреча с земляками, это был знак, который должен был ему что-то подсказать. Волнение все еще не уходило. Михаил почувствовал, что нуждается в совете, в том, чтобы поделиться пережитым. Он перебрал в памяти всех, кого бы мог увидеть в этом городе, – из близких были только Вязов и Володька. Вязов, который уже был на пенсии, в данный момент отдыхал в санатории, оставался Изаму.

Он быстро нашёл телефон-автомат и набрал номер. Володька оказался дома. – Приезжай, жду тебя, – коротко ответил тот и повесил трубку.

– В который раз приезжаю к тебе, Китамура, и никак не могу застать твою женскую половину, – пожаловался Михаил, снимая обувь в маленькой прихожей. Володька сухо рассмеялся. – Ты бы ещё реже приезжал, Миша.

– Работа, ничего не поделаешь.

– Скажи ещё, старость, тогда точно поверю.

Они дружно рассмеялись и крепко обнялись. Потом сидели на маленьком балконе с видом на залив, вокруг шумели листьями пирамидальные тополя, дом словно прятался в их

высоких кронах.

– Значит, проснулся, говоришь? Увидел японских студентов и очнулся ото сна, – сказал Изаму, блуждая прищуренным взглядом среди бесконечной водной дали. – Родина знак подала?

В словах Изаму и в интонации голоса не было никакой иронии, но Михаила всё равно задело.

– А тебя не тянет домой?

– Прости, если что не так сказал. Не хочу я поднимать эту тему. Жизнь идёт своим чередом.

– Она проходит! Неужели ты не видишь? Посмотри на нас, мы стали седыми, а всё ещё прячемся. Как те пацаны во дворах, что играют в казаки-разбойники. Не видел? Игра такая. Кто-нибудь спрячется, разбойник, а казаки ищут. Ищут, ищут, а потом бросят, и пойдут по домам, пирожки с чаем жрать. А этот чудака всё сидит где-нибудь в бочке, довольный тем, что его не могут найти, сочиняя в башке, как его ищут, и какой он хитрый. Вылезет в потёмках, а понять не может, что игра давно закончилась, и про него забыли. А все, потому что он поверил в неё, понимаешь? Это мы с тобой Володя. И нас давно никто не ищет, и никому мы с тобой не нужны со своими липовыми именами. Нас с тобой сорок лет назад так же вот включили в игру, а мы и рады были. Да я не жалею, нет. И, слава богу, что так вышло. Но не пора ли проснуться? Жить свою жизнь.

– А ты знаешь её, свою-то? И как её жить.

– В том-то и дело, что не знаю. Но дальше так больше не хочу, не вижу смысла. Мне что скрывать? Скажи! Мне надоело жить в легенде, как в той бочке. Сегодня я был среди японских студентов, а они меня даже не заметили, словно меня нет. Посмотри, как всё изменилось, время пришло, Изаму.

– Не кричи, могут услышать соседи, я для них Владимир Иванович.

– Да знаю, – махнул рукой Михаил. – У медведя все песни про мёд.

– Это у тебя все песни про мёд.

– Это почему?

– Ведь ты же у нас Мишка.

Они дружно рассмеялись, но Михаил неожиданно замолчал.

– У тебя найдётся несколько листков белой бумаги и чем писать.

– Бумага? Вроде есть. Что ты задумал?

– Увидишь.

Пока Владимир копошился на кухне, собирая поесть и закусить, Михаил уединился в детской, некоторое время разглядывая фотографии над столом: на снимках были озорные девчушки, дочери Изаму. Обе они мало чем напоминали японок, светленькие с вьющимися волосами на тоненьких длинных ногах, они были уже русскими. Наконец, он оторвался, и стал писать. Первое время было непривычно, даже

страшновато, писать иероглифами, и пришлось испортить два листка, прежде чем появился стиль и ровность столбцов.

«Обращаюсь к вам с просьбой, рассмотреть моё дело. Волею судьбы я был несправедливо осуждён...»

Подумав, Михаил скомкал лист и бросил его на пол, потом надолго ушёл в себя. Идея, посетившая его на вокзале, выглядела страшной и фантастической. Он решил написать в японское консульство, держа в уме одного из своих старых дружков по руднику Мишку Черепкина, который последнее время ударился в коммерцию и возил из Японии товары. Минувя все инстанции, он мог передать это письмо куда надо. «Тоже ведь Мишка», – поймал себя на мысли Михаил. «С кем ни столкнёшься, одни тёзки, одни медведи. Россия». Он вздохнул и снова начал писать.

«Прошу рассмотреть мою просьбу, я родился в Японии, и до семнадцати лет проживал в Японии. В сорок пятом году меня арестовали за участие...»

Он снова отбросил ручку и задумался, поймав себя на том, что многое из его прошлого потеряло для него смысл. Оно не перестало быть в памяти, но уже не волновало его как раньше, не вызывало тех трепетных переживаний, от которых когда-то щемило сердце. Это было прошлое, потерявшее для него цену, и единственное, что имело для него смысл, было настоящее – его жизнь, работа, близкие люди.

Его позвал Владимир. На кухне звучало радио, шла «Встреча с песней», из окна по-прежнему доносился лёгкий

шум ветра, звучали детские голоса, цокали каблучки по асфальту, и у Синтаро возникло ощущение нереальности происходящего, словно всё это было сон. Потом они ужинали, Владимир пил водку, а гостю наливал вино. Он был озадачен идеей друга и много молчал.

– Если решил, то доводи до конца, Миша. Но я в этом деле не помощник, и честно скажу, что не понимаю тебя. Столько времени прошло. Но если ты решил...

– И на этом спасибо Володя. – Они снова чокнулись. – Давай, за нашу с тобой молодость, за то время. За...

– За родину, Миша.

Солнце уже было готово спрятаться за горизонт, едва освещая стены комнаты. Синтаро вновь взялся за бумагу и, не размышляя, стал писать:

«Я Идзима Синтаро...

От автора:

Больше двадцати лет назад я услышал историю о Синтаро. Её мне поведал мой друг Игорь Прахов, приёмный сын Михаила Ван Куан Ли, которого до семнадцати в Японии знали как Иидзима Сунтаро, пропавшего без вести в 1945 году где-то на севере Корейского полуострова. Буквально по крупицам приходилось собирать сведения, чтобы проявился хоть какой-то образ этого необычного и таинственного человека. Вместе с этим вырисовывался и образ того времени, в котором жил герой. Незаметно появились очертания романа, и

по мере накопления информации, уверенность, что он будет написан. Появлялись и люди, которые хорошо знали дядю Мишу как близкого человека, неожиданно оказавшегося для всех героем, и к тому же разведчиком. Благодаря им, появлялись детали, без которых не может состояться ни одно художественное произведение. И как автор, взявший на себя ответственность перед читателем, как впрочем, и перед самим Иидзима Сунтаро за всё, что написал, я хочу выразить слова благодарности всем людям, кто помогал мне, ждал, и верил в результат:

Игорю Прахову, Михаилу Черепкину, Андрею Донченко, хорошо знавших Михаила Ван Куан Ли... Благодарю московское издательство «Белые альвы» и его директора Светлану Удалову, приложившую немало энергии в работе над книгой, а так же Фёдора Маливанова, совершенно бескорыстно сделавшего обложку для будущей книги. Хочу так же вспомнить Елену Русакову, редактора журнала «Роман-газета», одну из первых, кто увидел всё повествование как состоявшийся роман. Столь же значительным был вклад переводчицы японского языка Галины Ковалёвой, взявшей на себя роль эксперта по японской тематике.

Благодарю Вячеслава Кулакова, российского актёра театра и кино, чьи критические замечания и профессиональ-

ная поддержка во время совместного написания сценария к будущему фильму, во многом определили основную канву романа, характер сюжетов и героев.

Мы все сделали одно большое дело, привнеся свой вклад в развитие русской культуры, сохранение истории, и процветание нашей Великой России.

Роман написан, с уважением, Дмитрий Ефремов.

Дубна, февраль 2018 г.